ЭНЦИКЛОПЕДІЯ

СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

ИЗДАНІЕ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

орд. акад. И. В. Ягича.

Выпускъ 5.2.

О. Брокъ. Очеркъ физіологіи славянской рѣчи.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1910.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Іюль 1910 года. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*

СОДЕРЖАНІЕ.

Очеркъ физіологіи славянской рѣчи.

ВВЕДЕНІЕ.

За предложенную мнѣ въ свое время задачу, написать для Энциклопедіи Славянской Филологіи очеркъ физіологіи славянской рѣчи, я взялся не безъ колебаній и лишь по настоятельнымъ просьбамъ съ разныхъ сторонъ. Мои сомнѣнія на счетъ своей пригодности къ важной и сложной задачѣ и теперь, при окончаніи работы, еще далеко не устранены. Задача требуетъ не только подготовленности по разнымъ вопросамъ физіологіи рѣчи вообще, но также столь широкихъ и спеціальныхъ познаній по произношенію разныхъ живыхъ славянскихъ языковъ, что ихъ трудно пріобрѣсти и для славянина, а тѣмъ паче для неславянина. При томъ мое знакомство съ произношеніемъ тѣхъ славянскихъ нарѣчій, фонетика которыхъ служитъ главнымъ матеріаломъ для настоящей работы, довольно разнообразно — по времени его пріобрѣтенія, по цѣли, для которой оно пріобрѣталось, по объему свѣдѣній (ср. приложеніе 1). Большія затрудненія причиняло, между прочимъ, и то обстоятельство, что обработка матеріала происходила далеко отъ крупныхъ научныхъ центровъ и отъ славянскаго міра, — въ Христіаніи. Книжный матеріалъ по славяновѣдѣнію здѣсь довольно скуденъ, что придется принять въ расчетъ, если окажется, что кое-что, даже немаловажное, ускользнуло отъ моего вниманія. Важнѣе однако то, что мнѣ здѣсь невозможно было пополнять изъ живого произношенія кой-какіе пробѣлы, которые непремѣнно обнаруживаются при окончательной обработкѣ столь разностороннихъ явленій, а особенно тамъ, гдѣ знакомство съ нарѣчіемъ было лишь бѣгло, или гдѣ приходилось полагаться не на письменный матеріалъ, а на память.

Все это заставляетъ смотрѣть на мою работу, какъ на скромный опытъ, требующій по мнѣнію самого автора несомнѣнно много дополненій, а можетъ быть и поправокъ.

Конечно, никто не ждетъ найти въ этомъ очеркѣ собраннымъ и научно обработаннымъ весь тотъ огромный звуковой матеріалъ, который имѣется во всемъ славянскомъ мірѣ, со всѣми оттѣнками въ безчисленныхъ нарѣчіяхъ. Уже давно для работъ по звуковой физіологіи признано золотое правило, что въ концѣ концовъ лишь собственныя наблюденія имѣютъ настоящую цѣну; это сильно ограничиваетъ тотъ матеріалъ, который отдѣльный наблюдатель можетъ ввести въ рамку своего изложенія. Но даже изъ того матеріала, который я лично собралъ и обработалъ, лишь извѣстная часть могла помѣститься въ настоящей работѣ. Для общеполезнаго и не слишкомъ пространнаго изложенія, какъ отражаются въ моемъ слухѣ и пониманіи главныя черты физіологіи славянской рѣчи, нужно было сосредоточиться на болѣе извѣстныхъ, легче всего доступныхъ типахъ, которые могутъ служить представителями разныхъ группъ или условныхъ единицъ этого громаднаго міра (русской, польской и т. д.). Естественнымъ для этой цѣли объектомъ представляется говоръ «интеллигенціи». Изъ обыденной рѣчи образованныхъ людей обыкновенно можно узнавать главныя линіи произношенія, характеризующія группу (единицу) какъ таковую. Установить эти главныя линіи для разныхъ единицъ и сравнить ихъ, подчеркивая — прямо или косвенно — ихъ параллельность или разницу, вотъ что представляетъ собой руководящую мысль моего изложенія. Въ такой обработкѣ, матеріалъ и обобщенія даютъ основаніе для дальнѣйшихъ сравненій, съ одной стороны, съ физіологіей рѣчи другихъ арійскихъ языковыхъ группъ, съ другой стороны, съ нарѣчіями и говорами отдѣльныхъ славянскихъ областей.

«Рѣчь образованныхъ» впрочемъ, какъ извѣстно, довольно неопредѣленное понятіе. Въ иныхъ славянскихъ единицахъ оно тѣмъ менѣе опредѣленно, что національная умственная и литературная жизнь, среди которой такой говоръ расцвѣтаетъ, еще молода и отчасти не очень развита. Граница между «рѣчью образованныхъ» и «народнымъ говоромъ» становится въ такомъ случаѣ такъ неясной, что изложеніе первой по неволѣ близко совпадаетъ съ изложеніемъ второго; нужно, конечно, въ такомъ случаѣ обратить особенное вниманіе на то, на какой діалектической основѣ выросъ тотъ идіомъ образованной рѣчи, изъ основныхъ чертъ котораго мой матеріалъ почерпнутъ.

Немалыя колебанія въ произношеніи отдѣльныхъ личностей, свойственныя нерѣдко именно рѣчи образованныхъ — для русскаго ср. замѣтки Томсона, Общее Языковѣдѣніе стр. 102 и стр. 216, и Чернышева, Законы и Правила русск. правописанія, 2 изд. § 1 — не могутъ, понятное дѣло, входить въ нашъ трудъ. Но это по нашему не въ ущербъ изложенію вродѣ настоящаго; оно какъ разъ должно стремиться къ устраненію ряда подробностей

и особенностей, чтобы по возможности сосредоточить вниманіе на самыхъ существенныхъ общихъ чертахъ. Стараніе сократить и такъ уже крупный объемъ труда и желаніе окончить работу къ сроку заставили меня, кромѣ того, обойти также извѣстныя общія стороны нашего предмета, напр. систематическій обзоръ разныхъ указанныхъ для славянскихъ языковъ замѣнъ и измѣненій звуковъ (ассимиляцій, редукцій и под., особенно въ согласныхъ), съ классификаціей проявляемыхъ въ нихъ физіологическихъ явленій.

Предпосланныя замѣтки по общей физіологіи рѣчи и звукообразованію составлены съ той цѣлью, чтобы подчеркнуть въ сжатомъ видѣ лишь самые нужные моменты и прежде всего тѣ общепризнанныя явленія и заключенія, которымъ слѣдуетъ, по моему, придать особенное значеніе для пониманія звукового строя славянской рѣчи. Въ остальномъ предполагаемъ у читателей извѣстное знакомство съ выводами, до которыхъ дошла наука объ общей физіологіи рѣчи; руководства, удобныя для пріобрѣтенія такого знакомства, какъ и вообще литература нашего предмета и употребляемыя сокращенія, указаны — насколько дѣло не выяснится само собою во время чтенія — въ приложеніи 2.

Далѣе нужно предположить у читателей также извѣстное (хоть книжное) знакомство съ отдѣльными славянскими идіомами, съ главными чертами ороографическаго обозначенія этихъ идіомовъ, и съ принятой въ научныхъ работахъ передачею или перемѣнами въ этомъ же обозначеніи. Какъ бы ни казалось, съ перваго взгляда, заманчивымъ и цѣлесообразнымъ перелить всѣ разновидности радикальнымъ образомъ въ одну, новую транскрипціонную систему, но чѣмъ болѣе углубляемся въ излагаемый здѣсь предметъ и въ самый вопросъ о транскрипціи, тѣмъ сильнѣе становится, по крайней мѣрѣ у меня, убѣжденіе, что цѣлесообразнѣе поступать какъ разъ на оборотъ. Употребляемую мною транскрипцію не трудно критиковать не съ одной только точки зрѣнія; отстаиваю ее пока лишь субъективнымъ убѣжденіемъ, до котораго довела меня обработка самого матеріала; руководствующимъ принципомъ стало въ сущности желаніе оставаться по возможности при уже извѣстномъ и принятомъ и обходиться, такимъ образомъ, возможно меньшимъ числомъ нововведеній. Что число послѣднихъ тѣмъ не менѣе — не малое, разумѣется само собой. Самымъ неудачнымъ образомъ моя транскрипціонная система проявляется, быть можетъ, въ «удареніяхъ»; но съ тѣми познаніями, которыя я, по выше сказанному, долженъ предположить у читателя, я не боюсь, чтобы сохраняемые мною изъ другихъ работъ знаки (для сербскаго ̏ ̑ ́ ̀, для сло-

венскаго ′ ‵ ^, для прочихъ языковъ, съ однимъ только видомъ «ударенія», вообще ′ — исключая, какъ увидимъ, чешскій) вводили въ заблужденіе.

Избранные мною транскрипціонные пріемы и знаки, насколько они не извѣстны уже изъ любого научнаго сочиненія, объясняются вообще сами собой при чтеніи очерка. Обратимъ здѣсь предварительно вниманіе лишь на нѣкоторыя черты. Маленькія буквы (ⁿ, ᵉ, ᵘ) обозначаютъ звуки, редуцированные, по сравненію съ обыкновеннымъ звуковымъ составомъ идіома, въ количественномъ отношеніи настолько, что имѣютъ характеръ «переходнаго» элемента. Подставленное ˬ (ə̥, l̥ и т. д.) обозначаетъ безголосность нормально голоснаго звука. Гдѣ слѣдуетъ отмѣтить «переднее» или «заднее» («высунутое» — «оттянутое») оттѣненіе звукообразованія, пользуюсь для перваго ⊢ (напр. u⊢, š⊢), для второго ⊣ (напр. ⊣š, ⊣y), выходя изъ предполагаемаго положенія головы съ лицомъ на право (→). Для обозначенія главнаго и побочнаго (экспираторныхъ) удареній, гдѣ нужно или гдѣ удобно избавиться отъ знака ′, пользуюсь вслѣдъ за Есперсеномъ (и Педерсеномъ въ его описаніи чешскаго произношенія) знаками ˈ и ˌ передъ слогомъ, напр. ˈvětvičˌkách.

Порядокъ моего изложенія подсказанъ практическими соображеніями; однако надѣюсь, что для того, кто предпочитаетъ читать синтетическую часть (главу пятую) раньше аналитической, это не будетъ сопряжено съ особенно большими затрудненіями.

I. ЗАМѢТКИ ПО ОБЩЕЙ ФИЗІОЛОГІИ ЗВУКООБРАЗОВАНІЯ.

1. Для нормальнаго произведенія звуковъ служитъ въ славянскихъ, какъ и въ прочихъ индоевропейскихъ языкахъ, исходящій изъ легкихъ, для рѣчи извѣстнымъ образомъ регулированный выдыхательный токъ. Этотъ токъ видоизмѣняется въ гортани и въ полостяхъ рта и носа на разныхъ мѣстахъ и разнымъ образомъ. Главными видоизмѣняющими органами служатъ въ гортани настоящія голосовыя связки, надъ гортанью нёбная занавѣска, языкъ и губы. Эти разные органы дѣйствуютъ вполнѣ независимо другъ отъ друга. Они всѣ принимаютъ участье при образованіи каждаго звука рѣчи, будь это участье въ отдѣльномъ случаѣ активнымъ или пассивнымъ; сознаніе этого обстоятельства важно для яснаго пониманія образованія отдѣльныхъ звуковъ, сочетаній звуковъ и являющихся въ жизни языковъ звуковыхъ измѣненій.

Описаніе устройства и функцій органовъ рѣчи съ рисунками, кромѣ разныхъ западныхъ учебниковъ и пособій, см. напр. у Томсона, Общ. Яз. 139 сл.; у Новаковича, Физ. Гласа, стр. 9 сл. Обзоръ существенныхъ моментовъ при образованіи звуковъ, особенно въ русскомъ языкѣ, въ «Очеркахъ» Богородицкаго, стр. 30 сл.; ср. его-же Русск. Грам. (Казань 1907), стр. 7 сл., съ рисунками говорильнаго аппарата. О различіи между выдыханіемъ «простымъ» и «фонаціоннымъ» см. тамъ же, стр. 9; его же «Наблюденія посредствомъ мышечнаго чувства», стр. 3. О томъ же въ статьѣ Булича «Фонетика» (Энц. Слов. Брокгауза и Эфрона), дающей хорошее сжатое изложеніе о главныхъ чертахъ функцій органовъ рѣчи.— Каждый звукъ состоитъ изъ группы артикуляціонныхъ работъ: см. Русск. Грам. Богородицкаго стр. 16. Есперсенъ, особенно подчеркивающій эту сторону звукообразованія, постройку «звука» изъ ряда выдѣляемыхъ путемъ наблюденія элементовъ, основалъ на ней свою попытку аналфавитнаго обозначенія звуковъ, слѣды котораго находимъ въ описаніи чешскаго произношенія соотечественникомъ Есперсена, Педерсеномъ [1]).— Объ ухѣ и его функціи см. у Томсона, Общ. Яз., стр. 132 сл.

2. Различаемъ слѣдующія главныя положенія голосовой щели.

а) Щель широко открыта; выдыхательный токъ проходитъ безъ (явно) слышнаго тренія.

б) Щель открыта во всю свою длину, но съужена настолько, что выдыхательный токъ вызываетъ слышное треніе въ узкомъ проходѣ, однако не приводя еще голосовыхъ связокъ въ дрожаніе («гортанный фрикативный»).

в) Задняя часть щели, «хрящевая щель», открыта, передняя часть, «связочная щель», закрыта (Techmer) или частью открыта (Grützner). Выдыхательный токъ вызываетъ шумъ тренія, не различающійся существенно отъ шума при положеніи б). Описываемое положеніе — нормальное для шептанія; при болѣе слабомъ шопотѣ щель однако можетъ быть открытой и во всю длину (Сиверсъ 81 сл.).

г) Голосовыя связки настолько приближены другъ къ другу, что выдыхательный токъ въ связи съ эластичностью связокъ приводитъ ихъ въ тоническое дрожаніе («голосъ», звуки «голосные» или «звонкіе»).

д) Щель во всю длину закрыта, такъ крѣпко, что выдыхательный токъ задерживается; нѣтъ вообще звука, пока щель не открывается. Закрытіе даетъ гортанный затворный согласный, при мгновенномъ открытіи котораго слѣдуетъ «гортанный взрывъ»; то и другое вмѣстѣ представляетъ собой образованіе параллельное звукамъ вродѣ t, k и играющее роль также въ славянскихъ языкахъ (см. **157**, **161** сл.).

Итакъ, гортань относится къ звукообразованію то пассивно (а), то активно (б — д). Активное участіе выражается въ образованіи 1) голоса,

---

[1]) Далѣе у Фринты. Корр. нота.

2) извѣстныхъ другихъ шумовъ. Подъ 2) различаемъ опять, съ одной стороны, шумъ, замѣняющій въ извѣстныхъ случаяхъ голосъ, т. е. шептаніе; съ другой стороны шумы, являющіеся самостоятельными «согласными» звуками (треніе, затворъ со взрывомъ) — въ различіе отъ шопота, который наравнѣ съ «голосомъ» выступаетъ въ роли субстрата извѣстныхъ звуковъ, гласныхъ и согласныхъ. Подчеркнемъ, что треніе шопота замѣняетъ моментъ голоса нормальной рѣчи. Нужно принципіально различать звукъ шопотный отъ звука безголоснаго; произнося шопотомъ, напр., слово «стать», гортань лишь въ «а» занимаетъ физіологически положеніе шептанія; въ прочихъ, по природѣ «безголосныхъ» звукахъ, гортань при шептаніи занимаетъ то же самое положеніе, что при нормальной, не шопотной рѣчи, положеніе, описанное подъ а).

Данныя приведеннаго схематичнаго обзора положеній голосовой щели нельзя считать ни абсолютными, ни абсолютно разграниченными. Напр., треніе слышное подъ б), можетъ являться при разныхъ степеняхъ съуженія, смотря по силѣ выдыхательнаго тока (ср. 4). Подъ положеніемъ г) сближеніе голосовыхъ связокъ можетъ доходить до того, что края иногда мгновенно соприкасаются; но этого не нужно для вызыванія тоническаго дрожанія. «Голосъ» выступаетъ въ разныхъ «регистрахъ», въ зависимости частью отъ личностей (женщина — мужчина, взрослый — ребенокъ), частью отъ настроеній. — Переходныя ступени особенно важны между положеніями б) [и в)] съ одной стороны и г) съ другой. На границѣ лежитъ тутъ такъ называемое бормотаніе, «Murmelstimme» (Сиверсъ 84 сл., Томсонъ, Общ. Яз. 167). Оно выступаетъ при менѣе энергичной артикуляціи голоса; неполное смыканіе голосовой щели позволяетъ выдыхательному току, одновременно со слабо звучащимъ голосомъ, вызывать еще болѣе или менѣе сильный шумъ тренія, какъ и при положеніяхъ б) и в). Такое смѣшанное образованіе можетъ, конечно, вообще замѣнять полный голосъ, какъ редуцированный оттѣнокъ послѣдняго; но оно выступаетъ также, вѣроятно въ видѣ упомянутой Чермакомъ (Wiener Sitz. Ber., Mathem.-naturw. Kl. LII, 630) артикуляціи гортани, въ качествѣ характерной примѣты звуковой категоріи на славянской почвѣ; укажу на описаніе чешскаго и малорусскаго «h», «звонкаго h», ниже 51 сл.

Разныя положенія голосовой щели въ схематичныхъ рисункахъ, см. напр., у Томсона Общ. Яз. стр. 144. О постройкѣ и физіологіи гортани, съ иллюстраціями, укажемъ вообще на извѣстное сочиненіе Grützner'а, Physiologie и т. д. О роли гортани въ рѣчи очень поучительно изложеніе, съ богатыми данными и сравненіями, у Есперсена, Lehrbuch 67 сл.; подробно и поучительно также у Сиверса, 89 сл. и 172 сл. — О роли шопота какъ замѣстителя голоса см. у Богородицкаго,

Русск. Грам. стр. 10; ср. Томсонъ, Общ. Яз. стр. 146, гдѣ однако различіе между согласными «глухими» и «звонкими» при шопотѣ понято не вполнѣ правильно. О разныхъ родахъ шопота у Свита (Handbook) и по нему у Сиверса 81 сл.; ср. еще статью Olivier «De la voix chuchotée» (La Parole 1899, стр. 20 сл.).—Грудныя ноты: фальцетъ, см. у Grützner'а Physiologie, стр. 89 сл., у Томсона, Общ. Яз. стр. 145.— Голосъ рѣчи: голосъ пѣнія, см. Сиверсъ 79, Есперсенъ, Lehrbuch, стр. 73.

3. Движенія нёбной занавѣски несложны: поднимаясь вверхъ и взадъ, къ задней стѣнкѣ зѣва, или спускаясь внизъ, она то закрываетъ, то открываетъ носовую полость для выходящаго изъ гортани выдыхательнаго тока. При проходѣ этого тока цѣликомъ черезъ носъ, т. е. если носъ открывается а ртовый каналъ гдѣ-нибудь затворяется, звукъ становится «носовымъ»; при проходѣ же лишь части выдыхательнаго тока черезъ носъ, т. е. если и носъ и ртовый каналъ открыты, звукъ становится «назализованнымъ».

Поднятіе нёбной занавѣски къ зѣвной стѣнкѣ можетъ закрывать входъ въ носовую полость болѣе или менѣе совершеннымъ образомъ. Абсолютной границы между «назализованными» и чисто «ртовыми» звуками на практикѣ нѣтъ. Но слабѣйшія степени назализованія, еще не улавливаемыя опытнымъ ухомъ по особенному ресонансу въ носовой полости, свойственному явно назализованнымъ звуковымъ образованіямъ, можно оставить безъ вниманія въ обыкновенной характеристикѣ звуковъ даннаго языка.

Носовая полость, представляющая практически неизмѣняемый по величинѣ и формѣ резонаторъ, придаетъ проходящему выдыхательному току особый комплексъ собственныхъ тоновъ; другому видоизмѣненію токъ въ ней, при нормальной рѣчи, не подвергается.

Объ анализахъ положеній и движеній нёбной занавѣски см. у Сиверса 136 и приведенную тамъ литературу. Подробнѣе о движеніяхъ занавѣски у Есперсена, Lehrbuch, стр. 55 сл. О приборахъ для регистраціи у Ершова, Эксп. Фонетика, Казань 1903, особенно стр. 24 сл.; Есперсенъ, Phonetische Grundfragen стр. 125. О слабостепенномъ открытіи входа въ носъ за нёбной занавѣской, безъ явнаго вліянія на характеръ звука, см. напр., у Грюцнера, Physiologie стр. 125, съ указаніями. Спеціальное эксп.-фонетическое изслѣдованіе по этой части для чешскихъ звуковъ сдѣлано чехомъ Хлумскимъ: Chlumský Analyse du courant d'air phonateur en tchèque (La Parole 1902 стр. 130 сл., 665 сл.).

О многочисленныхъ звуковыхъ измѣненіяхъ, вызываемыхъ неточностью въ движеніяхъ нёбной занавѣски—опозданіемъ или опереженіемъ по отношенію къ прочимъ моментамъ артикуляціи—поучительно у Есперсена, Lehrbuch стр. 61 сл.

4. Съуженіе ртовой полости, помощью движеній языка и губъ, имѣетъ одну изъ трехъ степеней.

а) Съуженіе еще недостаточно сильно, чтобы вызвать явственный шумъ

тренія проходящаго выдыхательнаго тока: степень открытая, лишь опредѣляющая звукъ, а сама по себѣ не производящая его, какъ это дѣлаютъ слѣдующія степени.

б) Съуженіе такъ сильно, что при проходѣ выдыхательнаго тока вызывается слышное треніе разнаго рода.

в) Образуется затворъ, который, если при томъ закрытъ и носовой проходъ (**3**), задерживаетъ на извѣстное время выдыхательный токъ и обыкновенно заканчивается мгновеннымъ, нашимъ слуховымъ ощущеніямъ доступнымъ отворомъ, болѣе или менѣе яснымъ «взрывомъ».

О противоположности двухъ послѣднихъ степеней первой по отношенію къ звукообразованію сказано выше. Для иллюстраціи указанныхъ степеней могутъ служить, напр., звуки е — х — к, о — ф — п.

Въ движеніяхъ голосовыхъ связокъ (**2**) легко узнаемъ тѣ-же самыя степени съуженія. Какъ тамъ, такъ и здѣсь нужно подчеркнуть, что нѣтъ вообще абсолютныхъ границъ между этими степенями. Съуживая образованіе «і», мы замѣчаемъ, какъ выдыхательный токъ, проходящій между спинкой языка и твердымъ нёбомъ, вызываетъ все сильнѣйшій шумъ тренія, переходя понемножку въ фрикативный согласный «j». А того-же результата достигаемъ, удерживая языкъ въ обыкновенномъ для і положеніи, но усиливая при томъ выдыхательный токъ. Разграниченіе между артикуляціонной степенью открытой и съуженіемъ, вызывающимъ шумъ тренія, зависитъ, такимъ образомъ, отъ возстановленнаго практикой равновѣсія между независимыми въ сущности другъ отъ друга факторами — съ одной стороны выдыхательнаго тока и съ другой стороны узкости проходнаго отверстія.

Хорошій обзоръ данныхъ моментовъ звукообразованія, на основаніи разныхъ наблюденій и изложеній, даетъ, м. пр., Ladislav Dolanský въ статьѣ «O výslovnosti hlásky r» (Věstník českých professorů 1901, стр. 243 сл.).

5. Важную роль въ звукообразованіи играетъ форма языкового тѣла при его приближеніи или прикладываніи къ своду надъ полостью рта (къ верхнимъ зубамъ, деснамъ, твердому — мягкому нёбу). Если характеристическое съуженіе или затворъ образуется спинкой языка, со спущеннымъ внизъ кончикомъ, такъ что поверхность языка можно вообще обозначить выпуклою, артикуляція называется дорсальной; примѣръ: гласные, или к, г. Если характеристическое съуженіе или затворъ образуется переднимъ краемъ языка, при чемъ поверхность языка обыкновенно можно, на большемъ или меньшемъ пространствѣ, обозначить вогнутой, артикуляція называется корональной; примѣръ: обыкновенныя «твердыя» т, д, н. Образуя обыкновенное «твердое» т и отворяя его въ обыкновенное «твердое» с, замѣчаемъ, что для образованія

послѣдняго сгибается крайній край кончика языка; англійскіе фонетики ввели для этого образованія, до извѣстной степени переходнаго отъ корональной къ дорсальной формѣ, особый терминъ blade («листъ»); а такъ какъ славянскіе звуки этого образованія (s, z) слѣдуютъ принципамъ, общимъ имъ съ группой твердыхъ «зубныхъ», то можно здѣсь подвести этотъ артикуляціонный оттѣнокъ какъ видоизмѣненіе подъ категорію «корональныхъ» образованій; ср. замѣтки Есперсена, Lehrbuch стр. 34.

И дорсальный и корональный затворъ по срединной линіи ртовой полости въ большемъ числѣ звукообразованій сопровождаются положеніемъ заднихъ краевъ языка, возбраняющимъ выдыхательному току выходить по бокамъ. Но тотъ и другой затворъ могутъ сопровождаться и такимъ положеніемъ заднихъ краевъ языка, которое позволяетъ выдыхательному току выходить на одной сторонѣ или по обѣимъ сторонамъ языкового тѣла за упомянутымъ затворомъ: звуки «л». Послѣднюю форму языкового тѣла можно, съ артикуляціонной точки зрѣнія, разсматривать какъ подраздѣленіе затворнаго вида вышеназванныхъ корональной и дорсальной категорій. Но слуховыя соображенія и явленія звуковой жизни заставляютъ отнести звуки этого образованія въ группу первостепенную; поэтому становится цѣлесообразнѣе «боковую» (латеральную) артикуляцію языка выставить какъ отдѣлъ высшій, подчиняющій себѣ видоизмѣненія «корональное» и «дорсальное».

Правила о степеняхъ съуженія (**4**) въ группѣ «боковыхъ» звукообразованій переходятъ на боковыя отверстія; можно и здѣсь указать степень открытую, степень тренія и — условно — затворъ съ «боковымъ взрывомъ». Вторая степень, однако, въ славянскихъ языкахъ при боковой артикуляціи, какъ мы увидимъ, не играетъ видной роли; а затворъ-взрывъ этой артикуляціи удобнѣе подводится, какъ звуковой элементъ лишь переходный, подъ ученіе о сочетаніи звуковъ, см. **168**[1]).

Въ подобную первостепенную группу, какъ артикуляціи «боковыя», должно ставить артикуляціонную форму языка при образованіи звуковъ «р». Приподнятый кончикъ языка, въ видѣ тонкаго, напряженнаго, колеблющагося язычка, попеременно задерживаетъ и пропускаетъ выдыхательный токъ, проходящій по срединной линіи рта, надъ спинкой языкового тѣла («раскаты», «барабаненіе»; см. **32** сл.). Слуховыя соображенія и явленія звуковой жизни даютъ и здѣсь право говорить объ общемъ, высшемъ отдѣлѣ, подчиняющемъ

---

[1]) Тамъ же о «носовомъ взрывѣ», подведенномъ подобнымъ образомъ и по тѣмъ же причинамъ подъ ученіе о сочетаніи звуковъ.

себѣ подраздѣленія (болѣе) «корональное» и (болѣе) «дорсальное», и вмѣщающемъ, какъ увидимъ, также степень открытую и степень тренія (**4**).

Объ артикуляціонной формѣ языкового тѣла при многихъ звукообразованіяхъ удобно получается извѣстное понятіе, кромѣ ощущеній въ самомъ языкѣ, по палатограммамъ. Таковыя для ряда русскихъ звуковъ представляетъ Ершовъ, Эксп. Фонетика; далѣе Богородицкій, Опытъ Физіологіи. Къ понятіямъ дорсальный: корональный укажемъ, насчетъ разныхъ подробностей, на изложеніе Сиверса, 151 и 158 сл. Относительно самыхъ понятій можно указать также на статьи Булича «корональные звуки» и «дорсальные звуки», въ Энц. Слов. Брокгауза и Эфрона, допускающія впрочемъ критику насчетъ нѣкоторыхъ подробностей.

6. Въ артикуляціонныхъ движеніяхъ губъ различаемъ движеніе нижней губы къ верхнимъ зубамъ (губно-зубное), и движеніе, производимое одновременно обѣими губами (губно-губное). Эти два рода не вполнѣ разграничены; перваго рода движеніе можетъ сопровождаться отчасти и движеніемъ второго рода. Обыкновенно же можно на практикѣ выдѣлять ихъ другъ отъ друга, такъ и въ произношеніи славянскихъ языковъ. О степеняхъ съуженія того и другого движенія сошлемся на сказанное въ **4**.

Подъ движеніями губно-губными степени открытой различаемъ два главныхъ вида: щелеобразное растяженіе губъ (напр., при ясной артикуляціи гласнаго i) и округленіе губъ (напр., при u). И тотъ и другой виды выступаютъ въ разныхъ оттѣнкахъ. При щелеобразномъ растяженіи, играющемъ вообще меньшую роль, можно довольствоваться общей замѣткой. А при «округленіи» губъ, крупномъ факторѣ въ системѣ артикуляціи звуковъ, къ разнымъ степенямъ или величинамъ болѣе или менѣе «круглаго» отверстія, оставленнаго открытымъ, присоединяется отчасти еще различіе по роду движеній, предпринимаемыхъ губами. При самыхъ открытыхъ видоизмѣненіяхъ слегка втягиваются лишь углы рта; при болѣе узкихъ все бо̀льшія части краевъ губъ складываются, оставляя все меньшее отверстіе по срединѣ — какъ это можно видѣть въ зеркалѣ, выговаривая, напр., рядъ a — o — u. Но кромѣ «вертикальныхъ» движеній, нужныхъ для произведенія такихъ оттѣнковъ, подъ понятіе «округленіе», въ широкомъ смыслѣ, подводимъ также движеніе болѣе «горизонтальнаго» направленія, нѣмецкое «Vorstülpung», выпячиваніе губъ впередъ (Буличъ). Теоретически правильнѣе разсмотрѣть движенія послѣдняго рода какъ самостоятельный артикуляціонный моментъ, который можетъ сопровождать какъ болѣе узкія, такъ и болѣе широкія ступени собственнаго «округленія»; однако, они могутъ на практикѣ, такъ сказать, поступать на службу у «вертикальной» артикуляціи, какъ моментъ, усиливающій дѣйствіе округленія (ср. въ **12**) и развивающійся въ болѣе или

менѣе полной параллельности съ съуженіемъ отверстія между губъ. Такимъ образомъ дѣло обстоитъ по моему вообще въ славянскихъ языкахъ. Пока основательныя наблюденія по этой части не дадутъ другого результата, считаю возможнымъ довольствоваться общимъ понятіемъ «округленіе», въ смѣшанныхъ движеніяхъ котораго болѣе горизонтальныя артикуляціи губъ подчиняются болѣе вертикальнымъ.

Стейнъ, Próba pomiarów (Materiały i prace kom. jęz., T. IV), касаясь лабіализаціи польскихъ гласныхъ на стр. 18, отрицаетъ «округленіе» (zaokrąglenie warg) для своего произношенія также тамъ, гдѣ губы, какъ при o, u, принимаютъ активное участіе въ артикуляціи и даже показываютъ болѣе или менѣе сильное выпячиваніе или высунутіе (wysunięcie). Однако, я не замѣчалъ въ данномъ отношеніи осязательной разницы польскаго отъ обыкновеннаго для прочихъ славянскихъ языковъ положенія, и потому долженъ оставить указанія Стейна въ сторонѣ.

Весьма поучительно объ упоминаемыхъ здѣсь положеніяхъ губъ у Есперсена, Handbuch, 17, 20, 22 и др.

7. Разныя степени съуженія ртовой полости (**4**), въ соединеніи съ разными положеніями голосовой щели (**2**) и нёбной занавѣски (**3**), дѣлятъ звуковыя образованія на естественныя артикуляціонныя группы, отчасти давно сознанныя и отмѣченныя въ названіяхъ звуковъ, хотя и несовершеннымъ образомъ и не съ удовлетворяющей ясностью. Въ наименованіи остается вообще много неудовлетворительнаго. Но оставаться по возможности при традиціонныхъ выраженіяхъ и названіяхъ представляетъ крупныя выгоды— предполагая при этомъ, конечно, чтобы дѣйствительная физіологическая подкладка и настоящій смыслъ терминовъ были ясны.

Звуковой матеріалъ славянскихъ языковъ представляетъ во-первыхъ слѣдующія двѣ категоріи.

I. Степень съуженія, по всей ртовой полости открытая, при чемъ языкъ артикулируетъ дорсально (**5**), даетъ гласные. По положенію нёбной занавѣски они распадаются на чистые и назализованные. Нормально гласные — голосны; вмѣсто голоса, субстратомъ можетъ служить шопотъ; лишь изрѣдка и внѣ нормальной системы рѣчи встрѣчаемъ гласные глухіе (**2**, а).

II. Прочія степени съуженія ртовой полости, степень тренія и затворъ, даютъ согласные. Вмѣсто ртовой полости, въ одномъ случаѣ (h, ħ) согласное треніе происходитъ помощью съуженія голосовой щели (**2**, б); соотвѣтствующее согласное образованіе затворное (**2**, д) обыкновенно подводится подъ явленія сочетанія звуковъ и не считается самостоятельнымъ согласнымъ (**161** сл.).

Для группировки второй категоріи, согласныхъ, представляется при

первомъ взглядѣ естественнымъ пользоваться прежде всего уже отмѣченными главными чертами артикуляціи. Онѣ даютъ раздѣленіе на согласные

фрикативные — затворные,
голосные — безголосные,
съ закрытымъ — съ открытымъ носовымъ проходомъ.

Однако, группировка согласныхъ по линіямъ этой схемы оказывается на практикѣ лишь отчасти удовлетворительной, какъ вообще, такъ и въ частности для славянскихъ языковъ. Оказывается нужнымъ соображаться съ акустическими свойствами звуковъ и связаннымъ съ ними звуковымъ строемъ славянской рѣчи.

Съ этой точки зрѣнія выдѣляются, какъ главная группа, тѣ согласные, которые со ртовымъ затворомъ — крѣпкимъ или же прерывающимся раскатами — соединяютъ образованіе отверстія, достаточнаго для прохода выдыхательнаго тока безъ явнаго тренія, т. е. отверстія степени открытой (**4**). Отверстіе это можетъ быть носовое (согласные «носовые», н-м) или боковое (л; ср. **5**) или же срединно-ртовое (р). Это — группа сонорныхъ согласныхъ.

Отверстіе открытой степени сближаетъ сонорные согласные съ гласными, съ которыми они между прочимъ и раздѣляютъ голосность (звонкость), какъ нормальный признакъ. Но затворная артикуляція, сопровождающая данное отверстіе, въ то же время позволяетъ названнымъ звукообразованіямъ участвовать прямо въ артикуляціонныхъ явленіяхъ, свойственныхъ прочимъ, не сонорнымъ согласнымъ, и такимъ образомъ подводитъ ихъ подъ разныя артикуляціонныя подраздѣленія «губныхъ», «зубныхъ» и т. д.

Прочіе согласные, шумные, раздѣляются на собственно затворные (ртовый затворъ при закрытомъ носовомъ проходѣ), фрикативные, и слитные, объ образованіи которыхъ въ **44**, — всѣ съ видоизмѣненіями голосные — безголосные (звонкіе — глухіе) и съ естественными подраздѣленіями по мѣсту образующагося съуженія или затвора (**9**).

Выдѣляя акустическую группу сонорныхъ согласныхъ и опредѣляя ее приведенными выше артикуляціонными примѣтами, слѣдуетъ припомнить, что подъ артикуляціонными категоріями л, р (l, r) могутъ существовать также варіанты шумные, т. е. варіанты, въ которыхъ характерное отверстіе настолько узко, что вызываетъ ясно слышное треніе выдыхаемаго тока. Изъ такихъ варіантовъ лишь одно образованіе имѣетъ, по **5**, практическое значеніе въ славянской рѣчи, а именно «ř» (**35**).

При разсмотрѣніи согласныхъ образованій славянскихъ языковъ (гл. II), обзоръ дѣйствительно существующаго матеріала группируется, по практическимъ причинамъ, нѣсколько иначе, приблизительно какъ у Есперсена, Lehrbuch, стр. 124 сл.—О цѣлесообразности и правильности выдѣленія сонорныхъ согласныхъ въ особую главную группу, вообще, и особенно въ славянскихъ языкахъ, ср. м. пр. замѣтки Педерсена въ Den böhm. Udt. и въ Göttinger gel. Anz. 1907, № 11, стр. 891. Съ западными изслѣдователями согласуется также Томсонъ, Общ. Яз. 203 сл.— О разнаго рода шумѣ въ звукахъ шумныхъ см. Томсонъ, Общ. Яз. стр. 121. О тонической сторонѣ рядъ общихъ замѣтокъ тамъ же стр. 105 сл.—Къ раздѣленію гласные: согласные по физіологическому принципу въ Русск. Грамм. Богородицкаго стр. 12 я отношусь скептически.

8. Данное въ 7 артикуляціонное разграниченіе «гласныхъ» отъ «согласныхъ» прямо связано со слѣдующей акустической разницей.

Нормальный, вполнѣ развитый гласный, это — производимый въ гортани голосовой звонъ, въ которомъ опредѣленная форма открытой «наставной трубы» или «резонатора» (каналъ отъ голосовой щели до губъ, съ открытымъ носовымъ проходомъ или безъ него) усиливаетъ и заглушаетъ опредѣленные парціальные тоны. Каждая новая форма даетъ въ сущности новый гласный (ср. въ 10). Замѣна голосового звона шопотомъ въ сущности не измѣняетъ даннаго отношенія. И такъ: акустическое впечатлѣніе гласнаго опредѣляется комплексомъ собственныхъ тоновъ, «собственнымъ звукомъ» его резонатора, прежде всего полости рта.

Въ шумныхъ согласныхъ характеристическій шумъ, опредѣляющій для нашего слуха, напр., всякое «с» въ различіе отъ «ф» или «к», не зависитъ самъ по себѣ отъ собственнаго звука резонатора. Но струя воздуха, посредствомъ тренія и разбиванія которой о разныя преграды производится данный согласный шумъ, вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждаетъ колебаніе прилегающихъ резонаторовъ рта, передъ преградой и за преградой. Къ «характерному шуму» этихъ согласныхъ примѣшивается, такимъ образомъ, и «собственный звукъ». Перемѣняя величину и форму упоминаемыхъ резонаторовъ, мы можемъ въ значительной степени перемѣнять, внутри одной и той же согласной категоріи, собственный ея звукъ. Ср., напримѣръ, к «твердое» съ к «мягкимъ» въ нашихъ слуховыхъ ощущеніяхъ. И такъ: акустическое впечатлѣніе шумнаго согласнаго опредѣляется, съ одной стороны, его «характернымъ шумомъ», съ другой стороны, «собственнымъ звукомъ» его резонатора или резонаторовъ.

Для согласныхъ сонорныхъ открытая степень ихъ отверстія (7) побуждаетъ съ перваго взгляда считать ихъ акустическое впечатлѣніе опредѣленнымъ, какъ и въ гласныхъ, собственнымъ звукомъ ихъ резонатора. А на

практикѣ оказывается, что при р раскаты, а при л и носовыхъ характерный затворъ образуютъ существенную и неотъемлемую часть вызываемаго ими слухового впечатлѣнія. Именно на этихъ свойствахъ основывается ясная акустическая разница этой группы отъ «гласныхъ». Эти свойства потому тождественны извѣстнымъ образомъ съ характерными шумами согласныхъ шумныхъ и позволяютъ подвести сонорные и по опредѣленію акустическаго ихъ впечатлѣнія подъ общую группу «согласныхъ».

Примѣчаніе. Въ особомъ положеніи относительно указанныхъ признаковъ стоитъ звуковое образованіе «h» (глухое h, звонкое ɦ). Опредѣленной физіологической границы между нимъ и гласными, прежде всего глухими или шопотными, въ сущности нѣтъ. Всякій гласный, выговариваемый безъ голоса и съ достаточной силой выдыхательнаго тока, даетъ намъ «h»; всякое «h» можно на оборотъ считать безголоснымъ гласнымъ, гдѣ треніе въ голосовой щели получаетъ свое акустическое опредѣленіе отъ собственнаго звука резонатора-рта (ср. произношеніе «h» въ сочетаніяхъ ha — hi — hu). Разница h отъ гласнаго безголоснаго обусловливается, съ артикуляціонной стороны, лишь степенью съуженія голосовой щели. Но именно этотъ моментъ и обусловливаетъ акустическое впечатлѣніе: когда шумное треніе въ голосовой щели становится явно слышною частью звука и выступаетъ какъ «характерный шумъ», которому подчиняется собственный звукъ ртовой полости, вызываемый тѣмъ же самымъ выдыхаемымъ токомъ, тогда акустическое впечатлѣніе становится именно тождественнымъ съ опредѣляемымъ выше для шумныхъ согласныхъ. Упомянутый «гортанный фрикативный согласный» можетъ также проявляться при (неполномъ) образованіи голоса («ɦ», ср. выше **2**, ниже **51** сл.); h-ɦ входятъ, такимъ образомъ, въ систему типичныхъ «фрикативныхъ согласныхъ» въ славянскихъ, какъ и въ другихъ индоевропейскихъ языкахъ.

Основательное изложеніе упомянутыхъ здѣсь, для физіологіи славянской рѣчи очень важныхъ примѣтъ звукообразованій и разсмотрѣніе касающихся до нихъ отдѣльныхъ явленій находимъ у Томсона, Общ. Яз. стр. 167 сл. Насчетъ «h» могу указать на замѣтки Есперсена, Lehrbuch, стр. 75 («Hauchenge»), а особенно стр. 92 сл. и стр. 135; Grundfragen, стр. 111.

9. Подраздѣленія согласныхъ получаются по мѣсту образованія характеристической преграды (**7**). При гортанномъ фрикативномъ (**8**, прим.) и при губныхъ согласныхъ опредѣленіе этого мѣста вообще просто. Тѣмъ сложнѣе вопросъ объ артикуляціи языка о сводъ надъ полостью рта. Опредѣ-

леніе мѣста производится естественно по срединной линіи вдоль свода (верхніе зубы — десна — твердое нёбо — мягкое нёбо). А такъ какъ линія имѣетъ безконечное число точекъ, то нужно теоретически считаться съ неограниченнымъ числомъ языковыхъ согласныхъ. На практикѣ же выходитъ для этихъ согласныхъ, что «während die Zahl der Orte unbegrenzt ist, gibt es nur ein geringe Zahl von Gebieten» (Trautmann, Die Sprachlaute. Лейпцигъ 1884—86, стр. 179). Существующія согласныя артикуляціи сосредоточиваются, не по «точкамъ», но по «зонамъ» (областямъ), въ невеликомъ числѣ типичныхъ группъ — «велярные», «зубные» и под., — по болѣе или менѣе яснымъ принципамъ для каждаго языка или группы языковъ. Однако, для пониманія звуковыхъ явленій нужно всегда помнить, что эти группы въ сущности не разграничены другъ отъ друга, а напротивъ, согласно съ соотвѣтствующими зонами упомянутой выше линіи вдоль свода надъ ртомъ, соединены между собой безчисленными переходными ступенями.

Внутри каждой такой группы имѣются, сообразно съ раньше изложеннымъ, образованія «фрикативныя» и «затворныя» (собственно затворныя и сонорно-затворныя, см. 7). Нужно далѣе считаться съ указанными въ **5** разными формами языкового тѣла при его приближеніи къ своду надъ полостью рта: образованія срединныя — боковыя, дорсальныя — корональныя.

Относительно послѣдняго момента добавимъ сейчасъ, что приближеніе задней или средней части языка къ заднимъ или среднимъ частямъ нёба по естественной причинѣ происходитъ постоянно «дорсально». При движеніяхъ же передняго языка относительно переднихъ частей свода, великая гибкость и движимость кончика языка обусловливаетъ разнаго рода образованія: чисто дорсальныя, чисто корональныя, но также смѣшанно дорсально-корональныя[1]).

Итакъ, хотя согласные сосредоточиваются по мѣсту образованія въ немногія группы, но разные артикуляціонные моменты и при такомъ ограничивающемъ условіи даютъ крупное число согласныхъ образованій, ясно различныхъ и по артикуляціи и по характерному шуму. При описаніи и классификаціи этихъ образованій можетъ, правда, явиться не мало затрудненій. Но эти затрудненія, происходящія впрочемъ часто отъ смѣшенія разныхъ точекъ зрѣнія для классификаціи, вообще незначительны въ сравненіи съ тѣми, съ которыми наука все еще борется при опредѣленіи, описаніи и классификаціи гласныхъ.

---

[1]) Можно отчасти говорить также о положеніи «плоскомъ», т.-е. не собственно корональной и не собственно дорсальной артикуляціи; однако цѣлесообразнѣе разсматривать ее какъ видоизмѣненіе артикуляціи корональной.

10. Опредѣленіе понятія «гласный» въ артикуляціонномъ отношеніи дано въ **7**, опредѣленіе въ акустическомъ отношеніи въ **8**. И то и другое показываетъ, что число возможныхъ гласныхъ — безграничное. Но изъ неограниченнаго числа возможныхъ резонаторныхъ положеній ртовой полости, для образованія гласныхъ, отдѣльный языкъ, какъ показываетъ практика, выбираетъ ограниченное, даже невеликое число «гласныхъ». Такой гласный, въ принятомъ практическомъ смыслѣ, охватываетъ большую или меньшую группу близкихъ другъ къ другу гласныхъ оттѣнковъ, въ рамкахъ, возстановленныхъ традиціей отдѣльнаго языка. Выборъ этихъ «гласныхъ» въ индоевропейскихъ языкахъ сосредоточивается, повидимому постоянно, преимущественно около относительно стойкихъ типовъ (гласные «a», «e», «u» и т. д.). Акустическое основаніе такого выбора попробовалъ выяснить Лойдъ; см., напр., въ статьѣ «Huit voyelles», Die neueren Sprachen V, 1898 (Phon. Stud. XI, стр. 25 сл.).

11. Акустическое свойство понятія «гласный» (**8**) выставляетъ естественнымъ средствомъ для абсолютнаго опредѣленія гласнаго — въ узкомъ и широкомъ смыслѣ слова — опредѣленіе собственнаго звука его резонатора. До окончательнаго рѣшенія этой сложной задачи наука между тѣмъ пока еще не дошла; попытки же ввести наблюденія надъ собственнымъ звукомъ ртовой полости, хоть бы въ главнѣйшихъ его чертахъ, въ методы опредѣленія и классификаціи гласныхъ для прикладной фонетики, не дали ни прочныхъ, ни практическихъ результатовъ.

Уже это заставляетъ остаться пока при другомъ методѣ опредѣленія и классификаціи, основывая наблюденія на артикуляціонныхъ примѣтахъ гласныхъ. Къ опредѣленію на такомъ основаніи ведутъ, впрочемъ, и соображенія положительнаго характера, обезпечивающія данному методу навсегда и позитивную цѣну; а именно, безъ яснаго сознанія артикуляціонныхъ свойствъ разныхъ звуковыхъ образованій, гласныхъ не менѣе чѣмъ согласныхъ, нельзя судить о тѣхъ явленіяхъ лингвистической жизни, которыя происходятъ на основаніи взаимныхъ отношеній именно артикуляціонной стороны звуковъ.

Отмѣченныя трудности всетаки не мѣшаютъ пользоваться и собственнымъ звукомъ резонаторовъ, если не для абсолютнаго, то для относительнаго опредѣленія или сравненія гласныхъ. Что собственный звукъ резонатора при (шопотномъ) произношеніи гласныхъ i — e — ä — a — o — u все понижается, это доступно слуховымъ ощущеніямъ всякаго; далѣе сразу доступно, какъ, напр., «закрытое» e по собственному звуку резонатора выше «открытаго» e, почему оно и «приближается къ i», — или, наоборотъ, что «закрытое»

о имѣетъ резонаторъ собственнаго звука ниже чѣмъ о «открытое», поэтому первое и «приближается къ u», — и т. д. Разныя выраженія о «мягкости» гласныхъ оттѣнковъ, о ихъ «ясности», «палатальности», «высокости» и т. д., или обратно о «твердости» и т. д., основываются чаще всего на болѣе или менѣе ясномъ сознаніи разныхъ собственныхъ звуковъ ихъ резонаторовъ. А безъ такого относительнаго опредѣленія и мы не можемъ пока обходиться, тѣмъ болѣе, что артикуляціонныя измѣненія, вызывающія перемѣны въ собственномъ звукѣ резонатора гласныхъ, нерѣдко, какъ мы увидимъ, допускаютъ извѣстный полиморфизмъ (**12**).

Объ относительной высотѣ собственнаго звука резонаторовъ разныхъ гласныхъ (по англійски ихъ «pitch») см. Sweet, Handbook, стр. 20—25, особенно стр. 23. Болѣе раншія попытки опредѣлить гласные по абсолютной высотѣ (части) собственнаго звука ртоваго резонатора подвергаются здравой критикѣ у Сторма, Engl. Phil., 2 изд., I, 1, стр. 97 сл., и всего лучше у Есперсена, Phon. Grundfragen, стр. 90 сл., гдѣ ярко освѣщается вся противорѣчивость разныхъ изслѣдователей. Объ опредѣленіяхъ Лойда, продолжающаго изслѣдованія Гельмгольца и старающагося опредѣлить взаимное отношеніе разныхъ парціальныхъ тоновъ собственнаго звука, см., кромѣ приведенной въ **10** статьи съ указаніями, рефератъ Сторма въ упомянутой выше его книгѣ, 342 сл. Изслѣдованія Лойда требуютъ, для полнаго ихъ пониманія и оцѣнки, такихъ основательныхъ знаній по естественнымъ наукамъ, которыми я не обладаю. То же нужно сказать, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени, о подобныхъ изслѣдованіяхъ, предпринимаемыхъ Rousselot и другими.— Опредѣленія ударяемыхъ русскихъ гласныхъ у Томсона (см. Общ. Яз. 183 сл.), слѣдуютъ старшимъ, неудовлетворительнымъ примѣрамъ и методамъ.

12. Для регулированія облика и величины ртовой полости въ качествѣ резонатора мы пользуемся языкомъ и губами. Укладъ этихъ органовъ для каждаго отдѣльнаго гласнаго зависитъ отъ физическихъ законовъ, опредѣляющихъ высоту собственнаго звука даннаго резонатора. Подъ вліяніемъ именно этихъ физическихъ законовъ, облики ртовой полости при артикуляціи употребляемыхъ на практикѣ гласныхъ сосредоточиваются въ довольно типичныя группы, давно указанныя. Такъ, при образованіи «а» полость рта принимаетъ обликъ довольно широкой во всю длину трубы. При «о», «u» она представляетъ въ передней своей части что-то вродѣ широкаго мѣшка, оттягивая массу языка взадъ и округляя губы. А при «е», «і», притягивая массу языка впередъ, она образуетъ что-то вродѣ съуженной въ передней части трубы, или бутылки съ длиннымъ горломъ. Физика объясняетъ намъ, какія измѣненія при данныхъ обликахъ резонатора служатъ къ пониженію или къ повышенію собственнаго звука.

Для всякаго однако сразу видно, что эти довольно типичныя главныя

формы рта-резонатора переходятъ другъ въ друга совершенно безъ разграниченія. Напримѣръ, слабѣйшее округленіе губъ приближаетъ «широкую трубу» гласнаго а къ «мѣшку» гласныхъ о, u, потому и вызываетъ что-то вродѣ «очень открытаго о». Но подобный результатъ получается также, если языковое тѣло отъ положенія при «а» оттягивается взадъ по ртовой полости; хотя бы положеніе губъ и осталось безъ перемѣны, тѣмъ не менѣе обликъ ртовой полости указанною артикуляціей языка измѣняется въ направленіи къ «мѣшку», и дѣйствительно даетъ, безъ малѣйшаго «округленія», опять что-то вродѣ «очень открытаго о». Уже этотъ отдѣльный примѣръ даетъ достаточное освѣщеніе того, что между упомянутыми типичными формами нѣтъ границъ; что для практической систематизаціи гласныхъ онѣ негодны или по крайней мѣрѣ недостаточны.

Но бѣглый взглядъ и на эту сторону образованія гласныхъ намъ нуженъ для пониманія главныхъ моментовъ, обусловливающихъ упомянутую въ 11 возможность полиморфизма (ср. Стормъ, Engl. Phil. стр. 99 сл.). Мы уже говорили, что отъ «а» можно переходить въ «открытое о» двоякимъ путемъ. Прибавимъ еще два примѣра. Укладывая органы въ «мѣшокъ», свойственный обыкновенному «о», не трудно уловить, что пониженіе собственнаго звука рта, значитъ, переходъ въ «болѣе закрытое о» или же «u», достигается съ одной стороны помощью увеличенія содержимости «мѣшка» (легче всего оттягивая массу языка дальше взадъ, но также выпячиваніемъ губъ впередъ), съ другой стороны уменьшеніемъ передняго его отверстія (усиливая степень округленія, ср. **6**), и наконецъ, какъ это обыкновенно дѣлается, тѣмъ и другимъ способомъ вмѣстѣ. При «бутылкѣ съ длиннымъ горломъ» (е, і и др.) повышеніе собственнаго звука достигается или съуженіемъ «бутылки», или увеличеніемъ ея отверстія, или и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ — и такъ далѣе.

Данныхъ намековъ достаточно для настоящей работы. И этихъ явленій не слѣдуетъ упускать изъ виду при попыткахъ практическаго опредѣленія гласныхъ.

Физическіе законы, опредѣляющіе высоту собственнаго звука ртовой полости, какъ резонатора гласныхъ, для нашей цѣли достаточно освѣщены у Томсона, Общ. Яз. стр. 175 сл.— О типичныхъ группахъ облика ртовой полости при артикуляціи разныхъ гласныхъ см., напр., Grützner, Physiologie, стр. 164. Приблизительное и для практики достаточное понятіе объ этихъ типахъ можно получить измѣреніями положеній языка и губъ, напр., у Ignacy Stein, Próba pomiarów и т. д. (Mat. i prace kom. język., T. IV), у Grandgent-a (ср. Стормъ, Engl. Phil. стр. 331 сл., особенно рисунки 336—37), у Atkinson-a въ статьѣ «Methods of Mouthmapping», Die neu. Sprachen VI (1898—99) стр. 494 сл.; послѣдняя работа даетъ кромѣ того здравую

критику разныхъ описательныхъ методовъ и цѣнныя замѣтки о разныхъ сторонахъ звукообразованій, напр., о варіаціяхъ «гласнаго», стр. 502.

13. Для опредѣленія и систематизаціи гласныхъ по артикуляціи я придерживаюсь системы (Бель) полученной изъ Англіи, принятой во всѣхъ главныхъ чертахъ большинствомъ послѣдующихъ фонетиковъ. Движенія губъ разсматриваются отдѣльно отъ движеній языка. Щелеобразное растяженіе губъ (ср. отчетливо произнесенное і) играетъ притомъ столь незначительную, второстепенную роль, что можно оставить его въ сторонѣ. Остается разница между гласными «безъ округленія» и гласными «съ округленіемъ» или «округленными».

Что касается языкового тѣла, рѣчь идетъ объ опредѣленіи мѣста наибольшаго приближенія его къ своду надъ ртовой полостью; оно обозначаетъ собой результатъ активной артикуляціонной работы языкового тѣла. Данное наибольшее приближеніе разсматривается какъ результатъ двухъ главныхъ движеній въ языкѣ, съ одной стороны движенія «горизонтальнаго» — параллельнаго съ направленіемъ ртовой полости, — съ другой стороны движенія «вертикальнаго» — по направленію къ нёбу. При каждомъ изъ нихъ выбираются, изъ абсолютно, такъ сказать, безчисленнаго ряда, въ связи съ обыкновенно являющимися оттѣнками гласныхъ, извѣстныя типичныя положенія какъ условныя опредѣляющія точки, напр. по три въ каждомъ направленіи. Такимъ образомъ получаются гласные передняго — средняго — задняго ряда [1]), при положеніи языка высокомъ — среднемъ — низкомъ. Оттѣнки, иногда нужные для болѣе точнаго опредѣленія, можно обозначить, въ «горизонтальномъ» направленіи, выраженіями «втянутый» (взадъ) и «высунутый» (впередъ), а въ «вертикальномъ» направленіи выраженіями «поднятый» — «опущенный».

Не трудно убѣдиться, что гласные «передняго ряда», особенно при положеніи языка среднемъ или высокомъ, совпадаютъ съ гласными, типичный обликъ резонатора которыхъ можно по **12** сравнивать съ «бутылкою съ длиннымъ горломъ». Далѣе, что гласные «задняго ряда», если они округлены, имѣютъ резонаторъ, сравниваемый тамъ же съ широкимъ «мѣшкомъ». Въ связи съ тѣмъ слѣдуетъ подчеркнуть, что при переходѣ отъ гласнаго передняго ряда къ гласному задняго ряда или обратно (напр. е—а или u—і), вся масса языкового тѣла дѣлаетъ движеніе то впередъ, то взадъ. Сознаніе этого факта имѣетъ значеніе, между прочимъ, для болѣе яснаго пониманія

[1]) Ср. также названія какъ гласный «палатальный» или передненёбный, переднеязычный—средненёбный—мягконёбный или задненёбный, «велярный» и др.

связи между извѣстными группами гласныхъ и упоминаемыми ниже въ **89** и др. относительными «положеніями покоя» или безразличности («гласными ирраціональными»), далѣе для пониманія явленій «палатализаціи» и «велляризаціи», и др.

Указанная внутренняя связь съ затронутыми въ **12** явленіями показываетъ, что употребляемую со времени Беля систему классификаціи гласныхъ артикуляцій нельзя назвать лишь случайной, механической. Однако, давно уже признано, что и эта система страдаетъ явными недостатками или слабыми сторонами. Но для обстоятельнаго освѣщенія этого вопроса здѣсь нѣтъ мѣста. Сдѣлаемъ лишь пару замѣтокъ, рѣшительно необходимыхъ во избѣжаніе недоразумѣній, ведущихъ нерѣдко къ несправедливому осужденію системы.

Данныя опредѣленія нужно вообще понимать какъ нѣчто относительное, а вовсе не абсолютное; рѣчь идетъ о возможно лучшемъ обзорѣ взаимнаго отношенія артикуляцій. О чемъ-то абсолютномъ тѣмъ менѣе можно помышлять, что поднятіе языковой спинки относительно свода надъ ртовой полостью никогда не можетъ дать дѣйствительныхъ «точекъ» опредѣленія. Напротивъ, даже приблизительное опредѣленіе мѣста поднятія сопряжено часто съ крупными трудностями. При гласныхъ оттѣнкахъ «высокихъ» и менѣе опытный наблюдатель можетъ еще довольно легко опредѣлить зону поднятія. Зато при гласныхъ родахъ болѣе низкаго образованія поднятіе спинки выдается слабо и неопредѣленно, между тѣмъ какъ даже незначительныя перемѣны производятъ сильное акустическое дѣйствіе; потому здѣсь даже опытные наблюдатели борются съ крупными затрудненіями и легко приходятъ въ противорѣчіе; ср. замѣтки Есперсена, Lehrbuch стр. 159.

Рамки движимости того, что въ отдѣльномъ языкѣ можно подобрать подъ понятіе гласной единицы, возстановлены, какъ сказано въ **10**, лишь традиціей того же языка. Иногда такая рамка такъ широка, что постороннему наблюдателю приходится указать «пограничные признаки» и такъ подчеркнуть зоническій характеръ единицы. А если это не отмѣчено особымъ образомъ, то данное опредѣленіе указываетъ вообще на какой-то средній акустическій признакъ, такъ какъ и гласные, кажущіеся при первомъ взглядѣ постоянной акустической величиной, для хорошаго слуха скоро представляютъ значительныя варіаціи, въ зависимости прежде всего отъ окружающихъ звуковъ. Не забудемъ же, что такой условный средній акустическій признакъ не обозначаетъ собой въ сущности опредѣленной «точки» въ высшей степени, нежели та зона поднятія спинки языка, по которой опредѣляемъ гласный съ артикуляціонной стороны.

Не слѣдуетъ слишкомъ настаивать на выраженіяхъ «вертикальный» и

«горизонтальный» въ данномъ случаѣ. Уже обликъ ртовой полости подсказываетъ это. Особенно нужно отмѣтить, что когда при гласныхъ передняго ряда языковое тѣло (и нижняя челюсть) двигается внизъ, то характеристическая артикуляціонная зона вмѣстѣ съ тѣмъ невольно уходитъ нѣсколько взадъ. Это побудило, напр., польскихъ фонетиковъ (ср. «Szkic» Розвадовскаго) подвести e подъ «средній» рядъ гласныхъ. Болѣе существенное въ этомъ случаѣ упускается изъ виду ради менѣе существеннаго. Существеннымъ представляется упомянутое выше для гласныхъ передняго ряда сильно выступающее сосредоточеніе массы языкового тѣла впередъ по ртовой полости, общее гласному e съ i, но различающее e отъ типичныхъ «y» (ы)[1].

Особое затрудненіе въ нашей системѣ причиняетъ вопросъ о двухъ подраздѣленіяхъ, отмѣченныхъ Бель'емъ подъ каждой гласной категоріей и сохраняемыхъ подъ разными названіями (narrow-wide, Сиверсъ eng-weit, потомъ gespannt-ungespannt). Отказаться отъ такихъ подраздѣленій невозможно; они представляютъ оттѣнки, отчасти сильно различные (напр. «узкое» и «широкое» e) и вообще не мало важные. Но физіологическая подкладка разницы все еще не выяснена, какъ видно, напр., изъ изложенія Сиверса въ 5. изданіи его «Grundzüge». Я склоненъ примкнуть къ послѣднему мнѣнію Сиверса (252 сл.), о «напряженіи» въ мышцахъ и связанной съ нимъ особенности звука. Особенно при гласныхъ съ высокимъ положеніемъ языка собственныя наши мышечныя ощущенія, повидимому, даютъ надежную точку опоры для такого мнѣнія. Иначе это обстоитъ при гласныхъ болѣе низкаго образованія; при нихъ мышечныя ощущенія не даютъ твердыхъ указаній; притомъ, когда рѣчь идетъ, какъ здѣсь, вообще о незначительныхъ перемѣнахъ въ собственномъ звукѣ резонатора-рта, то нельзя забывать объ указанной въ 12 возможности полиморфизма. Но хотя бы объясненія затронутаго оттѣненія слѣдовало вообще искать въ степени напряженія, и такое опредѣленіе надобно, конечно, опять понимать лишь въ смыслѣ чего-то отно-

---

[1]) Въ польскомъ языкѣ послѣднее различіе не выступаетъ, можетъ быть, такъ явственно, такъ какъ польское y представляетъ оттѣнокъ «высунутый», иногда уже граничащій съ гласными передняго ряда; ср. 122 сл. Но это не должно сбивать, такъ же мало, какъ близость другъ къ другу собственныхъ звуковъ e и y, черта, которую можно, впрочемъ, считать основаніемъ нерѣдкой въ польскомъ мѣны e и y. — Для выясненія артикуляціонной разницы, по моему пониманію сути дѣла и въ моемъ произношеніи, стоитъ сдѣлать слѣдующій простой экспериментъ: вставить между зубовъ два пальца, одинъ надъ другимъ, и удерживая ихъ тамъ артикулировать по возможности, напр., i — e — y; разница между артикуляціей «передняго ряда» въ двухъ первыхъ, «средняго ряда» въ послѣднемъ чувствуется тогда легко и замѣтно.

сительнаго, условнаго, а не абсолютнаго. Вѣдь степеней напряженія существуетъ не двѣ, а неограниченное число, какъ Стормъ справедливо говоритъ въ Engl. Phil. стр. 161. Каждый языкъ, каждое нарѣчіе возстановляетъ въ этомъ отношеніи, какъ вообще въ звуковыхъ явленіяхъ, свои традиціонныя особенности и рамки. Ср. по этому вопросу также Томсонъ, Общ. Яз. стр. 162 сл.; рядъ важныхъ замѣтокъ у Сторма, кромѣ только что приведенной, въ Engl. Phil. 136 сл. и 160 сл., далѣе у Есперсена, Lehrbuch стр. 52, гдѣ обсуждается еще и моментъ облика канала для выдыхаемаго тока при указанныхъ видоизмѣненіяхъ гласныхъ категорій.

II. СОГЛАСНЫЯ ОБРАЗОВАНІЯ СЛАВЯНСКОЙ РѢЧИ.

А. Согласные губные.

14. Губно-губной затворъ образуетъ, при закрытомъ носовомъ проходѣ, губные затворные: безголосное «p», голосное «b»; при открытомъ носовомъ проходѣ, сонорное «m», нормально голосное.— Губно-зубное съуженіе степени тренія образуетъ губные фрикативные: безголосное «f», голосное «v».

Въ сочетаніяхъ pa, ba, ma, fa, va можно считать артикуляцію указанныхъ образованій тождественной во всѣхъ славянскихъ языкахъ и вообще идентичной съ подобными артикуляціями другихъ индо-европейскихъ языковъ.

Собственный звукъ, сопровождающій характерный шумъ губныхъ согласныхъ (**8**), опредѣляется главнымъ образомъ положеніемъ языка. Подъ p, m и т. д. языкъ можетъ двигаться вполнѣ свободно. Занимая положеніе какъ при e, i, онъ придаетъ губному согласному характеръ «мягкій», «палатальный»; занимая положеніе o, u, онъ придаетъ ему характеръ «твердый», «велярный».

Кромѣ названныхъ выше, обыкновенныхъ видовъ губныхъ согласныхъ можно изъ славянской рѣчи привести и другіе, болѣе спорадическіе или мѣстные. Можно иногда наблюдать, на мѣстѣ нормальнаго m, m съ затворомъ губно-зубнымъ («ɱ»), выступающее спорадически при менѣе энергичной артикуляціи связей въ родѣ mf, mv; я отмѣтилъ его, напр., въ болгарскомъ языкѣ, см. **83**; ср. польское «m̦» у Бенни, Mat. i Prace kom. ję̦z. I, стр. 280 и др.[1]).— Съ губно-зубными фрикативными не слѣдуетъ смѣшивать фрикативные губно-губные, образуемые помощью достаточно узкой, продолговатой щели между губами (глухое «ɸ», звонкое «w»; весьма тонкое изложеніе объ образованіяхъ этого вида у Есперсена, Lehrbuch стр. 12 сл.). Этотъ типъ въ вполнѣ чистомъ видѣ не отмѣченъ мною на славянской почвѣ какъ самостоя-

---

[1]) О чешскомъ ɱ у Фринты, стр. 119. Корр. нота.

тельная категорія. Но, отыскивая переходныя ступени часто наблюдаемаго перехода v — u̯, мы должны считаться и съ артикуляціей «w». Далѣе замѣчаемъ, что съ одной стороны w, по слабо выступающему его фрикативному характеру и недостатку опредѣленной границы между его губно-губнымъ съуженіемъ и собственнымъ «округленіемъ» (**6**), не разграничено отъ u̯, т.-е отъ гласнаго u въ согласной функціи (ср. у Томсона, Общ. Яз. стр. 197); съ другой же стороны, изъ чисто губно-зубного v, если верхняя губа сгибается для активнаго участія въ звукообразованіи («ᵛᵛ»), переходимъ безъ опредѣленной границы въ губно-губное w. Получается, такимъ образомъ, неразграниченный рядъ губныхъ согласныхъ v — ᵛᵛ — w — u̯, естественный мостъ вышеназваннаго и обратнаго перехода. Такой рядъ переходящихъ другъ въ друга оттѣнковъ, какъ представитель «губного звонкаго фрикативнаго», наблюдается въ разныхъ мѣстахъ славянскаго міра. Я указалъ его для угрорусскаго (Угрор. Нарѣчіе села Убли, С.П. 1899, § 11; ср. Арх. XVII стр. 332, стр. 339—40), для южно-сербскихъ нарѣчій (Die Dialekte des südl. Serbiens, § 12). Нѣчто подобное наблюдается въ словенскомъ языкѣ (Любляна), съ извѣстнымъ распредѣленіемъ оттѣнковъ по положенію въ слогѣ, о чемъ подробнѣе въ **73—74**.

B. Согласные языковые.

15. Принадлежащія сюда многочисленныя образованія славянскихъ языковъ распадаются на общеизвѣстные ряды. Согласные сонорные на «носовые», «боковые» и «раскатистые» (подъ раскатистые подходитъ еще шумный, фрикативный варіантъ, ř); согласные шумные, во-первыхъ, на затворные, фрикативные, слитные; но далѣе, фрикативные, и въ связи съ ними слитные, представляютъ два ряда, образованія «x» и образованія «s — š» (свистящіе и шипящіе).

Исключая образованія «r» и «x», всѣ эти категоріи представляютъ варіанты двухъ главныхъ видовъ:

Зубные, въ широкомъ смыслѣ слова, когда передняя часть языка, его «кончикъ», артикулируетъ о «зубную» область свода надъ полостью рта, считая сюда верхніе рѣзцы съ десною, иногда въ связи съ краемъ твердаго нёба.

Небные, въ широкомъ смыслѣ слова, когда спинка языка, при спущенномъ кончикѣ его, артикулируетъ о твердое или мягкое небо.

Категорія «r» представляетъ нормально лишь зубные варіанты, категорія «x» лишь нёбные.

Согласные зубные раздѣляемъ на видоизмѣненіе «твердое», т.-е., съ артикуляціей корональной (см. **5**, съ особыми замѣтками по поводу s — z), и на видоизмѣненіе «палатализованное», т.-е., съ артикуляціей дорсальной, но такъ, что кончикъ языка не спускается еще пассивнымъ образомъ отъ зубной области. Послѣднее видоизмѣненіе представляетъ переходную ступень отъ «твердыхъ» зубныхъ къ переднимъ образованіямъ нёбнымъ («палатальнымъ»; прошу отмѣтить разницу «палатализованный» и «палатальный»), отъ которыхъ оно, однако, акустически не всегда вполнѣ ясно разграничено.

Согласные нёбные представляютъ собой вообще, внутри каждаго изъ вышеуказанныхъ рядовъ, цѣпь однородныхъ образованій, переходящихъ другъ въ друга безъ опредѣленнаго разграниченія, и поэтому позволяющихъ лишь чисто субъективное распредѣленіе. Данныя славянской рѣчи даютъ по моему право различать группы твердонёбную («палатальную») и мягконёбную («велярную»), а подъ первою далѣе зоны: «крае-палатальную», «передне-палатальную» («j-овую») и «задне-палатальную».

16. Изъ указанныхъ въ **15** рядовъ и подраздѣленій языковыхъ согласныхъ въ слѣдующемъ разсмотрѣніи артикуляціонныхъ особенностей отдѣльныхъ звукообразованій мы соединяемъ, по легко виднымъ практическимъ причинамъ, группы затворныхъ, носовыхъ и фрикативное образованіе «х» для совмѣстнаго ихъ описанія, начиная съ твердыхъ зубныхъ и кончая велярными согласными. Потомъ слѣдуютъ образованія боковыя (л — l), далѣе раскатистыя (р — r), наконецъ фрикативныя свистящія и шипящія (с — ш, s — š) и примыкающіе къ разнымъ видоизмѣненіямъ этихъ согласные слитные (ц — ч, c — č).

17. t — d — n. Мѣсто образованія затвора для «твердыхъ», т.-е. коронально артикулированныхъ зубныхъ t, d, n можетъ нѣсколько варіировать. Въ славянскихъ языкахъ обыкновенно, повидимому, кончикъ языка, въ довольно плоскомъ видѣ, упирается въ уголъ между верхними рѣзцами и десной. Затворъ становится, такимъ образомъ, одновременно альвеолярнымъ и зубнымъ. Въ сочетаніяхъ какъ ta, da, na можно считать артикуляцію этихъ согласныхъ тождественной для всѣхъ славянскихъ языковъ; варіаціи во всякомъ случаѣ вообще несущественны, какъ акустически, такъ и артикуляціонно.

Особое видоизмѣненіе этихъ зубныхъ слѣдуетъ, однако, отмѣтить для сербскаго языка или извѣстныхъ нарѣчій его. Сиверсъ (349) обозначаетъ ихъ какъ «междузубные»; такъ, вѣроятно по нему, также и Томсонъ, Общ. Яз. стр. 194. Это предполагаетъ всунутіе края языка между верхнихъ и нижнихъ рѣзцовъ. Такой артикуляціи я не наблюдалъ, но отмѣтилъ въ мостарскомъ произношеніи (Герцеговина) затворъ вычеканенно зубной, съ краемъ языка притиснутымъ къ задней стѣнкѣ верхнихъ рѣзцовъ («t˫», «d˫», «n˫»). Эта

особая артикуляція даетъ себя иногда ясно чувствовать въ акустическомъ явленіи; въ словѣ какъ «пòток» энергичное передвиженіе массы языка впередъ отъ положенія при о къ описанному t˖ нерѣдко порождаетъ ясный переходный гласный звукъ, напоминающій е или і, получается что-то въ родѣ «poᵉtok».— Добавимъ, что Новаковичъ (Физ. гласа, стр. 45–46) опредѣляетъ сербскія t, d, n не междузубными, а явно «зазубными».

Варіація въ обратномъ направленіи, чисто корональный затворъ на задней сторонѣ десны или даже въ передней части твердаго нёба, т.-е. «верхнезубной» («супрадентальный» или даже «церебральный»), вызывается спорадически сосѣдствомъ š, ž коронального образованія (см. **38**, **42**); «˗t», «˗d» или «ṭ», «ḍ» такого образованія отмѣчены мною въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи, см. «Описаніе одного говора», § 8. Можно наблюдать ихъ, напр., и въ образованномъ малорусскомъ языкѣ: šṭšo, що, šṭšava, щава, и под. Но видной роли въ звуковой системѣ славянской рѣчи они не играютъ.

О видоизмѣненіяхъ затвора того t, d, которое входитъ какъ составная часть въ слитные согласные, см. **44**.

18. t́ — d́ — ń. Передняя часть языка при «палатализованныхъ зубныхъ» уже артикулируетъ въ дорсальной формѣ; но кончикъ языка еще держится за верхними зубами, двигаясь лишь незначительно впередъ отъ положенія при твердыхъ t, d, n. Зона прикосновенія языка со сводомъ надъ полостью рта становится при такой артикуляціи довольно широкой, охватывая заднюю сторону верхнихъ рѣзцовъ, заднюю десну и передній край твердаго неба; но характеристическимъ мѣстомъ затвора выступаетъ задняя часть этой зоны, т.-е., вмѣстѣ съ поднятіемъ передней части спинки языка, возвышающимъ собственный звукъ описываемыхъ «мягкихъ» зубныхъ по отношенію къ «твердымъ», средоточіе образованія передвигается немного назадъ.

Описанная артикуляція наблюдается въ «мягкихъ» зубныхъ обыкновеннаго образованнаго великорусскаго произношенія: тя, дя, ня. Такія же t́, d́, ń я отмѣтилъ и въ малорусскомъ яз., ср. **61**.

Какъ затронуто въ **16**, данная артикуляціонная группа не разграничена акустически вполнѣ опредѣленно отъ переднихъ настоящихъ «палатальныхъ» образованій, при которыхъ кончикъ языка отрывается вполнѣ отъ верхнихъ рѣзцовъ и сгибается внизъ до нижней десны. Особенно при согласныхъ сонорныхъ всякому легко убѣдиться, что нельзя говорить объ абсолютной акустической границѣ между оттѣнками «палатализованнымъ» (ń) и «крае-палатальнымъ» (ň) или даже уже «передне-палатальнымъ» (ɲ); ср. сказанное въ **86** насчетъ ľ : ḽ въ болгарскомъ языкѣ. Подъ такимъ условіемъ и нельзя ждать всегда абсолютнаго артикуляціоннаго разграниченія палата-

лизованныхъ зубныхъ отъ согласныхъ передненебныхъ. Понятно поэтому, что мнѣнія объ образованіи затронутыхъ великорусскихъ «мягкихъ зубныхъ» нѣсколько расходятся; ср. **57** и указанія подъ **60**.

19. Для лучшаго пониманія возможнаго и дѣйствительно наблюдаемаго развѣтвленія описанныхъ палатализованныхъ зубныхъ въ разныя направленія, стоитъ обратить вниманіе и на то, что отворъ отъ даннаго затвора можетъ произойти разнымъ образомъ. Можно отворить заднюю часть затворной зоны раньше передней; въ такомъ случаѣ «мягкость» согласнаго, т.-е. его относительно высокій собственный звукъ, исчезаетъ для его «рекурсіи», что легко ведетъ къ потерѣ мягкости всего согласнаго образованія; ср. то, что сочетанія ть + т, дь + т, безъ взрыва первой части, обыкновенно становятся вполнѣ твердыми; что старое -ньный звучитъ теперь -нный. Если же отворъ или взрывъ происходитъ или одновременно по всей зонѣ или же раньше для передней части затворной зоны, такъ что кончикъ языка сгибается внизъ передъ тѣмъ какъ остальной затворъ открывается, то не только сохраняется «мягкій звукъ» согласнаго болѣе замѣтно, но это способствуетъ еще и развитію за затворнымъ согласнымъ фрикативнаго элемента ряда χ или ś – š; ср. **186**.

20. ť – ď – ň. Переходимъ къ категоріи дорсальныхъ твердонёбныхъ. Кончикъ языка лежитъ уже пассивно опущеннымъ въ нижней части ртовой полости; затворъ или съуженіе образуется передней спинкой языка. Распредѣляемъ категорію на три группы. Типы передней группы имѣемъ въ чешскихъ «мягкихъ» затворныхъ ť, ď и сонорномъ ň. Для различія отъ «палатализованныхъ» обозначаю такія образованія о передній край неба, «крае-палатальныя», діакритическимъ знакомъ, извѣстнымъ изъ чешскаго письма. Подчеркиваю, что чешское ухо не удовлетворяется вмѣсто названныхъ звуковъ произношеніемъ русскихъ палатализованныхъ t́, d́, ń.

Фрикативные (но не «шипящіе») согласные соотвѣтствующаго образованія, крае-палатальныя «χ˖» и «j˖», встрѣчаются, сколько мнѣ извѣстно, лишь какъ несамостоятельные, переходные звуки при отворѣ затворныхъ этого образованія, см. **186**. Добавимъ, что они сливаются акустически съ параллельными образованіями слѣдующей группы, поэтому можно на практикѣ соединить тѣ и другія подъ одно общее обозначеніе; такимъ же образомъ можно, въ виду не существующаго на практикѣ разграниченія (**18**), соединить оттѣнки «ň» съ n̦ слѣдующаго въ **21** вида въ группу «твердонебнаго n̦», свойственнаго многимъ славянскимъ языкамъ, выбирая зависящій отъ обстоятельствъ общій знакъ; объ этомъ подъ явленіями «палатализаціи».

21. ț – d̦, k̦ – g̦, n̦, [χ] – j. По Педерсену, Den böhm. Udtale, стр. 116, уже чешскія ť, ď могутъ у иностранца вызвать извѣстное впечатлѣніе

звука переходнаго отъ категоріи «t» въ категорію «k». Для меня эти оттѣнки звучатъ еще рѣшительными t-d. Но стóитъ передвинуть затворъ лишь слегка далѣе взадъ, въ область «передне-палатальную», чтобы сдѣлалось невозможнымъ разграничить категоріи t : k, d : g вполнѣ опредѣленно другъ отъ друга. Эта область — зона образованія «j»; для обозначенія дорсальныхъ согласныхъ данной области, передне-палатальныхъ, пользуюсь поэтому вязью со знакомъ j.

Объективной границы между t — k, d — g этого образованія, какъ сказано, нѣтъ; выборъ ţ : ķ , ḑ : ģ зависитъ отъ субъективнаго рѣшенія (ср. м. пр. Grützner, Physiologie, стр. 224). Затворные такого неопредѣленнаго характера, между «k» и «t», можно бы, вѣроятно, указать въ разныхъ областяхъ славянскаго міра (ср. нерѣдкій переходъ «мягкаго» t, d въ переднее k, g, напр. «кіятеръ», Богородицкій, Русск. Грамм. стр. 92, «гля» вм. для и под.; см. Томсонъ, Общ. Яз. стр. 265). Мнѣ они особенно знакомы изъ болгарскаго и вообще изъ балканскихъ нарѣчій; сошлюсь на **85**; ср. далѣе Die Dialekte des südl. Serbiens стр. 43-44. — Сонорный носовой съ такимъ же затворомъ, «ņ», сливается по **20** акустически и артикуляторно съ упомянутой тамъ же краепалатальной параллелью въ «твердонёбное n», обыкновенную категорію, напр., южно-славянскихъ языковъ.

Звонкій фрикативный данной области, j, извѣстенъ по всему славянскому міру, но нигдѣ не разграниченъ категорически отъ i̯ (см. **212**); соотвѣтствующій глухой согласный, «χ̦», мнѣ неизвѣстенъ изъ славянской рѣчи какъ вполнѣ самостоятельный установочный звукъ — если не указать на болгарское письменное сочетаніе tk передъ i въ упомянутомъ **85** произношеніи — зато является часто въ видѣ переходнаго призвука послѣ взрыва передне-палатальныхъ затворныхъ, сл. **186**. И j — χ̦ сливаются акустически съ параллельными образованіями предшествующей артикуляціонной группы; ср. сказанное въ **20**.

22. ḱ — ǵ — x́ — γ́ — [ŋ́]. Задняя группа твердонёбныхъ, съ преградой между спинкой языка и задней частью твердаго нёба или даже около границы мягкаго нёба, согласные «задне-палатальные», имѣются въ нормальныхъ затворныхъ k, g и фрикативныхъ x, γ славянской рѣчи, когда эти согласные стоятъ передъ гласными передняго ряда (ср., напр., въ русскихъ словахъ кислый, гибнуть, хитрый, богиня и вообще въ соотвѣтствующихъ сочетаніяхъ другихъ языковъ); рѣже такая артикуляція обязана своимъ существованіемъ предшествующему гласному указаннаго ряда. — Мѣсто образованія преграды можетъ немного колебаться, въ зависимости отъ сосѣдства (ср. ki : ke : kä, припомнимъ однако слѣдующія въ **180** замѣтки); но исходя

отъ сочетаній ki gi xi γi, можно считать какъ затворныя, такъ и фрикативныя образованія данной группы принципіально тождественными во всѣхъ славянскихъ языкахъ.

Чѣмъ дальше впередъ, тѣмъ «мягче» эти образованія, т.-е., тѣмъ выше ихъ собственный звукъ. Но дальнѣйшее раздѣленіе группы не имѣетъ значенія; достаточно припомнить ея нѣсколько движимый характеръ. По звуковому строю славянскихъ языковъ мы привыкли считать артикуляцію данной группы «мягкимъ», «палатализованнымъ» оттѣнкомъ согласныхъ велярныхъ (**23**), и потому, насколько она нуждается въ особомъ обозначеніи, употребляемъ знаки ḱ, ǵ, x́, γ́. Соотвѣтствующаго оттѣнка ŋ, «ŋ́», я не наблюдалъ на славянской почвѣ; вѣроятно, онъ существуетъ въ сочетаніяхъ ŋki, ŋgi въ нарѣчіяхъ, выговаривающихъ передъ k, g велярное ŋ (**23**).

23. k — g — x — γ — ŋ. При согласныхъ мягконёбныхъ (велярныхъ) преграда образуется спинкой корневой части языка о мягкое нёбо. Это артикуляція затворныхъ k - g, фрикативныхъ x - γ, напр., передъ гласными задняго ряда: ka, gu и пр. Мѣсто образованія, какъ въ предыдущей группѣ, колеблется не мало, въ зависимости отъ окружающихъ звуковъ (ср. ka : ko : ku; насчетъ разныхъ мнѣній о подробностяхъ см. у Есперсена, Lehrbuch, стр. 45); чѣмъ дальше назадъ, тѣмъ «тверже» согласный, т.-е. тѣмъ ниже его собственный звукъ.

Припоминая упомянутое передвиженіе преграды по сосѣднимъ звукамъ (спеціально о «веляризаціи» въ узкомъ смыслѣ въ **189** сл.), можно вообще считать эти образованія принципіально тождественными во всѣхъ славянскихъ языкахъ. Нѣсколько варіируетъ однако артикуляція фрикативныхъ. Зона съуженія фрикативнаго языкового согласнаго лежитъ вообще нѣсколько взади отъ зоны затвора соотвѣтствующаго затворнаго, — вѣроятно, по причинѣ самой дугообразной формы свода надъ полостью рта[1]). При достаточно сильномъ приближеніи языка къ нёбу въ фрикативномъ образованіи, эта разница, однако, вообще не играетъ замѣтной акустической роли. Но согласные x - γ склоняются на славянской почвѣ иногда къ особенно открытому образованію, что и удаляетъ зону преграды взадъ («˂x») и дѣлаетъ фрикативный шумъ слабѣе. Такое слабо звучащее x извѣстно изъ великорусскаго языка (ср. **59**); оно очевидно представляетъ переходную степень къ развитію на мѣсто его фрикативнаго гортаннаго. Объ этомъ больше въ **52**.

---

[1]) Слѣдъ этой разницы имѣемъ вѣроятно въ польскомъ произношеніи ki, gi и chy.

Мягконёбный затворъ при открытомъ носовомъ пути даетъ велярное n, «ŋ», являющееся въ славянской рѣчи часто, правильно или спорадически, когда за n слѣдуетъ твердое k или g. Напр., въ словенскомъ яз., переданное Плетершникомъ «znânka» звучитъ znâŋka; ср. при случайной встрѣчѣ n съ велярнымъ затворнымъ въ предложеніи: žǽn — но žǽŋ-ga. Для образованной великорусской рѣчи Томсонъ отрицаетъ существованіе ŋ (ср. ниже **60**), но съ правомъ ли? Въ польскомъ, ŋ передъ велярными — явленіе совсѣмъ обыкновенное, а кромѣ того оно наблюдается также въ другихъ положеніяхъ, см. **68**. О ŋ въ чешскомъ см. **72**, въ сербскомъ **80**, въ болгарскомъ **85**. — Какъ случайное видоизмѣненіе обыкновеннаго, зубного n, ŋ остается, какъ извѣстно, безъ особеннаго обозначенія въ славянскихъ языкахъ и существенной роли не играетъ.

24. Какъ раньше приведенныя группы языковыхъ согласныхъ не отдѣляются другъ отъ друга опредѣленными границами, такъ и «задне-палатальные» и «велярные» представляютъ собой въ сущности цѣпь однородныхъ артикуляцій безъ физіологическаго разграниченія; ср. постепенное перемѣщеніе затворной зоны въ сочетаніяхъ ki — ke — kä — ka — ko — ku. Распредѣленіе этихъ оттѣнковъ лингвистъ долженъ предпринять сообразно съ особеннымъ строемъ отдѣльнаго языка или нарѣчія. Напр., въ великорусскомъ, съ ярко выступающими явленіями «палатализаціи», естественно разграничиваемъ k отъ ḱ, g отъ ǵ и т. д., между тѣмъ какъ, напр., въ сербскомъ естественнѣе соединяемъ всѣ оттѣнки въ одну группу «задненёбныхъ». Ср. общія замѣтки по «палатализаціи» **173** сл.

25. Перемѣна въ «собственномъ звукѣ» (**8**) описанныхъ рядовъ языковыхъ согласныхъ происходитъ главнымъ образомъ помощью перемѣщенія зоны преграды. Повышеніе звука («мягкость») достигается передвиженіемъ какъ переднихъ (зубныхъ), такъ и заднихъ (велярныхъ) образованій по направленію къ дорсальной группѣ «передне-палатальныхъ» (**21**); зубные притягиваются взадъ, велярные впередъ; и то и другое обозначаетъ собой сосредоточеніе массы языкового тѣла въ передней части ртовой полости, по направленію къ артикуляціи i — j. Чѣмъ ближе къ артикуляціи i — j, тѣмъ выше собственный звукъ согласнаго, тѣмъ «мягче» согласный. Можно, какъ при i, усилить повышеніе собственнаго звука еще и растяженіемъ губъ (**6**). — Пониженіе собственнаго звука достигается, обратно, прежде всего помощью удаленія преграды отъ названной, передне-палатальной области. Велярные уходятъ взадъ, а это обозначаетъ собой сосредоточеніе массы языкового тѣла въ задней части ртовой полости, по направленію къ артикуляціи u («веляризація»). Можно, какъ обыкновенно при гласномъ u, усилить пониженіе

собственнаго звука еще и округленіемъ губъ («лабіализація», **6**). Мѣсто преграды зубныхъ идетъ, напротивъ, впередъ; но можно усилить пониженіе ихъ собственнаго звука, соединяя корональное образованіе съ упомянутой «велярризаціей», т.-е. съ сосредоточеніемъ языковой массы взадъ, а далѣе и съ «лабіализаціей». Такая комбинація разныхъ моментовъ выступаетъ особенно замѣтно въ «зубной» категоріи слѣдующаго ряда согласныхъ, образованій л (**32**).

26. Объ образованіи согласныхъ **боковыхъ** см. выше **5**. О многочисленныхъ оттѣнкахъ, возможныхъ на основаніи артикуляціонной формы языка (затворъ корональный — дорсальный), мѣста затвора (затворъ зазубной, альвеолярный, твердонёбный и пр.), резонанса ртовой полости (звукъ «глубокій» или «темный», въ противоположность звуку «ясному» и под.), см., напр., у Сиверса, 313 сл. Въ славянскихъ языкахъ имѣемъ дѣло нормально лишь съ сонорными оттѣнками; если и можно иногда слышать шумъ тренія, то на практикѣ можно оставить его безъ вниманія. Нормально славянскіе звуки л, въ связи съ сонорнымъ характеромъ, бываютъ голосными, хотя и не трудно указать спорадическіе варіанты безголосные.

Опредѣляя ихъ по образованію затвора, находимъ въ славянскихъ звукахъ л рядъ артикуляцій, соотвѣтствующихъ въ главныхъ чертахъ раньше описаннымъ категоріямъ и группамъ языковыхъ согласныхъ. Однако, по особымъ свойствамъ боковыхъ образованій, выражающимся сильно въ ихъ акустическомъ дѣйствіи, приходится нерѣдко подчеркивать именно разницу «л» отъ согласныхъ параллельныхъ по мѣсту и формѣ преграды. Особенно замѣтно это при «ł», о которомъ въ **29** сл.

27. 1. Съ описаннымъ (**17**) для твердыхъ t — d — n затворомъ языка согласуется вообще образованіе зазубного l. Можно пользоваться затворами чисто зубнымъ, смѣшанно зубнымъ и альвеолярнымъ, или же чисто альвеолярнымъ, безъ замѣтной разницы. При болѣе или менѣе явной корональной формѣ языка, но безъ того сосредоточенія массы языка взадъ, которое характеризуетъ «ł» (**29** сл.), такое образованіе вызываетъ то акустическое впечатлѣніе, которое обыкновенно называется l «среднимъ», ср., напр., обыкновенное нѣмецкое l.

Такое l имѣемъ въ обыкновенномъ образованномъ польскомъ (Краковскомъ) «мягкомъ l» — lód, lodu, lipa и пр., — которое по моему можно отождествить съ нѣмецкимъ (ср. напр., польское «los» съ l въ нѣмецкомъ «Loos», см. **66**), а по Сторму, Engl. Phil. стр. 78 сл. и стр. 141, приблизительно съ французскимъ (elle, belle). Разница этого l отъ русскаго ль выступаетъ ясно при сопоставленіи, напр., женскаго имени Lola съ рус-

скимъ Лёля (Стормъ, l. c., стр. 314). Чаще всего затворъ польскаго l, повидимому, — чисто альвеолярный, лишь слабо варіируя сообразно съ окружающими звуками.

Приблизительно такимъ же среднимъ представляется l образованнаго чешскаго произношенія, по моему во всѣхъ положеніяхъ; наблюденіе Педерсена (Den böhm. Udtale стр. 118) о существующемъ при томъ «палатализованномъ» l, я по **72** не могъ бы подтвердить. Но чешское корональное l имѣетъ повидимому склонность различаться отъ «нормальнаго» средняго l образованіемъ своего затвора довольно далеко взади, въ области передняго края твердаго нёба («-l» или «l̩»). При слѣдующемъ гласномъ задняго ряда, напр., въ louka, это не даетъ себя такъ явно замѣчать, за то оно ясно слышно при слѣдующемъ i, напр. въ mléko (é = ī): переходъ отъ сильно конкавной формы передняго языка при l въ слѣдующую артикуляцію i требуетъ особеннаго, быстраго передвиженія кончика къ нижнимъ зубамъ. Такой «супрадентальный» затворъ l, придающій передней части языка довольно конкавную форму, нѣсколько понижаетъ собственный звукъ въ сравненіи съ обыкновеннымъ «среднимъ» l[1]).

Среднее l, съ альвеолярнымъ затворомъ, существуетъ далѣе въ словенскомъ языкѣ, въ Люблянѣ во всѣхъ положеніяхъ, т. е. также вмѣсто стараго lj: mélem (Плет. mẹljem), повелит. z-mæ̀l; «l̥di͡ẹ» (ср. Плет. ljudjẹ) и под. Такое-же, «среднее», корональное l наблюдается обыкновенно и въ сербскомъ языкѣ, напр. въ Мостарскомъ говорѣ (слаб, кола и т. д.)[2]); затворъ и здѣсь повидимому правильно — альвеолярный, передъ i какъ и передъ прочими гласными. О «мягкомъ» сербскомъ л см. **78**.

Наконецъ, альвеолярно-корональное l «среднее» выговаривается въ болгарскомъ передъ гласными e и i: ли, лицé, ли́ра, ли́ко (т. е. лыко), бо́ленъ (но женск. родъ съ ɫ «bóɫna» болна), и т. д. Мѣсто затвора согласуется здѣсь повидимому скорѣе съ упомянутымъ выше для чешскаго l; подъ вліяніемъ этого обстоятельства артикуляція слѣдующаго i склонна отойти взадъ, приближаясь по звуку къ категоріи «y». Болгарское среднее l, передъ e и i, имѣетъ при себѣ на одной сторонѣ палатализованное l', на другой сторонѣ ɫ, о которыхъ будетъ рѣчь ниже.

28. l'—l̆, l̦. Въ соотвѣтствіи съ палатализованными зубными имѣемъ

---

[1]) Понятенъ поэтому совѣтъ учителя французскаго языка своему чешскому ученику, сообщившему мнѣ объ этомъ, въ концѣ французскихъ словъ лучше не произносить -l, звучащаго-де у него слишкомъ «гуттурально».

[2]) Въ нарѣчіяхъ, напр. около Карловцовъ, встрѣчаются иногда уже слѣды «ɫ».

«палатализованное л», обозначаемое нами l̓; относительно облика языка, зоны его прикосновенія и положенія его кончика укажу на сказанное выше въ **18.** Собственный звукъ такого l̓ — выше l средняго; это выходитъ изъ сравненія русскаго «мягкаго л» съ польскимъ «мягкимъ» (т. е. среднимъ), ср. сказанное о Лёля: Lola въ **27**, или съ нѣмецкимъ среднимъ l (Лютеръ: Luther). Какъ видно, образованіе русскаго «мягкаго л» — т. е. л передъ я, ю, и, е, ѣ, ь — я считаю въ обыкновенномъ произношеніи «палатализованнымъ». Подобную артикуляцію я отмѣтилъ и въ малорусскомъ, напр. l̓ito лѣто, l̓is лѣсъ, люблю и др. А такое же образованіе по моимъ бѣглымъ наблюденіямъ можно приписать и болгарскому «мягкому л» (л́, љ), напр. лута, л́убени́ца, ле́лья (т. е. lél̓a — съ ясной разницей l : l̓).

Однако, l̓ такого образованія невозможно опредѣленно отграничить отъ чисто «палатальныхъ» видоизмѣненій, при которыхъ кончикъ языка спускается вполнѣ пассивно за нижніе зубы. Легко убѣдиться собственнымъ опытомъ, какъ l съ тѣмъ же самымъ собственнымъ звукомъ, т. е. акустически тождественныя «мягкія» l, можно артикулировать съ кончикомъ языка въ разномъ положеніи. Въ образованномъ русскомъ произношеніи, при палатализованномъ l̓, несомнѣнно выговаривается часто также l «краепалатальное», «ľ» (ср. **20**) или, можетъ быть, даже «передне-палатальное», «ḷ» (ср. **21**); укажу на сказанное раньше о ň : ņ и о разныхъ χ. При опредѣленіи «мягкаго л» нужно вообще довольствоваться описаніемъ артикуляціонной формы самой употребительной, внутри отдѣльнаго языка, не отрицая возможности граничащихъ видоизмѣненій. Для подробностей сошлюсь на систематизацію согласныхъ отдѣльныхъ описываемыхъ языковъ въ **55** сл.

29. ɫ. Изложенное въ **28** показываетъ, что съ одной стороны дорсальное образованіе затвора л въ твердонёбной области обыкновенно дѣлаетъ согласный «мягче», т. е., придаетъ ему высшій собственный звукъ въ сравненіи съ корональными передними оттѣнками, и что такимъ образомъ, видоизмѣненія въ затворѣ переднихъ л на практикѣ склоняются къ параллелизму съ раньше описанными согласными, — но что съ другой стороны главный факторъ, опредѣляющій въ сущности «твердость» и «мягкость» л, т. е. высоту его собственнаго звука, это — не столько самый затворъ, сколько положеніе языкового тѣла за даннымъ затворомъ. Послѣднее выступаетъ особенно ясно при извѣстныхъ подъ обозначеніемъ «ɫ» варіантахъ боковыхъ согласныхъ.

Образованіе этой особой категоріи описывается до сихъ поръ различно. Это объясняется тѣмъ, что желаемаго акустическаго результата дѣйстви-

тельно можно достигнуть при разнообразномъ положеніи языка [1]). Рѣчь идетъ объ образованіи л съ низкимъ собственнымъ звукомъ, приближающимся въ типичныхъ варіантахъ, напр. въ русскомъ лъ, къ собственному звуку гласныхъ o — u. Но каждому легко испытать на самомъ себѣ, что до такого резонанса или собственнаго звука можно дойти, будь затворъ л'а образованъ коронально, въ любой передней области рта, или дорсально въ передней или средней области неба. А именно ресонансъ зависитъ отъ положенія части языка, расположенной за затворомъ.

Насчетъ прежнихъ наблюденій и опредѣленій довольствуюсь указаніемъ на стр. 205 въ «Physiologie» Грютцнера, относящагося даже отрицательно къ опредѣленію образованія ł какъ «звукъ l», и на Сторма, Engl. Phil. стр. 44. По Свиту, русское ł образуется «back-divided»: языковое тѣло оттягивается взадъ; задняя его спинка или «корень» образуетъ затворъ, по средней линіи рта, о заднюю область неба; выдыхаемый токъ выходитъ по сторонамъ корня. Такою артикуляціей ł выдѣлялось бы отъ — акустически близкихъ — «вогнутыхъ» формъ л. По моимъ наблюденіямъ, обыкновенная артикуляція ł напротивъ какъ разъ — «вогнутая», т. е., кончикъ языка поднимается для образованія затвора въ передней части рта — чаще всего, скажемъ, затвора зазубного или альвеолярнаго, — передняя же часть языкового тѣла стягивается въ длинную, узкую форму, такъ что боковыя отверстія становятся длинными и просторными. Масса языкового тѣла такимъ образомъ отодвигается взадъ, сосредоточивается въ большей или меньшей степени въ среднюю или заднюю область ртовой полости, и артикулируетъ, слѣдовательно, по направленію къ мягкому нёбу на подобіе гласнаго задняго ряда.

Длинныя, сильно открытыя боковыя отверстія такого образованія имѣютъ послѣдствіемъ то, что «характерный шумъ», свойственный согласнымъ л (**8**), звучитъ особенно слабо, или въ типично развитыхъ ł почти исчезаетъ; онъ уступаетъ мѣсто болѣе или менѣе чистому гласному звуку, характеръ котораго зависитъ отъ положенія задняго языка, въ связи съ артикуляціей губъ. Ср. сказанное въ **12**, и отмѣтки о «веляризаціи» и «лабіализаціи» зубныхъ въ **25**.

30. Итакъ, хотя я признаю, что описанная «back-divided» (средне- или задненёбная) артикуляція ł существуетъ, даже, можетъ быть, часто, но по

---

[1]) Это выходитъ ясно тоже изъ описанія нынѣ изчезнувшаго чешскаго «ł» у Гуса, о геніальныхъ наблюденіяхъ котораго ср. Мурко, Johannes Hus и т. д. въ «Στρωματεις», Grazer Festgabe и т. д., Graz 1909. Корр. нота.

моимъ наблюденіямъ въ славянскихъ ł встрѣчаемъ чаще ту артикуляцію, при которой кончикъ языка упирается о переднюю область свода надъ полостью рта, а въ тоже время утолщенная задняя часть языка сосредоточивается въ средней или задней части ртовой полости; ср. замѣтки Есперсена о томъ и другомъ образованіи русскаго ł въ Lehrbuch, стр. 50 сл. [1]). Собственный звукъ всей артикуляціи опредѣляется главнымъ образомъ положеніемъ задняго языка; чѣмъ сильнѣе сосредоточеніе взадъ, тѣмъ обширнѣе становится образуемая впереди рта свободная полость, тѣмъ ниже собственный звукъ этой полости, и потому тѣмъ глубже (популярно «велярнѣе» или «гуттуральнѣе») звучитъ ł; пониженію собственнаго звука можетъ притомъ, какъ въ гласныхъ задняго ряда, способствовать еще и округленіе губъ.

Что вогнутое л, ł, допускаетъ, такимъ образомъ, въ сущности безчисленные варіанты, разумѣется безъ дальнѣйшихъ объясненій. Но отсутствіе опредѣленныхъ границъ, какъ акустическихъ, такъ и физіологическихъ, заставляетъ довольствоваться относительной оцѣнкой. Въ основаніе такой оцѣнки можно положить сравненіе собственнаго звука ł съ разными гласными [2]).

Самый глубокій собственный звукъ я склоненъ приписать вообще великорусскому ł, съ ресонансомъ, приближающимся къ гласному о; это предполагаетъ довольно энергичное сосредоточеніе языковой массы взадъ.

Въ наблюдаемомъ мною образованномъ малорусскомъ произношеніи это сосредиточеніе повидимому не такъ сильно. Заднее съуженіе въ связи съ тѣмъ лежитъ скорѣе въ области гласныхъ средняго ряда: изъ-подъ ł звучитъ скорѣе гласный элементъ вродѣ извѣстнаго нѣмецкаго неударяемаго е, напр., въ Gabe, чѣмъ собственно о. Близко къ этому оттѣнку ł состоитъ повидимому ł образованнаго краковскаго польскаго произношенія (насчетъ его употребленія см. замѣтки ниже, въ **67**); акустическое разстояніе между этимъ польскимъ ł и «l» того же нарѣчія (l «среднимъ», ср. **27**) становится, такимъ образомъ, значительно меньше разстоянія между ł и l' въ образованной великорусской рѣчи.

---

[1]) Произношеніе ł въ формѣ «back-divided», гдѣ такое существуетъ, представляетъ собой, надо полагать, исторически дальнѣйшее развитіе изъ артикуляціи съ переднимъ затворомъ. Это по моему слѣдовало бы подчеркнуть въ такомъ изложеніи какъ у Вондрака, Vgl. Slav. Gram. 290 сл., гдѣ вопросъ объ образованіяхъ разныхъ л, впрочемъ, поставленъ въ главныхъ чертахъ правильно.

[2]) Не трудно убѣдиться, что, упирая кончикъ языка, напр., о верхнюю десну, можно произносить почти любой гласный, особенно легко гласные задняго ряда: а, о и под. Русскаго ł иностранцы достигаютъ, по моему опыту съ учениками, безъ трудности помощью указанія, чтобъ они, упирая кончикомъ языка за верхніе зубы, выговаривали по возможности чистое о.

Приблизительно тождественно съ описаннымъ (малорусскимъ и) польскимъ ł звучитъ по моему и болгарское, напр. въ ла́мба, ло́шо, луна́, ко́лко, бо́лна.

Еще ближе къ тому l, которое называется по приблизительной и субъективной оцѣнкѣ «среднимъ», стоятъ такія слабо вогнутыя л, какъ наблюдаемыя мною въ славянскихъ нарѣчіяхъ восточной Венгріи (Арх. XVII стр. 335; «Studien» стр. 27). Вообще, постепенный физіологическій и акустическій переходъ, безъ границъ хоть нѣсколько опредѣленныхъ, продолжается отъ самыхъ глубокихъ ł прямо до «средняго» l, а отсюда дальше въ палатализованное l' и палатальное l̆ — l̦.

31. Акустическими свойствами согласныхъ л, а именно первенствующимъ значеніемъ собственнаго звука надъ характернымъ шумомъ (**6**), особенно при типахъ съ широкими боковыми отверстіями, объясняется, какъ мы видѣли, возможность такого полиморфизма, какъ, напр., существованіе «back-divided» ł и «вогнутаго» ł другъ при другѣ; дальше ими объясняется и та легкость, съ которой л, теряя затворъ, развивается въ гласный. И артикуляціонная форма и характеръ собственнаго звука особенно способствуютъ развитію болѣе или менѣе вогнутаго ł въ гласный o или u. Этотъ переходъ, какъ извѣстно, встрѣчается и индивидуально и діалектически весьма часто въ славянской рѣчи.

32. Раздѣленіе **звуковъ р (r)** на раскатистые и не раскатистые (ср. у Сиверса) для славянской рѣчи не имѣетъ значенія. Славянскіе языки знаютъ, какъ мнѣ извѣстно, исключительно раскатистые, притомъ въ сравненіи напр. съ германскими языками, вообще явственнѣе, даже сильно раскатистые оттѣнки. Раскаты производятся нормально кончикомъ языка, вибрирующимъ о зубную область (ср. въ **33**); образованія r славянскихъ языковъ принадлежатъ, такимъ образомъ, нормально къ категоріи «зубныхъ», въ широкомъ смыслѣ слова. Зато при сонорныхъ, нормально звонкихъ, твердомъ r и палатализованномъ ŕ, существуетъ еще шумное «ř»; въ немъ къ раскатистому голосному звону примѣшивается шумъ фрикативный, ряда s — š.

Подробную, вообще правильную обработку общихъ выводовъ о звукахъ r, на основаніи разныхъ изслѣдованій, даетъ Dolanský, O výslovnosti hlásky r (Věstník čes. prof. 1901, стр. 243 сл.). Самостоятельное измѣреніе раскатовъ у Усова, Эксп. Фон. стр. 19[1]).

33. r. При образованіи переднеязычныхъ r боковые края языка упираются о боковые зубы и десны. Образуется, такимъ образомъ, между нёбомъ и поверхностью языка труба, закрываемая спереди эластичной крышкой — переднимъ языкомъ, приподнятымъ коронально о зубную область. Про-

---

[1]) Ср. еще у Фринты, Novočeská Výslovnost, особенно стр. 107. Корр. нота.

ходящій по описанной «трубѣ» выдыхаемый токъ, сгущенный за «крышкой», толкаетъ послѣднюю впередъ; эластичность крышки возвращаетъ ее назадъ, для новыхъ толчковъ. Такъ получаются раскаты. — r «твердое» можно въ сочетаніи ra считать тождественнымъ во всѣхъ славянскихъ языкахъ. Вибрирующій кончикъ языка обыкновенно, повидимому, бьетъ о заднюю сторону десны рѣзцовъ. Сравнительно съ обыкновенными t, d, артикуляція «твердаго r» оттягиваетъ, такимъ образомъ, край языка немного назадъ; ср. Есперсенъ, Lehrbuch, стр. 40.

34. ŕ. Оттѣнки собственнаго звука переднеязычныхъ образованій r зависятъ частью отъ положенія губъ — округленіе, «лабіализація», даетъ низшій (болѣе «твердый»), а растяженіе высшій (болѣе «мягкій») оттѣнокъ — частью же отъ положенія языкового тѣла за вибрирующей его частью. Съуживая описанную въ 33 «трубу», помощью приближенія передней спинки языка къ твердому нёбу — эвентуально въ связи съ растяженіемъ губъ — мы дѣлаемъ звукъ «мягче», т.-е. повышаемъ его собственный звукъ. Это замѣтно при сравненіи, напр., ra, ro съ re, ri и въ тѣхъ славянскихъ языкахъ, въ систему которыхъ не входитъ «палатализація» въ узкомъ смыслѣ слова. Еще замѣтнѣе оно выступаетъ при «палатализованномъ r», ŕ, напр., въ великорусскихъ сочетаніяхъ рь, ря и т. д. Такое ŕ представляетъ собой соединеніе корональной или полукорональной («blade») артикуляціи, необходимой для произведенія раскатовъ, съ болѣе или менѣе сильнымъ приближеніемъ передней спинки языка по направленію къ передне-палатальной области. Присоединеніе такого согласнаго къ группѣ «палатализованныхъ зубныхъ» нужно поэтому понимать условно; оно основывается не столько на артикуляціонномъ, сколько на акустическомъ соотвѣтствіи.

Упомянутое дорсальное поднятіе среднихъ языковыхъ частей при ŕ двигаетъ невольно весь передній языкъ впередъ. Подъ вліяніемъ этого обстоятельства боковые края языка упираются въ верхнія десны на бóльшемъ пространствѣ, чѣмъ при r «твердомъ»; другими словами, уменьшается вибрирующая часть языкового кончика, бьющаго въ ŕ приблизительно о нижній край десны рѣзцовъ. Уже при такомъ образованіи становится, по крайней мѣрѣ для нерусскаго, труднѣе развивать ясные раскаты. Маленькій объемъ вибрирующей «крышки» повидимому требуетъ нѣсколько болѣе сильнаго выдыхательнаго давленія, чтобы развивать вибрирующія движенія. Не поэтому ли «мягкое r» въ славянскихъ языкахъ показываетъ бòльшую склонность исчезать, переходя то въ «r твердое», то въ сочетаніе rj, чѣмъ, напр., «мягкія» l, n?

35. ř. Уже при образованіи въ родѣ русскаго ŕ, если усиливается вы-

дыхательное давленіе, легко развивается фрикативный призвукъ. Правильно, однако, русское ŕ остается еще вполнѣ сонорнымъ согласнымъ, безъ яснаго призвука упомянутаго рода. Но если съуженіе отверстія «трубы» (**33**) идетъ еще дальше, если прикладываются плотно къ зубамъ-деснамъ края также и передняго языка, оставляя для вибраціи лишь маленькую, самую переднюю часть передней каймы языка, то вибраціи этой каймы сопровождаются свистящимъ или шипящимъ шумомъ, вызваннымъ треніемъ выдыхаемой струи о края узкаго отверстія и ея разбиваніемъ о край зубовъ (ср. **37**). Такое соединеніе раскатистаго r съ фрикативнымъ шумомъ представляетъ чешское ř (голосное, съ безголоснымъ варіантомъ ř̥). Сопровождающій шумъ можно сопоставить съ шумомъ корональнаго ž — š передняго видоизмѣненія (ср. **41—42**). Укажемъ для дальнѣйшихъ подробностей на **71 — 72**; о ř у Томсона Общ. Яз. стр. 205 и у Доланскаго въ приведенной подъ **32** статьѣ. — Въ ř раскатистыя образованія, какъ сказано, покидаютъ рядъ сонорныхъ согласныхъ. Уже легкій переходъ ř въ ř̥ подъ вліяніемъ окружающихъ звуковъ показываетъ это (см. **200**). Дальнѣйшее развитіе этого образованія представляетъ повидимому польское «rz», гдѣ вибраціи потеряны, а осталось лишь шипѣніе, т.-е. (корональное) ž — š.

36. Изъ образованій, замѣняющихъ иногда раскатистое переднеязычное r, мнѣ извѣстно изъ славянской рѣчи лишь r «увулярное», вибраціи язычка. Вообще и этотъ субститутъ наблюдается рѣдко и, сколько мнѣ извѣстно, лишь какъ индивидуальность. Я слышалъ его только у образованныхъ и не берусь рѣшить, возникло ли такое произношеніе подъ чужимъ вліяніемъ или само собой. Разницу между «твердымъ» и «мягкимъ» r можно сохранить и при такой артикуляціи r: для повышенія собственнаго звука послѣдняго передній языкъ поднимается въ положеніе i или высокаго e. — Въ пѣніи (образованнаго человѣка) мнѣ приходилось слышать сербское слоговое r, напр., въ «врло», при удлиненномъ тонѣ, въ видѣ «tremulo» голосовыхъ связокъ, которое лишь въ концѣ звука преобразовалось въ краткое зубное r.

37. Образованіе фрикативныхъ „**свистящихъ**“ и „**шипящихъ**“, т.-е. категорій «s» и «š», какъ извѣстно, до послѣдняго времени причиняетъ изслѣдователямъ много затрудненій. Существенныя черты образованій вообще правильно и хорошо описаны, съ приведеніемъ палатограммъ, у Томсона, Общ. Яз. стр. 194—95, не отмѣтившаго только разныхъ артикуляціонныхъ оттѣнковъ категоріи шипящихъ.

Слѣдуетъ подчеркнуть слѣдующіе моменты образованія. При обѣихъ категоріяхъ выдыхаемый токъ проходитъ по желобку вдоль средины поверхности языка. При «свистящихъ» выдыхаемая струя — поýже, при «шипя-

щихъ» пошире; поэтому для свистящихъ образуется желобокъ узкій, для шипящихъ, скажемъ, «каналъ». Самая сильная часть характернаго шума той и другой категорій получается отъ разбиванія выдыхаемой струи о край рѣзцовъ. Артикуляція языка стремится, при образованіи желобка-канала, къ тому, чтобы проходящая по нимъ выдыхаемая струя получила направленіе именно на зубы; это и объясняетъ намъ при шипящихъ поднятіе крупной части поверхности языка къ нёбу; если сравнить палатограммы шипящихъ съ образованіями «χ̬», то близость этихъ артикуляцій другъ къ другу очевидна: главная разница въ акустическомъ дѣйствіи зависитъ прежде всего именно отъ направленія выдыхаемой струи (ср. м. пр. у Грюцнера, Physiologie стр. 222—23, вслѣдъ за Brücke; далѣе описаніе Есперсена, Handbuch стр. 48 сл.).

Разница свистящихъ отъ шипящихъ основана на слѣдующемъ. При типичныхъ свистящихъ тонкая выдыхаемая струя изливается подъ небольшимъ угломъ прямо на переднюю десну и передніе рѣзцы, отсюда на край нижнихъ зубовъ; отъ того острый шумъ и вообще высокій собственный звукъ. При типичныхъ шипящихъ каналъ для прохода выдыхаемой струи болѣе объемистый, образуется далѣе взади; передъ нею, за передними зубами, образуется такимъ образомъ «котелъ», особый резонаторъ, къ которому присоединяется полость передъ зубами, ограниченная спереди щеками и губами. Разбиваясь о край зубовъ, выдыхаемая струя приводитъ и воздухъ въ этомъ резонаторѣ въ «шипѣніе»; такимъ образомъ получается сложный характерный шумъ шипящихъ. Величину описаннаго особаго резонатора можно регулировать и передъ зубами и за зубами, помощью языка и губъ. Чѣмъ «котелъ» больше (или спереди закрытѣе), тѣмъ ниже становится собственный звукъ шипящаго, т.-е., по популярной терминологіи, тѣмъ «тверже» шипящій; обратно, чѣмъ меньше описанный резонаторъ, тѣмъ выше собственный звукъ, тѣмъ «мягче» шипящій.

Вопросъ о томъ, вліяетъ ли и полость за желобковидной преградой замѣтнымъ образомъ на собственный звукъ шипящихъ (и слитныхъ), мы можемъ оставить въ сторонѣ; однако, обращаю вниманіе на замѣтки о сербскомъ č ниже въ **49**.

38. Къ сказанному въ **37** слѣдуетъ далѣе добавить, что упомянутый, свойственный шипящимъ резонаторъ, «котелъ», передъ желобковиднымъ съуженіемъ, можно образовать при двухъ разныхъ положеніяхъ передней части языка. На эту артикуляціонную сторону шипящихъ не всегда обращалось должное вниманіе; но для славянской рѣчи она не маловажна.

Можно поднять кончикъ языка вверхъ, образуя переднюю часть канала

для выдыхаемой струи между краемъ языка и нёбомъ; струя изливается тогда черезъ кайму языка въ «котелъ», заднюю стѣнку котораго образуетъ нижняя площадь языка. Это — шипящіе «корональные». Чѣмъ дальше все языковое тѣло оттягивается взадъ, тѣмъ больше становится «котелъ», тѣмъ ниже его собственный звукъ, т.-е., тѣмъ «тверже» шипящій.

Но можно также согнуть кончикъ языка внизъ, образуя каналъ для выдыхаемой струи спинкой языка; струя изливается тогда въ «котелъ», задней стѣнкой котораго служитъ, по крайней мѣрѣ отчасти, верхняя площадь (кончика) языка. Это — шипящіе «дорсальные». Увеличеніе характеристическаго «котла», для такихъ шипящихъ достигается, кромѣ губъ, согнутіемъ внизъ все большей части передняго языка. Но движимость собственнаго звука шипящихъ этого вида довольно ограничена; постепенный переходъ ведетъ отъ нихъ скоро къ звукамъ другихъ категорій, съ одной стороны — къ палатализованнымъ свистящимъ, съ другой — къ образованіямъ «χ».

Уменьшая вмѣстимость «котла», эвентуально растягивая притомъ губы, можно сдѣлать шипящіе корональнаго образованія столь же «мягкими», сколько шипящіе дорсальные. Уже этимъ переходъ одного вида шипящихъ въ другой становится во многихъ случаяхъ легкимъ. Вполнѣ удовлетворительнаго разграниченія двухъ видовъ ни акустически, ни даже — для переднихъ оттѣнковъ — артикуляторно нельзя установить. Но, какъ сказано, физіологія славянской рѣчи требуетъ различенія этихъ видовъ.

Послѣ этихъ общихъ замѣтокъ перейдемъ къ группировкѣ свистящихъ и шипящихъ согласныхъ славянскихъ языковъ.

39. s — z. Принимая во вниманіе упомянутую въ **5** условность понятія «корональный» при образованіи свистящихъ, можно на сторону t — d (**17**), въ рядъ «твердыхъ зубныхъ», ставить также «твердые» фрикативные согласные свистящіе, обыкновенныя славянскія s — z. Сочетанія какъ sa, za можемъ считать тождественными во всѣхъ славянскихъ языкахъ. Кончикъ языка сгибается слабо, нижній край его касается задней стѣнки нижнихъ зубовъ, мѣшая такимъ образомъ образованію свойственнаго шипящимъ «котла» около зубовъ. Характеристическій желобокъ для выдыхаемой струи покрывается сверху — по крайней мѣрѣ при устьѣ — верхней десной.

Примѣчаніе. Возможность извѣстныхъ варіацій (ср. напр. у Траутмана, Die Sprachlaute, стр. 189) не играетъ для насъ большой роли[1]). О возможности извѣстной общей разницы между нѣмецкимъ и русскимъ s ср. однако у Богородицкаго, Русск. Грам. стр. 7.

---

[1]) Ср. далѣе у Фринты, Novočeská Výslovnost стр. 104. Корр. нота.

40. ś — ź. Палатализованнымъ ť, ď (**18**) соотвѣтствуютъ «палатализованныя» ś — ź, ср. сь, зь, ся и т. д. въ обыкновенной образованной великорусской рѣчи. Кончикъ языка лежитъ приблизительно какъ при s — z, сгибаясь лишь слегка еще впередъ и внизъ; одновременно нѣсколько бо̀льшая часть передняго языка поднимается къ небу. Желобокъ для выдыхаемой струи при такой артикуляціи покрывается сверху отчасти задней стороной десны, отчасти (и нерѣдко исключительно?) граничащимъ съ десной краемъ твердаго нёба.

41. ș̌ — ẓ̌. Начинающееся болѣе сильное сгибаніе конечной части языка при описанной въ **40** артикуляціи даетъ уже первый зачатокъ образованія «котла» за передними зубами. При постепенномъ дальнѣйшемъ сгибаніи кончика внизъ, ś — ź переходятъ во все болѣе ясный шипящій звукъ, производящій своимъ высокимъ собственнымъ звукомъ «мягкое» впечатлѣніе. Безъ опредѣленной акустической или артикуляціонной границы мы переходимъ, такимъ путемъ, отъ мягкаго ś — ź въ «дорсальные шипящіе согласные». Области образованія ť, ď — ţ, ɡ приблизительно соотвѣтствуютъ согласные «ș̌» — «ẓ̌». Типичные примѣры такой артикуляціи представляетъ польская рѣчь въ согласныхъ, обозначаемыхъ на письмѣ ś - ź или, передъ гласными, si, zi. Ихъ образованіе поняли правильно Траутманъ (Die Sprachlaute стр. 195) и Грютцнеръ (Physiologie стр. 220); ихъ различіе отъ польскихъ sz, ż (**42**) характеризуется вѣрно въ «Szkic-ѣ» Розвадовскаго.

Подобное развитіе «мягкихъ s, z» въ ș̌, ẓ̌ наблюдается въ образованномъ малорусскомъ языкѣ; далѣе въ разныхъ народныхъ нарѣчіяхъ, напр., въ восточной Венгріи, въ западной Россіи; именно эту артикуляцію нужно, очевидно, часто подразумѣвать подъ транскрипціей «шь», «жь». Но и на другомъ звуковомъ основаніи развилась подобная артикуляція; въ московскомъ нарѣчіи встрѣчается весьма часто—болѣе или менѣе долгое — ș̌, ẓ̌ вмѣсто письменнаго щ (сч), зж или жж, напр., въ «защищать», «уѣзжать» и под.

42. š — ž, [š́ — ž́]. Современные представители старшихъ ш, ж выступаютъ въ славянской рѣчи повсюду, болѣе или менѣе отчетливо, въ артикуляціи корональной (**38**), обозначаемой мною š, ž. Къ этой категоріи принадлежатъ русскія ш, ж, польскія sz, ż (и rz), чешскія š, ž и т. д.

О движеніяхъ, повышающихъ или понижающихъ собственный звукъ, т. е. дѣлающихъ категорію относительно «мягкой» или «твердой», сказано въ **38**. Округленіе губъ для пониженія собственнаго звука, безъ сомнѣнія, встрѣчается и на славянской почвѣ; см., напр., мое «Описаніе одного говора», § 8. Но вообще губы играютъ повидимому въ данномъ случаѣ у славянъ лишь второстепенную роль; главнымъ факторомъ для опредѣленія собствен-

наго звука служитъ движеніе языкового тѣла то взадъ, то впередъ. Можно, такимъ образомъ, различать по артикуляціи оттѣнки, напр. «передніе» — «задніе», даже эвентуально «средніе», но безъ дѣйствительнаго разграниченія и лишь въ смыслѣ относительной, субъективной оцѣнки. До абсолютныхъ измѣреній собственнаго звука физическими приборами наука, насколько мнѣ извѣстно, еще не дошла.

Въ сравненіи съ корональными зубными затворными, кончикъ языка при всѣхъ образованіяхъ š, ž, даже самыхъ переднихъ («мягкихъ») оттѣнкахъ, лежитъ далѣе взади. Это прямо объясняетъ такую ассимиляцію, какъ отмѣченный въ **17** переходъ t, d подъ вліяніемъ š, ž въ ˗t, ˗d (ṭ, ḍ), затворные «супрадентальные» или, при «твердыхъ», сильно оттянутыхъ оттѣнкахъ š, ž, даже въ «церебральные». — Относительно оттянутымъ положеніемъ языкового тѣла далѣе объясняется, что при естественномъ сохраненіи послѣ ş̌, ẓ̌ гласной артикуляціи i, такой гласный послѣ š, ž невольно приближается къ гласнымъ, образуемымъ съ массою языкового тѣла далѣе взади, т.-е. «средняго ряда»; звукъ приближается болѣе или менѣе къ гласному «у»; ср., напр., произношеніе русскихъ сочетаній ши, жи, польское szy, ży.

Примѣчаніе. Какъ мы упомянули выше, возможность безчисленныхъ оттѣнковъ š, ž по «мягкости» и «твердости» позволяетъ пока лишь относительное опредѣленіе, посредствомъ прямого сравненія для каждаго отдѣльнаго случая. По такой оцѣнкѣ, напр., Богородицкій высказывается по поводу шипящихъ словенскаго говора Бледа (Діал. Зам. VI стр. 24), хотя весьма осторожно, о «впечатлѣніи нѣкоторой смягченности по сравненію съ соотвѣтствующими общерусскими согласными». Добавимъ, что внутри отдѣльнаго нарѣчія или группы нарѣчій я не знаю примѣра, гдѣ бы существовало больше одной категоріи корональныхъ шипящихъ. Поэтому и можно вообще довольствоваться, для отдѣльнаго нарѣчія, однимъ знакомъ, оцѣнивъ по возможности обозначаемый имъ звукъ въ сравненіи съ подобнымъ шипящимъ другихъ языковъ или нарѣчій. — Въ случаѣ надобности можно обозначать лабіализованные корональные шипящіе š̫, ž̫, отчетливо передніе оттѣнки š˗ ž˗, отчетливо задніе («твердые») ˗š ˗ž. Извѣстные знаки ś̌ ź̌ (š́ ž́) удобно сохранить для обозначенія «мягкихъ» шипящихъ, гдѣ не беремся рѣшить, имѣемъ ли передъ собой образованіе корональное или дорсальное; такъ они и употребляются въ настоящемъ очеркѣ.

43. При свистящихъ и шипящихъ согласныхъ стòитъ обратить особенное вниманіе на отношеніе къ граничащимъ съ ними по акустикѣ и арти-

куляціи согласнымъ образованіямъ. Въ **41** отмѣчено, что ś — š, ź — ž переходятъ другъ въ друга постепенно, безъ опредѣленной границы. Далѣе, отъ š — ž переходъ въ χ — j происходитъ постепенно же, черезъ мелкія артикуляціонныя перемѣны. Легко убѣдиться, что продолженіе того движенія, которое ведетъ отъ s черезъ ś въ š, т.-е., прежде всего, сгибаніе все бо̀льшей части передняго языка внизъ отъ области верхнихъ зубовъ и десны, скоро ведетъ къ границѣ, за которой дорсальная артикуляція языка вообще не даетъ больше звука категоріи š, но лишь упомянутое въ **20 — 21** образованіе χ. И мелкія перемѣны другого рода въ поверхности языка, напр., незначительное удаленіе отъ нёба, ведутъ постепенно отъ š въ категорію χ, или же въ звуки переходные между š и χ. Измѣненное акустическое дѣйствіе зависитъ, по **37**, отъ измѣненнаго направленія выдыхаемой струи, разбиваніе которой о край зубовъ представляетъ главный моментъ въ характерномъ шумѣ шипящихъ.

Подобно тому и болѣе задніе оттѣнки категоріи š не далеки и не ясно разграничены отъ болѣе заднихъ образованій x. Не трудно убѣдиться въ этомъ, если, исходя отъ x (лучше всего отъ самыхъ заднихъ) и удерживая поднятою заднюю языковую спинку, поднять притомъ и переднія части языка: какъ только выдыхаемый токъ посредствомъ этого движенія въ достаточно тонкой струѣ получаетъ направленіе, заставляющее его разбиваться о передніе зубы, мы стоимъ передъ корональнымъ š, задняго оттѣнка.

При шипящихъ корональныхъ движеніе кончика языка впередъ по **38** повышаетъ собственный звукъ согласнаго; такимъ путемъ можно дойти до звуковъ š, ž столько же «мягкихъ», какъ и дорсальные шипящіе š ž. Но переходъ одной категоріи въ другую, который, значитъ, легко понятенъ на основаніи акустическаго приближенія или даже совпаденія, достигается указаннымъ путемъ и артикуляторно; а именно, такое š, при которомъ кончикъ языка двигается сильно впередъ, обликомъ передняго языка уже по неволѣ приближается настолько къ артикуляціи передняго š, что трудно даже указать дѣйствительную границу; новый примѣръ часто повторяющагося явленія въ мірѣ звуковъ: категоріи, въ типичныхъ представителяхъ явно различныя, въ менѣе типичныхъ сходятся безъ разграниченія.

44. Какъ особый родъ шумныхъ согласныхъ, при затворныхъ и фрикативныхъ, выставлены въ **7** для славянской рѣчи т. н. „**слитные**“. Названіе указываетъ на присутствіе и затворнаго и фрикативнаго элементовъ, при чемъ тотъ и другой образованы въ томъ же мѣстѣ или области, и одной и той же частью языка. О разныхъ возможныхъ слитныхъ согласныхъ («аффрикатахъ») см. напр. у Томсона, Общ. Яз. стр. 191. Въ славянской рѣчи

встрѣчаемъ лишь слитные, въ составъ которыхъ входятъ затворъ какого-нибудь t—d, въ широкомъ смыслѣ, со слѣдующимъ фрикативнымъ образованіемъ свистящимъ или шипящимъ. Такіе слитные согласные существуютъ во всѣхъ славянскихъ языкахъ съ праславянскаго времени. Въ звуковой ихъ системѣ они выступаютъ какъ нераздѣльныя согласныя единицы, ср. обозначеніе въ первоначальныхъ азбукахъ не какой-нибудь лигатурой, а самостоятельными знаками. Новаковичъ (Физ. гласа, стр. 27) правильно вводитъ эти звуки въ группу «мгновенныхъ», на ряду съ к — г, т — д и пр. Можно употребить для нихъ выраженіе «затворные (взрывные) свистящіе и шипящіе»; съ обыкновенными согласными взрывными они раздѣляютъ «затворъ», «выдержку затвора» и до извѣстной степени «отворъ» (взрывъ), только что «рекурсія» (Богородицкій) идетъ другимъ путемъ, а именно черезъ звукъ свистящій или шипящій; такая особенность «рекурсіи» является особенно легко, когда зона затвора широка, какъ обыкновенно при дорсальныхъ (альвеолярныхъ и передненёбныхъ) затворныхъ, такъ какъ широта этой зоны затрудняетъ мгновенную оттяжку языка отъ свода надъ полостью рта.

Форма затворной части, входящей въ настоящій слитный согласный, опредѣляется вообще фрикативной его частью; напр., отмѣченное въ **5** для s — z особенное видоизмѣненіе корональности замѣчается и въ элементѣ «t» слитнаго согласнаго «c» (ц): затворъ образуется уже между верхней площадкой кончика языка и десной, а крайній край спущенъ внизъ, различно отъ обыкновеннаго, «твердаго t». Указанный моментъ правильно оцѣненъ у Розвадовскаго, Szkic, стр. 12. А именно въ этой чертѣ лежитъ артикуляціонная разница настоящаго слитнаго согласнаго отъ сочетанія обыкновеннаго затворнаго съ фрикативнымъ, напр. «c» отъ t + s — тамъ, гдѣ категорическая разница существуетъ[1]). Поэтому слитные согласные и практически описываются и группируются по характеру того фрикативнаго (свистящаго — шипящаго) элемента, который составляетъ вторую ихъ часть. — Употребляя по давно принятому обычаю особый знакъ для слитныхъ безголосныхъ, имѣемъ основаніе ввести такой же и для слитныхъ голосныхъ.

---

[1]) Само собою разумѣется, что такая граница легко стирается. Напр., t въ сочетаніи t + s, путемъ чуть замѣтной ассимиляціи, получаетъ такую же артикуляціонную форму какъ въ настоящемъ «c». Наблюденія показываютъ, что разграниченіе на дѣлѣ нерѣдко стерто; см. напр., «Описаніе одного говора», стр. 55 — 56; о польскомъ ниже, въ **69.** — Прибавимъ здѣсь же, что внутренняя связь затворной части слитнаго согласнаго съ обыкновенными затворными въ томъ же самомъ языкѣ вызываетъ иногда положительное дѣйствіе со стороны затворной части на фрика-

45. c̣ — ȥ. Въ рядъ «твердыхъ зубныхъ» входятъ изъ слитныхъ безголосное «c», голосное «ȥ», соотвѣтствующія вообще образованіямъ s — z (**39**). Въ сочетаніяхъ ca, ȥa можно считать ихъ принципіально тождественными во всѣхъ славянскихъ языкахъ. c находимъ повсюду, но не ȥ; образованія слитныхъ голосныхъ проявляютъ вообще меньшую стойкость затворнаго элемента, повидимому по причинѣ извѣстной меньшей его силы въ сравненіи съ затворными безголосными (ср. **54**); слитные звонкіе потому, какъ извѣстно, чаще переходили просто въ фрикативные, между тѣмъ какъ глухіе остались аффрикатами (ср., напр., русское «свѣча» при «межа»); при c находимъ потому чаще z на мѣстѣ старшаго ȥ.

46. ć — ȥ́. Въ рядъ «палатализованныхъ зубныхъ» входятъ подобнымъ образомъ безголосное «ć», голосное «ȥ́», соотвѣтствующія вообще ś — ź (**40**). Образованная великорусская рѣчь имѣетъ лишь «твердое c» (**45**); ć зато встрѣчается часто въ великорусскихъ говорахъ. Въ образованной малорусской рѣчи вм. «мягкаго c» произносится č̢ (**47**); такъ напр., въ «цісарь», ср. **61**; но «ć» извѣстно изъ народныхъ говоровъ, не развившихъ еще столь далеко палатализаціи «мягкаго c»; такъ напр., въ Угрорусскомъ, см. Арх. XVII стр. 338 и др.

47. č̢ — ȥ̌. Какъ типъ ś — ź по **40** — **41** постепеннымъ переходомъ связанъ съ типомъ š̢ — ž̢, такъ и слитныя ć — ȥ́ не разграничены опредѣленнымъ образомъ отъ слитныхъ, соотвѣтствующихъ послѣднему типу шипящихъ, и обозначаемыхъ мною č̢ — ȥ̌[1]). Слѣдовательно въ нихъ имѣемъ артикуляцію передней спинки языка о крае-палатальную или, можетъ быть чаще, о передне-палатальную область. Указаннымъ выше отсутствіемъ физіологической границы объясняется, напр., извѣстное издавна изъ сѣверновеликорусскихъ (новгородскихъ) нарѣчій колебаніе «ць» и «ч».

Типичные примѣры č̢, ȥ̌ представляетъ польская рѣчь въ своихъ письменныхъ ć, dź (ci-, dzi-), напр., cień, dzień. Они представляютъ полную параллель къ упомянутымъ въ **41** si-, zi-.

Съ этими польскими слитными можно часто (чаще всего?) отождествить типичные виды сербско-хорватскихъ слитныхъ ћ — ђ, по Новаковичу скорѣе «крае-палатальныхъ» (ср. Физ. гласа, стр. 51). Фрикативная часть этихъ

тивную часть слитнаго и съ тѣмъ на весь слитный согласный. Такъ, образованіе чешскаго č немного впереди отъ чешскаго š, стоитъ вѣроятно въ связи съ артикуляціей t въ томъ же языкѣ; ср. то обстоятельство, что описанное въ **17** переднее образованіе сербскихъ t — d имѣетъ параллель въ особомъ переднемъ оттѣнкѣ сербскаго č (**49**).

[1]) По избранной системѣ обозначенія получился бы знакъ «ȥ̌́», что упрощаю въ ȥ̌.

сербскихъ согласныхъ звучитъ, впрочемъ, то болѣе по направленію къ ś—ź, приближая образованіе скорѣе къ ć—ź (**46**), то болѣе по направленію къ ş—ẓ. Объясненіе этого колебанія можно находить аналогично съ выше сказаннымъ по поводу сѣвернорусскаго колебанія ць : ч. Можно, однако, выставить еще и другое объясненіе, а именно то, что колебаніе въ сербскомъ произношеніи зависитъ до извѣстной степени отъ разнаго образа «отвора» затворной части слитнаго согласнаго: можно отворить всю зону затвора приблизительно одновременно — какъ это повидимому обыкновенно бываетъ въ польскихъ ç, ẓ; но можно также сперва сгибать кончикъ языка дальше внизъ, передъ тѣмъ какъ отворить остальной затворъ; въ послѣднемъ случаѣ выдыхаемая струя при отворѣ легко получаетъ направленіе, не вызывающее шипящаго шума (ср. **37** и **43**; укажемъ также на замѣтки въ **19**). Къ объясненію упомянутаго колебанія послѣдней составной части сербскихъ ћ, ђ изъ разнаго образа отвора затворной ихъ части располагаетъ то обстоятельство, что въ сосѣднихъ македонскихъ говорахъ слышится отчасти отворъ затворной части данныхъ звуковъ безъ яснаго послѣдующаго элемента ни свистящаго ни шипящаго характера, такъ что на мѣстѣ старшихъ слитныхъ проявляются «мягкія t, d», а именно крае-палатальныя ť, ď или передне-палатальныя ṭ, ḍ (и даже ḳ, ġ). Я указалъ на это въ «Die Dialekte des südl. Serbiens», § 14, обративъ вниманіе на подобный рядъ, ť — ć — ç, ď — ʒ́ — ẓ, развившійся въ другой области славянскаго міра (русско-польской), но на другомъ историческомъ основаніи и потому въ обратномъ порядкѣ.

48. «č́» (č̆). Образованное великорусское (московское) ч, «мягкое», т. е. съ относительно высокимъ собственнымъ звукомъ, часто повидимому представляетъ собой образованіе категоріи ç: палатальный (крае-палатальный?) затворъ съ дорсальнымъ шипящимъ. Я, однако, остаюсь въ сомнѣніи, не выступаетъ ли чаще иная форма, а именно элементъ корональное š, сильно передняго (потому «мягкаго») образованія, т. е. ⁻š, съ предшествующимъ палатализованнымъ t (приблизительно ť) — что̀ скорѣе бы поставило артикуляцію на рядъ со свойственными русской рѣчи «палатализованными» (не вполнѣ «палатальными») согласными.

Для такихъ «мягкихъ» слитныхъ, гдѣ не беремся рѣшить вопросъ о корональномъ или дорсальномъ образованіи, или гдѣ такое рѣшеніе, по сказанному о ş : š въ прим. къ **42**, оказывается невозможнымъ, удобно употреблять обозначеніе č́ (č̆) — ǯ́ (ǯ̆).

49. č — ǯ. Корональнымъ š — ž (**42**) соотвѣтствуютъ слитныя образованія č — ǯ. Сказанное о собственномъ звукѣ š — ž, о возможности пока лишь относительнаго опредѣленія его, имѣетъ, конечно, силу и для č — ǯ. Пред-

ставители этого образованія имѣются, напр., въ польскомъ письменномъ cz, въ чешскомъ č (ср. ниже), въ сербскихъ ч, џ (см. ниже), въ словенскомъ č.

Чешское č артикулируется, какъ мы напомнили въ **44**, дальше впереди по сравненію съ областью артикуляціи чешскаго же š, потому и звучитъ «мягче» его («č˖» или «č́»); Педерсенъ, Den böhm. Udtale стр. 125, ставитъ это č очень близко къ русскому ч; ср. ниже въ **71**. Польское č («cz») зато повидимому приближается сильно или даже представляется по области артикуляціи тождественнымъ съ польскимъ же š («sz»); его затворная часть, въ связи съ тѣмъ, — слабо «верх-зубная».

Нѣсколько особое положеніе занимаетъ сербское č (ч) — ǯ (џ), въ разныхъ нарѣчіяхъ, между прочимъ и въ мостарскомъ. Затворъ образуется въ сильно переднемъ видѣ, вполнѣ или приблизительно какъ описанныя въ **17** образованія t, d этихъ говоровъ. Несмотря на то, слѣдующій шипящій элементъ не получаетъ высокаго собственнаго звука, ожидаемаго при такой артикуляціонной области; слитный не звучитъ «мягко». Ищу объясненія въ томъ, что передній языкъ за краемъ сильно вогнутъ, и что образуемый такимъ способомъ *за* преградой резонаторъ, съ довольно низкимъ собственнымъ звукомъ, въ этомъ случаѣ принимаетъ участье въ пониженіи собственнаго звука всего слитнаго; ср. замѣтку въ концѣ **37**. — Изъ описанія и замѣтокъ Новаковича (Физ. гласа, стр. 52, 53) природа данныхъ согласныхъ не выясняется.

50. Въ разныхъ славянскихъ языкахъ существуютъ еще, въ роли болѣе или менѣе нераздѣльныхъ звуковыхъ единицъ, появившіяся на различной исторической подкладкѣ сочетанія слитнаго согласнаго съ предшествующимъ шипящимъ образованіемъ, однороднымъ съ фрикативнымъ элементомъ слитнаго; ср. русское щ, польское szcz (т. е. «šč»), śc (т. е. «ṣ̌ç̌»), и т. под. Насчетъ артикуляціи отдѣльныхъ частей достаточно сослаться на предшествующее описаніе разнаго рода шипящихъ и слитныхъ согласныхъ. Здѣсь слѣдуетъ лишь обратить вниманіе на особую склонность этихъ сложныхъ сочетаній пожертвовать полною, вычеканенною артикуляціей всѣхъ составныхъ своихъ частей, съ редукціею то затворнаго элемента въ срединѣ, то шипящаго элемента въ концѣ сочетанія. Та и другая черта редукціи выступаютъ съ любопытной ясностью въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ; укажу на свое «Описаніе одного говора», стр. 61—62. Примѣры редукціи конечнаго шипящаго элемента представляетъ также образованная малорусская рѣчь, гдѣ слышится часто, въ условной транскрипціи, напр., «št̥ˢo» (що), «št̥ˢodénni[i̯]» (щоденний) и под., на ряду съ полной артикуляціей štš, напр. «št̥šava», щава, и под.

C. Согласные гортанные.

51. Затворная артикуляція въ гортани обыкновенно разсматривается не какъ самостоятельный согласный, а какъ элементъ, выступающій лишь при синтезѣ звуковъ. Придерживаюсь этой же схемы изложенія, хотя такая точка зрѣнія не вполнѣ оправдана для всѣхъ славянскихъ языковъ: въ извѣстной ихъ области, а именно въ чешскомъ и отчасти въ польскомъ языкахъ, эта гортанная артикуляція выступаетъ уже какъ глухой затворный согласный, съ ассимиляціонными свойствами таковаго; ср. о «крѣпкомъ приступѣ», **157** и **161** сл.

Въ рядахъ самостоятельныхъ согласныхъ остаются, такимъ образомъ, лишь гортанные фрикативные, глухое «h» и звонкое «ɦ» (въ прежнихъ моихъ работахъ h̥). Точное и интересное экспериментальное изслѣдованіе объ этихъ фрикативныхъ въ разныхъ языкахъ, также славянскихъ, особенно по вопросу о присутствіи голоса при произношеніи варіантовъ, считаемыхъ обыкновенно безголосными, сдѣлано Е. А. Мейеромъ, «Stimmhaftes H», въ Die Neueren Sprachen VIII (1900). Нѣкоторые его выводы вызвали однако критику, ср. у Сиверса, 285. Отмѣтимъ прежде всего справедливую и для насъ важную замѣтку послѣдняго о томъ, что̀ слѣдуетъ считать дѣйствительно голоснымъ h, т. е. ɦ; о таковомъ можно говорить лишь тамъ, гдѣ опытное ухо дѣйствительно различаетъ звучаніе голоса. На существованіе именно такого звука, ɦ, въ славянской рѣчи (въ чешскомъ языкѣ) указано разными наблюдателями раньше Мейера; Мейеръ упоминаетъ старшихъ изъ нихъ, но не новѣйшихъ.

Насчетъ артикуляціи h и ɦ и ихъ физіологическаго отношенія къ образованію гласныхъ укажу на сказанное выше въ **2** и **8**. Кромѣ Мейера и Сиверса можно далѣе обратить вниманіе на замѣтки Педерсена въ «Den böhm. Udtale, стр. 124 сл. Относительно образованія ɦ припомнимъ, что открытая, задняя часть голосовой щели, «хрящевая щель», даетъ звукъ фрикативный, а передняя, связочная часть, примѣшиваетъ голосъ неполнаго образованія. Тѣмъ, кому звукъ не прирожденъ, не особенно трудно дойти до него, если шептать какой-нибудь гласный и увеличить выдыхательное давленіе; примѣшивается тогда само собой желаемое «бормотаніе» [1]).

52. h. Безголосное h, въ полномъ, типичномъ развитіи, въ славянской рѣчи встрѣчается вообще рѣдко. Самостоятельно развитымъ, т. е. не заим-

[1]) Описаніе артикуляціи, данное Фринтой, стр. 48 (по Коваржу), по моему не вѣрно. Корр. нота.

ствованнымъ въ чужихъ словахъ, я наблюдалъ его въ сербскомъ языкѣ (мостарскомъ), въ чередованіи съ велярнымъ x (**80**); повидимому, оно выступаетъ иногда и въ польскомъ языкѣ (**68**). По Томсону (Общ. Яз. стр. 197) и русское письменное x произносится иногда какъ гортанный фрикативный, чего не могу ни подтвердить ни отрицать.

Переходъ первоначальнаго велярнаго глухого фрикативнаго, x, въ фрикативный гортанный, h, въ германской рѣчи, какъ извѣстно, представляется общимъ явленіемъ. Такой принципъ не овладѣлъ славянской рѣчью; она до сихъ поръ вообще сохраняетъ велярный безголосный фрикативный. Однако, явленія разныхъ языковъ: въ русскомъ вообще мало энергичное x (ср. Сиверсъ, 343), со слабымъ приближеніемъ органовъ его образованія, потому очень задней артикуляціи, такъ что Стормъ (Engl. Phil. стр. 73) характеризуетъ его какъ звукъ, средній между x и h, а по Томсону, какъ мы отмѣтили, иногда съ полнымъ переходомъ въ h; — въ польскомъ x, артикулированное подобнымъ, открытымъ образомъ и стоящее уже явно на границѣ h (**68**); — въ сербскомъ чередованіе x съ несомнѣннымъ h, — эти совокупныя явленія позволяютъ говорить о слѣдахъ и въ славянской рѣчи того же физіологическаго движенія, которое у германцевъ въ свое время развилось въ общій звуковой законъ. А при соотвѣтствующемъ фрикативномъ голосномъ то же самое явленіе приняло на славянской почвѣ уже довольно широкій объемъ.

53. ɦ. Голосное гортанное фрикативное ɦ, развившееся изъ велярнаго звонкаго γ, встрѣчается въ чешскомъ (письменно h), въ словацкомъ и малорусскомъ языкахъ. Въ восточно-словацкихъ и пограничныхъ угрорусскихъ говорахъ развитіе γ въ ɦ очевидно еще не вполнѣ окончено; ср. мои описанія, Арх. XVII стр. 337; Угрорусское нарѣчіе и т. д. стр. 17; Studien и т. д. стр. 28 сл.

Слѣдуетъ отмѣтить двѣ черты даннаго интереснаго звукообразованія. Во первыхъ, уже самыя незначительныя перемѣны въ положеніи голосовыхъ связокъ, въ передней части щели, ведутъ отъ ɦ къ безголосному h. Путь отъ одного къ другому столь кратокъ и акустически они настолько близки, что голосные и безголосные варіанты въ сущности не разграничены. Это понятно изъ моихъ описаній восточно-венгерскихъ славянскихъ говоровъ (ср. выше), это замѣтно и въ чешскомъ языкѣ. Повидимому голосъ ɦ въ послѣднемъ особенно склоненъ исчезать въ положеніи между гласными (toho, snaha и под.), а сохраняется обыкновеннѣе всего передъ согласными (hmyz, hned, hlava и под.). Въ началѣ слова передъ гласнымъ (hotový, hora) встрѣчается то h, то ɦ; при ясномъ, энергичномъ выговорѣ голосовое произношеніе однако представляется повидимому обыкновеннымъ. Выступаютъ при

томъ варіаціи насчетъ начинанія двухъ элементовъ звука. Иногда бормотаніе начинается раньше свойственнаго звуку сильнаго придыханія и вызываемаго послѣднимъ фрикативнаго шума въ гортани; иногда, на оборотъ, сильное придыханіе начинается раньше, въ глухомъ видѣ, а голосъ начинается позже — такъ что, напр., hu- въ hued принимаетъ условный видъ «hɦu-». Послѣднее я отмѣтилъ какъ обыкновенное для начала слова въ малорусскомъ произношеніи (см. **63**): слышится сперва h безголосное, потомъ голосовыя связки сдвигаются для «бормотанія», напр. «hɦu-» въ гудіти.

Во вторыхъ, обратимъ вниманіе на свойственный согласному ɦ родъ голоса. Это — не полный голосъ, а бормотаніе, такой видъ голоснаго звона, какой слышится, напр., при стонаніи. Своимъ низкимъ, вообще неподвижнымъ тономъ такой звонъ вообще и различается отъ голоса гласнаго, слѣдующаго за ɦ или предшествующаго ему, — такъ что ɦ можетъ иногда напоминать слабый побочный слогъ[1]; поэтому и склонность перенимать ртовое положеніе сосѣдняго гласнаго замѣчается въ ɦ меньше чѣмъ въ безголосномъ h.

Особое положеніе звука ɦ въ артикуляціонной системѣ выступаетъ, м. пр., въ его судьбѣ при голосовыхъ ассимиляціяхъ, не всегда соотвѣтствующей законамъ, наблюдаемымъ относительно прочихъ голосныхъ согласныхъ, см. ниже **197**, **200**.

D. Степени въ силѣ согласныхъ образованій.

54. Различеніе категорій «fortis» и «lenis», т. е. замѣтно бо̀льшаго или меньшаго мышечнаго напряженія, для созданія традиціонныхъ степеней внутри согласнаго образованія, тождественнаго въ остальныхъ отношеніяхъ, выступаетъ въ славянской рѣчи повидимому лишь въ немногихъ случаяхъ. Богородицкій, Наблюденія и т. д. стр. 8—9, приводитъ нѣкоторыя данныя о разной «силѣ» русскихъ согласныхъ; но изъ нихъ нельзя выводить заключенія о данномъ явленіи. Томсонъ, Общ. Яз. стр. 234, отмѣчаетъ бо̀льшую силу для русскихъ удвоенныхъ согласныхъ въ сравненіи съ простыми (труппа : трупа, масса : раса и под.). — Въ нарѣчіяхъ, сохраняющихъ, съ большей или меньшей послѣдовательностью, звонкость голосныхъ согласныхъ

---

[1]) Съ тономъ ниже собственнаго звука гласнаго u, самаго низкаго въ этомъ отношеніи изъ всѣхъ гласныхъ; это слышно въ сочетаніяхъ вродѣ упомянутаго выше малорусскаго гудіти; особенно же ясно повышеніе тона отъ ɦ до слѣдующаго гласнаго выступаетъ въ сочетаніяхъ какъ малор. га-, т. е. ɦa-.

и въ концѣ слова передъ паузой, можно, если голосъ такого конечнаго согласнаго теряется, нерѣдко слышать согласный въ видѣ безголоснаго «lenis», указывающаго, что существуетъ извѣстная разница по силѣ между звонкими и типично глухими согласными одного образованія,—что, напр., d не только голосностью, но также «силой» отличается отъ t. Можно думать, что такая разница въ силѣ ртовой артикуляціи стоитъ въ связи съ тѣмъ, что голосовыя связки при звонкихъ звукахъ образуютъ въ гортани преграду, невольно уменьшающую давленіе выдыхаемаго тока въ ртовой полости; а эта преграда въ гортани можетъ до извѣстной степени сохраняться, хотя бы и исчезло звучаніе голоса. Примѣры сохраненія такой разницы между абсолютно безголосными согласными и звонкими согласными, становящимися въ концѣ слова безголосными, указаны мною въ угрорусскомъ (Арх. XVII, стр. 343) и нарѣчіяхъ южной Сербіи (Die Dialekte и т. д. стр. 45 сл.). Въ такихъ случаяхъ различается, напр., -d̬ (безголосное d) отъ -t, -z̬ отъ -s, и т. д. И въ образованной сербской рѣчи можно наблюдать оттѣнокъ «lenis»; особенно, повидимому, въ случаяхъ, гдѣ голосность конечнаго звонкаго, -ž, -d и под., сохраняется въ первой части согласнаго, а теряется до отвора его; получается тогда условная звуковая картина -d͡d̬ и под. Однако, и при такомъ развитіи я отмѣчалъ также полный переходъ въ типичный глухой, т. е. -d͡t и под. Вообще, ясное категорическое, традиціонное различіе «fortis»:«lenis» и въ такихъ нарѣчіяхъ повидимому не развилось.—Единственный мнѣ извѣстный случай, гдѣ такое различіе развилось до ясности, это въ губно-зубномъ фрикативномъ согласномъ, а именно, котда «v» теряетъ свою голосность подъ вліяніемъ предшествующаго глухого согласнаго. Сравненіе, напр., русскаго «свой», «творить» и под. или болгарскаго «свой» съ польскимъ произношеніемъ «swój» освѣщаетъ это. Въ польскомъ, w, по потерѣ голосности, перешло въ f: «sfui̯»; въ русскомъ и болгарскомъ, безголосное v, «v̬», такого сочетанія не совпадаетъ съ f, а сохраняетъ качество «lenis», независимо отъ употребляемаго при произношеніи такого слова выдыхательнаго давленія. О вѣроятномъ физіологическомъ объясненіи такой разницы см. выше; о самомъ же явленіи ср. Стормъ, Engl. Phil. стр. 306.

III. СОСТАВЪ СОГЛАСНЫХЪ ВЪ ОТДѢЛЬНЫХЪ ЯЗЫКАХЪ.

Слѣдующій краткій обзоръ состава согласныхъ въ отдѣльныхъ описываемыхъ здѣсь славянскихъ языкахъ (ср. въ предисловіи) распредѣляетъ «установочные» согласные подъ отмѣченныя въ прошлой главѣ артикуля-

ціонныя категоріи. О различіи звуковъ «установочныхъ» и «переходныхъ» см., кромѣ Сиверса («Stellungslaut»: «Gleitlaut»), у Томсона, Общ. Яз. стр. 231.

1. Великорусскій языкъ.

55. Почти во всѣхъ согласныхъ великорусской рѣчи чередуются оттѣнки «твердые» и «мягкіе», отмѣчаемые, какъ извѣстно, на письмѣ не въ самомъ знакѣ согласнаго, но, прямо или косвенно, посредствомъ слѣдующаго гласнаго знака. Подъ оттѣнкомъ твердымъ можно еще отчасти, болѣе или менѣе ясно, различать видоизмѣненія, обыкновенное твердое и твердое съ особенно низкимъ собственнымъ звукомъ, вызваннымъ «веляризаціей» или «лабіализаціей» или тою и другою вмѣстѣ. — О понятіяхъ «палатализація» и «веляро-лабіализація», объ ихъ степеняхъ и условіяхъ возстановленія особыхъ согласныхъ категорій для вызванныхъ ими согласныхъ оттѣнковъ, сошлюсь на **174** сл.

56. Губные согласные образованной великорусской рѣчи суть:

твердые p b m f v, мягкіе ṕ b́ ḿ f́ v́.

«Мягкіе» оттѣнки — съ высшимъ собственнымъ звукомъ — образуются поднятіемъ языкового тѣла одновременно съ губной артикуляціей въ положеніе гласныхъ i или e; можно обозначить это экспонентомъ: $\overset{i}{p}$i, $\overset{i}{m}$i, $\overset{e}{m}$a, $\overset{e}{v}$a и т. д.; ср. выше **14**, ниже **180**. При оттѣнкѣ обыкновенно-твердомъ (напр., въ сочетаніи па ба и т. д., или въ концѣ слова), выдѣляются въ болѣе или менѣе ясную категорію оттѣнки губныхъ съ особенно низкимъ собственнымъ звукомъ, губные твердые веляризованные. Они образуются такъ, что одновременно съ губной артикуляціей языкъ поднимаетъ заднюю часть вполнѣ или приблизительно въ положеніе гласнаго u: $\overset{u}{p}$u, $\overset{u}{m}$u, $\overset{u}{p}$o, $\overset{u}{v}$o и т. д. Въ ударяемыхъ слогахъ по, мо, бы и под., въ связи съ указанной артикуляціонной особенностью, нерѣдко слышится болѣе или менѣе ясный переходный звукъ u: $\overset{u}{m}$ᵘó- и т. д. Ср. переходный звукъ передняго ряда, приблизительно закрытое e, въ «мягкихъ» сочетаніяхъ мя, пя и т. д.: $\overset{e}{m}$ᵉa, $\overset{e}{p}$ᵉa и пр.

57. Языковые согласные можно, слѣдуя указаніямъ, даннымъ въ предшествующей главѣ, представить въ такомъ порядкѣ:

твердые t d n k g x γ (˗x ˗γ, см. **59**) ł r s z š ž c [ʒ]
мягкіе ť ď ń j ḱ ǵ x́ γ́ ľ ŕ ś ź [š̗ ž̗] č́ [ǯ́].

ʒ и ʒ́, безъ самостоятельнаго обозначенія на письмѣ, не безызвѣстны въ связной рѣчи, происходя отъ соотвѣтствующихъ безголосныхъ c, ć (ц, ч) подъ вліяніемъ слѣдующаго голоснаго шумняго согласнаго (мѣсяцъ былъ... или под.).

О «палатализованныхъ» оттѣнкахъ зубныхъ ср. сказанное выше въ **18, 28, 34, 40.** О «палатализованныхъ велярныхъ», т.-е. задне-палатальныхъ ḱ и т. д. см. **22.**

Передне-палатальное образованіе j, постоянно, конечно, «мягкое», чередуется съ i̯ (я — ja или i̯a, и под.) безъ категорическаго разграниченія; ср. **21** и **213.** Кромѣ установочнаго j встрѣчается нерѣдко и j переходнаго характера, развивающееся послѣ палатализованнаго звонкаго зубного (напр., дя: «d́ʲa»); при подобныхъ условіяхъ выступаетъ иногда и соотвѣтствующее безголосное образованіе, передне-палатальное — или крае-палатальное — χ (напр., тя: «t́ᵡa», ср. Томсонъ, Общ. Яз. стр. 255), не существующее какъ согласный установочный.

Подъ общіе принципы чередованія твердыхъ и мягкихъ оттѣнковъ не поддаются согласные шипящіе и слитные. Шипящіе корональной артикуляціи š ž (ш ж) остаются передъ i, e такъ же «твердыми», какъ передъ a, u; правописаніе -шъ: -шь, жъ: жь зависитъ лишь отъ принятыхъ грамматикою правилъ. Шипящіе «мягкіе» (повидимому, обыкновенно дорсальной артикуляціи, ср. **41**) встрѣчаются нерѣдко, кромѣ народныхъ говоровъ, также въ языкѣ интеллигенціи (особенно, можетъ быть, въ чисто московскомъ произношеніи?); но это — шипящіе другого происхожденія, чѣмъ выше упомянутые; а именно, письменныя щ и сочетанія сч, зч, сщ, зщ звучатъ то какъ «šć» (şç?) — съ болѣе или менѣе редуцированнымъ затворнымъ элементомъ, ср. **50,** — то какъ удлиненное ş; подобнымъ образомъ, жж и зж (сж) звучатъ въ извѣстныхъ случаяхъ то какъ «žʒ́» (ẓʒ̧?), то какъ удлиненное ẓ; ср. Чернышевъ, Законы, стр. 37—38.— Слитное c (и ʒ) всегда «твердо»; оканчивающій его свистящій элементъ, въ сочетаніяхъ ци, цѣ и под., столько же, сколько въ сочетаніяхъ ца и под., принадлежитъ къ ряду s-z, не ś-ź; ć и ʒ́ старшаго и новѣйшаго происхожденія встрѣчаются лишь въ народныхъ говорахъ. Обратно, слитное ć—ʒ́ (ср. письменное ч; артикуляція отчасти дорсальная, т.-е. ç—ʒ̧?; см. **48**) остается во всѣхъ положеніяхъ «мягкимъ», т.-е. имѣетъ высокій, приближенный къ гласному i собственный звукъ.

58. Раздѣленіе языковыхъ согласныхъ твердыхъ на оттѣнки «обыкновенные твердые» и «твердые съ лабіо-веляризаціей» проведено, повидимому, лишь отчасти. Образованія передняго языка по имѣющимся наблюденіямъ не различаютъ такихъ категорій, приспособляясь вообще къ собственному

звуку слѣдующаго гласнаго (t^aa, t^oo, t^uu и пр.); образованіе ł (**29**) благопріятствуетъ развитію различныхъ степеней по «веляризаціи»; о вообще низкомъ его собственномъ звукѣ см. **30**; между тѣмъ, категорій по «твердости» и для него не отмѣчено. Мнѣ, однако, представляется сомнительнымъ, можно ли считать такой результатъ для всѣхъ «зубныхъ» согласныхъ великорусскаго окончательнымъ; ср. въ **196**.— Образованія же з а д н я г о языка, по наблюденіямъ Свита и Финка, выдѣляютъ отъ оттѣнка обыкновенно-твердаго оттѣнокъ твердый съ лабіо-веляризаціей; ср., напр., произношеніе «катъ» (kat) съ «котъ» (k^uot), гдѣ подъ вліяніемъ данной артикуляціи, какъ при соотвѣтствующихъ губныхъ (**56**), нерѣдко слышится болѣе или менѣе ясный переходный звукъ u : k^uot.— Подробнѣе о явленіяхъ, связанныхъ съ затронутымъ здѣсь вопросомъ, ниже въ **190** сл.

59. Безголосный согласный гортанный h, встрѣчающійся по Томсону иногда на мѣстѣ x, можно оставить въ сторонѣ, какъ звукъ, не входящій пока въ обыкновенную систему великорусскихъ согласныхъ. Относительно же велярныхъ фрикативныхъ x — γ слѣдуетъ подчеркнуть ихъ мало энергичное съуженіе и, въ связи съ тѣмъ, особенно заднюю («глубокую») артикуляцію (˧x, ˧γ). Насчетъ этой черты, на которую обращено вниманіе разными наблюдателями, сошлемся на замѣтки выше въ **23** и **52**.— γ принято выговаривать взамѣнъ письменнаго г, въ литературной великорусской рѣчи лишь въ немногихъ случаяхъ, ср. Чернышевъ, Законы, стр. 17; но въ говорахъ «южныхъ», въ широкомъ смыслѣ, на мѣстѣ письменнаго г великорусы выговариваютъ вообще γ — γ́, поэтому такое произношеніе встрѣчается весьма часто и у интеллигенціи, родомъ изъ такихъ мѣстностей.

60. Соотвѣтствующее велярнымъ k, g носовое образованіе ŋ по Томсону, Общ. Яз. 235, не существуетъ въ великорусскомъ произношеніи; но врядъ ли трудно будетъ отыскать его, хоть индивидуально.— Слитное c - ʒ (**57**) различается отъ t + s; см. въ «Законахъ» Чернышева, стр. 14. О сочетаніи t въ концѣ глагола съ слѣдующимъ s возвратнаго мѣстоименія (воротиться, воротится и под.) тамъ же стр. 48.— О встрѣчающемся иногда супрадентальномъ «ṭ» укажу на замѣтки выше въ **17**.— u̯, o̯ на мѣстѣ письменнаго ł въ рѣчи интеллигенціи встрѣчается вообще лишь индивидуально, зато часто въ народныхъ говорахъ. Въ нихъ-то не трудно указать и губно-губную артикуляцію (w, u̯) на мѣстѣ письменнаго v (в); интеллигенція признаетъ лишь губно-зубное v.— Согласные сонорные правильно сохраняютъ голосность во всякомъ положеніи. Безголосные варіанты однако иногда встрѣчаются; напр., r̥ по Богородицкому (Русск. Грамм. стр. 86) въ «надсмотрщикъ»; чаще всего потеря голоса случается повидимому въ концѣ слова послѣ глухого шумнаго; напр., -m̥ въ драхмъ, -r̥ въ магистръ, и под. (тамъ же стр. 11; Томсонъ, Общ. Яз. стр. 205); но и въ такомъ положеніи нельзя считать потерю правиломъ. Ср. насчетъ этихъ явленій ниже, въ **197**.

Насчетъ русскаго консонантизма можно указать вообще на сочиненія Богородицкаго (Русск. Грамм., Очерки), Томсона (Общ. Яз.) и Чернышева (Законы, съ подробнымъ спискомъ старшей и спеціальной литературы). Табеллярное представленіе системы звуковъ у Богородицкаго, Русск. Грамм. послѣ стр. 16, Очерки послѣ стр. 58. Таблица согласныхъ у Чернышева, Законы, стр. 13; объ отношеніи звуковъ къ обозначенію тамъ же стр. 16 сл. Ср. таблицу Томсона, упом. соч., стр. 208.

О нѣкоторыхъ подробностяхъ добавимъ слѣдующія замѣтки. Богородицкій въ Русск. Грамм., а также въ Очеркахъ (стр. 53—55), считаетъ «мягкіе зубные» великорусской рѣчи уже «палатальными», а не «палатализованными» (по данному выше въ **15** и **18** опредѣленію). Томсонъ не выражается вполнѣ опредѣленно; по его палатограммѣ стр. 201, мягкія n, t — повидимому ń, ť, а не ň, ť (n̦ ț); въ таблицѣ на стр. 208 онъ подводитъ мягкіе оттѣнки этого рода подъ «зубные», см. далѣе его описаніе ľ (ль) стр. 207. Датчанинъ Есперсенъ считаетъ, какъ и я, данные звуки «палатализованными». Свитъ, Russ. Pron. 548 сл., считаетъ мягкія n t d повидимому какъ ň и т. д., ср. слова: «the point of the tongue not employed at all»; но мягкое л онъ опредѣляетъ какъ ľ, ср. французское li, т.-е. корональное l съ одновременнымъ приближеніемъ къ положенію палатальному. Подобно Свиту понимаетъ ľ повидимому и Буличъ, см. въ статьѣ его «корональные звуки», въ Энц. Слов. Брокгауза и Эфрона; названная статья, вмѣстѣ съ статьями «дорсальные звуки» и «небные звуки» того же автора въ томъ же изданіи, даетъ рядъ цѣнныхъ замѣтокъ о природѣ великорусскихъ согласныхъ.— О различіи мѣста образованія k, g : x, γ въ Общ. Яз. Томсона стр. 192. О ḱ, ǵ (Томсонъ: «твердонебныя» или «среднеязычныя»), напр. «кѣмъ», въ сравненіи съ нѣмецкими k, g передъ e, напр., «kennen», укажу на разсужденіе и результаты Томсона стр. 193: русское ḱ, какъ подмѣтилъ еще Бётлингкъ, «помягче», оно образовано далѣе впереди, что даетъ высшій собственный звукъ; нѣм. k по собственному звуку лишь приспособленно къ слѣдующему e, русское к—выше слѣдующаго ѣ; это доказываетъ развитіе русскихъ ḱ ǵ x́ γ́ въ особую категорію «мягкихъ». Русское j (напр., елка, есть) поставлено Томсономъ ошибочно въ этотъ же рядъ; оно образуется дальше впереди, ср. выше.— Относительно образованія ł Томсонъ (стр. 207) соглашается съ моимъ взглядомъ (ср. выше **29**); такъ уже и Гротъ въ Фил. Раз. стр. 560.

2. Малорусскій языкъ.

61. Система чередованія «твердыхъ» согласныхъ оттѣнковъ съ «мягкими» принадлежитъ вообще также малорусской рѣчи, хотя, какъ извѣстно, при условіяхъ, нѣсколько измѣненныхъ сравнительно со свойственными великорусской рѣчи. Согласные «твердые» малорусской интеллигенціи бо̀льшею частью можно отождествлять съ соотвѣтствующими великорусскими, а именно губные p b m f v, и языковые t d n, k g x (γ), ł (см. ниже), r, s z, š ž, c [ʒ]. Къ твердымъ принадлежитъ въ малорусскомъ языкѣ и č, съ шипящимъ элементомъ характера š; твердо такимъ же образомъ и «щ», т.-е. šč (ср. **50**); впрочемъ въ народныхъ говорахъ отчасти иначе, ср., напр., угрорусское, опи-

санное мною въ Арх. XVII и въ «Угрорусскомъ нарѣчіи села Убли». Какъ согласное образованіе, не имѣющее соотвѣтствія въ великорусскомъ языкѣ, добавимъ еще гортанное фрикативное голосное «ɦ», о которомъ подробнѣе ниже.

Съ «мягкими» великорусской рѣчи можно отождествить малорусскіе мягкіе губные ṕ b́ ḿ f́ v́ (ср. однако замѣтки ниже въ **62**); далѣе, изъ языковыхъ согласныхъ ť ď ń ľ — «палатализованные», ср. **18** — ḱ ǵ x́ (заднепалатальные). Но въ альтернаціи съ твердыми свистящими стоятъ въ образованной малорусской рѣчи не ś - ź, а какъ и въ польскомъ шипящіе дорсальнаго образованія, ş̌ - ẓ̌[1]); твердому слитному c (при голосной ассимиляціи эвентуально ʒ), напр. въ церков, соотвѣтствуетъ подобнымъ образомъ звукъ ç̌, тождественный съ польскимъ «ci-», напр. въ ці́ли́й, ці́сарь.

Безъ альтернирующихъ «мягкихъ» оттѣнковъ остаются корональные, нерѣдко слабо лабіализованные шипящіе š ž и слитное č. Далѣе r; прежнее мягкое r перешло то въ ri̯ (напр., «ɦuri̯a», буря) то въ обыкновенное твердое r (косар съ такимъ же r какъ въ дар); ср. однако замѣтки въ **62**.

Итакъ, схему твердыхъ : мягкихъ губныхъ согласныхъ образованной малорусской рѣчи можно приблизительно отождествить съ великорусской; схема же твердыхъ : мягкихъ языковыхъ согласныхъ принимаетъ нѣсколько иной видъ, чѣмъ приведенная въ **57** для великорусской рѣчи, а именно:

твердые	t	d	n		g	k	x	[γ]	ł	r	s	z	š	ž	c [ʒ]	č
мягкіе	ť	ď	ń	j	ǵ	ḱ	x́		ľ	[ri̯]	ş̌	ẓ̌				ç̌

Прибавимъ, что о j и его отношеніи къ i̯ можно сказать то же самое, что о великорусскомъ j (**57**); кромѣ установочнаго встрѣчаемъ часто j переходное и соотвѣтствующее χ̧, а именно при отворѣ ď, ť. — Особаго оттѣнка согласныхъ съ веляризаціей-лабіализаціей въ образованной малорусской рѣчи я не отмѣчалъ. Въ народныхъ говорахъ такіе оттѣнки, повидимому, встрѣчаются; оставляю вопросъ объ объемѣ этого явленія открытымъ.

62. Предложенный обзоръ «мягкихъ» согласныхъ требуетъ нѣкоторыхъ добавочныхъ замѣчаній. По принципу образованія, мягкіе губные малорусской интеллигенціи, какъ сказано, тождественны съ великорусскими; но степень мягкости, повидимому, выше (ср. **179** сл.). Въ концѣ словъ старшая мягкость губныхъ, какъ часто и въ великорусскомъ, утрачена: ɦóɫup голубь, kroṷ кровь и пр.; а внутри слова, насколько мягкость сохраняется, можно вообще, какъ кажется, обозначить ее коэффиціентомъ i: $\overset{i}{m}$ $\overset{i}{v}$ и т. д. Приэтомъ замѣчается склонность какъ въ народныхъ говорахъ (см., напр., Арх. XVII

[1]) Ср. «шь» «жь» у малорусскихъ наблюдателей.

стр. 341), такъ и въ рѣчи интеллигенціи развивать между губнымъ и слѣдующимъ гласнымъ широкаго образованія полное i̯, j: mi̯aso мясо, vi̯azáty вязать, zdoróvi̯a и под. — а иногда и другой мягкій согласный, l̕, ń: spl̕äť спять, діал. mńáso вм. приведеннаго мясо, и под. Отсюда недалеко до отвердѣнія самаго губного и до развитія сочетаній vj, pj, mń и под., извѣстнаго въ чешскомъ языкѣ.

О судьбѣ старшаго мягкаго r сказано въ **61**; добавимъ однако, что «ŕ», тождественное съ великорусскимъ рь, еще встрѣчается въ говорахъ, напр., угрорусскихъ (Арх. XVII стр. 341, Угрор. нар. села Убли стр. 27). Подобнымъ образомъ, развитіе мягкихъ s z c въ ṣ̌ ẓ̌ č̣ явленіе не общее для всей территоріи малорусскаго языка; напр., буковинскіе говоры сохраняютъ, по сообщенію Зилиньскаго, артикуляцію ś ź (ср. великорусское сь, зь); подобное указано мною въ говорахъ угрорусскихъ (бойковъ), — въ восточной Венгріи именно эта черта представляетъ одно изъ типичныхъ различій рѣчи «руснаковъ» отъ говоровъ восточно-словацкихъ, примыкающихъ въ данномъ отношеніи къ польскому языку и рѣчи образованныхъ галицкихъ малоруссовъ; ср. Арх. XXI стр. 57—58. Въ извѣстныхъ положеніяхъ я и у интеллигенціи отмѣтилъ артикуляцію поближе къ великорусскимъ ś ź: śťiná стѣна; форма «ṣ̌ťiná» считается по Зилиньскому діалектической; однако, въ другихъ сочетаніяхъ подобнаго рода отмѣчено обыкновенное, полное ṣ̌: ṣ̌l̕ipy̆i̯ Желех. сліпий, ṣ̌ńidáty снідати, ṣ̌ḿix сьміх, ṣ̌pivátу співати и под.; о разграниченіи того и другого оттѣнка не могу сказать ничего опредѣленнаго.

ḱ ǵ x́, какъ сказано, соотвѣтствуютъ великорусскимъ, по мѣсту образованія и по зависящему главнымъ образомъ отъ него собственному звуку (ср. въ концѣ **60**). Собственный звукъ малорусскихъ задне-палатальныхъ, такимъ образомъ, не только приспособленъ къ слѣдующимъ гласнымъ e и y, но лежитъ выше ихъ (**135**); это объясняетъ намъ такія описки какъ «закєдають» (вм. закидають), гдѣ знакъ є указываетъ на произношеніе к, которое мы обозначаемъ zaḱedái̯ŭť, zaḱydái̯ŭť; подобно, письменныя такий, гріхи и т. д. произносятся taḱy̆i̯[1]), ɦrix́y̆, ср. сказанное въ **60** о кѣмъ: kennen. — Соотвѣтствующее гортанному ɦ мягкое ɦ́ достигаетъ высшаго своего собственнаго звука поднятіемъ языка вполнѣ или приблизительно въ положеніе гласнаго i одновременно съ гортанной артикуляціей.

Чередованіе твердыхъ оттѣнковъ согласныхъ съ мягкими подчини-

---

[1]) Но въ неударяемомъ окончаніи -кий, выговариваемомъ съ обыкновеннымъ i, слышится -кі, съ к приспособленнымъ къ данному гласному, а не выше его по собственному звуку.

лось, какъ извѣстно, въ малорусской рѣчи съ теченіемъ времени системѣ, нѣсколько различной отъ той, которая свойственна нынѣ рѣчи великорусской. Въ малорусскомъ языкѣ встрѣчаемъ твердые оттѣнки также въ положеніи передъ гласными передняго ряда («палатальными»), передъ которыми великорусскій языкъ знаетъ принципіально лишь оттѣнки мягкіе. Произошло это частью вслѣдствіе потери старшей мягкости согласныхъ (передъ і, е; напр. ne, не, ср. великорусское ńe), частью вслѣдствіе удержавшейся старшей твердости несмотря на переходъ слѣдующаго гласнаго задняго ряда въ гласный ряда передняго (ср. t́ik текъ, но tik токъ; ńis несъ, но nis носъ). Въ случаяхъ послѣдняго рода, т.-е. передъ і изъ первоначальнаго о, твердые зубные въ народномъ языкѣ склоняются къ переходу въ соотвѣтствующіе мягкіе: t́ d́ ń ś и т. д., склонность же эта не чужда повидимому и рѣчи интеллигенціи: встрѣчается «ńis» въ значеніи «носъ», и под.

63. Соотвѣтствующее безголосному x велярное фрикативное голосное γ встрѣчается на мѣстѣ перваго подъ вліяніемъ слѣдующаго голоснаго согласнаго (напр. -vyγ вм. письменнаго -вих въ «чобіт готових немаю»). Въ альтернаціи съ x стоитъ съ другой стороны ɦ; такъ, въ паузѣ, при потерѣ голосности конечнаго согласнаго, произносится «rix» вм. письменнаго ріг, рогъ; такая мѣна сохраняется конечно съ эпохи, когда письменное малорусское г выговаривалось еще какъ фрикативный велярный согласный γ, подобно нынѣшнему южновеликорусскому произношенію (**59**). Народные малорусскіе говоры остаются до сихъ поръ отчасти на переходной ступени между γ и ɦ, произнося еще частью велярный фрикативный или же фрикативный гортанный съ остатками велярнаго съуженія; ср. мои наблюденія надъ угрорусскимъ, Арх. XVII стр. 337, Угрор. нар. села Убли стр. 17. Въ рѣчи образованныхъ я слышалъ лишь чисто гортанный фрикативный, подобно чешскому; такъ что общее указаніе Томсона о малорусскомъ «г» (Общ. Яз. стр. 192) во всякомъ случаѣ ошибочно.—Насчетъ артикуляціонныхъ свойствъ ɦ укажу на **51**, далѣе на сказанное о ɦ: h въ **53**. Правильной и типичной слѣдуетъ для малорусской, какъ и для чешской рѣчи считать форму голосную, т.-е. «ɦ»; голосное бормотаніе звучитъ особенно замѣтно въ началѣ слова передъ согласнымъ (ɦl-, ɦr- и под.); видъ безголосный, т.-е. собственно «h», встрѣчается по моимъ наблюденіямъ чаще всего, даже обыкновенно, между гласными внутри слова («sehódńa», сегодня, и под.); но категорическаго разграниченія одного отъ другого невозможно установить, поэтому слѣдуетъ остаться при одномъ, общемъ обозначеніи. Объ отношеніи голоснаго элемента ɦ къ обыкновенному голосу см. **53**.—О «затворныхъ придыхательныхъ», являющихся иногда подъ вліяніемъ ɦ, ср. ниже **167**.

64. Слитное ç̌ (**61**) различается отъ ť + ş̌; въ 3 л. ед. ч. učiťša, учиться, ť образуется дальше впереди, чѣмъ затворный элементъ звука ç̌, напр., въ çiłyį̆, цілий.—Объ оттѣнкѣ «ţ» ср. въ **17.**—ł, вогнутое, при корональномъ «зубномъ» затворѣ, поднимаетъ еще языковое тѣло позади отъ этого мѣста, но скорѣе въ средней, чѣмъ въ задней части полости рта; вслѣдствіе того получается собственный звукъ, по моему, нѣсколько выше, чѣмъ въ великорусскомъ ł; ср. **30.** Въ иныхъ малорусскихъ говорахъ «ł» лежитъ вообще ближе къ l, «среднему»[1]), ср. замѣтки тамъ же. Переходъ ł въ u̯ встрѣчается въ рѣчи интеллигенціи правильно въ концѣ слога послѣ гласнаго (ср. писаніе прош. вр. «ходив» и под.), а въ народныхъ говорахъ переходъ этотъ идетъ и дальше («Ꙇъоu̯оu̯а» голова, и под.). Въ Галиціи такое «u̯» вм. ł въ своемъ образованіи, по крайней мѣрѣ относительно лабіализаціи, приближается повидимому къ упомянутому въ **67** польскому «u̯» того же происхожденія[2]).— u̯ произносится послѣ гласныхъ также на мѣстѣ письменнаго «v» (в), напр., ceгkou̯, kгou̯, т.-е. церков, кров. Гдѣ сохраняется звукъ фрикативный, онъ бываетъ у интеллигенціи обыкновенно губно-зубнымъ, болѣе или менѣе чистымъ, т.-е. v; въ нарѣчіяхъ губно-губная артикуляція, w, u̯, встрѣчается часто во всякомъ положеніи; отчасти рядъ v—u̯ выступаетъ безъ категорическаго разграниченія въ качествѣ звуковой единицы (Арх. XVII стр. 362 сл.); ср. сказанное выше въ **14.**— Сонорный согласный въ безголосномъ видѣ можно слышать иногда и въ малорусскомъ языкѣ, напр., l̥ въ «мисль».

3. Польскій языкъ.

65. Имѣя въ виду нижеслѣдующія замѣтки относительно подробностей, можемъ съ твердыми согласными раньше описанныхъ языковъ вообще сопоставить слѣдующіе польскіе звуки: губные p b m f v, языковые t d n, k g (ŋ) x [γ], ł, r, s z, š ž, c ʒ, č ǯ. Упуская изъ виду ассимиляціи, вызываемыя окружающими звуками (ср. **197** сл.), эти согласные передаются въ польскомъ правописаніи данными знаками, со слѣдующими исключеніями: вм. v употребляется w, вм. x — ch или h; γ является лишь въ письменномъ ch - h подъ вліяніемъ слѣдующаго звонкаго согласнаго, особаго же знака не имѣетъ (напр., boγdan Bohdan, kleγdy klechdy); š передается черезъ sz, ž черезъ ż, съ которымъ тождественно rz, такъ какъ первоначальное «мягкое r» совпало вполнѣ съ первоначальнымъ ž (**35**); ʒ обозначается черезъ dz, č и ǯ черезъ cz и dż, сочетаніе šč такимъ образомъ черезъ szcz.

Сопоставивъ съ указанными твердыми согласные мягкіе теперешней польской рѣчи выходитъ, что историческое развитіе удалило эту рѣчь далеко отъ предполагаемаго первоначальнаго согласнаго состава. Безъ чередованія съ мягкими оттѣнками стоятъ во-первыхъ шипящіе и слитные š ž

[1]) По словамъ Зилинскаго отчасти имѣется l среднее, а именно въ Буковинѣ.

[2]) Лемки по словамъ Зилинскаго смѣются надъ мазурами за ихъ болѣе сильное употребленіе губъ.

c ʒ č ǯ. Они въ польскомъ языкѣ способны приспособлять свой собственный звукъ къ любому гласному кромѣ i (до степени же i они не приспособляются, понижая зато собственный звукъ стараго i, т.-е., превращая его въ y: czysty, cynamon и т. д., ср. **42**), но категорій «твердой» и «мягкой» не различаютъ. Первоначальное мягкое r, какъ сказано, совпало съ ž. Звукъ x (на письмѣ ch, h) имѣетъ разные оттѣнки, въ зависимости отъ слѣдующаго гласнаго; такъ, передъ i въ позднихъ заимствованіяхъ оттѣнокъ уже явно задне-палатальный, «x́», который можно отождествить по артикуляціи съ описанными раньше великорусскимъ и малорусскимъ x́ (chiny, chimera, ср. «Szkic» Розвадовскаго § 24; такъ по моему и передъ письменнымъ y въ словѣ какъ hyena, произносимомъ то «x́i̯e̯na», то «x́i̯éna»); но ясно разграниченныхъ категорій «твердой» и «мягкой», x : x́, повидимому, нѣтъ—въ различіе отъ затворныхъ k, g, поддающихся вообще тому, что высказано о русскихъ велярныхъ: задне-палатальныхъ въ концѣ **60** и въ **62**. Разница между «твердымъ», не способнымъ къ (полной) палатализаціи польскимъ x (ср. писаніе xy) и способными къ ней k, g (ср. писаніе ki, gi) такимъ образомъ сохраняется принципіально и въ наше время. Наконецъ, и при ł можно лишь условно говорить о соотвѣтствующемъ «мягкомъ» оттѣнкѣ; правда, ł: l альтернируютъ на основаніи историческаго противоположенія твердаго: мягкаго л, и представляютъ собой акустическій контрастъ, съ низшимъ: высшимъ собственнымъ звукомъ; но по **27** «l» образованной польской рѣчи въ артикуляціонномъ отношеніи стоитъ внѣ ряда собственно «мягкихъ» согласныхъ образованій; оно не принадлежитъ къ дорсальнымъ артикуляціямъ, ни палатализованнымъ, ни тѣмъ паче палатальнымъ, а представляетъ собой образованіе корональное, обыкновенно съ альвеолярнымъ затворомъ; ср. еще въ **66**.

Изъ прочихъ твердыхъ согласныхъ, губные альтернируютъ съ мягкими ṕ b́ ḿ f́ v́ какъ въ велико- и малорусскомъ языкахъ; носовое n и его велярный варіантъ ŋ съ мягкимъ, повидимому палатальнымъ (**28**) ņ; велярные затворные k g съ задне-палатальными ḱ ǵ. Свистящіе s z, подобно малорусскимъ, чередуются съ шипящими дорсальными ş ẓ. Въ эту же артикуляціонную категорію развились и мягкія t-d, превратившіяся въ слитные ряда ş, т.-е. ç — ʒ̧ (см. **47** и ниже въ **66**), ср. напр. «ci», «dzi» въ cień тѣнь, dzień день; въ сочетаніяхъ, гдѣ взрывъ не могъ состояться, мягкія t-d сохранили первоначальный, не слитный характеръ и являются дорсальными затворными; ср., напр., d, t въ словахъ какъ d̃nia, Etnie.— На письмѣ названные «мягкіе» звуки передаются, какъ извѣстно, разными способами, о чемъ достаточно указать, напр., на «Szkic» Розвадовскаго.

Схема твердыхъ : мягкихъ согласныхъ нынѣшней образованной (краковской) польской рѣчи принимаетъ, такимъ образомъ, слѣдующій видъ:

Губные: p b m f v — ṕ b́ ḿ f́ v́
Языковые:
твердые t d n ŋ k g x [γ] ł r s z š ž c ʒ č ǯ
мягкіе ć ʒ́ ń j ḱ ǵ [l] ś ź

Особой категоріи согласныхъ съ веляризаціей-лабіализаціей я у польской интеллигенціи не наблюдалъ. Въ народныхъ говорахъ дѣло обстоитъ очевидно иначе.

66. Степень смягченія ṕ ḿ и т. д. согласуется повидимому вообще съ малорусской (**62**): p̍, m̍ и т. д.; въ концѣ слова мягкость губныхъ потеряна. — ć ʒ́ (на письмѣ ć dź — ci dzi) можно отождествить съ извѣстными оттѣнками сербскихъ ћ ђ — ć đ (см. **47**); подобное мнѣніе сообщилъ мнѣ Розвадовскій; ć совпадаетъ съ малорусскимъ «ць», ср. **61**.

Къ сказанному о «l» въ **65** добавимъ, что и по образованію и по высотѣ собственнаго звука я считаю его приблизительно тождественнымъ со «среднимъ» нѣмецкимъ l — напр. l въ польскомъ los и въ нѣмецкомъ Loos тождественны — и съ чешскимъ l (ср. однако замѣтки о послѣднемъ въ **27**). Польское l, подобно напр. нѣмецкому, приспособляетъ до извѣстной степени свое образованіе, а съ тѣмъ и собственный звукъ, въ зависимости отъ слѣдующаго гласнаго; l передъ i «мягче» чѣмъ l передъ e, a и др. (lis : lak), но это не позволяетъ еще говорить о разграниченныхъ категоріяхъ; раздѣленіе l у Розвадовскаго (Szkic § 18) въ «wybitnie palatalne» передъ i и «średnie, także dosyć palatalne» въ другихъ положеніяхъ прошу поэтому не понимать неточно; и то и другое l принадлежитъ къ образованіямъ «корональнымъ»; даже передъ j (i̯), въ примѣрѣ какъ liljowy, l сохраняетъ такое образованіе.— Польское ł, насколько подъ даннымъ знакомъ сохраняется еще образованіе боковое (ср. **67**), я считаю приблизительно тождественнымъ съ ł образованной (галицкой) малорусской рѣчи (**64**).

67. Но вмѣсто ł въ рѣчи польской интеллигенціи весьма распространено «u̯»; хотя ł до сихъ поръ, по моему, болѣе употребительно, чѣмъ должно бы полагать по выраженіямъ Розвадовскаго, Szkic § 19, но «u̯» не только весьма обыкновенное (уже обыкновеннѣе ł?), а повидимому распространяется быстро съ новымъ поколѣніемъ, по крайней мѣрѣ въ Краковѣ съ окрестностями. По сообщенію проф. Лося, ł причиняетъ дѣтямъ трудности, что склоняетъ ихъ къ употребленію «u̯»; по моимъ наблюденіямъ употребленіе

того или другого у взрослыхъ распредѣляется отчасти индивидуально (по семьямъ?).— Хотя «u̯», замѣняющее ł, иногда совпадаетъ съ артикуляціей обыкновеннаго гласнаго u, но чаще оно различается отъ послѣдняго особымъ образованіемъ, характеризованнымъ Розвадовскимъ такъ: губы округляются, но не выпячиваются впередъ (6), скорѣе даже втягиваются «lekko ku wnętrzu»[1]); о языкѣ Розвадовскій выражается нѣсколько неопредѣленно, констатируя однако, что и его положеніе правильно не совпадаетъ съ обыкновеннымъ u (или узкимъ o). По моему, языкъ занимаетъ скорѣе положеніе гласнаго средняго ряда, положенія средняго или открытаго высокаго. Губы и языкъ придаютъ, такимъ образомъ, данному замѣстителю согласнаго ł собственный звукъ, приблизительно тождественный съ собственнымъ звукомъ своего предшественника; ср. сказанное объ артикуляціи малорусскаго ł въ 64 и къ тому замѣтки о данныхъ звукахъ въ 30.

68. Велярное x (ср. 65) артикулируется часто весьма открыто, не энергично (Розвадовскій «Szkic» § 24); вслѣдствіе этого велярное треніе стремится исчезать, и звукъ приходитъ на ступень, переходную къ фрикативному гортанному, т. е. h. По моему нерѣдко, хоть индивидуально, звучитъ скорѣе h чѣмъ x, особенно повидимому передъ гласнымъ въ началѣ слова (chytry, hoży, cham, hołota и под.), между тѣмъ какъ сосѣдство согласнаго, особенно, можетъ быть, затворнаго, поддерживаетъ артикуляцію ртовую, велярную (tchnienie, chce — «мужицки» kce — и под.); однако, и въ такомъ положеніи иногда звучитъ скорѣе «h»: z chaty приблизительно «s-háty», род. пад. слова dech, dchu, даже почти «t̔u», съ придыхательнымъ t, ср. 167. Въ самыхъ переднихъ оттѣнкахъ x (chiny и под., 65) развитіе по направленію къ фрикативному гортанной артикуляціи мною не подмѣчено.

Велярное носовое ŋ въ польскомъ встрѣчается часто, какъ варіантъ зубного n передъ велярными: bank, Anglia—baŋk. и т. д.; частью ng сливается въ ŋ. ŋ имѣемъ и передъ k̀ ǵ: skovróŋk̀em (т. е. skowronkiem); далѣе передъ š ž č ǯ («Szkic» стр. 110); мы увидимъ въ 124, что развившійся изъ назализированныхъ гласныхъ носовой согласный слѣдуетъ относительно оттѣнковъ n : ŋ тому же принципу. — Прибавимъ, что мягкое ń (n̦) повидимому вообще не переходитъ въ ŋ передъ велярными: mateńko и под.; встрѣчаются однако двойныя формы на данномъ основаніи, ср. okieńko при okienko, т. е. okeŋko.

69. Отношеніе j : i̯ вѣроятно соотвѣтствуетъ въ польскомъ языкѣ правилу, данному для велико- и малорусскаго языка; правильно, впрочемъ, польская рѣчь употребляетъ повидимому i̯, разной узости (Szkic Розвадовскаго § 13,1).—Судя по тому

---

[1]) Т. е., нужно считать округленіе въ особой степени вертикальнымъ.

же изложенію («Szkic», стр. 114), слитные c, č и др. не разграничены въ артикуляторномъ отношеніи отъ сочетаній t+s, t+š и т. д.: затворные t, d сочетаній послѣдняго рода подъ вліяніемъ s, š и т. д. ассимилируются въ связной рѣчи въ подобіе затворному элементу слитныхъ; разница тѣхъ отъ другихъ сохраняется однако, повидимому, относительно раздѣленія слоговъ; по замѣткѣ въ «Materyały i Prace Kom. Jęz.», IV, стр. 35, č (cz) и t+š (trz изъ первоначальнаго č+rz) въ началѣ слова совпадаютъ лишь діалектически.

Безголосный видъ сонорныхъ согласныхъ въ образованной польской рѣчи встрѣчается часто; очевидно, къ сохраненію даннаго согласнаго отъ полнаго исчезновенія содѣйствуетъ нерѣдко письменная форма даннаго слова, что также объясняетъ сильное колебаніе въ произношеніи такихъ формъ. l̥ слышится, напр., въ plwać (т.-е. pl̥fáć), въ myśl (myśl̥; притомъ myś); r̥ очень часто, напр., въ krwawy (kr̥f- или kr̥y̥-), wiatr (v́atr̥) и под.; m̥, напр., въ род. мн. pasm (при pasem, ср. «Szkic» стр. 110). Особенно любопытна судьба ł при подобныхъ условіяхъ. По Розвадовскому, артикуляція ł тогда вовсе не употребляется, а звукъ или исчезаетъ (напр., japko вм. jabłko, šet вм. szedł) или же, въ заботливой рѣчи, замѣняется звукомъ u (puči вм. płci и под.); добавимъ однако, что такое u составляетъ лишь «побочный слогъ» (ср. **202** сл.), оно «неслоговое» (u̯), ср. удареніе приведенной формы, «puči»—въ болѣе быстрой рѣчи иногда съ u̯ безголоснымъ: pu̯či. Однако, у людей, которые не просто выбрасываютъ такое ł, можно по моимъ наблюденіямъ слышать и ł̥: mysł̥, pł̥či и под.— все, конечно, подъ вліяніемъ письменнаго облика слова.

Данными замѣтками насчетъ польскаго консонантизма можно довольствоваться, съ указаніемъ вообще на образцовое изложеніе Розвадовскаго въ часто приводимомъ изслѣдованіи «Szkic wymowy». Выраженіе Розвадовскаго «dorzalno-alveolarne» относительно s и z нужно понимать по изложенному выше въ **5**; его опредѣленіе š ž какъ «predorzalno-alveolarne» также не согласуется вполнѣ съ моимъ взглядомъ; но такія замѣтки съ моей стороны не уменьшаютъ общаго достоинства его изложенія. Въ связи съ нимъ далѣе статья Бодуэна де Куртенэ «Wskazówki dla zapisywaczów gwar» (Mat. i Prace Kom. Jęz. I, стр. 115 сл.) даетъ отличное понятіе о польскомъ консонантизмѣ.

4. Чешскій языкъ.

70. Насчетъ системы «твердыхъ»: «мягкихъ» согласныхъ въ нынѣшнемъ чешскомъ языкѣ, въ сравненіи, напр., съ русской рѣчью и съ предполагаемой исходной точкой, могу довольствоваться ссылкой на вообще правильный обзоръ Педерсена въ «Den böhm. Udtale», § 10. Лишь при t d n можно, въ сущности, говорить о чередованіи, подъ извѣстными условіями, съ «мягкими» t d n, представляющими въ чешскомъ нормально артикуляцію (крае-)палатальную (ср. **20**): ť ď ň [1]); въ сочетаніи tň dň, напр. jedním, t d также —

[1]) Въ чешской письменности, въ концѣ слова и передъ согласными, пишется ť ď ň; передъ гласнымъ e (не изъ праславянскаго ě) мягкость выражается знакомъ ˇ надъ гласнымъ: tě dě ně; передъ гласнымъ i она остается безъ обозначенія: ti di ni—ср. передачу t d n твердыхъ со слѣдующимъ i писаніемъ ty dy ny.

«мягки», но при отсутствіи обыкновеннаго взрыва (**168**) трудно рѣшить, артикулируются ли здѣсь палатальные или же лишь палатализованные оттѣнки. Сочетанія pj bj (fj) vj и mň, а далѣе ř, лишь съ исторической точки зрѣнія можно сопоставить съ p b f v m и r какъ «мягкіе» оттѣнки послѣднихъ; въ сущности губные данныхъ сочетаній — тѣ же самые, что губные безъ слѣдующаго j (ср. ниже), а ř представляетъ собой особый (шумный) раскатистый согласный, слѣдующій звуковымъ законамъ, различнымъ отъ (сонорнаго) r. — Припомянемъ здѣсь же, что особой категоріи согласныхъ оттѣнковъ съ веляризаціей-лабіализаціей также не существуетъ.

Большинство нынѣшнихъ чешскихъ согласныхъ представляетъ, такимъ образомъ, принципіально лишь одинъ, общій видъ или оттѣнокъ. Артикуляція какого-нибудь s, x и др. приспособляется, какъ напр., въ нѣмецкомъ и французскомъ произношеніи, болѣе или менѣе къ собственному звуку слѣдующаго гласнаго. Собственный звукъ согласнаго, напр., въ сочетаніи si, xi (на письмѣ chy) очевидно выше, чѣмъ въ сочетаніи sa, su, xa, xo (cha, cho); ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ не замѣчается между согласнымъ и гласнымъ переходнаго звука, различнаго отъ этого гласнаго. Но категорическаго разграниченія такихъ оттѣнковъ нѣтъ; и то и другое s принадлежатъ къ образованіямъ «зубнымъ корональнымъ» (по указанному въ **5** смыслу); то и другое x представляютъ лишь случайные варіанты того же самаго дорсальнаго образованія задняго языка. По этому съ точки зрѣнія согласнаго состава живой чешской рѣчи, для большинства согласныхъ даже неумѣстно пользоваться выраженіями «твердый» и «мягкій»; они ни то ни другое. Лишь сопоставленіе съ акустическимъ впечатлѣніемъ, получаемымъ отъ согласныхъ въ языкахъ, различающихъ оттѣнки «твердые» и «мягкіе», даетъ условное право подводить также чешскіе согласные подъ такія же категоріи.

71. Подъ такимъ угломъ зрѣнія твердыми можно назвать чешскіе согласные:

губные p b m f v
языковые t d n [ŋ, **72**] k g x («ch») [γ] l r s z š ž c [ʒ]
гортанный h («h»)

— хотя добавимъ сейчасъ же, что k, g, x двигаются, въ зависимости отъ слѣдующаго гласнаго, приблизительно между тѣми же границами какъ русскія и польскія k g x γ (велярныя): ḱ ǵ x́ γ́ (задне-палатальныя), и что l, среднее, приблизительно тождественно съ польскимъ l, которое въ системѣ польской рѣчи скорѣе приходится на сторону «мягкихъ» (ср. въ **66**, однако съ прибавкой замѣтокъ о чешскомъ l ниже въ **72**).

А «мягкими» можно назвать — конечно, кромѣ упомянутыхъ въ **70** ť ď ň — «j» (ср. въ **72**) и č, относительно котораго укажу на сдѣланныя въ **44** и **49** замѣчанія; по довольно высокому собственному звуку шипящаго элемента, сюда же можно поставить и ř, о которомъ поближе въ **72.**—Собственный звукъ č лежитъ выше чешскихъ š ž; повидимому можно сопоставить это č по собственному звуку, а можетъ быть и по образованію, приблизительно съ великорусскимъ ć (ч, **48**); поэтому, напр., čočka звучитъ «ćóćka» (**115**); но добавимъ, что отъ образованій дорсальныхъ — ср. польское ç — чешское č вполнѣ различно, что еще болѣе подчеркиваетъ условность выраженія «мягкій». Принадлежитъ ли ǯ (на письмѣ dž, напр., въ džban) этому же «мягкому» ряду, я не отмѣтилъ.

72. Указывая на хорошій обзоръ Педерсена въ «Den böhm. Udtale» [1]), могу насчетъ дальнѣйшихъ подробностей довольствоваться немногими замѣтками.

Въ чешскомъ l Педерсенъ различаетъ два вида: «палатализованное l», приблизительно то что русское ль, въ положеніи передъ n (volno, vlna и под.), «нормальное» (среднее) во всѣхъ другихъ положеніяхъ. «Палатализованный» оттѣнокъ мнѣ вполнѣ неизвѣстенъ.—Особенностью для чешскаго l, въ сравненіи съ польскимъ l (**66**) и извѣстными мнѣ германскими средними l, считаю его корональный затворъ о заднюю сторону десны, даже о передній край собственнаго неба; затворъ въ довольно высокомъ мѣстѣ, обыкновенный передъ гласными задняго ряда (lo, la и под.), наблюдаемъ также въ положеніи передъ гласными передними, даже передъ узкимъ i (líska, mléko — т.-е. mlīko — и под.); ср. выше въ **27.** Такой сильно супрадентальный корональный затворъ въ послѣднемъ положеніи отражаетъ собой какъ будто слабую степень «вогнутости» и придаетъ l по сравненію съ слѣдующимъ i довольно низкій, «твердый», собственный звукъ (ср. о «ł», **29**); такая артикуляція требуетъ извѣстнаго упражненія у тѣхъ, кто привыкъ, какъ я, къ приспособленію собственнаго звука своего средняго l къ сосѣднему i.—Ту же самую особенность l я подмѣтилъ, впрочемъ лишь бѣглымъ образомъ, въ западномъ словацкомъ нарѣчіи (около Lundenburg-a въ Моравіи), гдѣ переходъ l въ u̯ (черезъ начинающееся ł?) представляетъ уже частое явленіе [2]).

Образованіе ř описано въ **35.** Замѣтка Педерсена, что языкъ при ř лежитъ дальше позади, чѣмъ при r, ошибочна; напротивъ, кончикъ языка лежитъ при ř дальше впереди, вибрируя, повидимому, часто о заднюю стѣнку самыхъ рѣзцовъ. Примѣшиваемое къ раскатамъ шипѣніе, какъ уже отмѣчено, имѣетъ довольно высокій

---

[1]) И на появившуюся во время печатанія моего «Очерка» цѣнную работу Фринты «Novočeská Výslovnost» (Rozpravy č. Akademie III, 29).

[2]) Фринта, который считаетъ чешское l вообще «среднимъ» и отрицаетъ, какъ я, существованіе особаго мягкаго l (Педерсенъ, Бодуэнъ де Куртенэ), повидимому не раздѣляетъ моего мнѣнія о супрадентальномъ затворѣ и относительно низкомъ собственномъ звукѣ l передъ i; по его выраженію l вообще приспособляется къ гласному.

собственный звукъ, оно «мягче» шипѣнія š ž и приближается притомъ иногда скорѣе къ s z; поэтому дѣти, которымъ ř дается вообще не легко, субституируютъ нерѣдко на его мѣсто ž — š, но, по сравненію съ обыкновеннымъ š ž, болѣе или менѣе «мягкія»[1]). Dolanský (O výslovnosti hlásky ř. Věstník č. prof. 1901, 243 сл.) справедливо отмѣчаетъ нужную для ř большую выдыхательную силу, чѣмъ для r; тамъ же и объ индивидуальномъ r язычковомъ. — Безголосное ř, ř̥, встрѣчается часто; напр., въ řku—также въ сочетаніи já-řku—lekařský, třmen и др.; такъ и, напр., въ modř, «motř̥» (техническое названіе для modrá barva); съ такимъ произношеніемъ нужно сравнить r голосное въ подобномъ сосѣдствѣ, напр., въ vītr, bratr и под., въ rčení и др., ср. **200**.

Письменное j, какъ старое установочное (jazyk, v jakém и под.), такъ и развившееся изъ переходнаго послѣ мягкихъ губныхъ (dvě, medvěd, т.-е. dvje и под., ср. **70**), повидимому, чаще обозначаетъ собой i̯, безъ явнаго фрикативнаго звука (i̯azik, dvi̯e и под.); однако и въ чешскомъ языкѣ нельзя категорически разграничить i̯ отъ дѣйствительнаго j, являющагося легко при большей энергіи рѣчи. Въ связи съ артикуляціей не j, а i̯ стоитъ частое исчезаніе «j» передъ i въ быстрой рѣчи, напр., «zinīm» (z jiným).

На основаніи явленій въ родѣ произношенія konský, panstvo и под. съ приблизительнымъ или полнымъ c вмѣсто s, Honza какъ -nʒa, jenž какъ i̯enč и под., Педерсенъ догадывается вообще о болѣе энергичномъ образованіи затвора въ чешскомъ n; упоминаю это его предположеніе, но не имѣю данныхъ для рѣшенія его[2]). — Передъ g и k нормально выговаривается n велярное: teŋkī (tenký) и под.[3]).

x (на письмѣ ch) отличается отъ великорусскаго и польскаго своей болѣе узкой (энергичной) артикуляціей; о переходѣ въ гортанный фрикативный звукъ здѣсь, повидимому, нѣтъ рѣчи. Зато въ h (письменно h) имѣемъ чистый гортанный звукъ, тождественный вообще съ h образованной малорусской рѣчи (**63**, **53**). Гдѣ h по звуковымъ законамъ теряетъ голосъ, его замѣщаетъ велярное x (bůh = būx, ср. случай какъ sxoda вм. shoda, и под.), остатокъ изъ эпохи «γ», являющагося теперь лишь при ассимиляціи x (ch) передъ звонкимъ шумнымъ. — Сочетанія въ родѣ hl сохраняютъ h и l отдѣльными звуками и не развиваются въ «придыхательное l»; зато h послѣ согласнаго, особенно k, сливается съ нимъ, образуя приблизительно «aspirata», въ родѣ извѣстныхъ изъ германской рѣчи придыхательныхъ затворныхъ; ср. **167**. — g существуетъ лишь въ заимствованныхъ словахъ и въ случаяхъ голосной ассимиляціи k, напр., gde на мѣстѣ письменнаго kde. О движеніи x k g въ зависимости отъ слѣдующаго гласнаго сказано въ **70**; стоитъ отмѣтить, что передвиженіе затворнаго мѣста можетъ состояться подъ вліяніемъ слѣдующаго гласнаго, отдѣленнаго отъ самаго затворнаго другимъ звукомъ: kman отмѣчено съ заднимъ, kmen съ переднимъ k; невольно вспоминаемъ при этомъ переходъ к въ ц, напр., въ цвѣтъ, въ извѣстной части праславянскаго міра.

---

[1]) А по Фринтѣ сначала даже z — s.

[2]) Правильное разъясненіе явленія (слишкомъ раннее закрытіе носового прохода) и богатый матеріалъ у Фринты.

[3]) Подробнѣе у Фринты стр. 129.

š ž приблизительно тождественны съ русскими ш ж, польскими sz ż; о č ср. въ **71**: оно «мягче»; однако t + š, d + š повидимому совпадаютъ съ произношеніемъ č, ср. замѣтку Педерсена, стр. 125, о nadšenī. Подобно и t + s, повидимому, сливается въ настоящій слитный согласный, тождественный съ c старшаго происхожденія.

5. Словенскій языкъ.

73. Въ образованномъ люблянскомъ произношеніи словенской рѣчи всякая разница между «мягкими» и «твердыми» согласными оттѣнками вполнѣ изгладилась. Существуетъ лишь одна категорія; большинство согласныхъ можно характеризовать по высказаннымъ въ **70** соображеніямъ какъ твердые; такими можно назвать и губныя p b m f v - u̯ (**74**) и языковыя t d n (ŋ) k g - γ (**75**) x (на письмѣ h) l r s z š ž c (ʒ) č ǯ (**76**); при названіи мягкій остается, съ данной условной точки зрѣнія, собственно лишь «j» (ср. **76**). И старшія мягкія л, н въ люблянскомъ произношеніи сошли со сцены; корональное, обыкновенно альвеолярное, «среднее» l произносится также, напр., въ mélem (Плет. mẹ́ljem), l̥dȋẹ (Плет. ljudję̑) и под.; отъ мягкости н, вызванной подобными условіями, остается слѣдъ въ видѣ i̯ или j передъ согласнымъ или послѣ согласнаго, послѣдній же самъ артикулируется уже коронально: -i̯n- или -ni̯- (**186**). Не всѣ говоры однако развились до этой ступени; насчетъ «мягкихъ» l n t d можно указать на «O glasu» Шкрабца, стр. 26 («l-j», «n-j») и «Cvetje» I, 11 и IV, 1. (Словенскіе «мягкіе» звуки, гдѣ таковые существуютъ, по Шкрабцу различны отъ русскихъ и польскихъ; мягкія l и n въ хорошемъ произношеніи онъ отождествляетъ съ мульированными итальянскими звуками).

74. При безголосномъ губно-зубномъ f — напр., cefràt, ср. Плет. cefráti — существуетъ соотвѣтствующее v. Оно встрѣчается часто въ чистой артикуляціи, напр. dvȃ. Но какъ мы напомнили въ **14**, въ люблянской словенской рѣчи v соединяется съ артикуляціями [vʷ], w и u̯ въ одну звуковую единицу или категорію, безъ яснаго внутренняго разграниченія. Общая тенденція идетъ повидимому по направленію къ потерѣ чисто губно-зубной артикуляціи. Колебаніе разныхъ оттѣнковъ связано отчасти съ личностями; у одного выступаетъ чаще v, у другого w. Но отчасти и окружающіе звуки и положеніе въ слогѣ играютъ роль для распредѣленія. Такъ, между гласнымъ и слѣдующимъ согласнымъ находимъ вообще чистое u̯ : dáu̯t (Плет. dáviti), наст. dȃu̯m при dȃwem, прич. dȃu̯len и т. д. То же самое отмѣчено мною для начала слова передъ согласнымъ: u̯rḗme (Плет. vréme); если такое u̯- не можетъ, въ связи предложенія, соединиться съ гласнымъ въ дифтонгъ, оно выступаетъ какъ краткій (побочный) слогъ u (ср. **205** сл.);

что старшее v- при такой судьбѣ совпадаетъ со старшимъ u- (ср. напр. pei̯d-ga-u̯dárt, пойди его ударить), не требуетъ объясненія; ср. у Шкрабца въ Cvetje III, 2.—Передъ гласнымъ мое ухо, наоборотъ, не констатировало полнаго u̯, но зато колебаніе v-w : žvệt и žwệt (при žíu̯t жить, Плет. živẹ́ti), dowǿlt и dovolẹ̀t, наст. dovôlm—dowôlmǝ, и под.; какъ показываетъ последній примѣръ, колебаніе v-w является и въ положеніи междугласномъ; наблюдатель остается нерѣдко въ недоумѣніи, артикулируется ли собственно v или w.—Ср. у Шкрабца въ Cvetje IV, 1.

75. Въ одной звуковой единицѣ или категоріи, безъ внутренняго разграниченія, соединяются въ этомъ же словенскомъ произношеніи также артикуляціи велярныя затворная, g, и фрикативная, γ. g встрѣчается часто; особенно часто, пожалуй, послѣ паузы, передъ гласнымъ какъ передъ согласнымъ: gǿnt, gnàt; gnǽst (гнесть), прош. множ. gnǽl и т. д.; однако встрѣчается и въ такомъ положеніи γ-, а иногда и звукъ переходный отъ яснаго g къ чистому γ, какое-то g съ слабымъ, не полнымъ затворомъ. Внутри слова встрѣчается обыкновенно γ, напр., прош. zγúbu («zgúbił»), stríγu, жен. р. stríγla (неопр. stríč или stríčt, ср. Плет. stríči), mǿγla могла и т. д.; мѣна является однако и въ такомъ положеніи: íγra и ígra. О разграниченіи вообще нѣтъ рѣчи; у одного и того же лица слышно то za gorȏ, za gǿro, za gȏrǝ, то za γorȃm, na γorȃx, grȃd—z γrȃdom и т. д.; общая же тенденція идетъ, кажется, въ пользу артикуляціи γ. Сочетанія словъ, начинающихся съ g-γ, съ предлогомъ «къ» даютъ то g͡γ-, то x͡g-.—Описанному колебанію соотвѣтствуетъ, при потерѣ голоса, мѣна k—x; напр., род. множ. отъ nǿγa, нога: nók и nóx; прилагательное «дорогъ»: drak и drax.

76. Письменное j, безразлично какого происхожденія, звучитъ часто какъ фрикативное j, но повидимому чаще какъ i̯ (krǿ̀i̯ krǿi̯a, Плет. kròj krója, slai̯, glai̯—слаще, глаже, и т. д.); та и другая артикуляція, какъ обыкновенно въ славянской рѣчи, не разграничены другъ отъ друга. Двойное i̯ видимъ, напр., въ 3 мн. kró̯i̯i̯ǝ (krǿi̯t кроить, Плет. krojíti).—Изъ артикуляціи «i̯» объясняется развитіе, напр., повел. «bij», бей, въ bī; объ этомъ и связанныхъ съ нимъ явленіяхъ см. **213** сл. О j : i̯ у Шкрабца въ «Cvetje» I, 11 и IV, 1; на послѣднемъ мѣстѣ Шкрабецъ ограничиваетъ произношеніе «j» положеніемъ передъ гласными; слѣдуетъ добавить, что и въ такомъ положеніи встрѣчается «i̯».

Объ артикуляціи l сказано въ **73**. Употребленіе знака «ł» у словенцевъ не должно смущать; оно лишь указываетъ на (частый) переходъ л, при извѣстныхъ условіяхъ, въ u̯ или подобный звукъ; ср. обзоръ и замѣтки Шкрабца въ Cvetje I, 9—11, III, 6.—Велярное ŋ обыкновенно передъ

k, g (γ), x (Шкрабецъ, Cvetje I, 9): znâŋka (Плет. znânka) и под.; такъ и при встрѣчѣ въ связи предложенія, напр., žǽŋ-ga вм. žæn ga, гони его. — x (на письмѣ h) имѣетъ, повидимому, вообще явный велярный фрикативный характеръ, артикулируя приблизительно тамъ же гдѣ k; въ иныхъ случаяхъ, напр., формахъ глагола хотѣть, оно уже раньше исчезло. — č и ǯ, съ шипящимъ элементомъ приблизительно того же образованія и собственнаго звука, что š-ž, не различаются отъ сочетанія t+š, правильно сливающагося въ настоящій слитный; напр., «отъ шестого» звучитъ «očǽzdga». ǯ, кромѣ письменнаго dž, является конечно на мѣстѣ č при голосной ассимиляціи; напр., род. ед. отъ причастія godêč (отъ неопр. gǫ́st, ср. Плет. gǫ́sti играть на скрипкѣ) звучитъ godêǯga.

77. Широко распространенное выпаденіе гласныхъ приводитъ въ словенской рѣчи къ частому употребленію сонорныхъ согласныхъ въ качествѣ слоговыхъ: m̥ n̥ (ŋ̊) l̥; встрѣчается даже долгое l, напр., «mi̋sl̥̄» вм. mi̋slili, «мыслили»; впрочемъ, чаще такая форма подвергается диссимиляціи; какъ, напр., жен. ед. mislila переходитъ въ mi̋sl̥na, такъ упомянутое mislili принимаетъ видъ mi̋sl̥n. Вмѣсто чистаго «слогового r» — какъ старшаго происхожденія, такъ и тамъ, гдѣ ждемъ его на ряду съ m̥ n̥ l̥, напр., въ предлогѣ «pri» — звучитъ обыкновенно сочетаніе r съ предшествующимъ, болѣе или менѣе явно развитымъ ₑ; ср. писаніе ɤr у Метелька (см. еще у Шкрабца въ «O glasu» стр. 39 сл.; его соображенія впрочемъ врядъ ли непоколебимы). Можно колебаться, передать ли данное сочетаніе ᵉr̥ или же ₑr, особенно въ слогахъ долгихъ, т.-е. подъ удареніями долгими восходящимъ и нисходящимъ, ′ и ⌒; а именно, въ такомъ положеніи удлиняются обѣ части сочетанія, и гласный и сонорный согласный элементъ, подобно извѣстнымъ дифтонгическимъ сочетаніямъ, о которыхъ въ **224**. Въ слогахъ краткихъ, элементъ r преобладаетъ по моему слуху чаще всего настолько, что ₑ имѣетъ характеръ лишь переходнаго элемента и нужно писать ᵉr̥, напр., pᵉr̥ (предлогъ «pri»). — v и u̥ въ слоговой функціи развиваются въ u. Объ этомъ, и вообще о своеобразномъ развитіи звукового состава словенской рѣчи подъ вліяніемъ сильной редукціи гласныхъ, нѣсколькихъ сторонъ которой мы коснулись здѣсь, сошлюсь на изложеніе въ слѣдующей главѣ, **100** сл.

6. Сербско-хорватскій языкъ.

78. Объ альтернаціи твердыхъ согласныхъ оттѣнковъ съ мягкими, вродѣ системы, свойственной русской рѣчи, въ сербско-хорватскомъ языкѣ и рѣчи нѣтъ. Согласный составъ сербско-хорватскаго языка поддается вообще

высказаннымъ въ **70** соображеніямъ. Въ составѣ языковыхъ согласныхъ различается однако рядъ дорсально образованныхъ, передне-палатальныхъ или, по описанію Новаковича, можетъ быть скорѣе крае-палатальныхъ звуковъ—съ «мягкимъ», т.-е. относительно высокимъ собственнымъ звукомъ,—отъ коронально образованныхъ, «твердыхъ», зубныхъ; развилась, такимъ образомъ, извѣстная традиціонная противоположность «мягкаго» ļ: «твердаго» l и др., на особой исторической подкладкѣ.

Схему сербско-хорватскихъ согласныхъ образованій можно потому представить въ слѣдующемъ видѣ:

Губныя p b m f v

Языковыя	твердыя	t d n (ŋ) k g x (:h, см. **80**)	l (среднее)	r s z š ž c [ʒ]	č ǯ (**79**)
	мягкія	ņ j (**80**)	ļ	(ś ź, см. **81**)	č̦ ǯ̦

ņ, ļ (њ, љ), какъ отмѣчено выше, по описанію Новаковича, скорѣе крае-палатальны, т.-е. съ преградой немного впереди отъ образованія j; однако, абсолютной границы между сосѣдними оттѣнками здѣсь нѣтъ, ср. наши замѣтки въ **18** и др.

Насчетъ письменнаго обозначенія согласныхъ достаточно указать, напр., на «Физ. гласа» Новаковича. О разныхъ подробностяхъ и особыхъ оттѣнкахъ, вродѣ слѣдовъ новообразованныхъ «мягкихъ» согласныхъ и являющихся въ извѣстномъ положеніи ş̌ ẓ̌, будетъ сказано въ слѣдующихъ параграфахъ. Какъ общую черту, упомянемъ здѣсь лишь то, что весь согласный составъ отличается въ типичныхъ сербскихъ говорахъ, повидимому, вообще передней артикуляціей и яснымъ, отчеканеннымъ произношеніемъ.

79. Всѣ главныя черты сербскаго консонантизма опредѣлены уже Новаковичемъ (Физ. гласа; таблица согласныхъ на стр. 53) вообще удовлетворительно — развѣ исключая физіологическія свойства шипящихъ и слитныхъ согласныхъ; но стоитъ обратить вниманіе и на разныя второстепенныя черты. Объ особомъ переднемъ образованіи t d (t˗ d˗) см. выше **17**; насчетъ подобной особенности слитныхъ č ǯ[1]) укажу на **49.** Мы тамъ попробовали объяснить, какъ данное слитное образованіе, несмотря на переднюю область затвора, имѣетъ относительно низкій собственный звукъ; такое акустическое свойство, т.-е. относительная «твердость», присоединяетъ č ǯ, съ нашей условной точки зрѣнія, къ «твердымъ» š ž, несмотря на то, что послѣднія въ сущности образуются далѣе взади (это замѣчается при сравненіи č и š, напр.,

[1]) Добавлю однако, что ǯ, напр., въ џамиja, по моему склоняется образовать затворъ въ не столь передней области.

въ словѣ čaša). Къ пониженію собственнаго звука упоминаемыхъ слитныхъ содѣйствуетъ, повидимому, также лабіализація; при отчеканенномъ произношеніи послѣднее качество выступаетъ ясно, въ противоположность извѣстному растяженію губъ при «мягкихъ» ç̌ ǯ.

ç̌ ǯ, (ћ ђ, ć đ) по **66** можно отождествить съ польскими «ć», «dź», насколько оканчивающій сербскія образованія фрикативный элементъ подходитъ подъ рядъ шипящихъ; что онъ нерѣдко звучитъ скорѣе какъ ś ź, отмѣчено въ **47**.

Считая š ž въ сербской системѣ твердыми, не слѣдуетъ забывать данныя въ **41** (и **42**) замѣтки. Въ связи съ упомянутымъ въ концѣ **78** общимъ свойствомъ сербскихъ согласныхъ, эти š ž въ извѣстномъ мнѣ произношеніи имѣютъ образованіе довольно переднее; не удивительно поэтому, если для малорусскаго уха сербскія š ž звучатъ (по Зилиньскому) «мягко»; въ сравненіи съ малорусскими ш ж они имѣютъ характеръ «š˗» «ž˗». — Особый оттѣнокъ š ž передъ ћ ђ (лишће грожђе и под.) упоминается въ **183**.

80. Велярное ŋ является, какъ и въ словенскомъ, правильно передъ другими велярными артикуляціями, напр., въ Паланка, опанка; Новаковичъ не обратилъ на него вниманія.

Письменное х (лат. h), насколько самостоятельный согласный звукъ сохраненъ — какъ извѣстно, бывшій звукъ часто совсѣмъ выпадаетъ (с хљебом = s-l̦ebom и под.) или же замѣщается фрикативнымъ другого рода (діал. buva вм. buxa и под.); о «х» ср. у Новаковича, Физ. гласа, стр. 31 сл.— колеблется между велярнымъ фрикативнымъ (x), съ болѣе или менѣе явнымъ треніемъ, и чистымъ гортаннымъ фрикативнымъ (h); послѣднее звучитъ въ наблюдаемомъ мною герцеговинскомъ говорѣ, по сравненію съ германскимъ h, какъ будто болѣе «хрипло» — можетъ быть, отъ содѣйствія надгортанника для съуженія прохода выдыхаемаго тока?[1]) Категорической границы между артикуляціями x : h я не нашелъ. h отмѣчено мною и передъ паузой, иллюстрируя такимъ образомъ то, что въ ученіи о сочетаніи звуковъ называется терминомъ «придыхательный отступъ» (**158, 159**); tijeh, dragih и под. = tijeʿ, dragiʿ; связываясь со слѣдующимъ словомъ, такія формы теряютъ, повидимому, обыкновенно и этотъ слѣдъ первоначальнаго х. Разныя подробности о сербско-хорватскомъ «h» даетъ Решетаръ въ Der štokavische Dialekt (Schriften der Balkankommission 1907).

l, «среднее» (слаб, кола и т. д.), съ затворомъ альвеолярнымъ, согла-

---

[1]) По Миласу (Rad 153, стр. 53—54) это хриплое h въ мостарскомъ нарѣчіи заимствовано изъ турецко-арабскаго произношенія.

суется съ чешскимъ l въ чертѣ, описанной выше **72**: альвеолярный (верхзубной) затворъ чисто корональнаго образованія принадлежитъ артикуляціи l также передъ i, напр. въ лист; немного «вогнутая» форма такого l слышна въ слабомъ переходномъ гласномъ «ә», выступающемъ при отворѣ l для артикуляціи i. Діалектически «вогнутость» l развивается очевидно иногда дальше; напр., изъ окрестностей Карловцевъ я отмѣтилъ уже l въ оттѣнкѣ «ł», близкомъ къ польскому ł. Ср. замѣтки Новаковича въ Физ. гласа стр. 43 сл.

j, фрикативное, слышится часто, особенно при энергичной рѣчи, но не разграничено отъ i̭ (jak — i̭ak и под.). О развитіи слѣдовъ новаго рода «палатализаціи» при столкновеніи извѣстныхъ согласныхъ съ «j» будемъ говорить въ **81**.

81. Понятіе о противоположности твердыхъ: мягкихъ согласныхъ оттѣнковъ, существующей въ другихъ славянскихъ языкахъ на основаніи т. н. «палатализаціи», сербы могутъ извлекать изъ сопоставленія артикуляціи извѣстныхъ согласныхъ передъ je, изъ краткаго ѣ, въ je-кавскомъ произношеніи, съ ихъ образованіемъ въ другомъ положеніи. Напр., въ пjевам, бjежим, мjерим, вjерујем, антиципируя передне-палатальную артикуляцію j, губныя выговариваются въ родѣ русскихъ или скорѣе польскихъ ṕ б́ и т. д.; «степень палатализаціи» (**179** сл.) данныхъ сербскихъ губныхъ, пожалуй, еще выше польской, не только $\overset{i}{p}$, $\overset{i}{m}$, но даже $\overset{j}{p}$, $\overset{j}{m}$ и т. д.; послѣ отвора звучитъ явный фрикативный элементъ, послѣ голоснаго губного -j, послѣ безголоснаго -χ̦: «ṕχ̦evam».— Въ одсjекох, зjеница и под. s z, при дорсально поднятомъ переднемъ языкѣ и выдвинутомъ впередъ кончикѣ его, приходятся очень близко къ русскимъ ś ź, по Миласу и Чоровичу переходятъ въ ș̌, ž̦; притомъ однако j отчасти сохраняется какъ полновѣсная артикуляція, (переднее) j или i̭. О діалектическомъ развитіи с з передъ ѣ въ затронутомъ направленіи ср. у Новаковича, Физ. гласа стр. 51.— Сочетанія tje, dje (потjера, дjело) идутъ дальше; затворный развивается не только въ «палатализованный», но и въ «палатальный» оттѣнокъ, съ вполнѣ опущеннымъ кончикомъ языка; при отворѣ звучитъ χ̦ — j переднее (краепалатальное). Какъ извѣстно, данныя звуковыя образованія колеблются, даже у одного и того же лица, съ č̦ ž̦: поћера, ђело и под. Такой переходъ, въ дорсальный слитный согласный, объясняется просто, по соображеніямъ **37—38.** s въ положеніи передъ упомянутымъ tj, напр., стjеница, остается «твердымъ», безъ той палатальной аффекціи, которой коснемся въ **183** для s — š передъ ћ, напр., въ «лишће».— r при указанныхъ условіяхъ, напр., рjечит, остается повидимому обыкновеннымъ твердымъ: rj-; ср. съ этимъ развитіе старшихъ сочетаній въ родѣ бура, море. n, l въ nje, lje совпали съ ņ ļ данной схемы: њедра, љесковац и под.— Хорошій обзоръ упоминаемыхъ здѣсь явленій имѣется у Решетара въ «Der štokavische Dialekt».

7. Болгарскій языкъ.

82. Насчетъ слѣдующаго обзора прошу сообразоваться со сказаннымъ въ Прил. I. Мои наблюденія надъ болгарской рѣчью — неудовлетворительны,

матеріалъ отчасти скуденъ и шатокъ. Выражаюсь поэтому осторожно, подразумѣвая всюду извѣстныя оговорки. Въ связи съ тѣмъ и порядокъ изложенія отчасти измѣняется отъ раньше описанныхъ языковъ.

Милетичъ, въ «Ostbulg.» стр. 39, высказывается о согласномъ составѣ восточноболгарскаго произношенія въ сравненіи съ западноболгарскимъ такъ: согласный составъ восточноболгарскаго отличается вообще «большею палатальностью»; всѣ вост.-болгарскіе говоры различаютъ два ряда согласныхъ, а именно при обыкновенныхъ «твердыхъ» и «средне-мягкихъ» согласныхъ еще рядъ соотвѣтствующихъ «palatale Consonanten», которые являются преимущественно въ связи съ слѣдующимъ ’a (вмѣсто ѣ) или въ окончаніи 1 лица ед. ч. глаголовъ 4 класса; послѣдній рядъ звучитъ «почти какъ въ великорусскомъ»; различаются, такимъ образомъ, не только «l отъ ľ и n отъ ń, какъ въ западноболгарскомъ», но еще «b и b́, p и ṕ, m и ḿ, v и v́, f и f́, d и ď, t и ť, z и ź, s и ś; далѣе ž — ž́, č — č́, š — š́; žd — žď, št — šť»; и «ǵ ḱ h́ свойственны восточноболгарскому, какъ и западноболгарскому».

Согласный составъ изученной мною бѣгло образованной болгарской рѣчи принадлежитъ по этой характеристикѣ типу «восточноболгарскому». Во всѣхъ согласныхъ, кромѣ шипящихъ и связаннаго съ ними слитнаго, отмѣчены разграниченные оттѣнки твердый и мягкій. Послѣдній приближается дѣйствительно сильно къ соотвѣтствующему великорусскому; можно отчасти отождествить его съ нимъ, хотя степень палатализаціи (**179** сл.) въ болгарскомъ повидимому часто ниже великорусской. — Что этимологическій принципъ чередованія твердаго оттѣнка съ мягкимъ не согласуется съ русскимъ (ср. выше по Милетичу), можемъ оставить въ сторонѣ, переходя къ описанію найденнаго согласнаго матеріала.

83. Губные твердые оттѣнки p b m f v согласуются съ подобными образованіями раньше описанныхъ языковъ. Они вообще приспособляютъ свой собственный звукъ къ слѣдующему гласному, ср. сказанное насчетъ чешскаго, словенскаго, сербско-хорватскаго яз. Вниманіе привлекаютъ въ этомъ отношеніи губные (или лишь губно-губные?) со слѣдующимъ гласнымъ ъ (пѫтъ, бѫде, българинъ); при отворѣ звучитъ здѣсь отчасти весьма ясный переходный гласный ^{u}: p^{u}ъt и т. д.; это похоже на слѣдъ «веляризаціи» (**190**), на развитіе категорическаго оттѣнка губныхъ съ особенно низкимъ собственнымъ звукомъ, какъ мы отмѣтили для великорусскаго въ **56.** Но такъ какъ я въ другихъ сочетаніяхъ (po, mo и т. д.) не отмѣчалъ подобныхъ слѣдовъ, то предпочитаю пока объяснить упоминаемое ^{u} иначе, а именно какъ первую часть самаго гласнаго ъ (см. **96** сл.), переходящую въ u посредствомъ округленія, придаваемаго ему еще не вполнѣ отвореннымъ губнымъ

согласнымъ. — m губно-зубное (ɱ, ср. **14**) отмѣчено у моего источника Стоилова въ ясномъ видѣ передъ v: октомврий и под.

Особую категорію «мягкихъ» губныхъ находимъ прежде всего передъ старшимъ ѣ въ произношеніи ’a: ḿasto мѣсто (но ср. mestó-to), v́ara вѣра, b́ax бѣхъ (но ср. 2 л. béše); но и на другой подкладкѣ, ср., напр., sáb́a, сабя—сабля. Такіе болгарскіе мягкіе губные звучатъ часто скорѣе «veara», «measto» и т. д., въ связи съ низкой степенью палатализаціи (**179** сл.). Съ развитіемъ мягкаго оттѣнка губныхъ имѣемъ отчасти дѣло и въ сочетаніяхъ вродѣ «тамъ е...», гдѣ медленное литературное произношеніе даетъ «taḿ-e...», между тѣмъ какъ скорѣйшая рѣчь выговариваетъ просто «tam-e...», «pop-e došeł» и под.

84. При «зубныхъ» артикуляціонная разница твердыхъ и мягкихъ оттѣнковъ даетъ ясное разграниченіе. Твердые артикулируютъ коронально, какъ t d n раньше описанныхъ языковъ; въ такомъ видѣ находимъ ихъ также передъ старыми e, i, ь; ср., напр., ne не, den день, kon конь, niva нива и т. д. Изъ мягкихъ, т и д имѣютъ, повидимому, артикуляцію великорусскихъ ть, дь, т.-е., они «палатализованы» (t́—d́), ср. **57** съ указаніями; н отмѣчено мною какъ «палатальное», ņ. Мягкіе зубные согласные развились на разной звуковой подкладкѣ; передъ ѣ — напр., vid́ał видѣлъ (ср. множ. vidéli), ņamam нѣмамъ, sņak снѣгъ; въ глагольныхъ формахъ, напр., sed́ъ сижу; въ существительныхъ съ членомъ, напр., при выше приведенныхъ den kon опредѣленныя формы deņъt, koņъt; ср. далѣе формы множ. числа въ родѣ brát́ä (brat братъ), koņé, глагольныя существительныя въ родѣ oráņe (оранье), мѣстоименіе t́a тя (она), сочетанія съ e (есть), какъ, напр., «koņ-e negof», «edín kmet́-je túk», единъ кметъ е тукъ».

Сочетанія št (щ) и žd (жд) поддаются по моимъ наблюденіямъ тѣмъ же правиламъ; напр. št́ax щѣхъ — ср. 2 л. šteše; nošt́e . . . нощь е . . .

Палатализованная артикуляція t́ d́ разграничиваетъ ихъ отъ ниже описанныхъ ķ ģ. При отворѣ t́, напр. въ тя, звучитъ переходное χ крае-палатальнаго образованія. Если сравнить этотъ переходный звукъ съ встрѣчаемымъ часто (постоянно?) передъ «ѣ» переходнымъ звукомъ болѣе открытаго образованія — скорѣе что-то въ родѣ «šteax» и под.,—который указываетъ какъ будто на низшую степень палатализаціи (**179** сл.), то невольно является вопросъ, совпала ли палатализація передъ ѣ съ палатализаціей другого происхожденія? И при другихъ согласныхъ (l, r) я невольно дошелъ до того же сомнѣнія, безъ возможности окончательнаго рѣшенія.

85. Велярные, «твердые» k g x, а также γ, являющееся вм. x при голосной ассимиляціи (напр. прош. вр., 1 л. множ. kúpiγme и под.; ср. ниже), и ŋ,

передъ велярными шумными (напр., въ вънка, читанка и под.[1])), по мѣсту образованія согласуются съ прочими славянскими языками. Добавимъ о х, что оно въ произношеніи интеллигенціи повидимому правильно — явный велярный фрикативный; въ говорахъ оно часто исчезаетъ (ы́baf вмѣсто литер. xы́baf и под.); а соотвѣтствующее голосное γ (напр. kы́piγme, см. выше, videγme, ćы́γme и под.) у Стоилова звучало съ весьма слабымъ велярнымъ треніемъ, находясь уже на переходѣ къ голосному гортанному фрикативному, «h».

Соотвѣтствующіе «мягкіе» оттѣнки развились, согласно соображеніямъ, высказаннымъ въ концѣ **60**, въ самостоятельную категорію. При х стоитъ задне-палатальное х́ (**22**), по собственному звуку вообще приспособленное къ гласному і; потому оно, напр., въ «хитъръ» согласуется съ слѣдующимъ гласнымъ, а передъ е — напр. въ сочетаніи какъ «единъ сиромахъ е тука», т. е. . . . х́ - е . . . — имѣетъ собственный звукъ выше е (ср. выше **60**, **62**, **65**); такое же задне-палатальное х́, тождественное съ русскимъ, малорусскимъ, польскимъ, отмѣчено въ болгарскомъ яз. также подъ вліяніемъ предшествующаго і: pi̋ši̋х́, naući̋х́, naući̋х́te и под. Задне-палатальное же мѣсто образованія отмѣчено иногда и для затворныхъ, напр. въ «снѣгъ е валилъ» — «snąk-e vali̋l»; но при этомъ (обыкновенно?) «мягкія k g» отмѣчены какъ образованія, принадлежащія уже j'овой области, т.-е. въ видѣ передне-палатальныхъ ķ ģ (**21**): ķekaf кекавъ, ķitka китка, ķéf-mi-e кевъ-ми-е, kaķ-e . . . какъ е . . . и т. д.; ģ въ други, богиня, слугиня и т. д,; такое же ģ Стоиловъ вносилъ невольно и въ свое произношеніе, напр., нѣмецкаго ge-. Такое образованіе по «мягкости» выходитъ и черезъ границу (открытаго) і; оно по **21** граничитъ и легко сплываетъ съ ţ ḑ; особенно «ģ» въ примѣрахъ какъ выше приведенные часто оставляло въ сомнѣніи насчетъ выбора «ģ» или «ḑ». Близость къ ţ ḑ и объясняетъ діалектическое слитіе ķ ģ съ такими, появившимися на мѣстѣ сербскихъ ћ ђ, ср. выше **47**. — Любопытно развитіе описаннаго ķ въ связи съ предшествующимъ t, напр. въ китки, кротки, подметки и под.; t сохраняетъ «твердый», т.-е. корональный затворъ, но взрыва его не имѣется; вмѣсто того передній языкъ скатывается и отворяется прямо въ передне-палатальное χ̦ — по мѣсту образованія сходное съ ķ ģ: kit͡χ̦i, krot͡χ̦i, podmet͡χ̦i и под.; имѣемъ въ такомъ положеніи ясно развитый передне-палатальный фрикативный согласный; слабый переходный звукъ подобнаго образованія можно слышать послѣ t́, напр. въ приведенномъ выше bráťä.

О параллельномъ фрикативномъ голосномъ, j, можно кстати замѣтить,

---

[1]) Произносится ли въ въ такомъ же положеніи отчасти и ŋ зубное? Мнѣ кажется, что я слышалъ, напр., «Цанковъ» и съ тѣмъ и съ другимъ звукомъ.

что оно и въ болгарскомъ яз. не разграничено отъ i̯; послѣдняя артикуляцiя повидимому вообще употребительнѣе, поэтому, напр., сочетанiе ий (чий) звучитъ обыкновенно i (č́i). О часто открытомъ образованiи и выпаденiи этого «i̯» см. ниже **209**.

86. Подъ л выступаютъ три вида. Образованiе «твердое» (корональное) даетъ

1) передъ гласными е и i «среднее l», подобное польскому, чешскому, сербскому, словенскому: li ли, lice лице, ƀólen боленъ (ср. ниже жен. р. ƀółna), lı́ko лико (лыко); затворъ образуется, подобно чешскому l (**72**, ср. о сербскомъ въ **80**), довольно высоко также передъ i; вѣроятно вслѣдствiе этого, i измѣняется немного, понижаетъ собственный звукъ и какъ будто приближается къ гласнымъ «y»;

2) передъ гласными задняго ряда и согласными, «ł», по моему наблюденiю, приблизительно тождественное съ польскимъ: корональный затворъ въ области десны, вогнутый переднiй языкъ, приближенiе задняго языка къ среднему и заднему небу, однако не такъ сильно, какъ при гласномъ о; напр. łamƀa ламба (лампа), łoš́o лошо, łułá, dъłž́en или dłъž́en (долженъ), dъłƀok, ƀъłgarin, kołko, ƀółna (ср. выше ƀólen), ponedéłnik, stoł (т.-е. стулъ), stołčé, soł (соль) — съ членомъ soł-tá, krał (король, но съ членомъ kraĺъt).

3) Образованiе «мягкое» отмѣчено то въ видѣ палатализованнаго, ĺ (такъ повидимому правильно передъ u: ĺu-ta л́ута, kĺu-č́ъt и под.), то въ видѣ палатальнаго, l̦; вѣроятно та и другая артикуляцiя употребляются безъ разграниченiя, ср. **18**; довольствуемся однимъ знакомъ, ĺ; напр. nedéĺa, léĺa, póĺak (ср. pole поле), x́iĺáda, xĺăp (хлѣбъ), ƀĺado (блѣдо) и т. д. Къ произношенiю голѣмъ почти какъ «goleam» ср. затронутый въ **84** вопросъ объ особой степени палатализацiи передъ «ѣ». О krał : kráĺъt ср. выше; при stoł столъ, сочетанiе «столъ е мой» звучитъ stoĺ-e moi̯.

87. Твердое r соотвѣтствуетъ твердому r прочихъ языковъ; при слоговой функцiи (на письмѣ ър или ръ) звучитъ или (обыкновенно?) чистое r̥, или же по моимъ наблюденiямъ «ᵊr̥», со слабымъ гласнымъ элементомъ передъ раскатами, однако далеко не такъ явно развитымъ какъ въ словенскомъ языкѣ (**77**). — Мягкое ŕ можно отождествить съ великорусскимъ; имѣемъ его, напр., передъ ѣ, въ рѣдко и под. («reatko», ср. въ **84** и **86**), далѣе dъš́teŕá дъщеря, več́eŕa вечеря, и т. д.

Подобнымъ образомъ, при твердыхъ свистящихъ s z стоятъ мягкiя ś ź, которыя сопоставляю съ великорусскими сь зь; напр. передъ «ѣ» — śara сѣра, въ глагольныхъ формахъ въ родѣ 1 ед. «нося», 3 мн. «носятъ», и др.; передъ е, есть, имѣю лишь примѣръ «dnes-e nedéĺa», гдѣ, какъ видно, от-

мѣчено s твердое, какъ передъ старыми, нейотированными е, і, напр. въ «спички». — Съ s z группируется твердое слитное с, напр. въ царъ, цалувамъ, циганинъ и т. д., — съ ś ź мягкое ć, напр. въ ćaľ цѣлъ, тождественное съ великорусскимъ діал. ць (но не съ польскимъ «ć»).

88. Шипящія ш ж и слитное ч отмѣчены мною по Стоилову всюду (также ш ж въ щ, жд) какъ относительно «мягкія», т.-е. съ высокимъ собственнымъ звукомъ; послѣдній приближался въ произношеніи Стоилова къ звуку польскихъ ş̌ ž̧ ç̌, но не достигалъ его вполнѣ, при чемъ артикуляція повидимому бываетъ не дорсальной а скорѣе сильно переднимъ видомъ образованія корональнаго (ş̌- и т. д., ср. въ **42**); окончательное рѣшеніе этой стороны по произношенію одной личности невозможно, почему остаюсь при нейтральномъ обозначеніи ś̌ ž́ č́ (**42**, **48**). — Сочетаніе t + ś̌ не различается отъ č́: «pečestťina» вм. петш-, «человѣкъ пять-шесть».

— По моимъ наблюденіямъ, для согласнаго состава образованной болгарской рѣчи можно, такимъ образомъ, выставить слѣдующую схему:

Согласные губные { твердые p b m f v / мягкіе ṕ b́ ḿ f́ v́

Языковые { твердые t d n (ŋ) k g x (γ) l ł r s z c / мягкіе ť ď ņ j [χ] ķ ģ [ḱ ǵ] x́ ľ ŕ ś ź ć

Безъ чередованія: «мягкіе» ś̌ ž́ č́.

Такая схема, какъ мы видимъ, приближается уже сильно къ русской; только слѣдуетъ припоминать исторически различную подкладку для чередованія оттѣнковъ твердыхъ съ мягкими въ той и другой.

IV. ГЛАСНЫЙ СОСТАВЪ СЛАВЯНСКИХЪ ЯЗЫКОВЪ.

89. О природѣ гласныхъ, ихъ физическихъ свойствахъ и особенностяхъ, объ опредѣленіи ихъ артикуляціи и др. я говорилъ въ главѣ I-ой, особенно **10—13**. Имѣя въ виду данныя тамъ общія замѣчанія, перехожу здѣсь прямо къ обзору и систематизаціи гласныхъ оттѣнковъ, встрѣчаемыхъ въ описываемыхъ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ. Естественной исходной точкой для опредѣленія служитъ для меня, неславянина, сравненіе съ другими, извѣстными мнѣ европейскими языками. Безъ такого сравненія не можетъ обходиться, впрочемъ, и славистъ-славянинъ. Какъ удобное пособіе укажу на таблицу у Сиверса, стр. 103 (на основаніи наблюденій его и другихъ, Белля, Свита и др.). Большинство приведенныхъ тамъ гласныхъ изъ западныхъ культурныхъ языковъ несомнѣнно столь извѣстно и доступно

образованному славянскому читателю, что сравненіе, хоть въ главныхъ линіяхъ, не причинитъ затрудненія. Но для настоящей работы стоитъ въ первой линіи, конечно, взаимное сравненіе гласныхъ самихъ славянскихъ языковъ. Выводы и заключенія болѣе общаго характера предоставлю притомъ вообще самому читателю; укажу лишь на нѣсколько точекъ, заслуживающихъ особаго вниманія.

Англичанинъ Свитъ говоритъ о русскомъ вокализмѣ, что, исключая ы, произношеніе гласныхъ вообще не представляетъ затрудненій для уроженца западныхъ странъ. Сходно можно въ сущности выразиться о вокализмѣ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ славянскихъ языковъ и нарѣчій[1]). Изъ этого слѣдуетъ, что большинство славянскихъ гласныхъ не различаются по принципу образованія отъ типовъ, употребляемыхъ въ образованной рѣчи западныхъ европейскихъ языковъ. Исключеніе составляетъ именно группа артикуляцій, типичный представитель которыхъ имѣется въ великорусскомъ ы, болѣе или менѣе высокіе виды средняго и задняго рядовъ — т.-е. съ сосредоточеніемъ языковой массы вздадъ, по направленію къ мягкому небу, какъ при ŭ и о, но безъ того округленія губъ, которое въ образованныхъ западныхъ языкахъ обыкновенно сопровождаетъ такую артикуляцію языка. Гласный описаннаго особаго образованія составляетъ наслѣдіе славянской рѣчи съ праславянскихъ временъ (ъı, ъ); однако, не всѣ нынѣшніе славянскіе языки сохраняютъ этотъ особый родъ, а въ иныхъ изъ нихъ, гдѣ онъ еще существуетъ, наблюденія невольно ведутъ къ вопросу, не идетъ ли развитіе по направленію къ его потерѣ, къ слитію этого типа съ гласными образованіями другого рода. Зато развиваются мѣстами новые представители того же типа, ср., напр., ниже о великорусскомъ «ъ».

Считая гласные упомянутаго образованія особой чертой славянской рѣчи по сравненію съ образованной рѣчью западныхъ европейскихъ языковъ, намъ слѣдуетъ, впрочемъ, оговориться. Такая характеристика въ сущности допустима главнымъ образомъ лишь для слоговъ «полновѣсныхъ», прежде всего слоговъ ударяемыхъ, и вообще для слоговъ не слишкомъ редуцированныхъ. Именно, гласные указаннаго артикуляціоннаго типа представляютъ собой въ славянской рѣчи нерѣдко и ослабленный остатокъ гласныхъ, принадлежавшихъ раньше другимъ артикуляціоннымъ типамъ, — т.-е. прибли-

---

[1]) Развѣ что упоминаемое ниже въ **131** особое для извѣстной малорусской области оттянуто-низкое, нѣсколько напряженное положеніе языкового тѣла при образованіи гласныхъ придаетъ оттѣнокъ артикуляціи, нѣсколько чужой, должно быть, и прочимъ славянамъ.

женіе къ относительному положенію покоя, къ «состоянію безразличности» языка. Какъ таковое, подобная артикуляція встрѣчается, какъ извѣстно, и въ западныхъ языкахъ; словенское «е» можно, какъ мы увидимъ, и по происхожденію и по артикуляціи въ большомъ объемѣ сопоставить съ германскимъ «ирраціональнымъ гласнымъ», неударяемымъ «е», напр., въ нѣмецкомъ Gabe.

Къ заключеніямъ о какомъ-либо общемъ особомъ положеніи, или скажемъ общей «базѣ», отъ которой какъ будто отправляется славянская рѣчь при образованіи своихъ гласныхъ, послѣдніе по моему не даютъ основанія. Въ нѣсколько туманное понятіе «артикуляціонная база» вообще не хочу вдаваться — хотя несомнѣнно можно собрать извѣстныя звуковыя особенности отдѣльныхъ языковъ въ общую характеристику, какъ это сдѣлалъ, напр., Томсонъ для великорусскаго въ Общ. Яз. стр. 214—15[1]) и Розвадовскій для образованной польской рѣчи въ своемъ «Szkic'ѣ»[2]). — Интересный слѣдъ особаго, болѣе или менѣе общаго для разныхъ гласныхъ положенія языкового тѣла, различнаго отъ прочихъ мнѣ извѣстныхъ славянскихъ языковъ, я указалъ въ первыхъ моихъ изслѣдованіяхъ, въ области малорусскихъ (бойкскихъ) говоровъ. Мы коснемся его и въ настоящей работѣ (**131**). Дальнѣйшее, разностороннее разслѣдованіе этого явленія представило бы, по моему, прекрасную задачу для тонкаго наблюдателя, особенно если онъ эвентуально въ состояніи распространить изслѣдованія и въ область сосѣднихъ неславянскихъ языковъ. Дикія гипотезы — не по моему вкусу; но упомянутая артикуляціонная особенность невольно наводитъ на вопросъ, не связана ли она какимъ-нибудь образомъ съ древними этнологическими отношеніями.

Наблюденія надъ ослабленными, «ирраціональными» гласными, одного

---

[1]) Ср. также кое-что о русскихъ артикуляціяхъ въ отношеніи къ западноевропейскимъ языкамъ у Богородицкаго, Очеркъ физ., особенно стр. 32, 36, 44 сл.

[2]) Насчетъ приведенія органовъ рѣчи отъ абсолютнаго положенія покоя или пассивности въ положеніе «активности» можно по моему отмѣтить, что оно сопряжено у всѣхъ славянъ, между прочимъ, съ болѣе или менѣе явнымъ закрытіемъ носового прохода (поднятіемъ небной занавѣски). Такъ и въ польскомъ. Положеніе занавѣски при произношеніи гласныхъ явно носовыхъ, такимъ образомъ, обозначаетъ собой не остатокъ положенія пассивности, но положительную, позитивную, артикуляцію отъ общаго «положенія активности». — Объ «индиферентномъ укладѣ аппарата рѣчи», въ абсолютномъ смыслѣ и въ относительномъ смыслѣ (т.-е. непосредственно передъ началомъ рѣчи) ср. замѣтки Богородицкаго въ «Наблюденіяхъ посредствомъ мышечнаго чувства и т. д.», Казань 1906. — Графическое представленіе индиферентнаго положенія (передняго) языка въ польскомъ языкѣ даетъ Стейнъ въ «Próba pomiarów», стр. 14.

изъ которыхъ мы коснулись выше въ словенскомъ «e», помогаютъ заключить, какъ увидимъ, о не безъинтересной принципіальной разницѣ внутри славянской рѣчи. Языкъ словенскій имѣетъ лишь одинъ гласный «ирраціональный», т.-е., онъ имѣетъ для гласныхъ одно общее положеніе безразличности, между тѣмъ какъ великорусскій языкъ обнаруживаетъ два. О звуковомъ строѣ, обусловливающемъ такія принципіальныя разновидности, будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь довольствуемся замѣткой, что развитіе въ праславянскомъ языкѣ гласныхъ элементовъ ъ и ь позволяетъ заключить о когда-то общемъ для всѣхъ славянъ типѣ звукового строя, который совпадалъ для данной эпохи приблизительно съ тѣмъ, что видимъ нынѣ въ русскомъ, но который въ разныхъ другихъ областяхъ славянской рѣчи потерянъ.

Съ этими предварительными замѣчаніями переходимъ къ матеріалу отдѣльныхъ языковъ.

1. Сербско-хорватскій языкъ.

90. Сербско-хорватскій вокализмъ отличается вообще замѣчательной простотой и ясными артикуляціями. Въ красивомъ мостарскомъ произношеніи извѣстны, въ сущности, въ неударяемомъ какъ въ ударяемомъ положеніи, въ краткихъ какъ и въ долгихъ слогахъ, согласно съ правописаніемъ, лишь пять гласныхъ величинъ: i e a o u. Въ a имѣемъ то, что принято называть нормальнымъ европейскимъ a. e и o (напр. bȅrēm, gȍra) — «открытыя», также представляютъ собой оттѣнки, которые германецъ назоветъ «нормальными». Подъ u можно говорить лишь объ одной категоріи; оно во всѣхъ положеніяхъ — «открытое» (ненапряженное, ср. 13). Насчетъ i можно колебаться; при восходящей долготѣ (skȉtati, razbȋrati) оно какъ будто склоняется къ напряженности, въ различіе отъ краткаго (bȉti) и долгаго нисходящаго (mȋt); однако, о категорической разницѣ едва ли можно говорить. Вокализмъ даннаго сербскаго говора можно, такимъ образомъ, подвести подъ очень простую схему:

Гласные безъ округленія

i — рядъ передній, положеніе языка высокое;
e — » » » » среднее, оттѣнокъ открытый (образованіе ненапряженное);
a — » задній, » » среднее, ненапряженное.

Гласные округленные

o — рядъ задній, положеніе языка среднее, оттѣнокъ открытый (образованіе ненапряженное);
u — » » » » высокое, ненапряженное.

Считать ли i, въ соотвѣтствіи съ прочей системой, вообще «ненапряженнымъ», оставляю вопросомъ открытымъ; ни положительный, ни отрицательный отвѣтъ не исключаетъ возможности разновидностей.

91. Тѣ же самыя простыя главныя линіи вокализма имѣютъ силу вообще для рѣчи сербско-хорватской интеллигенціи; указываю, кромѣ «Физ. гласа» Новаковича, стр. 21 сл., на свои замѣтки въ «Die Dialekte des südl. Serbiens», § 7. Такъ, говоря по-нѣмецки, сербъ или хорватъ борется вообще съ тѣми же самыми затрудненіями при произношеніи гласныхъ, откуда бы онъ ни былъ родомъ; ему нелегко дается различіе открытаго и закрытаго нѣмецкаго o, открытаго и закрытаго нѣмецкаго e, и т. д. Простота его родного вокализма дѣлаетъ матеріалъ, которымъ онъ первоначально владѣетъ, довольно бѣднымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его ухо въ данномъ отношеніи менѣе чуткимъ.

92. Однако, при всей простотѣ вокализма, и сербы и хорваты не вполнѣ лишены возможности наблюдать въ своемъ же языкѣ гласные оттѣнки, удаляющіеся нѣсколько отъ указанныхъ «нормальныхъ» типовъ. Такъ, подъ вліяніемъ окружающихъ мягкихъ согласныхъ, гласные задняго ряда склоняются иногда, передвигая массу языкового тѣла впередъ, къ тому чтобы принимать оттѣнокъ средняго или даже передняго ряда. Гласный a вообще мало поддается такому вліянію, даже замѣчательно мало въ сравненіи съ тѣмъ, что увидимъ въ другихъ языкахъ; сочетанія вродѣ jаjе, jаjце вообще не измѣняютъ a замѣтно отъ a, окружаемаго твердыми звуками; лишь въ неударяемомъ положеніи, напр., въ окончаніи -ija (ср. **213** сл.) a обыкновенно приближается или переходитъ въ «ä» (рядъ передній, положеніе низкое, образованіе ненапряженное). Болѣе замѣтно указанное вліяніе на u; въ примѣрѣ какъ приjатељу, -у часто, можетъ быть даже обыкновенно, получаетъ видъ «ü» (рядъ средній, положеніе высокое, образованіе ненапряженное); въ случаѣ какъ чуjем удаленіе отъ «нормальнаго u» не столь сильно, выговаривается, пожалуй, не ü, но скорѣе «u⊢» (u высунутое, ср. **13**); съ другой стороны, въ случаяхъ какъ љуљаjка, захваљуjе (выг. zafa-) передвиженіе можетъ итти дальше ü, приближая гласный къ переднему ряду («ü⊢», т. е. высунутое ü, или «⊣ü» т. е. втянутое ü); подъ вліяніемъ сосѣднихъ мягкихъ звуковъ выступаетъ, такимъ образомъ, въ сущности рядъ оттѣнковъ безъ разграниченія, которые считаются традиціей самого языка одной и той же гласной единицей; ср. замѣтки въ **13**.

И въ гласныхъ передняго ряда окружающіе палатальные согласные могутъ вызывать извѣстную разницу отъ «нормальной» артикуляціи. Напр.,

я отмѣтилъ для е въ прији̏ѣтња (угроза)[1]) собственный звукъ, приближающій данный гласный сильно напр. къ нѣмецкому «закрытому е». Видной роли такіе случайные оттѣнки однако не играютъ.

93. И народные говоры могутъ навѣрно пополнить вообще небогатую гласную таблицу сербско-хорватской рѣчи нѣкоторыми оттѣнками. Такъ, бѣглыя наблюденія надъ произношеніемъ около Карловцевъ показали мнѣ въ свое время разныя черты того, что называется нерѣдко произношеніемъ «широкимъ» или «болѣе гортаннымъ», и что зависитъ вѣроятно отъ извѣстнаго общаго сосредоточенія языковой массы далѣе взади[2]). При такомъ произношеніи я отмѣтилъ для е, особенно долгаго, напр. въ nēma, особое широкое образованіе, съ низшимъ собственнымъ звукомъ, т. е. ближе къ ä, чѣмъ въ герцеговинскомъ; притомъ это болѣе открытое образованіе сопровождается, повидимому, извѣстнымъ относительнымъ напряженіемъ въ языкѣ; подобное «æ» (или собственно «æ̂») встрѣчается и въ другихъ сербскихъ говорахъ, далѣе, какъ увидимъ, въ чешскомъ, словенскомъ. Въ томъ же говорѣ о имѣетъ по моему собственный звукъ, скорѣе ниже «нормальнаго», и такъ производитъ какъ будто «болѣе закрытое» впечатлѣніе чѣмъ обыкновенное о у сербской интеллигенціи. Этимъ замѣткамъ не слѣдуетъ придавать слишкомъ много вѣсу, такъ какъ они построены, какъ сказано, на бѣглыхъ и давнихъ наблюденіяхъ; однако приведу ихъ чтобы предостеречь отъ черезчуръ схематической оцѣнки гласныхъ величинъ и съ тѣмъ всего вокализма сербско-хорватскаго языка, какъ бы ни былъ простъ этотъ вокализмъ вообще.

94. Какъ видно изъ «Die Dial. des südl. Serbiens» § 7 сл., та же самая простая гласная система, съ тѣми же незначительными случайными отступленіями отъ «нормальныхъ» типовъ, простирается и на граничащіе съ собственно сербской рѣчью говоры македонской и болгарской окраски въ южной Сербіи. Вдобавокъ къ описаннымъ выше гласнымъ выступаетъ здѣсь, въ большемъ или меньшемъ объемѣ, гласный «ъ», занимающій мѣсто старшихъ ъ, ь въ закрытомъ слогѣ, рѣже мѣсто другихъ гласныхъ (пр. mъgla, dъn, zъl; rъbota). Это «ъ» — неокругленный гласный задняго ряда, образованія ненапряженнаго; онъ больше прочихъ гласныхъ варіируетъ насчетъ положенія (высоты) языка; обыкновенно положеніе языка бываетъ, кажется, высокое, соотвѣтствуя положенію при округленномъ u, но часто оно — ниже, среднее, соотвѣтствуя скорѣе положенію при о.

---

[1]) И т становится повидимому «мягкимъ», перенимая отъ ћ болѣе или менѣе дорсальное образованіе.

[2]) «ł» на мѣстѣ обыкновеннаго l, ср. **80**; d, t не высунутыя, какъ въ герцеговинскомъ (**79, 17**), а скорѣе съ затворомъ альвеолярнымъ.

При такомъ, болѣе низкомъ (т. е. «среднемъ») положеніи, ъ, какъ видно, въ артикуляціи языка должно приближаться сильно къ образованію а. Это навѣрное и объясняетъ легкій переходъ ъ въ а. Однако, хотя область съуженія приблизительно или вполнѣ совпадаетъ, типичное ъ и а акустически различаются совсѣмъ ясно. Это зависитъ отъ формы прочихъ частей ртовой полости. О формѣ послѣдней при типичномъ а ср. сказанное въ **12**; при ъ ртовый каналъ бываетъ повидимому вообще уже; переднія части языка лежатъ поближе къ своду надъ ртовой полостью, что вмѣстѣ съ вполнѣ пассивными губами — которыя энергичное а склонно растягивать — приближаетъ собственный звукъ гласнаго къ образованіямъ вродѣ, напр., неударяемаго германскаго «е».

2. Болгарскій языкъ.

95. Переходъ отъ южно-сербскихъ къ западно-болгарскимъ говорамъ — постепенный (ср. «Die Dialekte» и т. д.). Въ западной Болгаріи составъ вокализма очевидно вообще тотъ же самый, что затронутый въ **94**, хотя, понятно, съ діалектическими оттѣнками. На это указываетъ и «Das Ostbulgarische» Милетича, введеніе котораго даетъ отличный обзоръ группировки и главныхъ различій «западно-болгарскаго» и «восточно-болгарскаго» нарѣчій. Рѣчь интеллигенціи представляетъ по моему матеріалу смѣсь того́ и другого элемента. Такъ, судьба стараго ѣ указываетъ на восточно-болгарскую подкладку (ср. у Милетича, Das Ostbulg.; о разграниченіи стр. 7—8); съ этимъ согласуется болѣе или менѣе развитая редукція гласныхъ неударяемыхъ слоговъ. Съ другой стороны, отсутствіе явленія, называемаго Милетичемъ «Umlaut» (Ostbulg., стр. 39), связано съ подкладкой западноболгарской: žába — žábi — žábeškiət živót (жабина жизнь).

Что до слѣдующихъ подробностей моего описанія, указываю лишній разъ на сдѣланныя въ **82** оговорки; понятно, что заключенія, дѣлаемыя на основаніи наблюденій надъ однимъ лицомъ, опасны при не столь опредѣленныхъ явленіяхъ и величинахъ гласныхъ, тѣмъ болѣе въ такомъ довольно сложномъ вокализмѣ, какъ болгарскій не чисто западнаго типа. Зато осторожное использованіе даннаго матеріала представляетъ особый интересъ, допуская надежное мнѣніе о направленіи, въ которомъ развивается вокализмъ столичной интеллигентной рѣчи; именно, мой источникъ[1]) родился въ западной Болгаріи и учился сначала въ Кюстендилѣ, т. е. принадлежалъ

---

[1]) Рекомендованный мнѣ Милетичемъ филологъ, теперь уже покойный Хр. Стоиловъ, былъ родомъ изъ Село Лешко, Горно Джумайска околия, недалеко отъ Кюстендиля.

собственно къ діалектическому типу западному (ср. главныя черты вокализма говоровъ южной Сербіи), а потомъ жилъ и получилъ высшее образованіе въ Софіи; слѣдовательно, черты восточной окраски у него нужно отнести не на счетъ какого-то говора, но именно къ рѣчи столичной и интеллигентной.

96. Въ слогахъ ударяемыхъ находимъ вообще тѣ же гласныя величины, что на границѣ западно-болгарскаго (**94**), а именно

безъ округленія губъ:

i —	рядъ передній,	положеніе	высокое
e —	»	»	среднее
a —	» задній	»	среднее
ъ —	» задній (см. ниже);		

съ округленными губами:

o —	рядъ задній,	положеніе	среднее
u —	» »	»	высокое.

e и o — «открыты» (ненапряженны), нормальной ширины; e въ описанномъ **93** широкомъ оттѣнкѣ «æ» я не слыхалъ; o сравню, напр., съ польскимъ o, нѣмецкимъ o въ «Stock» и под. Присущій гласному a моего источника собственный звукъ, нѣсколько выше «нормальнаго» a, можетъ быть чертой индивидуальной. i и u отмѣчены вообще какъ образованія напряженныя («î», «û»), особенно ясно i (напр., «edi͡n»), кромѣ развѣ послѣ s (siłъ сила и под.); но о твердомъ правилѣ врядъ ли можно говорить; объ особомъ оттѣнкѣ i послѣ альвеолярнаго l см. **86**. — Ударяемое ъ, напр. tъŋka тънка, redъ́t редътъ, ъ́gъł жгълъ, можно вообще отождествить съ описаннымъ въ **94**; можно повидимому указать довольно различныя оттѣненія, послѣ k (напр. кꙗ́ща)— болѣе переднее, послѣ губного (напр. pᵘъt, ср. **83**) — болѣе заднее, соотвѣтствующее, скажемъ, языковому укладу «закрытаго o»[1]).

97. Послѣ мягкаго согласнаго ударяемое a получаетъ нѣсколько высшій собственный звукъ, чѣмъ послѣ твердаго согласнаго; слабое поднятіе средней и передней частей языка (сосредоточеніе по направленію къ твердому небу) приближаетъ гласный, акустически и артикуляціонно, къ ряду

---

[1]) Болгарское ъ часто оставляло у меня впечатлѣніе извѣстной «напряженности» — м. б., звено того же явленія, что указано выше для «î», «û»: вообще относительно энергичное произношеніе ударяемыхъ гласныхъ, соединенное съ извѣстнымъ напряженіемъ артикулирующихъ органовъ. Насчетъ діалектическихъ оттѣнковъ ъ укажу, кромѣ Милетича, на изложеніе Дринова, Арх. V стр. 370 сл.

переднему; такое «а̇» можно сравнить съ «высокимъ» французскимъ а, напр., въ «madame». Тотъ же оттѣнокъ встрѣчаемъ на мѣстѣ стараго ѣ ударяемаго слога передъ твердымъ согласнымъ. Такимъ образомъ, и «сѣ́кой» (всякій) и «хлѣбъ», «сѣра» и т. д. представляютъ «а̇» съ предшествующимъ мягкимъ согласнымъ (**83** сл.); не буду отрицать, что конецъ гласнаго могъ бы равняться обыкновенному а, особенно при удлиненіи, но нормальнымъ слѣдуетъ повидимому считать именно а̇, а иногда «палатализація» идетъ дальше, до «ä» (см. ниже): gd́ä (при къде), ḿästo при ḿȧsto мѣсто; въ скорой рѣчи можно даже, вм. «dъŝtеŕа̇» (дъщеря), слышать скорѣе «dъŝtеré». Если къ вліянію предшествующаго присоединяется еще и вліяніе слѣдующаго мягкаго звука, то переходъ въ ä (рядъ передній, положеніе низкое, повидимому ненапряженное) становится, пожалуй, правиломъ; ср. при «sn̦ȧk» снѣгъ — «sn̦äḱ-е valiĺ» снѣгъ е валилъ. Какъ видно, характеръ сосѣднихъ звуковъ обусловливаетъ движеніе въ довольно широкой рамкѣ.

Не подлежитъ нашей задачѣ подвергать разсмотрѣнію мнѣніе Милетича объ этихъ явленіяхъ, насколько они касаются первоначальнаго ѣ, мнѣніе, на которое имѣются намеки въ разныхъ мѣстахъ «Das Ostbulg.». Милетичъ, быть можетъ, правъ, когда онъ въ діалектическомъ «ä» на мѣстѣ ѣ «unter Umständen» видитъ остатки старшаго произношенія. Однако, исходя изъ нынѣ дѣйствующихъ законовъ литературной рѣчи, нужно, по моему, разсмотрѣть отношеніе вродѣ приведеннаго sn̦ȧk : sn̦äḱ- съ точки зрѣнія перехода а > ä подъ вліяніемъ сосѣднихъ палатальныхъ артикуляцій. Не только это согласуется съ обыкновенными почти всюду въ славянской рѣчи физіологическими явленіями, но однородное явленіе выступаетъ въ болгарскомъ же языкѣ и при другихъ ударяемыхъ гласныхъ задняго ряда. Такъ, очень явно при u. Напр., въ лю́та мягкое л вызываетъ оттѣнокъ u˫: «ľu˫ta», приближающійся къ ряду среднему; а въ «лю́лямъ се» отмѣчено «ľüľ-», уже съ полнымъ передвиженіемъ въ средній рядъ. Для ъ сравненіе, напр., ŝtъ — ŝtъt (хочу — хотятъ) съ seďъ — seďъt (сижу — сидятъ) показываетъ въ послѣднихъ словахъ (а также послѣ ž, напр. ležъ лежу и под.) передній оттѣнокъ «ъ˫» или «ъ̇» (ср. обозначеніе «ŭ»), ряда средняго, по звуку близкій къ русскому ы въ сынъ, только что послѣднее, должно быть, напряженнѣе; а иногда ослабленіе и пониженіе языковой артикуляціи, въ болѣе неотчетливомъ произношеніи, преобразуетъ такое «ъ̇» (напр., seďъ, stoj́ъ) въ гласный элементъ, близкій по образованію и звуку къ германскому «неударяемому е», напр. въ «Gabe»; съ этимъ ср. словенское неударяемое ę, о которомъ въ **108**.

98. Въ слогахъ неударяемыхъ упомянутыя въ **97** передвиженія первоначальныхъ гласныхъ проявляются, какъ увидимъ, еще сильнѣе; но

притомъ выступаютъ здѣсь и другого рода перемѣны гласнаго состава, такъ что картина вокализма становится здѣсь вообще довольно запутанной.

Неударяемыя i и u сохраняются по наблюдаемому мною выговору вообще хорошо; особенно i, отмѣченное и въ неударяемомъ слогѣ нерѣдко какъ «скорѣе напряженное» («ístîna», «cíganîn» и под.). — Неударяемое ъ послѣ твердаго согласнаго (напр. dóbъr добъръ, g̑ъłър гълѫбъ, vъzmóžno възможно, g̑ъłъbъt, rízъtъ риза-та) представляетъ несомнѣнно гласный задняго ряда ненапряженный (ср. замѣтку къ **96**), обыкновенно, кажется, средняго положенія языка, а часто ослабленный въ довольно «ирраціональную», потому и довольно неопредѣленную величину названной области, очень похожую на великорусское «ъ» (ср. **147, 149** сл.); ввести особый знакъ, различный отъ ударяемаго ъ, однако не стоитъ. Добавимъ, что послѣ губного согласнаго не замѣчается въ неударяемомъ слогѣ упомянутаго въ **83** переходнаго ᵘ.

Письменныя е, о, а послѣ твердаго согласнаго проявляютъ общую, хотя не всюду одинаково сильную склонность принимать иную артикуляцію, чѣмъ подъ подобными условіями въ положеніи ударяемомъ. При спокойномъ чтеніи склонность выступала у моего источника вообще не такъ явно—будь это подъ вліяніемъ письменнаго обозначенія или же его западноболгарскаго происхожденія (**95**), — но тѣмъ яснѣе въ скорѣйшей рѣчи. а склоняется, черезъ менѣе ясно артикулированные, потому болѣе «глухо» звучащіе оттѣнки, которые можно обозначить перевернутой буквой, къ переходу въ ъ; напр., слово «да» можно слышать то съ чистымъ а, то «dɐ-úmrem» да умремъ, еще близко къ нормальному а, то наконецъ, съ яснымъ ъ: «...í dъ-se-mъ́čim» (дословно «да мучимся», чтобы мы мучились); ср. колебаніе между ískam (искамъ), ískaš́ и т. д., и ískъm, ískъš́ и пр., аористъ víkax и (чаще) víkъx, произношеніе 3 л. множ. ч. викаха какъ víkъxъ, и под.; можно ли подвести ъ женскихъ словъ вродѣ síłъ, rízъ-tъ подъ тотъ же уголъ зрѣнія, не берусь рѣшить; ср. однако, напр., vъdá, ístinɐ. Подобное движеніе, можно думать, оставило уже изъ прежней эпохи или въ діалектическомъ развитіи слѣды въ переходѣ ряда неударяемыхъ а, о въ ъ; ср. fъ vъdá-tъ, «въ воду-то»; близко къ истинѣ считать это движеніе ослабленіемъ, по направленію къ относительному положенію безразличности (**89**). — И неударяемое о выказываетъ по моимъ отмѣткамъ случаи движенія по указанному для а направленію («ďádɔ» дѣдо, «užásnɔ-e studéno» и под.). Но притомъ, и кажется чаще, неударяемое о — насколько оно не сохраняетъ обыкновенной для ударяемаго слога артикуляціи, что отмѣчено нерѣдко — удаляется въ другое направленіе, переходя въ о «болѣе закрытое» (т. е. съ низшимъ собственнымъ звукомъ), ближе къ u, а иногда и въ полное u (ненапряженное);

ср., напр., кога какъ «kugá». Этому соотвѣтствуетъ движеніе неударяемаго е — отмѣченнаго у моего источника, впрочемъ, часто въ обыкновенной для ударяемаго слога артикуляціи — по направленію къ і (ненапряженному), иногда съ полнымъ переходомъ въ него; напр., сега какъ «sigá».

Основанія для развитія о по направленію къ u Милетичъ (Ostbulg., стр. 41—42) ищетъ въ сильнѣйшей «лабіализаціи» — впрочемъ выраженіе неясное, какъ и выраженіе «палатализація» употребляемое о разьитіи е > і; вѣдь упомянутый переходъ гласнаго о можетъ основываться на разныхъ артикуляціонныхъ факторахъ, начиная или съ артикуляціи языка, какъ первичный моментъ, къ которому присоединяется вторично округленіе губъ, или же съ «лабіализаціи», т. е. сильнѣйшей степени округленія губъ, какъ моментъ первичный (ср. **12**); термины Милетича потому и не ведутъ насъ ближе къ пониманію сути дѣла. Попытку дѣйствительнаго физіологическаго объясненія послѣдней сдѣлалъ Meillet въ Mém. Soc. Ling. XI стр. **165** сл. (D'un effet de l'accent d'intensité).

99. Обратимся теперь снова къ вліянію окружающихъ мягкихъ звуковъ на артикуляцію гласныхъ. Въ **97** разсмотрѣны линіи движенія въ слогахъ ударяемыхъ (а черезъ ȧ по направленію къ ä, u къ u̇, ъ къ «ѣ», приближаясь иногда къ «ə», ср. е нѣм. Gabe); въ слогахъ неударяемыхъ эти движенія, слѣдуя по тѣмъ же линіямъ, идутъ вообще дальше.

Такъ, письменное u послѣ мягкаго звука здѣсь легко развивается въ явное u̇ (напр. зват. приятелю: priáteľu̇), а между двумя мягкими уже можетъ перейти въ артикуляцію передняго ряда ü (положенія высокаго, ненапряженнаго); такъ, напр., въ (турецкомъ) мюштерия «müšterí[i̯]a».

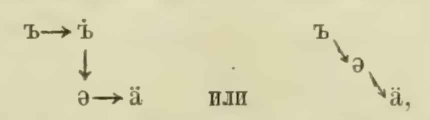
Вмѣсто «а» оттѣнокъ ȧ (**98**) встрѣчается часто и въ неударяемомъ слогѣ; небезынтересно, что такой высшій по собственному звуку оттѣнокъ можетъ остаться и по исчезновеніи вызвавшаго его i̯: tová-e za néȧ, това е за нея (ср. **208**). Чаще же повидимому бываетъ оттѣнокъ ä; такъ, при i̯am (i̯ȧm) — i̯ädéš, i̯ädъt; i̯äi̯cé; x́iľádъ, но dve x́iľädi, съ ä приближающимся уже къ открытому е. Въ словахъ какъ слугиня, богиня звучитъ по моимъ отмѣткамъ скорѣе обыкновенное е: sługíne и под.; «благодаря», въ медленномъ произношеніи -ŕä, обыкновеннѣе звучитъ «błagodáŕe» или «-re». Слово «вечеря», напр. въ сочетаніи «вечеря-та е готова», допускаетъ удобное сравненіе; лишь совсѣмъ медленно звучитъ, по моимъ отмѣткамъ, -ŕa, обыкновенно же во всѣхъ трехъ слогахъ выходитъ наружу гласный категоріи е, первый — е болѣе закрытое (> i, ср. **98**), второй, ударяемый — «нормальное» открытое е, а третій — е, звучащее немножечко открытѣе ударяемаго, а притомъ повидимому склонное приблизиться къ «ə» (сред-

няго ряда, ср. нѣм. Gabe, въ концѣ **97**). Насколько указанное развитіе слѣдуетъ понимать какъ линію

ə ← e / ə e
↑ ↖ ↗
a → ȧ → ä, или же a → ȧ → ä,

я не берусь рѣшить; но во всякомъ случаѣ, неударяемое ъ послѣ мягкаго звука перескользаетъ въ ту же звуковую линію, принимая, судя по моему источнику, совсѣмъ обыкновенно видъ «ə» (ряда средняго), встрѣчаемый иногда и въ ударяемомъ положеніи; напр. «kóņət» (конь съ членомъ), «déņət» (день), «učíťeľət», «pᵘъ̇ťət» (путь); подобнымъ образомъ послѣ шипящихъ («мягкихъ», ср. **88**); удобны для сравненія формы 1 л.: въ «léžъ» лежѫ движеніе ъ впередъ сказывается не сильно, но за то въ «ľъ̇žə» лъжѫ разница ə (средняго ряда) отъ ъ (задняго ряда) выступаетъ ясно.

Прибавимъ, впрочемъ, что выступающее подъ указанными условіями «ə» сильно колеблется въ зависимости отъ факторовъ, которые мнѣ не вполнѣ ясны, по неимѣнію полнаго обзора надъ историческимъ развитіемъ. Можно слышать «ə» въ видѣ приблизительно обыкновеннаго e («koņet»), чаще же въ опущенной артикуляціи, приближающейся къ ä («déņät», «kóņät» и под.). Представляется, повидимому, линія развитія въ видѣ



въ томъ и въ другомъ случаѣ сливающаяся съ упомянутой выше для старшаго a. Потому нерѣдко и не ясно для наблюдателя, какъ группировать гласные по отношенію къ праславянскимъ. Притомъ здѣсь, какъ выше насчетъ o — u, e — i (**98**), нужно говорить не столько о вполнѣ опредѣленныхъ гласныхъ, сколько о величинахъ, колеблющихся въ зависимости отъ разныхъ факторовъ (темпа, энергіи и др.) внутри довольно широкой рамки: послѣ мягкихъ согласныхъ и неударяемое ъ и неударяемое a какъ будто переходятъ въ область $\left(\begin{smallmatrix} ə & e \\ & ä \end{smallmatrix}\right)$, «ирраціональную» артикуляцію передняго (и средняго) языка, положенія средняго до низкаго.

И безъ дальнѣйшихъ указаній изъ даннаго изложенія вытекаетъ, какой богатый матеріалъ болгарамъ можно извлечь изъ неударяемыхъ слоговъ для пополненія гласной схемы слоговъ ударяемыхъ; но добавимъ, что въ транскрипціи нужно, очевидно, собирать многочисленные оттѣнки въ группы для общаго обозначенія; не то получается картина черезчуръ пестрая и нецѣлесообразная.

3. Словенскій языкъ.

100. Еще дальше болгарскаго удаляется отъ сербско-хорватскаго вокализмъ его западнаго сосѣда, словенской рѣчи. Объ этомъ вокализмѣ въ живомъ, естественномъ произношеніи книжное правописаніе словенцевъ однако даетъ, какъ извѣстно, весьма недостаточное, пожалуй даже отрицательное понятіе; ср., напр., введеніе словаря Плетершника, стр. X. Разные изслѣдователи давно указали это и освѣтили главныя черты дѣйствительнаго произношенія. Въ словарѣ Плетершника это принято во вниманіе и выработано, такимъ образомъ, пособіе имѣющее большое значеніе и для правильнаго пониманія словенскаго вокализма. Возьмемъ поэтому исходной точкой транскрипцію Плетершника; о значеніи его удареній (⌒ ′ для долготъ, ` для краткихъ слоговъ) сошлюсь пока на **252**.

Плетершникъ пользуется слѣдующими гласными: a i u, во всякомъ положеніи; ǝ (ср. въ литературѣ «e») — «nedoločni glasnik (polglasnik)»; подъ гласными группами e и o онъ возстановляетъ, указывая на Шкрабца, Cvetje V, 2 и XII, 11, слѣдующія категоріи: 1) открытые (широкіе) e и o, для которыхъ употребляетъ данныя буквы безъ діакритическихъ знаковъ (гдѣ словарь имѣетъ ē, ō, онъ хочетъ указать «просто долготу» съ «чистымъ звукомъ какъ въ иностранныхъ языкахъ»); 2) узкіе (закрытые) e и o. Употребленіе для послѣднихъ двойного знака (ẹ ȩ, ọ ǫ) основано на томъ, что въ нарѣчіяхъ различаются по два оттѣнка, о которыхъ ссылаюсь на описаніе Плетершника; однако въ обыкновенной образованной рѣчи разница ẹ — ȩ, ọ — ǫ, не существуетъ, поэтому для настоящей работы оставимъ ее безъ вниманія. — Какъ «гласный» выступаетъ у Плетершника еще r, о которомъ укажемъ на **77**.

101. Отнотительно гласныхъ ударяемыхъ приведенная транскрипція Плетершника, съ его объясненіями, даетъ хорошее понятіе. О произношеніи же гласныхъ **неударяемыхъ** и эта транскрипція оставляетъ насъ вообще при лишь весьма условномъ пониманіи. Напр., въ непринужденномъ выговорѣ люблянскомъ — также у людей образованныхъ — формы словаря gáziti, наст. gâzim звучатъ gást, gâzm̥; словарное dáviti выступаетъ въ видѣ dáu̯t (о свойствѣ дифтонга ср. **224**); mísliti, mîslim въ видѣ mísl̥t, mîslǝm; прошедшее storil, storila — у Плетершника безъ ударенія, см. подъ storíti — я отмѣтилъ какъ stôru или stûru, жен. р. stríla (storíla), и т. д.

Отъ полной обработки всѣхъ подробностей этого выговора, съ діалектическими особенностями и массой двойныхъ формъ, которыя нужно, вѣроятно, приписать, по крайней мѣрѣ отчасти, заимствованію изъ разныхъ говоровъ, мы должны пока отказаться. Но обращаю здѣсь же вниманіе на сильную разницу

между произношеніемъ и образомъ писанія Плетершника въ неударяемыхъ слогахъ, чтобы подчеркнуть необходимость довольно обстоятельнаго изложенія главныхъ линій развитія въ пользу тѣхъ, кто желаетъ безъ личныхъ наблюденій хоть поверхностно познакомиться съ живымъ словенскимъ выговоромъ.

102. Главныя правила, которыя приходится имѣть въ виду, чтобы привести обозначеніе литературнаго письменнаго языка въ существенное согласіе съ обыкновеннымъ народнымъ произношеніемъ, не испорченнымъ подъ вліяніемъ правописанія, ясно намѣчены Шкрабцемъ въ его отличномъ «O glasu»[1]). Тотъ же «polglasnik», который находимъ въ извѣстныхъ случаяхъ на мѣстѣ старыхъ ъ, ь (ср. Плетершниково «e», у Метелька «ɿ»; о произношеніи ниже), слѣдуетъ вставить и вмѣсто письменныхъ краткихъ i, u да ė; вм. mudíti, слѣдовательно — придерживаясь избранныхъ Плетершникомъ знаковъ — «medít» (или въ другой формѣ «medėt»), вм. nósili «nósel», и т. д. О произношеніи этого «polglasnika» далѣе намекается, что онъ представляетъ собой «извѣстный недостатокъ настоящаго гласнаго»; Шкрабецъ потому и пользуется знакомъ ’ (p’stít вм. pustíti и под.); ср. «O glasu» стр. 18 — 19.

Краткія i да u слышны по Шкрабцу еще (O glasu, стр. 22) 1) въ началѣ слова, напр. igrà; 2) передъ a слѣдующаго слога, напр. zidár, zidaríca, puščâva, pristâva (формы какъ «š’bâk», «ž’vâł», «Lj’bljána» и др. не имѣютъ первоначальнаго a; въ формахъ какъ š’pkà гласный a представляетъ лишь случайное окончаніе); 3) въ «ločivnicah, sestavljenih», напр. velikonóčni, tihotâp’c. Въ остальномъ, краткія i, u слѣдуетъ въ произношеніи постоянно выпускать въ пользу «’»: mâl’ вм. mâli, m’ вм. mi и т. д.

Но и другіе гласные могутъ подвергаться той же судьбѣ; по изложенію «O glasu», стр. 24, словенская рѣчь въ слогахъ, оканчивающихся звуками r, m, n, вообще неохотно терпитъ другіе краткіе гласные чѣмъ «polglasnik», а произносится, напр., «g’rjè» вм. gor-, «vnêm’r» вм. -mar, «m’rtînč’k» вм. mar-, «š’nt Jérnej», «kom’ndîrati», и т. д.

Если при этомъ изложеніи отличнаго изслѣдователя выяснить себѣ, что̀ скрывается подъ выраженіемъ «polglasnik», подъ его знакомъ «’», то мы уже далеко вышли на встрѣчу тому, чтобы отъ письменнаго обозначенія, напр. у Плетершника, дойти до дѣйствительнаго вокализма естественнаго, не жеманнаго произношенія, какъ оно слышится въ Люблянѣ.

103. Дѣло въ томъ, что большинство удержанныхъ въ правописаніи неударяемыхъ, а въ связи съ ними и ударяемые краткіе гласные подверглись

---

[1]) Краткій обзоръ его-же въ Арх. XIV стр. 321 сл.

и подвергаются болѣе или менѣе сильной редукціи. Редукція состоитъ частью въ перемѣнѣ артикуляціонной области, правильно по направленію — прямо или извѣстными косвенными путями — къ тому условному «положенію безразличности» (**89**), ясно развитый представитель котораго имѣется въ гласномъ «ₑ», чтобы остаться при знакѣ Плетершника. Частью же редукція данныхъ гласныхъ состоитъ еще и въ сокращеніи гласнаго элемента; подъ вліяніемъ послѣдняго момента встрѣчаемъ разныя количественныя ступени, отъ долготы обыкновеннаго краткаго гласнаго (полный знакъ ₑ) черезъ гласный элементъ переходнаго характера (Сиверсъ «Stimmgleitlaut»; Свитъ «voice glide»; обозначается маленькимъ ᵉ) до полной потери гласнаго элемента. Въ послѣднемъ случаѣ роль слогового звука можетъ перейти на согласный сонорный (m̥, l̥, n̥); при отсутствіи такого, слово становится на одинъ слогъ короче прежняго его вида.

Степень редукціи обусловливается разными факторами. Разные старшіе гласные во-первыхъ подвергаются вообще редукціи въ разной степени (ср. выше по Шкрабцу). Далѣе вліяютъ темпъ и образъ рѣчи; небрежная, быстрая, вульгарная рѣчь часто пошла на шагъ дальше рѣчи образованной — хотя границу между такими понятіями трудно установить, — рѣчь «образованная» не рѣдко представляетъ лишь искусственное приближеніе къ правописанію, а рѣчь «вульгарная» нерѣдко просто произношеніе естественное. Наконецъ и удареніе предложенія имѣетъ немало значенія; его разныя конфигураціи то усиливаютъ, то уменьшаютъ вѣсъ отдѣльныхъ слоговъ (ср. **106**).

Всѣ эти моменты, конечно, подготовляютъ богатую почву для развитія разныхъ въ сущности равноправныхъ, параллельныхъ видоизмѣненій одной и той же формы. Въ извѣстномъ мнѣ словенскомъ нарѣчіи нужно по вопросу о гласныхъ неударяемыхъ слоговъ въ необычайной степени считаться съ этимъ явленіемъ, — съ колебаніемъ произношенія одного и того же слова между формами, отчасти довольно разновидными. Въ Люблянѣ слышится, напр., при kúpt (ср. Плетершниково kúpiti купить), для неопредѣленнаго наклоненія еще kupȋt, kₑpȋt и kpȋt (обыкновенно переходящее далѣе въ xpȋt); ср. для «любить» (при lúbₑt, lúpt) lubȋt, lₑbȋt, l̥bȋt; služȋt, slₑžȋt, sl̥žȋt, при томъ еще sužȋt. Кромѣ tȗdi, tȗt (также) можно слышать подъ слабѣйшимъ удареніемъ также tȕdₑ, tₑ̀dₑ, tₑ̀t; слово gôlôp (голубь, у Плетершника golọ̑b, съ открытымъ о въ первомъ слогѣ; ср. **111**) звучитъ при томъ gulôp, gₑlôp, а въ скорой рѣчи также «glôp».

104. Дальше всего редукція идетъ вообще при старшихъ краткихъ i, u да ẹ (ср. **102**). Въ ударяемомъ положеніи они замѣщены новымъ гласнымъ «ₑ» (ср. **108**); письменное krȕh звучитъ krₑx, bȉt — bₑt (при bít бить) и т. д.

Въ неударяемомъ положеніи частью находимъ то же самое ₑе, а частью редукція идетъ и дальше; Плетершниково sẹdéti звучитъ sₑdêt [1]), притомъ zdêt [2]), Плет. nósiti — nǿst [1]), Плет. nọsim — nôsm̥ [1]) и т. д. Поставленныя Шкрабцемъ ограниченія редукціи (ср. выше въ **102**) въ люблянскомъ произношеніи не находятъ подтвержденія. Такъ, для положенія въ началѣ слова приведу примѣръ (у Плетершника) uljnják, отмѣченное въ видахъ ulnák и l̥nák; для положенія передъ а въ слѣдующемъ слогѣ приведемъ, напр., nikȃr, отмѣченное также въ видѣ n̥kȃr, или глагольное сущ. «lučanje», звучащее то въ болѣе школьномъ произношеніи lučai̯ne, то, скороговоркой, lₑčai̯ne или l̥čai̯ne; ср. при pisai̯ne («pisanje») pₑsai̯ne, psai̯ne; а наконецъ, приведенное Шкрабцемъ слово tihotȃpₑc, контрабандистъ, отмѣчено еще въ видѣ tₑxotȃpₑc или -tȃpc.

Въ послѣднемъ примѣрѣ можно было бы, соображаясь съ даннымъ главнымъ правиломъ, ждать еще видоизмѣненія «txotȃpc»; оно повидимому въ обыкновенной рѣчи не встрѣчается, — и это несомнѣнно по причинѣ менѣе легкаго для органовъ рѣчи перехода отъ t безъ промежуточнаго элемента прямо къ x. И этотъ моментъ, «удобопроизносимость», играетъ очевидно извѣстную роль въ явленіяхъ редукціи и присоединяется такимъ образомъ къ приведеннымъ въ **103** моментамъ, объясняющимъ намъ двойныя формы и вообще сильную пестроту въ результатахъ упоминаемаго развитія. Добавимъ кстати еще одинъ такой моментъ: и грамматическія категоріи, безсознательное поддержаніе ихъ узнаваемости, вѣроятно, не остаются безъ вліянія въ данномъ развитіи; не такъ ли объяснить, напр., что «motim» можетъ звучать mǿtm̥, между тѣмъ какъ неопр. наклоненіе «motiti» (ср. старое mątiti) не сливаетъ два t въ одно, но сохраняетъ между ними ₑе: mǿtₑt?

105. Какъ говоритъ Шкрабецъ (ср. выше **102**), кромѣ i, u, ẹ (считая сюда гласные, уже раньше переходившіе въ эти оттѣнки), еще и другіе краткіе гласные могутъ въ неударяемомъ слогѣ развиваться въ «ₑе» и далѣе редуцироваться количественно, до полнаго исчезновенія. Прибавимъ только, что и эта сторона редукціи не останавливается при указанныхъ Шкрабцемъ границахъ. И тамъ, гдѣ слогъ не содержитъ l m n, старшія а е о встрѣчаются въ видѣ ₑе или исчезаютъ — по крайней мѣрѣ въ рѣчи вульгарной. Какъ примѣры приведу «kapníca» въ видѣ kₑpníca; hrastovína то приблизительно по данному, Плетершникову правописанію, то «xrₑstowína», а наконецъ скорѣе «xrₑstwína»; при vesêu̯, жен. р. vesêla (Плет. vesẹł vesêla веселъ, -ла)

---

[1]) ê — закрытое е, ô — закрытое о, ǿ — особенно открытое о; подробнѣе ниже.

[2]) Къ неударяемому «ẹ» ср. однако въ **110**.

отмѣчено также v·esȇu̯, v·esȇla — какъ при предъударномъ «ѣ» (ср. тѣло, тѣсто, Плет. tẹlộ, tẹstộ, т.-е. t·elȏ, t·estȏ); въ послѣударномъ положеніи отмѣчена, напр., въ прич. страд. зал. на -en кромѣ того и форма на -n̥: víden и vídn̥, въ извѣстныхъ случаяхъ, быть можетъ, и переходная ступень víd^{e}n.

106. Мы указали выше, какими различными, перекрещивающимися моментами объясняются многочисленныя двойныя и даже тройныя формы, являющіяся на основаніи словенской гласной редукціи. Стоитъ добавить еще нѣсколько примѣровъ. Плетершниково dovộlim можно слышать въ видоизмѣненіяхъ dowȏl·em, dowȏlm̥ (три слога) и dowȏlm (два слога); 2 л. «dovộliš» какъ dowȏl·eš или двусложно dowȏlš. Заключаемъ изъ этого прямо, что можно иногда колебаться въ опредѣленіи числа слоговъ извѣстной формы — не безынтересная эластичность въ словесномъ матеріалѣ даннаго идіома!

Тотъ переходный гласный элементъ, который обозначаемъ ^{e}, по раньше изложенному нерѣдко обязанъ своимъ сохраненіемъ тому обстоятельству, что окружающимъ согласнымъ неудобно перейти прямо другъ въ друга; органамъ рѣчи нуженъ въ иныхъ случаяхъ извѣстный промежутокъ времени для переукладки въ новую согласную артикуляцію (**104**). На основаніи этого можно далѣе, вѣроятно, объяснить, что тотъ же самый переходный гласный элементъ является теперь иногда и тамъ, гдѣ онъ не оправданъ этимологіей. Сочетаніе, которое пишется по Плет. «en otròk» (ребенокъ), звучитъ въ Люблянѣ, стягиваясь въ связи предложенія, en-tròk, ·en-trȍk, n̥-trȍk, но также n^e-trȍk. «Слоговое r» по **77** склоняется къ произношенію ^{e}r̥; это явленіе, въ связи съ только что упомянутымъ, объясняетъ, пожалуй, такое колеблющееся произношеніе, какъ, напр., въ Плетершниковомъ srebrộ, отмѣченномъ мною то какъ srebrȏ, т.-е. въ полномъ соотвѣтствіи съ транскрипціей Плетершника, то какъ sr^{e}brȏ, а далѣе s^{e}rbrȏ и s^{e}r^{e}brȏ, все у одного и того же лица.

Между факторами, обусловливающими многочисленныя двойныя формы на основаніи общаго принципа редукціи, мы намекнули въ **103** и на «удареніе предложенія», на логическое усиленіе извѣстныхъ словъ или же уменьшеніе ихъ вѣса. Приведемъ для освѣщенія предложеніе «za kaj grmiš», съ удареніемъ отдѣльныхъ словъ zà, káj, grmíš. При психическомъ сказуемомъ въ kaj (отчего ругаешь) отмѣчено для обыкновенной рѣчи «z·e-k a i̯ grmiš»; при психическомъ сказуемомъ въ grmiš (отчего ругаешь) или удерживаются приведенные гласные оттѣнки «z·e-kai̯-grmiš», лишь съ редукціей kai̯ въ полудолгій или почти краткій слогъ, или же и kaj редуцируется и качественно: «z·e-k·ei̯-g r m i š» (ср. **257**).

107. Въ возмѣщеніе за болѣе или менѣе редуцированные, а частью

и вполнѣ исчезающіе краткіе гласные, словенскій языкъ развиваетъ, какъ мы видѣли, разные новые слоговые звуки (l̥, m̥ и др.). На ряду съ ними слѣдуетъ упомянуть также новое неударяемое u, выросшее частью на почвѣ старыхъ ѵь, ѵъ (ср. Шкрабца, O glasu, стр. 18—19: dúri двери, ûš вошь и под.), что уже водворилось въ правописаніе,—частью же на аналогичной новѣйшей подкладкѣ, изъ сочетаній, гдѣ роль слогового звука при редукціи старшаго гласнаго перешла на «ѵ» (ср. 74) или на развитое изъ л u̯. Такъ звучитъ, напр., Плетершн. «kláđivọ» (молотокъ; старое неударяемое окончаніе средняго рода, какъ извѣстно, потеряно)—«kláđu»; формы прош. въ родѣ «гонилъ» при полной редукціи—«gónu», и под. Какъ видно, правописаніе и въ такихъ случаяхъ согласуется весьма мало съ произношеніемъ обыденной рѣчи.

108. Данными замѣтками объ отношеніи произношенія къ правописанію можно здѣсь довольствоваться. Уже давно указано на интересныя соотвѣтствія словенской гласной редукціи съ развитіемъ ъ—ь на праславянской почвѣ, какъ вообще, такъ и въ подробностяхъ. Дальнѣйшая обработка этихъ отношеній однако сюда не относится; наше дѣло, зато, перейти къ ближайшему опредѣленію гласныхъ элементовъ избранной для нашихъ цѣлей люблянско-словенской рѣчи.

Считаясь съ набросаннымъ принципомъ редукціи, стóитъ прежде всего обратить вниманіе на гласный «ѐ», представляющій средоточіе вокализма въ томъ значеніи, что и тѣ краткіе гласные, которые не успѣли еще перейти въ него, болѣе или менѣе замѣтно притягиваются по направленію къ его артикуляціи.

Ударяемое ѐ, напр, въ bѐt (при bȉt бить), krѐx (хлѣбъ, у Плетершника krûh), pes (песъ), u̯lѐč (при u̯lẹ́č[t], ср. Плет. vlẹ́či влечь), слѣдуетъ опредѣлить какъ гласный средняго ряда, положенія высокаго, образованія вѣроятно ненапряженнаго. Звукъ стоитъ, такимъ образомъ, артикуляціонно (и акустически) довольно близко къ (краткому) русскому ы въ «сынъ», только отверстіе между спинкой языка и нёбомъ вообще немного шире — будь это по причинѣ ненапряженности словенскаго гласнаго, въ чемъ я не вполнѣ увѣренъ, или же въ связи съ вообще опущеннымъ положеніемъ языка (13). Окружающіе звуки обусловливаютъ для ѐ извѣстные оттѣнки, то болѣе передніе[1]), то болѣе задніе, однако не разнящіеся значительно отъ указаннаго приблизительнаго средоточія.

---

[1]) Послѣ «зубныхъ» иногда на границѣ передняго ряда; ср. описанное Богородицкимъ ѐ сосѣдняго говора Бледскаго, «между і (и дебелымъ) и е». Для сравненія укажу на польское y въ 122.

Въ неударяемомъ положеніи, напр., mᵉglà, спинка языка обыкновенно опускается настолько, что выходитъ чаще всего ненапряженное образованіе и ряда и положенія среднихъ, т.-е. гласный въ самомъ близкомъ родствѣ съ неударяемымъ нѣмецкимъ e, напр., въ Gabe — ср. о болгарскомъ «ə» выше **97** и **99**. Эта характеристика примыкаетъ ко мнѣнію, высказанному уже давно, ср., напр., у Метелька и Миклошича[1]). Подобно указанному германскому «ə», и неударяемое словенское ᵉ способно двигаться между довольно широкими границами подъ вліяніемъ окружающихъ звуковъ (т.-е. оно, по выраженію иныхъ, «ирраціонально»); такъ, приближаясь впередъ, къ переднему ряду, гласный получаетъ приблизительно звукъ обыкновеннаго открытаго e. Но такая движимость не оправдываетъ дѣленія на грамматическія категоріи, потому и не привлекаетъ особаго вниманія.

Въ области даннаго опредѣленія слѣдуетъ далѣе искать такихъ остатковъ этого ᵉ, которые сохраняютъ еще характеръ хоть нѣсколько самостоятельнаго гласнаго элемента; даже тамъ, гдѣ остатокъ сокращается до упомянутаго въ **103** переходнаго элемента, при которомъ можно говорить лишь о нѣясномъ голосовомъ звукѣ безъ вполнѣ самостоятельной артикуляціи ртоваго резонатора, — стало быть, и тамъ можно поддерживать данное опредѣленіе. Именно, указанная укладка языка очевидно представляетъ собой то общее относительное положеніе безразличности или покоя словенской рѣчи, о которомъ была рѣчь въ **89**.

109. Знаку «a» соотвѣтствуетъ «нормальное a» въ слогахъ съ долгимъ удареніемъ (sât, ср. Плет. sâd, udárt, наст. udârᵉm, ср. Плет. udáriti udârim), обыкновенно подъ краткимъ удареніемъ (nàs, nàm, mᵉglà), и повидимому чаще всего также въ неударяемомъ слогѣ (dẹ́lat, Плет. dẹ́lati, razúmt — или razumᵉ̀t, razumȋt — и т. д.); въ краткихъ слогахъ нужно однако считаться съ дѣйствіемъ редукціи, о чемъ ниже. — Оттѣнокъ «ä» (передній рядъ, положеніе низкое), подъ вліяніемъ слѣдующаго i̯ — остатка палатализаціи — отмѣченъ мною лишь въ нѣсколькихъ случаяхъ; напр. повел. «žäi̯n» (но множ. žanîte), наст. «žä́i̯nem» (объ удареніи ср. **224**), отъ глагола žẹ́t (у Плет. съ открытымъ e : žéti, наст. žanjem)[2]).

---

[1]) Можетъ быть, что неударяемое ᵉ, въ сравненіи съ нѣмецкимъ ə, склоняется вообще къ образованію немного поднятому, но во всякомъ случаѣ врядъ ли въ такой степени, которая заслуживала бы особаго вниманія.

[2]) Вліянію того же движенія слѣдуетъ вѣроятно приписать развитіе -ei̯ (съ обыкновеннымъ открытымъ e) въ неударяемомъ слогѣ, напр., повел. dệlei̯ (вульгарно въ Люблянѣ также dẹ́li), отъ dẹ́lat, Плет. dẹ́lati. Ср. результаты подобнаго движенія

Знакъ «i» подъ долгимъ удареніемъ обозначаетъ собой чаще всего, повидимому, напряженное образованіе («закрытое i», «î»): «bíjem» бью, «ríba», «íkra», «ílou̯ca» (Плет. ílovica) и т. д.; но отмѣченъ притомъ и несомнѣнно ненапряженный (открытый) оттѣнокъ (напр., наст. grmí; «dǿnz grmí», сегодня громъ гремитъ); опредѣлить границу не удалось, поэтому довольствуемся однимъ знакомъ. Неударяемое i бываетъ, какъ кажется, вообще ненапряженнымъ, напр., въ imê имя (ср. tai̯mê, это имя, но напр., taíγra, эта игра, въ трехъ слогахъ).

Подъ знакомъ «u» скрываются параллельныя явленія; и напряженное (закрытое, «û»), напр., въ «kúpu» (Плет. kúpil купилъ), но открытое, напр., въ формахъ глагола razúmt (Плет. razúmiti); и здѣсь приходится довольствоваться однимъ знакомъ. Неударяемое u и u̯, какъ старшаго, такъ и новѣйшаго происхожденія (напр., móu̯zu, прош. муж. отъ móu̯z-et или mòu̯st, Плет. mółsti), бываетъ повидимому вообще ненапряженнымъ; подобно и краткое ударяемое ù, напр. въ люблянскомъ un (они; ùn sô gnǽtl̥», ср. формально «они гнели»). — Передвиженіе u въ ü (средняго ряда), подъ тѣми же условіями, которыя вызываютъ, какъ мы видѣли, оттѣнокъ «ä», встрѣчается изрѣдка, въ обособленныхъ случаяхъ; такъ, я отмѣтилъ «tǘi̯c» (ср. **224**), Плет. túj-ec. Подъ вліяніемъ сосѣдняго i̯ или i, u̯ можетъ передвигаться въ подобную артикуляцію; напр., «d-eü̯i̯ák» (Плет. divják), неопр. «žíü̯t» (при žwét, жить). Указаніе на «ä», «ü» въ словенской рѣчи имѣетъ лишь методологическую цѣну; въ остальномъ можно оставить ихъ безъ вниманія.

110. Для звуковъ «e» и «o» считаю нужнымъ пользоваться отчасти знаками, различными отъ Плетершниковыхъ, чтобы не сбивать съ толку при сравненіи вообще съ употребляемымъ мною обозначеніемъ.

Закрытое e (т. е. рядъ передній, положеніе среднее, образованіе закрыто-напряженное) обозначаемъ ê. Отмѣтимъ его прежде всего въ долгихъ ударяемыхъ слогахъ, напр., lét (Плет. lẹ́to), célt (Плет. cẹ́liti), délat (dẹ́lati) gréx (grẹ́h), slépc (slẹ́p-ec); границы этого ê совпадаютъ вообще вполнѣ съ ẹ и ȩ подъ долгими удареніями у Плетершника[1]).

въ другихъ славянскихъ языкахъ и отмѣченный Шкрабцемъ переходъ а въ е въ извѣстныхъ примѣрахъ, O glasu. стр. 22.

[1]) Можно спросить, указываютъ ли на отношеніе ẹ : ȩ такіе отдѣльные отступающіе случаи, какъ «víȩ̑ra» (Плет. vȩ́ra), «míȩ̑ra» (mȩ̑ra), ср. отъ того же корня неопр. «míȩ̑rt» или даже «mírt», наст. «mîr-em» и т. д. (Плет. mȩ́riti, mȩ̑rim); далѣе «zvíȩ̑r» (zvȩ̑r); тоже самое болѣе рѣдкое звуковое сочетаніе отмѣчено въ род. «síȩ̑ra», отъ sèr сыръ, ср. Плет. sȋr, síra. Съ другой стороны обращаетъ на

На мѣстѣ исторически соотвѣтствующаго гласнаго подъ краткимъ ударепіемъ развилось, какъ мы видѣли, ɐ. Въ слогѣ же неударяемомъ, съ первоначальнымъ ѣ, люблянское произношеніе нерѣдко колеблется; напр., въ Плет. kreṕîti отмѣчено «kreṕît», частью съ е близкимъ къ ê, а пожалуй чаще съ обыкновеннымъ е открытымъ; ср. въ словѣ dèlσụnca (Плет. dẹ́lavnica), при другомъ удареніи, «delâụnca», вин. delâụncσ и т. д. О такомъ произношеніи трудно рѣшить, считать ли его переведеннымъ изъ формъ, гдѣ слогъ приходится подъ долгимъ удареніемъ, или же переходной ступенью къ тому «ɐ», котораго ждемъ по **104** въ неударяемомъ положеніи (ср. напр. sɐdét, Плет. sẹdéti).

То, что Плетершникъ собираетъ подъ знакомъ «е», и опредѣляетъ вообще какъ «открытое е», содержитъ разновидные гласные оттѣнки, удаляющіеся довольно далеко другъ отъ друга. Главный раздѣлъ лежитъ между положеніемъ долго-ударяемымъ (правильно постоянно подъ ʹ) съ одной стороны, и положеніями кратко-ударяемымъ и неударяемымъ съ другой стороны. Плетершниково е подъ ʹ представляетъ собой правильно гласный передняго ряда, положенія низкаго, съ образованіемъ напряженнымъ, «æ»[1]), въ другихъ положеніяхъ — насколько не выступаетъ явная редукція въ ɐ или дальше — «нормальное открытое е» (рядъ передній, положеніе среднее, образованіе ненапряженное). Ср. разницу вродѣ lǽžat : ležîm (Плет. léžati ležîm), uwèst : uwǽdem (ввести), nèst : nǽsem (нести), nesèn : nesǽna (несенъ); grèm grèš grè (отъ grét, ср. у Плет. подъ îti), множ. gremσ̀ grestè greịσ̀ или же grǽmσ grǽste greʹịσ (и grémσ и т. д.).

Правда, и «æ» можетъ нѣсколько колебаться, приближаясь иногда къ положенію среднему; гласный, напр., въ mrǽmσ (мремъ) иногда не различается сильно отъ mrèm (мру). Однако, данное разграниченіе вообще проявляется ясно. Дѣйствительное исключеніе отъ пониженія «é» въ æ пред-

---

себя вниманіе, что во всѣхъ отмѣченныхъ такихъ случаяхъ (при обыкновенномъ ê : srêča, Плет. srẹ́ča, и т. д.) послѣ гласной слѣдуетъ r.

Указанное отношеніе, какъ и случай bẹ́ịžat (Плет. bẹ́žati), гдѣ особое сочетаніе eị на мѣстѣ ѣ переходитъ въ спряженіи далѣе и на слогъ неударяемый, лежитъ впрочемъ собственно внѣ рамки настоящей работы — довольствуемся потому намекомъ на нихъ, ссылаясь на Шкрабца, O glasu, стр. 33; о разныхъ оттѣнкахъ «е» и «о» ср. далѣе тамъ же стр. 27.

[1]) Знакъ напряженности, ˆ, можно выпускать. О подобномъ образованіи въ сербскомъ ср. выше **93**; о чешскомъ см. ниже **117**, прим. Считаю словенскій гласный вообще по образованію ниже этихъ, причемъ онъ выступаетъ не случайнымъ оттѣнкомъ, но явственной категоріей.

ставляетъ сочетаніе ej̯, но это потому, что особыя дифтонгическія явленія, о которыхъ рѣчь въ **224**, не допускаютъ гласному «е» развиваться до обычной подъ ' долготы; «е» даннаго сочетанія соотвѣтствуетъ потому качеству е краткаго слога (e, è), оно — «нормальное открытое е»; такъ въ глагольныхъ существительныхъ на -enie, Плет. -énje, люблянское произношеніе имѣетъ не -ǽi̯ne, но -e'i̯ne («gone'i̯ne» гоненіе, «gnete'i̯ne» гнетеніе и под.), и то же самое правило объясняетъ окончаніе 3-го лица множ. на -ei̯ɑ, ср. напр. вышеприведенное gre'i̯ɑ; а именно, окончаніе раздѣляется не é-i̯ɑ, что дало бы -ǽ-i̯ɑ, но -e'i̯-ɑ (или м. б. -e'i̯-i̯ɑ).

Примѣчаніе. Извѣстную разницу въ «открытомъ е» по положенію передъ удареніемъ или послѣ ударенія, указанную Богородицкимъ въ бледскомъ говорѣ, какъ будто напоминаетъ иногда и люблянское произношеніе; напр., послѣударное е повел. lеžíte (лежите; при этомъ lеžíte, l̥žíte) отмѣчено у меня какъ ближе къ ǽ, чѣмъ предударное. Но разница въ люблянскомъ произношеніи не выступаетъ такъ ясно, какъ, судя по обозначенію Б., въ бледскомъ, и не по столь общему правилу, какъ Б. даетъ для бледскаго говора; въ послѣударномъ слогѣ закрытомъ, напр. -en страд. прич., е напротивъ закрывается, и можетъ, не менѣе е предударнаго, приближаться къ ·е и исчезать. Прибавимъ, что сравненіе предударныхъ гласныхъ, напр., въ 3 лицѣ множ. zelene'i̯ɑ или въ gnete'i̯ne, съ описаннымъ выше какъ «нормальнымъ» е сочетанія e'i̯, приводитъ къ отождествленію тѣхъ и другого. Ср. объ «о» въ **111**.— Къ принципіальному мнѣнію Богородицкаго о «вѣсѣ» слоговъ по положенію передъ или послѣ ударяемаго вернемся въ **243**.

111. «Закрытое о» (рядъ задній, положеніе среднее, образованіе закрыто-напряженное) обозначаемъ ô. Имѣемъ его въ долго-ударяемыхъ слогахъ, напр. sôd·et, sôd·em (Плет. sǫditi, sǫdim — съ о отъ старшаго ą). Границы этого ô совпадаютъ вообще съ Плет. ọ и ǫ. По собственному звуку, это ô лежитъ, можетъ быть, вообще немного выше нѣмецкаго закрытаго о, ō напр., въ gross; люблянецъ, вставляющій свое ô въ gross, Ofen и др., по моему говоритъ съ о недостаточно закрытымъ — однако, особеннаго вниманія разница врядъ ли заслуживаетъ.

Въ томъ, что Плетершникъ собираетъ подъ знакомъ «о» и опредѣляетъ вообще какъ «о открытое», содержатся явно разрозненные оттѣнки, по взаимному отношенію образованія параллельные съ æ : е (**110**), однако распредѣляющіеся повидимому по не вполнѣ параллельнымъ съ ними правиламъ.

Подъ ' имѣемъ гласный задняго ряда, положенія низкаго, съ образованіемъ вѣроятно напряженнымъ, о чемъ впрочемъ не могу высказаться рѣшительно; обозначаю его «ɑ» (соединеніе о съ а, ср. æ : е съ а); напр. nɑ́st, Плет. nósiti, gɑ́nt, góniti. Эта черта вполнѣ соотвѣтствуетъ развитію

æ подъ ′; а какъ пониженіе артикуляціи e въ æ, несмотря на удареніе ′, не имѣетъ мѣста въ дифтонгѣ eį (**110**), такъ и o′u̯ (напр. mo′u̯čat, Плет. móĺčati; объ удареніи ср. **224**) представляетъ скорѣе «нормальное открытое o» (задній рядъ, положеніе среднее) или даже приближается по звуку къ «ô».

Зато, въ различіе отъ è, и кратко-ударяемое o, напр. Плет. kròj, повидимому имѣетъ артикуляцію приблизительно тождественную съ ó: kròį, sòt (судъ, у Плет. sǫd) и др., — т.-е., положеніе низкое. Въ неударяемомъ положеніи замѣчаемъ тоже самое o въ послѣударномъ положеніи, по крайней мѣрѣ въ слогахъ открытыхъ (ср. -e въ прим. къ **110**), напр. 1 л. множ. kúpmo, gónmo, -o въ вин. ед. существительныхъ жен. рода. Вульгарно это -o переходитъ въ Любляиѣ часто въ чистое нормальное a: nesǽma и под. Въ положеніи предударномъ я не отмѣчалъ столь опущенныхъ артикуляцій; здѣсь опредѣленіе «нормальное открытое o» (ср. нѣм. Stock; задній рядъ, положеніе среднее, т. е. оттѣнокъ, параллельный нашему «e», и потому обозначаемый «o»), кажется, умѣстно для самаго открытаго изъ встрѣчаемыхъ оттѣнковъ: «poγuḃėt» или «poγeḃėt» (погубить). Однако, на мѣстѣ этимологическаго o въ такомъ положеніи встрѣчается, должно быть, чаще оттѣнокъ нѣсколько низшаго собственнаго звука, гласный какъ будто средній между o и ô, т. е. уже по направленію къ u, въ которое нерѣдко и переходитъ (kostȋ или kustȋ, кости), а далѣе слѣдуетъ развитіе въ e, съ дальнѣйшей редукціей до полной потери; напр., Плет. «sodîšče», судъ, въ быстрой рѣчи звучитъ обыкновенно «sedîše»; мы уже упомянули въ **103**, какой рядъ параллельныхъ формъ можетъ явиться на данномъ основаніи въ примѣрѣ какъ Плет. golǫb, голубь: gôlôp-gulôp-gelôp-glôp.

112. Мы сообразились въ предшествующихъ параграфахъ — надѣюсь не лишнимъ образомъ — съ разными вопросами, касающимися словенскаго вокализма и его письменнаго обозначенія. Соберемъ и распредѣлимъ теперь, отрываясь отъ правописанія, то немалое число явно различныхъ гласныхъ, которое входитъ по изложенному въ организмъ словенской рѣчи.

Безъ округленія губъ:

i — рядъ передній, положеніе высокое; существуетъ и оттѣнокъ закрыто-напряженный и оттѣнокъ открыто-ненапряженный, но безъ виднаго категорическаго разграниченія;

ê — рядъ передній, положеніе среднее, образованіе закрыто-напряженное;

e — рядъ передній, положеніе среднее, образованіе открыто-ненапряженное;

æ — рядъ передній, положеніе низкое, образованіе закрытое, повидимому напряженное;

[ä — рядъ передній, положеніе низкое, образованіе открыто-ненапряженное; случайный и рѣдкій оттѣнокъ гласнаго а];
а — рядъ задній, положеніе среднее: «нормальное а»;
ḙ — рядъ средній, положеніе обыкновенно среднее — подъ удареніемъ поднятое или же высокое опущенное — образованіе вообще ненапряженное.

Съ округленіемъ губъ:

ɑ — рядъ задній, положеніе низкое (образованіе напряженное подъ долгимъ удареніемъ ′?);
о — рядъ задній, положеніе среднее, образованіе открыто-ненапряженное;
ô — рядъ задній, положеніе среднее, образованіе закрыто-напряженное;
u — рядъ задній, положеніе высокое; существуютъ и оттѣнокъ закрыто-напряженный и оттѣнокъ открыто-ненапряженный, но безъ виднаго категорическаго разграниченія;
[ü — рядъ средній, положеніе высокое, образованіе ненапряженное; случайный и рѣдкій оттѣнокъ гласнаго u].

Этотъ списокъ однако не исчерпываетъ вполнѣ гласнаго состава словенской рѣчи; кромѣ приведенныхъ, вообще ясно разграниченныхъ и легко опредѣлимыхъ видовъ, наблюдаются нерѣдко трудно уловимые, переходные оттѣнки — и въ народной и въ образованной рѣчи говора, положеннаго въ основаніе нашего описанія. Мы изложили выше главный принципъ редукціи, подъ вліяніемъ которой гласные краткихъ слоговъ стремятся, болѣе или менѣе сильно, прямо или косвенно, къ «относительному положенію безразличности», лежащему около артикуляціи ḙ. Иныя черты этого движенія мы описали въ достаточной мѣрѣ; но остается коснуться въ слѣдующемъ параграфѣ еще нѣсколькихъ явленій вокализма на основаніи той же редукціи, обойденныхъ до сихъ поръ для того, чтобы не усложнять изложенія.

113. Кратко-ударяемое и неударяемое а вообще довольно устойчиво, но нерѣдко редукція вызываетъ особый оттѣнокъ, который обозначимъ, въ различіе отъ нормальнаго а, помощью α; напр. неопредѣл. наклоненіе при краткомъ окончаніи -àt: «cḙfrὰt», «veslὰt»; ср. далѣе «bαrαntὰt» (Плет. «barantáti), «jájčαst» (Плет. jájčast), и под. Анализъ этого оттѣнка, звучащаго немного по направленію къ «ä», показываетъ (ср. м. пр. Сторма, Engl. Phil.[2] I, 1, стр. 106), что разницу отъ нормальнаго а нужно приписать начинающемуся поднятію среднихъ частей языка, т. е., очевидно склонности сосредоточить языковое тѣло болѣе по направленію къ среднему ряду гласныхъ, къ ḙ (**108**). Что данная редукція можетъ касаться и послѣударнаго

а, показываетъ примѣръ какъ «i̯ái̯čαst»; однако здѣсь, какъ вообще въ описываемомъ вокализмѣ, предударные слоги подвержены вообще сильнѣйшей редукціи, могущей вести, напр., gladèn (или gladn̥) въ вульгарной рѣчи до «glеdn̥».

Понятно, что вызванные редукціей, ослабленные, потому уже менѣе устойчивые гласные оттѣнки легко подвергаются окраскѣ со стороны окружающихъ звуковъ. Особенно дѣйствуетъ въ этомъ отношеніи сосѣднее u̯; его округленіе, пріобщаясь предшествующему краткому гласному, вызываетъ новые оттѣнки, увеличиваетъ число двойныхъ формъ. Такъ, краткое а — какъ неударяемое, такъ и ударяемое — передъ u̯ стремится вообще перейти въ о; о характерѣ о («нормальнаго открытаго») въ moʹu̯čat (Плет. mółčati) ср. 111; въ прош. moʹu̯čou̯ (молчалъ) или goʹu̯čou̯ (góu̯čat, Плет. gółčati) дифтонгъ конечнаго слога качественно практически тождественъ съ первымъ слогомъ; значитъ, а подъ вліяніемъ u̯ перешло въ обыкновенное открытое о; подобное случается иногда съ ударяемымъ, ср. напр. krvòu̯, при krvâu̯, Плет. krvâv[1]). А если въ развившемся такимъ путемъ новомъ о, вслѣдъ за общей тенденціей гласной редукціи, тѣло языка сосредоточивается или поднимается далѣе впереди (ср. выше о «α»), то возникаетъ нерѣдко въ данномъ дифтонгѣ оттѣнокъ о со звукомъ по направленію къ (нѣм.) «ö»; по примѣру обозначенія а — ȧ — ä, u — u̇ — ü, воспользуемся для этого оттѣнка знакомъ «ȯ»; его слѣдуетъ опредѣлить какъ округленный гласный средняго ряда, положенія отъ низкаго до средняго — ср. приблизительно оттѣнокъ французскаго о въ «homme»; иначе говоря, это — положеніе языка какъ при α - е, въ связи съ округленіемъ губъ; примѣры: «znȍu̯» зналъ, «krȍu̯» кралъ, «cеfrȍu̯» (жен. cеfrála, ср. выше «cеfrα̂t»), «dèlȯu̯» дѣлалъ. Что и старшее о можетъ, хоть изрѣдка, развиваться въ томъ же направленіи, отмѣчено, напр., въ «gȍu̯», жен. gόla, ср. Плет. gȍł, góla (голъ).

Тотъ же самый оттѣнокъ «ȯ» встрѣчается также подъ вліяніемъ слѣдующаго u̯ на мѣстѣ е старшаго происхожденія; такъ, глаголъ smêt или smеt (Плет. smẹ́ti) въ прош. муж., при smèu̯, можетъ звучать и «smȍu̯» (жен. smḗla); brȉt (или brèt, br̥t, Плет. brȉti брить) при brèu̯ или brȕ также «brȍu̯»; ср. далѣе «пошилъ» — pošȕ или «pošȍu̯»; «билъ» — s^{e}m bȗ или «s^{e}m bȍu̯».

Также при округленіи губъ, вызванномъ слѣдующимъ u̯, старшія о, а

---

[1]) Привлечемъ для сравненія еще приведенное раньше «dèlσu̯nca», ср. Плет. délavnica; опущенный оттѣнокъ σ объясняется, м. б., изъ послѣударнаго положенія ȯ. Ср. 111.

могутъ, такимъ образомъ, въ спорадическихъ случаяхъ совпадать съ представителемъ старшихъ краткихъ i, u, ĕ, наравнѣ съ совпаденіемъ въ спорадическихъ, но вовсе не рѣдкихъ случаяхъ безъ этой лабіализаціи (**105**).

Но описанное «ȯ», развившееся изъ e подъ вліяніемъ u̯, если судить по нѣкоторымъ примѣрамъ, способно двигаться взадъ до совпаденія съ обыкновеннымъ o задняго ряда; напр., при pošèu̯ (пошелъ) можно слышать и pošȯu̯ [1]). Поэтому врядъ ли стоитъ выдѣлять «ȯ» въ дальнѣйшей транскрипціи особымъ обозначеніемъ. Указывая на данное здѣсь изложеніе, можемъ соединить оттѣнки «α» и «ȯ» подъ общимъ знакомъ съ a, o.

4. Чешскій языкъ.

114. Мои наблюденія надъ чешскимъ вокализмомъ согласуются вообще съ изложеніемъ Педерсена въ «Den böhm. Udtale» [2]). Образованная рѣчь, со средоточіемъ въ Прагѣ, употребляетъ слѣдующія гласныя категоріи, всѣ въ двухъ количествахъ, краткомъ и долгомъ (обозначаемомъ ′ надъ гласнымъ):

Безъ округленія губъ:

i — рядъ передній, положеніе высокое;
e — » » » среднее (вообще «открытое»);
a — » задній, » » : «нормальное a».

Съ округленіемъ губъ:

o — рядъ задній, положеніе среднее (вообще «открытое»);
u — » » » высокое.

«ə», вродѣ нѣм. e въ Gabe, чехъ можетъ по Педерсену (стр. 112) наблюдать въ извѣстныхъ случаяхъ въ своихъ школахъ; но обыкновенная рѣчь его видно не имѣетъ. Къ обозначенію чешскихъ гласныхъ ср. нѣкоторыя замѣтки въ **116**. [3])

Чешскіе гласные вообще всюду выступаютъ въ ясной, типичной артикуляціи. Лишь болѣе внимательныя наблюденія позволяютъ подмѣчать извѣстные оттѣнки данной схемы, слабыя колебанія въ зависимости отъ по-

---

1) Но по словамъ моихъ источниковъ лишь s·ešèu̯, въ различіе отъ s·esȯu̯ = съшилъ.

2) И съ главными линіями у Фринты.

3) О частью сильной пестротѣ этого обозначенія ср. впрочемъ изложеніе Фринты, отличное именно въ этомъ отношеніи.

ложенія и случайные побочные оттѣнки, не безынтересные въ научномъ обзорѣ.

115. Отмѣтимъ во первыхъ, что гласные задняго ряда подъ вліяніемъ окружающихъ мягкихъ согласныхъ и въ чешскомъ яз. склоняются къ болѣе переднему образованію. При о могу указать лишь отдѣльный, затронутый въ **71** примѣръ čoǔka, съ «ö» или скорѣе «ȯ» (ср. въ **113**). При а движеніе проявляется также повидимому рѣдко и не особенно сильно; напр., въ čaj, čajka (діал. вмѣсто čejka) звучитъ приблизительно, хотя, кажется, не вполнѣ развитое ä. Отчетливѣе замѣчается движеніе при u; имѣя мягкій звукъ лишь впереди (čumnět[i], čuba), u остается вообще въ заднемъ рядѣ; но если притомъ стоитъ мягкій звукъ и сзади, можно слышать «ü»: «čüňe» (čuně), «čüček» и под.; а въ неударяемомъ слогѣ иногда достаточно мягкаго звука сзади гласнаго, чтобы развилось ü, отмѣченное, напр., въ vyjadřuje. Значеніе «ö», «ä», «ü» достаточно описано въ вокализмѣ предшествующихъ языковъ.

116. Какъ извѣстно, краткое і въ чешскомъ обозначается частью і, частью у; въ оборотѣ какъ «ten kluk byl bit jako žito», byl bit и ži- имѣютъ тождественную гласную величину. Въ долгомъ і совпадаютъ подобнымъ образомъ письменныя í и ý, насколько послѣднее не вытѣснено обыденнымъ произношеніемъ ei̯; какъ долгое і, съ предшествующимъ твердымъ согласнымъ, звучитъ также é, напр. въ krasné. — Для обозначенія долгаго u служитъ, кромѣ ú, еще ů, а въ нѣкоторыхъ иностранныхъ словахъ просто u (ср. у Педерсена, стр. 112).

Всѣ і и u, какъ долгія, такъ и краткія, если сравнить съ оттѣнками западныхъ языковъ, нужно вообще подвести подъ образованіе напряженное («закрытое»). Маленькая разница по степени напряженности, впрочемъ, есть; сравненіе, напр., звуковъ і въ «to byla bída» показываетъ, что послѣднее, долгое, ỳже краткаго[1]); при ū : ŭ подобная разница особенно замѣтна, если послѣднее приходится въ открытомъ концѣ слова; въ отношеніи двухъ гласныхъ u слова krúzu, kůru, bluzu (выг. blūzu) чехъ можетъ найти приблизительно то, что по таблицѣ Сиверса подразумѣвается подъ u закрытымъ: u открытымъ.

Послѣднее явленіе имѣетъ параллель при а. Гласный а вообще, какъ сказано выше, — «нормальное а». Сравненіе а краткаго ударяемаго съ долгимъ неударяемымъ, напр. malá (strana), не даетъ замѣтной разницы; зато, при обратномъ положеніи, напр. kráva, tráva, vrána, brána, sláva (особенно,

[1]) Къ данному Фринтой (согласно съ Долянскимъ) изложенію насчетъ разныхъ оттѣнковъ чешскаго і впрочемъ не могу присоединиться; ср. мою рецензію въ Арх. XXXI.

напримѣръ, въ восклицаніи «sláva!»), ухо поражается разницей: послѣднее, краткое a въ открытомъ концѣ слова приближается по звуку немного къ «o»; также въ сравненіи съ ударяемымъ a краткимъ (strana, hada и под.) эта черта замѣтна, но уже менѣе отчетливо. Такая окраска конечнаго, краткаго a, въ которой губы повидимому не принимаютъ участія, стоитъ вѣроятно въ связи съ ослабленіемъ неударяемой артикуляціи, съ извѣстнымъ слабымъ приближеніемъ къ относительному положенію безразличности; противъ такого ослабленія гласный долгій болѣе устойчивъ (ср. выше относительно malá). Что ослабленіе сказывается особенно сильно въ словахъ типа hrúzu, sláva и под., согласуется хорошо съ экспериментальными изслѣдованіями о силѣ и распредѣленіи выдыхательнаго тока въ данномъ типѣ, о которыхъ ниже въ **237** сл.

117. Краткое (письменное) o входитъ въ одинъ классъ, напр., съ русскимъ o, а также и съ сѣвернонѣмецкимъ, напр. въ Stock, ср. таблицу Сиверса. Съ послѣднимъ однако не слѣдуетъ вполнѣ отождествлять чешскій гласный. Послѣдній колеблется между довольно различными оттѣнками, въ зависимости, вѣроятно, отъ сосѣднихъ звуковъ, но безъ замѣтнаго категорическаго разграниченія; довольствуемся указаніемъ, что среднее качество его собственнаго звука лежитъ ниже упомянутаго нѣмецкаго гласнаго, — оно вообще «закрытѣе» послѣдняго. Приписываю это не столько дѣйствію губъ, сколько внутренней артикуляціи: въ сѣверно-нѣмецкомъ открытомъ o языкъ лежитъ какъ будто болѣе плоско, въ чешскомъ произношеніи задній (и средній) языкъ по моему склоняется къ болѣе выпуклой укладкѣ, приближаясь такимъ образомъ къ мягкому небу.

Иначе объясняется тотъ еще болѣе закрытый оттѣнокъ, который, какъ отмѣтилъ и Педерсенъ, звучитъ (часто, но не постоянно) въ ou̯, приближаясь сильно къ закрытому нѣмецкому o, напр., въ gross (ср. словенское ô); его нужно, повидимому, объяснить вліяніемъ сильнѣйшаго округленія, принятаго отъ сосѣдняго u̯.—Встрѣчаемое иногда долгое o (Педерсенъ, стр. 112): gór, jó, tón, móda и др. [1]), звучитъ закрытѣе обыкновеннаго краткаго, но не достигаетъ только что упомянутаго нѣмецкаго ō [2]); въ немъ, повидимому, и губы и языкъ дѣйствуютъ для пониженія собственнаго звука (ср. **12**), при чемъ его образованіе, въ сравненіи съ ŏ,— напряженное.

«Нормальные» оттѣнки гласнаго e получили свое опредѣленіе въ **114.**

---

[1]) Ср. далѣе у Фринты, стр. 58, прибавляющаго м. пр. и обыденное bôže.

[2]) Знакомыхъ со скандинавскими языками можетъ интересовать, что gór, jó можно прямо отождествить съ норвежскими словами gaard, ljaa.

Таковые встрѣчаются въ положеніяхъ краткомъ ударяемомъ (seno, meno), неударяемомъ (jelen) а такъ же и въ долгомъ (насколько ē не вытѣснено, въ народной, а часто и въ образованной рѣчи, гласнымъ ī, ср. **116**), напр. péro, пражское béře, péře и др. Насчетъ долгаго е укажемъ однако на слѣдующее ниже примѣчаніе. Передъ l (прош. přišel, zapomněl и др.) е несомнѣнно имѣетъ болѣе «открытый», опущенный оттѣнокъ (Педерсенъ, стр. 113), но не настолько, чтобы положеніе языка могло считаться «низкимъ». Въ сосѣдствѣ согласныхъ палатальныхъ е склоняется къ съуженію; сравнивая, напр., ne- въ neseme съ je- въ Ježíš, находимъ е послѣдняго слова немного закрытѣе; подобно иногда подъ вліяніемъ слѣдующаго мягкаго (напр. е сочетанія ei̯, замѣняющаго обыкновенно письменное ý: «vl̥xkei̯ mex», vlhký mech); такія е могутъ уже приближаться къ нормальному «е закрытому», ср. словенское ê; значительно же болѣе закрытымъ, въ сравненіи съ «нормальнымъ», становится письменное е при мягкомъ звукѣ и спереди и сзади, напр. въ приведенныхъ Педерсеномъ jedním, čejka; здѣсь, и далѣе, напр., въ ječmen, četník, чешская рѣчь имѣетъ скорѣе «ê», ср. нѣмецкое е въ See, франц. été и под., хотя вѣроятно безъ того напряженія, которое обыкновенно приписывается этимъ акустическимъ параллелямъ; узость состоитъ въ непосредственномъ приближеніи его образованія къ сосѣднему «i'овому» звуку; именно потому такіе оттѣнки и не выдѣляются для чешскаго слуха какъ отличная отъ прочихъ е категорія; на послѣднее указываютъ наблюденія надъ усвоиваніемъ чехами, напр., французскаго произношенія, чего коснемся въ слѣдующемъ примѣчаніи.

Примѣчаніе. Педерсенъ опредѣляетъ е—é напряженнымъ образованіемъ низкаго положенія (low-front-narrow), слѣдуя типамъ Есперсена, однако описываетъ подвижность гласнаго вообще согласно съ указанными мною выше чертами. Я согласенъ, что самое обыкновенное чешское е — é, служащее основой моего опредѣленія, нельзя безъ оговорки сопоставлять (и то лишь по акустическому впечатлѣнію) съ нѣмецкимъ открытымъ (краткимъ ударяемымъ) е (mid-front-wide); не безъ основанія Педерсенъ употребляетъ терминъ «narrow»,— чешское е, особенно долгое, повидимому вообще нѣсколько болѣе напряженное образованіе, а эта черта стоитъ въ связи съ общимъ свойствомъ всего вокализма (ср. мѣткія замѣтки Сторма по поводу Passy, въ Engl. Phil.[2] I, стр. 161). Однако, при сравненіи съ оттѣнками другихъ языковъ, данная черта не выступаетъ по моему такъ рѣзко, чтобы я могъ ради нея отказаться отъ даннаго опредѣленія, даже если стать на болѣе «датскую» исходную точку Есперсена при опредѣленіи «low-front» (ср. замѣтки Сторма, Engl. Phil. стр. 163)[1]). Сильно опущенные и притомъ относительно напряженные варіанты

---

[1]) Для большинства читателей примѣры для сравненія будутъ безцѣнны; но въ защиту своей критики замѣчу, что е, напр., въ «mech» можно прямо отождествить

(é напр. въ péro) я отождествляю съ отмѣченнымъ въ **93** опущеннымъ варіантомъ сербскимъ, по словенскаго æ (**110**) они по моему не достигаютъ; приблизительно соотвѣтствующую, но быть можетъ менѣе напряженную артикуляцію я вижу въ упомянутомъ выше е окончанія -el (přišel). Итакъ, не трудно указать оттѣнки чешскаго «е», удаляющіеся даже значительно другъ отъ друга; но категорическихъ границъ нѣтъ, поэтому обыкновенный чешскій слухъ повидимому и не обращаетъ на эти оттѣнки вниманія. Какъ мы припомнили выше, этимъ и объясняется вѣроятно явленіе, на которое обратилъ мое вниманіе молодой чехъ: учась по-французски, чешскіе студенты не легко различаютъ è и é, между тѣмъ какъ эта разница сейчасъ же замѣтна, напр., для нѣмецкаго слуха.

Въ связи съ описанными явленіями, образованному чеху интересно обратить извѣстное вниманіе на пражское «cockney»-произношеніе, особенно — по моимъ источникамъ — у т. н. «поцкалаковъ» (Pockalí — часть города около Влтавы). По сообщеннымъ мнѣ даннымъ, долгое е звучитъ и здѣсь вообще ī : také = takī и под. А гдѣ долгое е сохраняется, оно склоняется, не къ опущенному, широкому образованію (ср. выше о é, напр. péro), а напротивъ къ сильно закрытому, къ «ē̄», вродѣ особенно узкаго нѣмецкаго ē. Подъ такое произношеніе подходитъ и то удлиненное, сверхдолгое (=) е, которое обыкновенно замѣщаетъ краткое е въ концѣ предложенія, получающемъ своеобразную, поющую мелодію, обыкновенно съ пониженіемъ тона для послѣдняго слога; вмѣсто «čoveče, daj' to sem» (daj' — 3 л. множ., ср. «geben Sie»?) слышится приблизительно «čêčē̄, daj to sē̄m»; «to ne, to neznáme» принимаетъ приблизительно форму «to nē̄, to neznāmē̄». Въ этомъ «cockney», pére, bére и под. звучатъ, такимъ образомъ, pēre, bēre, а если приходятся въ упоминаемомъ, поющемъ концѣ предложенія, ...pērē̄, ...bērē̄[1]). Подобное особое суженіе въ указанномъ положеніи свойственно, повидимому, и гласному i (напр., въ takī, т.-е. také); а по бѣглымъ наблюденіямъ вульгарная пражская рѣчь склоняется нерѣдко придавать такому i явно носовой характеръ, «ĩ»; подобное я отмѣчалъ впрочемъ иногда и въ другомъ гласномъ — говорятъ въ нетерпѣливомъ «no» (nun) приблизительно «nõ».

Все это — мелкія, а можетъ быть лишь случайныя, даже индивидуальныя черты; но хочу упомянуть о нихъ, какъ заслуживающихъ вниманія и разслѣдованія.

5. Польскій языкъ.

118. При характеристикѣ вокализма образованной польской (краковской) рѣчи можно во всѣхъ главныхъ чертахъ примкнуть къ изложенію Роздовскаго въ «Szkic'ѣ». Оставляя пока въ сторонѣ гласные назализированные,

---

съ норвежскимъ е въ «penn», ни въ какомъ случаѣ не входящимъ въ рамку «low» (положеніе низкое); а е въ «péro», варіантъ изъ самыхъ низкихъ, не тождественно ни съ норвежскимъ «pære» (моимъ «low-front-narrow»), ни даже съ датскимъ «pære» («low-front-narrow» по упомянутой «датской» системѣ).

[1]) Такое же удлиненіе придается и другимъ гласнымъ, напр. «čêčē̄, daj sem tu břitvū̄».

имѣемъ дѣло съ главными гласными типами i — e — a — y — o — u[1]). О передачѣ этихъ гласныхъ въ польскомъ правописаніи достаточно указать на Розвадовскаго же. Его распредѣленіе данныхъ типовъ по рядамъ и положеніямъ вызываетъ пока лишь нѣсколько замѣтокъ. Гласный a онъ подводитъ подъ «средній рядъ, положеніе низкое»; я часто говорилъ въ раньшихъ работахъ о трудности вдвинуть этотъ гласный въ употребляемую «шахматную доску», но опредѣляю «нормальное a», о которомъ и здѣсь идетъ рѣчь, какъ задній рядъ, положеніе скорѣе всего среднее — ср. въ описаніи прежнихъ языковъ и замѣтки самого Розвадовскаго въ § 9. Далѣе Розвадовскій подводитъ съ Бодуэномъ де Куртенэ гласный e подъ «рядъ средній»; объ этомъ я высказался уже въ **13**; польское e приписываю, какъ вообще типъ e, ряду переднему. Къ прочимъ опредѣленіямъ (i : рядъ передній, пол. высокое; y : рядъ средній, пол. высокое; o и u: рядъ задній, пол. среднее — высокое) присоединяюсь вполнѣ, со ссылкою на добавочныя замѣтки въ слѣдующемъ[2]).

Схема Розвадовскаго даетъ, какъ уже сказано, всѣ главныя линіи польскаго вокализма, сравнивая ихъ при томъ съ гласными неславянскими, что придаетъ его работѣ особую цѣну. Однако, присматриваясь поближе къ произношенію, можно указать, кромѣ приведенныхъ Розвадовскимъ типовъ, разные гласные оттѣнки и особенности, на которые стоитъ обратить вниманіе.

119. Такъ, знакъ и понятіе «a» вмѣщаетъ въ себѣ оттѣнки, отстоящіе акустически далеко другъ отъ друга. Окраску по направленію къ «o» a получаетъ нерѣдко въ небрежной рѣчи отъ слѣдующаго ł («u̯», ср. **67**), напр. въ leżał, porwał; это ассимиляція въ родѣ той, которая иногда измѣняетъ djabeł въ -böu̯, съ ö, т.-е. округленнымъ гласнымъ передняго ряда, пол. средняго. Бо̀льшую роль играютъ однако сосѣдніе звуки мягкіе. Въ положеніи между таковыми вмѣсто письменнаго a звучитъ часто чистое ä (рядъ передній, пол. низкое, ненапряженное): ńäńa (niania), i̯äi̯ko (jajko), p̗äč̗ (piać) и т. д.; а движеніе можетъ вести дальше, niańka можетъ звучать «ńeⁱńka».

Подобно и письменное o можетъ подвергаться вліянію «мягкаго» сосѣдства; слово ciocia можно слышать какъ «č̗öč̗a» (ср. č̗otka, ciotka), съ ö подобнымъ отмѣченному выше въ «djabeł»: рядъ передній, пол. среднее, ненапряженное, съ округленными губами.

---

[1]) Наглядную картину положеній языка при главныхъ типахъ вокализма даетъ Стейнъ въ «Próba pomiarów»; ср. выше **12**.

[2]) Стейнъ раздѣляетъ польскіе гласные въ два ряда, «przednie» (i — e — ę) и «tylnie» (u — ą — o — a); ср. объ этомъ мои замѣтки въ Арх. XXX стр. 279 сл.

Гласный u идетъ замѣтно впередъ подъ вліяніемъ предшествующаго мягкаго звука (niucһać, ciura и под.), представляя въ такомъ положеніи «u⊢», а иногда «ü» (р. средній); между двумя мягкими («ciuciu-babka», жмурки) слышится чаще оттѣнокъ ü, а иногда гласный приближается даже до «ü» (р. передній), сохраняя въ такомъ случаѣ лишь слабый остатокъ округленія[1]).

120. Гласный «e» мы опредѣлили пока (**118**) какъ «нормальное открытое e», приписывая его ряду переднему, съ положеніемъ языка среднимъ, открыто-ненапряженнымъ. Такая артикуляція и представляетъ собой приблизительное средоточіе гласнаго, особенно въ твердомъ сосѣдствѣ. Нужно однако для письменнаго польскаго e считаться съ значительными колебаніями.

Ударяемое e — напр., łeb Aetna, т.-е. etna, окончаніе -ego — нерѣдко опускается по направленію къ положенію низкому. Стоимъ здѣсь опять передъ тѣмъ e широко открытымъ, пожалуй притомъ съ извѣстной большей напряженностью мускулатуры, которое отмѣчено также изъ другихъ славянскихъ языковъ (ср. **117**, прим.), повидимому вообще какъ оттѣнокъ болѣе случайный, не разграниченный отъ типичнаго «нормальнаго открытаго e».

Послѣ согласнаго мягкаго гласный e склоняется къ произношенію нѣсколько болѣе закрытому, въ концѣ слова (напр., gdzie) менѣе замѣтно, внутри слова рѣшительнѣе; сравненіе оттѣнковъ e, напр., въ chrobrego : polskiego, łeb : sierp даетъ для моего слуха уже явно осязательную разницу. Если же e, смягчающее предшествующій согласный, стоитъ передъ слѣдующимъ мягкимъ согласнымъ, то артикуляція гласнаго съуживается такъ сильно, что нужно подвести звукъ подъ категорію «закрытыхъ» e (насчетъ напряженности остаюсь въ сомнѣніи); выговаривается «ê», которое можно отождествить съ московскимъ e передъ мягкимъ согласнымъ (ср. это : эти) и — хоть акустически — далѣе съ французскимъ é, нѣмецкимъ ē и под. При «e» напр., въ gdzie, śmiech, ojciec, piec, śpiewać, «ḿeže» (т.-е. mierze, ср. miara), нужно передать черезъ «ê» звукъ, напр., въ ударяемыхъ слогахъ словъ ramieniem (raḿêńem), ziemia (ẑêḿa), cień (ĉêń), w bieli (v̥b́êli — хотя здѣсь передъ l, ср. ниже), nieść (ńêŝĉ), pieśń (ṕêŝ) и т. д.; такъ и передъ i̯ : wiejski (v́êi̯ski), jej (i̯êi̯); это правило имѣетъ силу также въ слогахъ не-

---

[1]) Интересъ имѣетъ сравненіе формы jutro, съ «u⊢» (ср. выше), со словомъ pojutrze, звучащимъ отчетливо poi̯ütše (ü, ср. выше), а небрежно «po[i̯]üče»: вмѣстѣ съ переходомъ гласнаго въ передній рядъ, предшествующее i̯ склоняется къ исчезновенію.— Стоитъ прибавить, что l («среднее», корональное, ср. **65**, **66**) не дѣйствуетъ въ описываемомъ явленіи какъ дѣйствительно «мягкія» образованія, по крайней мѣрѣ не столь сильно; напр., u въ lubić произносится скорѣе u⊢, а не ü.

ударяемыхъ: wieśmiaczki (v̂ês̑ńački), zaślepieńcach (zas̑lêpêńcax), неопр. на -eć, напр., szumieć, и др. Параллелизмъ этой черты съ извѣстнымъ отношеніемъ въ московской рѣчи очевиденъ. Встрѣчаются случаи, гдѣ можно колебаться насчетъ качества гласнаго. Особенно часты такіе случаи повидимому въ сосѣдствѣ l; напр., въ «w miele» (miał мѣлъ) первый слогъ отмѣченъ съ ê, но не столь узкимъ, какъ въ другихъ сочетаніяхъ; а при l передъ гласнымъ — напр., lesie (las, лѣсъ), lecieć — e приближается по моему больше къ e, чѣмъ къ ê; но это въ сущности и согласуется съ описаннымъ въ **65**, **66** образованіемъ l и съ указаннымъ насчетъ гласнаго u, напр., въ lubić, въ прим. къ **119**; послѣ ł, напр., въ płec, e остается, понятное дѣло, рѣшительно открытымъ.

Что отмѣченное отношеніе e : ê проявляется также въ гласномъ назалированномъ, увидимъ въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь стóитъ еще добавить объ окончаніи -ej, что съуженіе гласнаго въ немъ идетъ отчасти еще дальше, до звука категоріи i, и то не только послѣ согласнаго мягкаго (takiej, zupełniej), но нерѣдко и послѣ твердаго (niespokojnej, szczerej). Гласный можетъ въ такомъ случаѣ сливаться съ слѣдующимъ i̯: «taki ščeri», «taki zupełńi»; «mojej» черезъ «moi̯i» въ быстрой рѣчи можетъ принимать видъ «moi».

121. Подъ категоріей i Розвадовскій различаетъ оттѣнки закрытый («i», наше î) и открытый («ï», наше i), отчасти притомъ особое образованіе «wewnętrzne» (наше «втянутое»). Мои контролирующія наблюденія надъ изложеніемъ и примѣрами Розвадовскаго, въ произношеніи разныхъ лицъ, не позволяютъ присоединиться къ предлагаемой имъ группировкѣ оттѣнковъ. Но такъ какъ и мои наблюденія не привели къ ясной несомнѣнной общей группировкѣ—напротивъ, употребленіе того или другого оттѣнка часто оказывается болѣе или менѣе индивидуальнымъ — то оставляю изложеніе Розвадовскаго всторонѣ, не входя въ подробности. Достаточно отмѣтить, что хотя бы и не было категорическаго распредѣленія î : i, но зачатки такого есть; поэтому поляку и не трудно иллюстрировать себѣ данное отношеніе; особенно выставляю замѣтку Розвадовскаго объ i неударяемаго (добавимъ: послѣударнаго) слога послѣ ć, dź, ś, ź (т.-е. c̦, ʒ̦, ș, z̦): сопоставленіе i, напр., въ gminie, съ оттѣнкомъ i, напр., въ dałbym -ci, по моему лучше всего освѣщаетъ поляку отношеніе т. н. «i narrow» : «i wide»[1]).

---

[1]) Насчетъ i̯ опять не могу вполнѣ подтвердить соображенія Розвадовскаго (§ 13, 1); присоединяюсь къ нему въ томъ, что передъ согласными, напр., wojna, lajdak, i̯ обыкновенно — «узкое» (напряженное); въ другихъ положеніяхъ трудно установить правила; мои наблюденія дали отчасти обратный отъ Розвадовскаго результатъ. По **69** нѣтъ также категорической границы i̯ отъ фрикативнаго j. Судя по

Мы отмѣтили въ **119** единичные случаи вліянія ł («u̯») на a и e; подобнымъ образомъ лабіализація его, какъ указываетъ Розвадовскій, переходитъ нерѣдко и на предшествующее i (напр., въ siła, pił и под.), что можетъ дать природному поляку хорошую иллюстрацію звука «ü̯»[1]).

122. Какъ отмѣчаетъ Розвадовскій, старшее «y» въ восточно-галицкомъ произношеніи различается вполнѣ отъ старшаго «i». Представителя перваго звука, письменное польское y, онъ опредѣляетъ вообще какъ гласный ряда средняго, положенія высокаго, образованія ненапряженнаго (ср. **118**), однако присоединяетъ вопросъ, не слѣдуетъ ли считать болѣе обыкновенной, по крайней мѣрѣ въ произношеніи простонародья, артикуляцію опущенную и «высунутую», т.-е. нѣсколько переднюю по сравненію съ типичными артикуляціями средняго ряда.

Сравненіе съ артикуляціями внѣ польскаго языка, а именно съ великорусскимъ ы, ведетъ меня къ подобному опредѣленію. Какъ я указалъ въ прежнихъ работахъ, русское ы колеблется нѣсколько, смотря по сочетаніямъ; нормой типичнаго образованія средняго ряда (положенія высокаго) можно избрать ы твердаго слога послѣ зубного согласнаго, напр., сынъ; послѣ губныхъ имѣемъ оттѣнокъ втянутый, принадлежащій нерѣдко уже скорѣе ряду заднему. Въ польской рѣчи встрѣчаются, повидимому, параллельныя варіаціи; но здѣсь опредѣленіе «рядъ средній», въ сравненіи съ «сынъ», по моему скорѣе умѣстно для положенія послѣ губныхъ, напр., въ my — лишь изрѣдка, при особыхъ условіяхъ, напр., był (т.-е. byu̯), въ особенности же послѣ ударенія: ón-był, звукъ лежитъ на границѣ ряда задняго, — между тѣмъ какъ оттѣнокъ послѣ зубныхъ уже приближается болѣе или менѣе къ ряду переднему. Такимъ образомъ, въ сравненіи съ русскимъ ы, природа польской гласной единицы оказывается несомнѣнно болѣе передней. О тождественности польскаго y, напр., въ syn, съ e люблянскаго произношенія ср. въ **108**. Добавимъ, что въ слогѣ послѣударномъ, напр., čtery, čtyry, это y принадлежитъ нерѣдко, хоть индивидуально, уже вполнѣ къ образованіямъ передняго ряда, звуча приблизительно какъ открытое i или скорѣе e.

Мы ограничились пока слогами твердыми. При слѣдующемъ мягкомъ звукѣ артикуляція y двигается вообще впередъ. Менѣе замѣтна эта черта послѣ зубныхъ (synie); зато она очень явственна послѣ губныхъ; сравненіе

замѣткамъ въ Mat. i Prace Kom. Jęz. I, 1, стр. 117, Бодуэнъ де Куртенэ смотритъ на оттѣнки польскаго i и i̯ (j) приблизительно какъ я.

[1]) Впрочемъ не вполнѣ тождественнаго съ нѣмецкимъ ü, а скорѣе съ французскимъ и подобными съ послѣднимъ скандинавскими оттѣнками; ср. у Сиверса, 271.

my : myć, był : byliśmy, myła : myje показываетъ, что въ мягкомъ слогѣ и y послѣ губнаго согласнаго можетъ принимать образованіе, приближающее его къ ряду переднему.

Сравненіе съ русскимъ ы, кромѣ вообще болѣе передней артикуляціи для польскаго y, какъ будто указываетъ и на нѣсколько опущенное образованіе, на вообще «бóльшую открытость» польскаго звука; стóитъ во всякомъ случаѣ обратить вниманіе на то, что собственный звукъ польскаго y, въ переднихъ его оттѣнкахъ, приближается больше къ «е», чѣмъ къ «і».

123. Какъ извѣстно, польскій языкъ пишетъ «y» отчасти и въ сочетаніяхъ, гдѣ первоначально было і. Такое y послѣ š, ž, č (ušy, srebrzyło, czysty) можно повидимому отождествлять съ y изъ старшаго y. Между č и согласнымъ мягкимъ, напр., czynić, czyś był, звучитъ по моему скорѣе і; при сравненіи прилагательныхъ формъ czyński : świński оказывается въ обыкновенной, быстрой рѣчи весьма труднымъ, если вообще возможнымъ, различать гласные первыхъ слоговъ.— Послѣ k, g старшее y обратно развилось въ і; ср. ki, gi (**65**), въ отличіе отъ сочетанія «chy»; въ послѣднемъ (chytry, dachy) произносится дѣйствительно y (повидимому высунутое, приближающееся по звуку часто весьма замѣтнымъ образомъ къ е; ср. **122**). Такимъ же отмѣчено y послѣ c (cybuch, pątnicy). Въ заимствованныхъ словахъ (cygaru, cynamon, cywilny) гласный колеблется впрочемъ по моимъ наблюденіямъ между такимъ y (y˖) и чистымъ і (открытымъ), колебаніе, отмѣченное часто и для другихъ сочетаній въ словахъ иностраннаго происхожденія[1]). Нерѣдко гласный «y» такихъ словъ слѣдуетъ скорѣе считать принятымъ правописаніемъ чѣмъ по возможности близкой передачей звука. Особенно замѣтно это въ положеніи передъ гласными; какое-нибудь «hyena» произносится то «xíena», «xiena», съ і открытымъ (можетъ быть, «втянутымъ», -і), то рѣшительно двусложно въ видѣ «xjena»; послѣдній слогъ формы deklinacya звучитъ -cja (или даже -cja), Marya — márja, въ пѣніи притомъ ma-ri-a. Ср. съ этимъ видъ формы Kalwaryi въ болѣе быстрой связи «do zebžydóski kalvári» (медленнѣе -rī, а, можетъ быть, также -rii): do Zebrzydowskiej Kalwaryi[2]).

---

[1]) Но къ теоріи Бодуэна де Куртенэ, что і и y вообще въ сущности представляютъ одну и ту же гласную величину, обозначая лишь мягкость : твердость предшествующаго согласнаго, не могу присоединиться. Ср. соображенія Nitsch'а въ появившейся недавно статьѣ «Przyczynki и т. д.», Mat. i Prace Kom. Język. IV, стр. 410 сл.

[2]) Разныя замѣтки объ этихъ окончаніяхъ у Б. де Куртенэ въ «Jedna z kwestji и т. д.», Prace Fil. III стр. 787 сл.

124. Въ ряду славянскихъ языковъ польскій, какъ извѣстно, стоитъ особнякомъ со своими гласными назалированными. Насчетъ образованія такихъ гласныхъ укажу на общія замѣтки въ **3**. И въ рамкѣ назалированныхъ гласныхъ, которые явно различаются какъ таковые помощью слуха, безъ приборовъ экспериментальной фонетики, нужно считаться съ разными степенями назалированности, въ зависимости отъ разстоянія небной занавѣски отъ зѣвной стѣнки. Такъ и въ назалированныхъ гласныхъ польской рѣчи. Обозначаю сильнѣйшую степень извѣстнымъ изъ польскаго правописанія крючкомъ (ę), слабѣйшую вертикальной черточкой (e̩); дальнѣйшее различеніе оттѣнковъ, если и возможно, то во всякомъ случаѣ не цѣлесообразно[1]).

Въ образованной польской рѣчи различаются, какъ извѣстно, во-первыхъ, назалированныя e и o (послѣднее на письмѣ ą). О произношеніи Розвадовскій отмѣчаетъ, главнымъ образомъ по своему собственному выговору, слѣдующее. Передъ s, ś, sz (т.-е. š), ch (т.-е. x) выговариваются чистые назалированные гласные; передъ z, ź и ż (т.-е. ž) замѣчается уже слабый призвукъ носового согласнаго — n, ń, ŋ; передъ прочими согласными этотъ переходный звукъ развился въ ясное n, ń, ŋ или m, смотря по артикуляціи слѣдующаго звука. Произносится, такимъ образомъ, напр., vǫs (wąs), vęx (węch) — v́ęⁿzy (więzy), v́ę̂ⁿžić (więzić; объ ę̂ ниже) — pęnta (pęta), kǫmpać (kąpać), и т. д. Въ концѣ слова сохраняется ǫ: matkǫ (matką); -ę звучитъ e: matke (matkę). Передъ i̯ (j) нѣтъ примѣровъ назалированныхъ гласныхъ; передъ ł и l назалированность обыкновенно исчезла: začou̯ (zaczął), začeli (zaczęli); ея сохраненіе въ такомъ положеніи нужно считать искусственнымъ. Назалированность теряется еще въ единичныхъ случаяхъ, въ неударяемомъ слогѣ (piętnaście и под.). — Зато въ отдѣльныхъ, рѣдкихъ случаяхъ встрѣчается назалированное i; въ чужихъ словахъ также ą, напр., ąŋgli̯a, при aŋ-, т.-е. Anglia; индивидуально и діалектически часто назалируется, болѣе или менѣе послѣдовательно и замѣтно, гласный передъ носовымъ согласнымъ, напр., e въ ten.

Съ этимъ изложеніемъ Розвадовскаго — при его же осторожныхъ оговоркахъ — можно вообще согласиться; къ нѣкоторымъ подробностямъ вернемся въ **126**.

---

[1]) Можно кстати отмѣтить, что внимательное прислушиваніе открываетъ и для простого слуха нерѣдко назалированность самой слабой степени для (обыкновенныхъ) гласныхъ въ сосѣдствѣ м, н; случаи такого назализма можно вѣроятно констатировать во всѣхъ славянскихъ языкахъ, на подобіе западныхъ. Но эту случайную слабую назалированность можно оставить въ сторонѣ, какъ моментъ не играющій вообще замѣтной роли.

Объ отношеніи польскихъ назализованныхъ гласныхъ къ французскимъ ср. замѣтки Сторма, Engl. Phil. I, стр. 59 сл.; о развитіи n, m тамъ же, съ замѣткой еще на стр. 85. — О польскихъ назализованныхъ гласныхъ стоитъ указать на изслѣдованіе Tytus Benni: O samogłoskach nosowych (Mat. i Prace, T. I, ч. 2, стр. 285 сл.); его наблюденія надъ Варшавскимъ произношеніемъ цѣнны для сопоставленія съ приведенными Розвадовскимъ краковскими явленіями. О гласныхъ со слабѣйшей назализованностью ср. St. Dobrzycki въ Rozpr. Ak. Um. 26, стр. 332 сл.

125. Изъ «Próba pomiarów» Стейна видно, что положеніе языка въ польскихъ ę, ǫ приблизительно тождественно съ положеніемъ въ е, о; по звуку назализованные гласные, пожалуй, немного «открытѣе» (ср. объ ę у Розвадовскаго), но во всякомъ случаѣ такъ незначительно, что не стоитъ обращать на это особеннаго вниманія. Зато для ę нужно считаться съ извѣстною движимостью, параллельною съ указанною въ **120** для е. Въ слогахъ твердыхъ находимъ «ę открытое», нерѣдко опущенное до границы положенія низкаго — а индивидуально, быть можетъ, иногда, напр. въ węch, приблизительно даже до «ą̈», ср. ä перваго слога niania (**119**). Послѣ мягкаго согласнаго звукъ становится закрытѣе, а между двумя мягкими съуживается въ «закрытое ę», ср. звукъ ê: при ę въ węża, więzić звучитъ «v́ę̂ⁿžiç̌», при именительномъ «ṕęnta» (pięta) мѣстный звучитъ «f-ṕę̂ňc̆e» (w pięcie), и под. При мягкомъ звукѣ лишь сзади, гласный остается еще «открытымъ», т.-е. ę; сравненіе zamęt : zamęcie показываетъ незначительную или даже никакой разницы въ оттѣнкѣ назализованнаго гласнаго.

126. Замѣтки Розвадовскаго о произношеніи польскихъ письменныхъ ę и ǫ смотря по характеру слѣдующаго звука (ср. **124**) совпадаютъ вообще съ моими наблюденіями. Добавлю лишь нѣсколько замѣтокъ. Носовой согласный, развивающійся передъ ć (т.-е. ç̌), отмѣченъ мною частью, какъ у Розвадовскаго, въ видѣ n (pęćina : «ṕęnç̌ina»), частью же какъ n мягкое (краепалатальное?), «ṕęňç̌ina». Передъ cz (т.-е. č) я не слыхалъ ŋ (ср. у Розв.), но лишь n, напр., «męnčyç̌» (или men-, męczyć), pǫnček (pączek). — Съ развитіемъ такого носового согласнаго идетъ, повидимому, вообще рука объ руку ослабленіе элемента назализма въ самомъ гласномъ, ср. приведенные примѣры. Нерѣдко ослабленіе идетъ такъ далеко, что можно сомнѣваться, считать ли еще гласный назализованнымъ; иногда же гласный колеблется между произношеніями съ замѣтной назализованностью и безъ нея; такіе случаи можно обозначить такимъ образомъ: dembа, dembina, kompaç̌, (kąpać), pęnta, ṕęňʒ́iç̌ (pędzić) и т. д. Несомнѣнно назализмъ иногда исчезаетъ вполнѣ; напр., więc звучитъ и v́ęnc и v́enc [1]).

---

[1]) Одно лицо обратило мое вниманіе на его же произношеніе формъ какъ śpie-,

127. О развитіи новыхъ назалированныхъ гласныхъ подъ вліяніемъ сосѣдняго носового согласнаго ср. рефератъ изъ наблюденій Розвадовскаго выше въ **124** (t̨ęn, или быть можетъ скорѣе ten, ąŋgl̦a, bąŋk и под.).—Подъ даннымъ условіемъ встрѣчается въ польской рѣчи также назалированное ȋ̯. Розвадовскій касается этого явленія, параллель къ которому наблюдается въ галицкомъ малорусскомъ говорѣ (**139**), въ § 27 своего «Szkic'a». Именно, въ сочетаніяхъ какъ, напр., pański, языкъ уже раньше образованія ń (n̦) начинаетъ укладываться въ положеніе «палатальное»; въ промежуткѣ между гласнымъ и ń образуется переходный звукъ, развивающійся далѣе въ замѣтное i̯; но антиципируя опущеніе нёбной занавѣски, произношеніе дѣлаетъ это ȋ̯, а иногда еще и предшествующій гласный, назалированнымъ — между тѣмъ какъ n, съ своей стороны, можетъ подвергаться редукціи (Розвадовскій: «pański болѣе или менѣе = «pą^{ȋ̯ń}ski». Дальнѣйшее развитіе ведетъ черезъ paȋ̯^{n}ski въ paȋ̯ski).

Стоитъ обратить вниманіе на перемѣны въ качествѣ гласнаго передъ «ń» указаннаго сочетанія; редукцію ń, ведущую въ быстрой рѣчи до потери его — у моихъ источниковъ впрочемъ обыкновенно сохраняется краткое ń — обозначаю [ń]; назализмъ гласнаго принадлежитъ повидимому постоянно къ степенямъ слабѣйшимъ. Письменное szaleństwa получаетъ, такимъ образомъ, приблизительную форму «šalę̂^{ȋ̯}[ń]stva»; развитіе ę въ ę̂ намъ извѣстно изъ **125.** Гласный а въ такомъ сочетаніи двигается болѣе или менѣе по направленію къ ä; напр., hiszpański отмѣчено то съ а: «x́išpa^{ȋ̯}ński», то съ ä: «x́išpä^{ȋ̯}ński»; а послѣ мягкаго согласнаго развитіе ведетъ, по крайней мѣрѣ въ небрежной рѣчи, даже до «е»; ср. Floryjańska въ видѣ «florię^{ȋ̯}[ń]ska». — Такое сочетаніе гласнаго съ -ȋ̯ń-, -^{ȋ̯}ń- въ ударяемомъ положеніи растягивается нерѣдко въ замѣтную, особую «сверхдолготу».

128. Очевидно, въ рамкѣ своего, на первый взглядъ столь простого вокализма, полякъ имѣетъ въ сущности возможность иллюстрировать немалое число гласныхъ оттѣнковъ. Несомнѣнно, употребленіе разныхъ изъ нихъ подлежитъ сильнымъ колебаніямъ, индивидуальнымъ и можетъ быть также діалектическимъ; но умѣлое пользованіе такими случайными явленіями можетъ запасать любознательнаго и свободнаго отъ предразсудковъ наблюдателя довольно богатымъ матеріаломъ. Розвадовскій уже намѣтилъ путь, напр., въ своихъ наблюденіяхъ надъ i; но можно итти гораздо дальше.

---

wająca̦, biorąca̦ съ окончаніемъ -om, вполнѣ такъ, какъ, напр., дат. мн. zorzom. Привожу явленіе для разслѣдованія и объясненія другими.

Соберемъ здѣсь наконецъ главные результаты нашего краткаго изложенія въ таблицу отмѣченныхъ гласныхъ образованной польской рѣчи.

1) Гласные чистые.

Безъ округленія губъ:

i — рядъ передній, положеніе высокое; существуетъ и оттѣнокъ закрыто-напряженный (î) и открыто-ненапряженный, хотя повидимому безъ категорическаго разграниченія;

e — рядъ передній, положеніе среднее: ê—«закрытое» (напряженное?) и e—«открытое» разграничены повидимому вполнѣ или довольно категорически; разные же оттѣнки подъ открытой категоріей врядъ ли допускаютъ разграниченія;

[ä — рядъ передній, положеніе низкое, варіантъ гласнаго a при извѣстныхъ условіяхъ];

a — рядъ задній, положеніе среднее — «нормальное a»;

y — рядъ средній, положеніе высокое?; сравнительно съ соотвѣтствующимъ московскимъ ы, артикуляція вообще болѣе передняя.

Съ округленіемъ губъ:

[ü — рядъ передній, положеніе высокое, случайный варіантъ письменнаго i];

[ö — рядъ передній, положеніе среднее, случайный варіантъ письменныхъ e и o];

[ü̇ — рядъ средній, положеніе высокое, варіантъ u въ извѣстномъ положеніи];

o — рядъ задній, положеніе среднее, открытое (ненапряженное?);

u — рядъ задній, положеніе высокое (ненапряженное?).

2) Гласные назализированные; степень назализма варіируетъ по принципамъ, не вполнѣ яснымъ. По прочимъ артикуляціоннымъ примѣтамъ различаемъ слѣдующіе оттѣнки:

Безъ округленія губъ:

į — рядъ передній, положеніе высокое;

ę — рядъ передній, положеніе среднее: «ę̂» — «закрытое» и ę — «открытое», параллельны вообще съ ê : e;

[ą̈ — рядъ передній, положеніе низкое, варіантъ «ą» (письменно a) въ извѣстномъ сочетаніи];

ą — рядъ задній, положеніе среднее, случайный оттѣнокъ на мѣстѣ письменнаго a извѣстныхъ сочетаній.

Съ округленіемъ губъ:

ǫ — рядъ задній, положеніе среднее, открытое.

6. Малорусскій языкъ.

129. Малорусскій вокализмъ представляетъ много любопытнаго, какъ въ народныхъ говорахъ, такъ и въ образованной рѣчи. Лишь поверхностно знакомый съ послѣдней я считаю счастьемъ, что мнѣ удалось составить обзоръ главныхъ линій при помощи такого отличнаго источника и кромѣ того самостоятельнаго, чуткаго наблюдателя какъ д-ръ Зилиньскій (ср. прил.). Беремъ исходною точкою письменное обозначеніе, дающее въ малорусскомъ, какъ въ прочихъ славянскихъ языкахъ, условное понятіе о главныхъ категоріяхъ гласныхъ, но не отражающее, конечно, болѣе тонкихъ оттѣнковъ, интересныхъ въ научномъ обозрѣніи.

130. Гласный «а» твердаго слога, судя по произношенію Зилиньскаго, склоняется вообще къ немного низшему собственному звуку, чѣмъ въ такъ называемомъ «нормальномъ», напр., сербскомъ а, — въ связи съ болѣе низкимъ положеніемъ языкового тѣла; если эта черта не просто индивидуальность, она стоитъ вѣроятно въ связи съ особой «базой» гласныхъ, о которой ниже. Собственный звукъ повышается въ сосѣдствѣ мягкихъ согласныхъ, въ связи съ приближеніемъ артикуляціи къ ряду переднему; «сегодня» можно передать «seȟódńá»; ударяемое а между двумя мягкими звуками развивается въ полное «ä», извѣстное намъ изъ прежде описанныхъ языковъ, напр., «spľäť» (спять), «tvoi̯á ńáńka» и под.; неударяемое же а въ подобномъ положеніи идетъ дальше, до обыкновеннаго «открытаго е»: i̯ei̯cé (яйцé); объ «е» ср. **133.**

Подобно вліяетъ мягкое сосѣдство и на прочіе гласные задней артикуляціи. Такъ, подъ письменнымъ о (ср. **131**) скрывается иногда «ö» (рядъ передній, пол. среднее); льоя́льний выговаривается въ сущности ľöi̯-, йойча́ти i̯öi̯-. — Сравненіе «ту» и «туть» показываетъ склонность послѣдняго u идти впередъ, что замѣтно также въ передней части гласнаго, напр., въ ю́ха; между двумя мягкими звуками это движеніе развиваетъ уже полное «ü» (рядъ средній), напр., ľüľka (лю́лька). Въ неударяемомъ слогѣ для такого результата достаточно, въ быстромъ произношеніи, мягкаго звука спереди («zнái̯ü», знаю, «s-tobói̯ü», «zi-mnoi̯ü»), а между двумя мягкими встрѣчается даже «ü» (рядъ передній): ťüťünéc, ср. тютюнецъ, «того не знаю єще» въ быстромъ произношеніи: «tóho ne zná[i̯]ü-šče» (медленнѣе съ i̯ послѣ ü, какъ остатокъ je- въ єще); съ этимъ ü ср. сказанное о подобной же польской артикуляціи выше въ **121.** Упомянутая движимость замѣтна также въ u̯; напр., u̯ вм. письменнаго ł въ «бился» отмѣчено какъ ü̯.

131. Нормальное о можно вообще сопоставить съ нѣмецкимъ открытымъ о, напр., въ «Stock» (рядъ задній, пол. среднее); такъ же и въ сочетаніи

оu̯ ударяемаго слога[1]) — между тѣмъ какъ въ неударяемомъ положеніи о такого сочетанія склоняется къ антиципаціи округленія u̯ и поэтому понижаетъ собственный звукъ, который можетъ приближаться къ звуку нѣмецкаго «закрытаго о», напр., въ gross.

Въ рамкѣ того, что мы назвали «нормальнымъ о», внимательное прислушиваніе позволяетъ однако по моимъ наблюденіямъ отмѣчать маленькую общую разницу между о ударяемымъ и о неударяемымъ [2]). Въ послѣднемъ задній языкъ лежитъ вообще выше, занимая положеніе, которое въ ударяемомъ о отмѣчено лишь подъ вліяніемъ слѣдующаго мягкаго согласнаго (vóďi, roḃóťi); въ твердомъ же ударяемомъ слогѣ языкъ при образованіи «о» занимаетъ вообще болѣе низкое положеніе.

Въ этихъ слабыхъ оттѣненіяхъ, если они правильно отмѣчены, выступаютъ повидимому слѣды особенностей, которыя въ народныхъ говорахъ встрѣчаются въ полномъ и любопытномъ развитіи. Упомянутый болѣе закрытый оттѣнокъ о подъ вліяніемъ палатализаціи стоитъ эвентуально въ связи съ общимъ принципомъ, который въ извѣстныхъ говорахъ развился до замѣчательной послѣдовательности; достаточно указать на мое описаніе угрорусской («бойкской») группы говоровъ Земплинскаго комитата. А упомянутая склонность ударяемаго о въ твердомъ слогѣ къ артикуляціи болѣе низкой, открытой, проявляется діалектически весьма замѣтно; въ народныхъ говорахъ, у лемковъ, а должно быть и у бойковъ (ср. говоръ Убльскій) артикуляція втягивается въ такомъ «о» сильно внизъ (и взадъ) въ «положеніе низкое задняго ряда», образуя какое-то «å», повидимому съ извѣстнымъ сильнѣйшимъ напряженіемъ мускулатуры, чѣмъ въ «нормальномъ о».

Какъ указано въ моемъ описаніи названнаго выше говора, послѣдняя черта основывается на общей для ряда гласныхъ особой «базѣ» языкового тѣла, — явленіе, заслуживающее, какъ я сказалъ въ **89**, разносторонняго и подробнаго изслѣдованія. По наблюденіямъ Зилиньскаго, оно выступаетъ съ ясностью у извѣстныхъ ему «лемковъ» и несомнѣнно существуетъ также у «бойковъ»; но у «гуцуловъ» его, кажется, больше нѣтъ; какъ дѣло обстоитъ на русской почвѣ, мнѣ вовсе неизвѣстно. Акустически явленіе сказывается въ томъ, что называется «широкимъ» или даже «суровымъ, грубымъ характеромъ» произношенія.

Однимъ изъ главныхъ лингвистическихъ послѣдствій даннаго явленія

---

[1]) Иначе отчасти въ говорахъ, ср. мое описаніе Убльскаго нарѣчія.

[2]) Исключеніе составляютъ развѣ сочетанія ого, оlо, гдѣ то и другое о, повидимому постоянно тождественны, независимо отъ положенія ударенія.

можно, кажется, считать углубленіе разстоянія между гласными высокими узкими (напряженными, î, û), остающимися таковыми, и оттѣнками болѣе открытыми, которыхъ упомянутая база языка притягиваетъ внизъ, образуя изъ нихъ особую категорію съ болѣе низкимъ положеніемъ языка, которой присвоено потомъ извѣстное напряженіе. Однако, это мое обобщеніе прошу подвергнуть самостоятельной критикѣ. Оно намъ полезно пока какъ исходная точка при обсужденіи гласныхъ оттѣнковъ этихъ интересныхъ нарѣчій и тѣхъ слѣдовъ соотвѣтствующихъ чертъ, которые существуютъ, какъ кажется, и въ образованной галицко-русской рѣчи. Вотъ почему я и предпослалъ эти замѣтки здѣсь же, передъ тѣмъ какъ перейти къ прочимъ гласнымъ описываемаго языка.

132. Гласный u, на письмѣ у, принадлежитъ нормально ряду заднему, положенію высокому (объ «ú», «ü» раньше). Различаются оттѣнки, но разграниченіе ихъ мнѣ не ясно. Сравненіе, напр., «путь» съ «пухнути» показываетъ въ первомъ словѣ ясно закрыто-напряженный оттѣнокъ (pûť), а въ первомъ слогѣ второго слова ненапряженный, u; разница стоитъ вѣроятно въ связи съ положеніемъ передъ ť въ путь, ср. замѣтки въ **131** объ o подъ вліяніемъ палатализаціи. Но встрѣчаясь съ подобнымъ отношеніемъ въ дуже: дух (dûže : dux), при томъ даже весьма ясно, я не знаю, какъ объяснить его. Любопытно, что тотъ же самый вопросъ остановилъ меня и въ первыхъ моихъ изслѣдованіяхъ на малорусской почвѣ, въ восточной Венгріи: û и u различаются отчетливо другъ отъ друга и въ тамошнихъ говорахъ, повидимому и въ сознаніи говорящихъ; но причины этого звукового различія остались для ряда случаевъ невыясненными. Ср. Арх. XVII стр. 361.

133. Съ нормальнымъ «открытымъ e» западныхъ языковъ (рядъ передній, пол. среднее, откр.-ненапряженное) можно отождествить въ образованной малорусской рѣчи тотъ оттѣнокъ письменнаго e, который выговаривается въ неударяемомъ твердомъ слогѣ, напр. метáти. Послѣ i̯ оно поднимается нерѣдко до (открытаго, ненапряженнаго) i; при kupúi̯eš, kupúi̯emo отмѣчено kupú[i̯]iš, kupú[i̯]imo и под. Письменное e ударяемаго слога имѣетъ вообще болѣе широкую (низкую) артикуляцію; «нормальное e» выговаривается подъ удареніемъ лишь въ слогахъ мягкихъ («dńeś» днесь, «deń» день и под.)[1]); а въ твердомъ слогѣ артикуляція понижается въ болѣе ши-

[1]) Съуженіе ударяемаго e, подъ вліяніемъ палатализаціи, судя по произношенію Зилиньскаго, въ образованной рѣчи дальше не идетъ. Діалектически развивается «закрытое e» (ê, ср. été), напр. у бойковъ d̂êń, t̂êréŕ, čêtvêŕ и под.; ср. мое описаніе говора Убли.

рокій оттѣнокъ, какъ мы отмѣтили въ разныхъ другихъ языкахъ (ср. напр. выше **120**), нерѣдко, напримѣръ, въ гласный, который можно сопоставить съ описаннымъ въ **110** словенскимъ «æ» («ɫæn», лен), или даже съ описаннымъ въ **130** «ä» (такимъ отмѣчено е, напр., въ ле́чу, ме́чу).

Разница между письменными е твердаго слога въ зависимости отъ положенія ударенія, освѣщается особенно легко примѣрами вродѣ тепер, «ťepǽr» [1]); гласный второго слога «яйце́» можетъ подъ вліяніемъ указаннаго принципа становиться по образованію шире е, развившагося по **130** изъ а: i̯ei̯cé — «i̯ei̯cǽ». Чѣмъ энергичнѣе произношеніе, тѣмъ сильнѣе понижается по моимъ наблюденіямъ артикуляція «é», — не въ связи ли съ затронутой въ **131** особой, низко-оттянутой базой артикуляціи гласныхъ въ извѣстной области малорусскаго языка?

134. То і, которымъ замѣщаются въ литературномъ малорусскомъ языкѣ старшія ѣ, ē и ō, представляетъ собой явственно закрыто-напряженное образованіе, «î» (ľîs лѣсъ, ńîs нёсъ, ťîk тёкъ, tîk токъ и т. д.). Въ неударяемомъ слогѣ напряженіе немного слабѣе, но не на столько, чтобы можно было говорить объ «і открытомъ» (ср. напр. vі́n i̯îu̯, óнъ ѣлъ: vîn i̯і́u̯, онъ ѣ́лъ); лишь послѣ г (напр. въ гріхи́, стріля́ти) отмѣченъ мною оттѣнокъ, который можно считать «і открытымъ» (ненапряженнымъ), сравнительно съ таблицей Сиверса; но правило ли это или случайность, не берусь рѣшить. Объ открытомъ і другого происхожденія (kupú[i̯]iš) упомянуто въ **133**.

135. Старшее і въ литературномъ малорусскомъ языкѣ, какъ извѣстно, совпало со старшимъ ы, ср. общее обозначеніе «и», что въ латинской транскрипціи передается чаще всего черезъ «у». Типичную артикуляцію этого звука, напр. въ син (сынъ), я опредѣляю какъ гласный средняго ряда, но сильно выдвинутаго впередъ образованія, уже на границѣ передняго ряда. Высота языкового тѣла указываетъ скорѣе на положеніе «среднее», чѣмъ «высокое». Звукъ лежитъ потому акустически, для моего слуха, ближе къ категоріи «е», чѣмъ къ «і», причемъ довольно напряженная артикуляція ставитъ его, какъ кажется, ближе къ «ê», чѣмъ къ «е». Для обозначенія пользуюсь поэтому знакомъ у, модифицированнымъ вязью съ е: ɣ; обозначеніе относительной напряженности можно обойти.

Совпаденіе старшихъ і и у позволяетъ считать гласный ɣ развившимся, съ физіологической точки зрѣнія, столько же изъ «і», посредствомъ оттягиванія артикуляціи взадъ, сколько изъ «у», посредствомъ движенія артику-

---

[1]) Ср. выше діал. ťêpéŕ, съ ê также въ первомъ слогѣ, подъ вліяніемъ любопытнаго принципа вокальной гармоніи, о которомъ въ названномъ описаніи.

ляціи впередъ. Что въ основаніе слѣдуетъ скорѣе положить именно первое движеніе, становится вѣроятнымъ, во первыхъ принимая въ соображеніе параллельныя явленія въ рядѣ гласныхъ — на основаніи принципа, затронутаго въ **131**; ср. въ **133**, — а во вторыхъ въ виду звукового развитія говоровъ вродѣ угро-русскихъ, гдѣ произношеніе «ẏ» свойственно лишь старшему і, особенно ударяемому, старое же ы остается до сихъ поръ гласнымъ вполнѣ различнымъ отъ первоначальнаго і.

Сравненіе звука ẏ съ польскимъ y (**122**) показываетъ, что разница (напр. syn : sẏn) вообще не велика; я нахожу однако, что какъ польскій звукъ вообще болѣе передній сравнительно съ великорусскимъ, такъ малорусскій вообще болѣе передній въ сравненіи съ польскимъ. Уже польское y приближается въ своемъ звукѣ, какъ мы видѣли, къ гласному e; еще замѣтнѣе это, быть можетъ, въ малорусскомъ ẏ, которое можно въ сущности (ср. напр. ďe въ день съ ďẏ въ ходити!) характеризовать какъ «˗е», или скорѣе «˗ê». При ясномъ произношеніи образованная рѣчь вообще еще сохраняетъ разницу e — ẏ; иначе обстоитъ нерѣдко въ говорахъ, о чемъ ниже.

136. Гласный ẏ опредѣленной выше артикуляціи выступаетъ особенно типично на мѣстѣ письменнаго «и» ударяемаго твердаго слога. Неударяемое письменное «и» твердаго слога стоитъ ему очень близко; но въ мягкомъ слогѣ неударяемое письменное «и» произносится какъ ясное (открытое) і; ср. дивити: ďẏvẏ́ťẏ, но ďẏvẏ́ťi-ş̌a (-ся).—Старое і въ началѣ слова, напр. въ ити́, игла́, по произношенію Зилиньскаго не согласуется съ даннымъ правиломъ, а выговаривается і- (даже близко къ î-) : iťẏ́, iһłá. Въ особомъ положеніи стоитъ дальше письменное «и» послѣ k, g, x. Въ неударяемомъ слогѣ звучитъ при «k̓ẏ» и т. д. (ср. ниже), повидимому чаще (открытое) і : k̓ise-ľẏ́c̓a киселиця, x̓iťrẏ́ťẏ хитрити, veľẏ́k̓i великий. Въ народной рѣчи такое произношеніе свойственно, по Зилиньскому, также ударяемому слогу, напр. «k̓ı́sľẏį̯» кислий; ср. съ этимъ діалектическое развитіе, напр. въ угро-русскомъ. Однако, и въ народной рѣчи встрѣчается въ ударяемомъ слогѣ произношеніе, извѣстное изъ литературнаго языка, а именно оттѣнокъ «ẏ» также послѣ k, g, x, притомъ съ «мягкимъ» (задне-палатальнымъ) образованіемъ этихъ согласныхъ, съ собственнымъ звукомъ высоты і (ср. **62**): k̓ẏ́s-nuťẏ киснути, łau̯k̓ẏ лавки, knẏšk̓ẏ́ книжки́, x̓ẏ́ťrẏį̯ хитрий, и под. [1]) — Когда въ неударяемомъ окончаніи -кий прилагательныхъ, при выше отмѣ-

---

[1]) Напомнимъ однако, что приведенное произношеніе, особенно при x, колеблется, принимая также видъ x̓i. При г, т. е. һ, упоминаемая «палатализація» не выступаетъ такъ замѣтно, въ связи съ образованіемъ этого согласнаго (ср. **63**).

ченномъ -ki, можно слышать также -kyi̯, напр. veły̆kyi̯, то это находитъ естественное объясненіе во вліяніи аналогіи или правописанія.

137. Мы уже говорили о близости y къ гласнымъ передняго ряда, особенно, въ типичномъ его произношеніи, къ e — ê. Смѣшиваніе и совпаденіе подъ такими условіями естественно. Написанія въ родѣ «пишите» вм. пишете (2. множ.), «вилкий» вм. ве- и, наоборотъ, «панечу» вм. паничу, даже въ средѣ школьной молодежи, иллюстрируютъ сказанное. Случаи вродѣ «закедають», т. е. «zaḱedái̯ŭt́» (**62**), вм. закидають, имѣютъ интересъ для освѣщенія указаннаго выше произношенія сочетаній ки и под. Интеллигенція очевидно старается различать y («и») и e; но успѣхъ, повидимому, не всюду одинаковъ — мѣстный говоръ невольно вмѣшивается въ дѣло. Смѣшиваніе того и другого особенно часто въ слогахъ неударяемыхъ. А въ иныхъ мѣстностяхъ, по Зилиньскому, напр., въ Поднѣстровьѣ, можно назвать смѣшиваніе правиломъ; тамъ слышится, напр., даже «xodǽty» или «-te», съ извѣстнымъ намъ изъ **133** для коренного e оттѣнкомъ особаго низкаго образованія. Для угрорусскихъ говоровъ матеріалъ Гнатюка (ср. мою рецензію Арх. XXI, стр. 49 сл.) ясно доказываетъ совпаденіе «y», на письмѣ и, съ развившимся въ этихъ говорахъ ê; ср. напр. «типерь», «типирь» какъ выраженіе «têpêŕ», теперь.

138. Для значительной части малорусскихъ говоровъ слѣдуетъ однако подчеркнуть сохраненіе стараго y (ы) какъ гласнаго, различнаго отъ стараго i, даже при принятіи послѣднимъ произношенія y. Примѣромъ служитъ говоръ «лемковъ». Старое ы сохраняется, даже послѣ согласныхъ велярныхъ. Оно по произношенію и сообщеніямъ Зилиньскаго склоняется вообще къ артикуляціи болѣе задней въ сравненіи съ великорусскимъ ы, и принадлежитъ повидимому вообще «высокому положенію задняго ряда»; при округленіи выходитъ приблизительно u, û. Особенно замѣтно его относительно втянутое произношеніе послѣ губныхъ, менѣе послѣ зубныхъ, однако значительной разницы нѣтъ. Для этого задняго неогругленнаго образованія выбираю кирилловскій знакъ ы: «mы́ty», мыти, «sыn», «kыška» и т. д.

У «бойковъ» старое ы послѣ губныхъ и велярныхъ согласныхъ достигаетъ отчасти самой задней, втянутой артикуляціи, а съ тѣмъ и самаго «гортаннаго» звука изъ числа тѣхъ, которые я вообще наблюдалъ въ гласномъ даннаго происхожденія; по произношенію Зилиньскаго можно опредѣлить артикуляцію какъ образованіе задняго ряда, положенія средняго (обозначимъ его «bъ̈ikъ̈i» быки, «sokъ̈́ra» сокира); ближайшимъ коррелатомъ въ ряду гласныхъ округленныхъ считаю «ô», ср. напр, нѣм. gross. Такое про-

изношеніе согласуется замѣчательно съ моими наблюденіями, сдѣланными много лѣтъ тому назадъ надъ ы послѣ губныхъ въ угро-русскихъ (бойкскихъ) говорахъ; въ пограничныхъ мѣстностяхъ, гдѣ начинается вытѣсненіе старшаго говора подъ вліяніемъ восточно-словацкаго, оно дало подкладку для развитія новаго округленнаго гласнаго «ω», о которомъ см. въ моей работѣ «Weitere Studien», Христіанія 1899.

Въ указанномъ заднемъ образованіи «ъı» эти малорусскіе говоры развили оттѣнокъ стараго ы, стоящій уже въ одной категоріи или весьма близко къ «ъ», развившемуся, напр., въ болгарскомъ и македонскомъ (а и на другихъ мѣстахъ, ср. великорусское «ъ») на другомъ этимологическомъ основаніи: ср. напр. «mъgla» въ **94** и **96**. Для передачи звука можно бы, судя по моему слуху, писать «bъkъ», «sokъra» и под. Однако, мои наблюденія недостаточны для рѣшительнаго отождествленія; по этому для подтвержденія или же опроверженія такого отождествленія желательны болѣе основательныя изслѣдованія и сравненія.

139. Изъ даннаго изложенія вытекаетъ, что въ малорусской рѣчи, соображаясь съ болѣе случайными оттѣнками и съ данными народныхъ говоровъ, не трудно иллюстрировать слѣдующіе гласные типы:

Безъ округленія губъ:

î — рядъ передній, положеніе высокое, образованіе узкое, напряженное;
i — » передній, пол. высокое, обр. открытое, ненапряженное;
[ê — » передній, пол. среднее, закр.-напряженное, діал.];
e — » передній, пол. среднее, открытое, съ разными оттѣнками («æ»);
[ä — » передній, пол. низкое (ненапр.), варіантъ письменнаго а];
а — » задній, пол. среднее (о возможномъ различіи отъ «нормальнаго а», ср. **130**);
ɣ̧ — » средній, пол. среднее (?), при высунутомъ (переднемъ), вѣроятно напряженномъ образованіи;
[ы — » задній, пол. высокое, діал.];
[ъı — » задній, пол. среднее, діал.].

Съ округленіемъ губъ:

[ü — рядъ передній, положеніе высокое, образованіе открытое, ненапряженное, варіантъ письм. u];
[ö — » передній, пол. среднее, открытое, варіантъ письм. о];
[û — » средній, пол. высокое, варіантъ письм. u];

u — рядъ задній, положеніе высокое: существуютъ и узкій, напряженный, и открытый, ненапряженный оттѣнки (û — u);
o — » задній, пол. среднее, открытое.

Примѣчаніе. Описывая особенное развитіе польскаго сочетанія -ań- въ **127**, мы намекнули на подобное явленіе въ галицкомъ малорусскомъ нарѣчіи. Именно, въ примѣрахъ какъ тоненьця (tonéńća), соньце (sóńce), а особенно передъ k, напр. господаре́нько выговаривается діалектически на мѣстѣ ń явственное назалированное i, ср. польское ĩ: tonéĩća, hospodaréĩko. Отсюда недалеко до народнаго произношенія «сонейко» (sonéi̯ko) и под.

7. Великорусскій языкъ.

140. При громадномъ распространеніи великорусскаго языка мы могли бы ждать замѣтныхъ варіацій и въ составѣ вокализма интеллигенціи, на основаніи мѣстныхъ особенностей. На дѣлѣ оказывается не такъ. Употребляемые гласные типы согласуются вообще, во всѣхъ главныхъ чертахъ, съ типами московскаго произношенія. Но и въ народныхъ говорахъ имѣемъ дѣло вообще съ тѣми же самыми гласными типами; во всякомъ случаѣ, мои наблюденія не показали мнѣ до сихъ поръ крупныхъ, осязательныхъ, скажемъ основныхъ, отступленій или различій въ данномъ отношеніи. Немалочисленныя нарѣчія и говоры вызваны зато тѣмъ, что упомянутые гласные типы замѣщаютъ праславянскіе гласные по разнымъ принципамъ и правиламъ («аканье»: «оканье»; «я» въ одномъ нарѣчіи, гдѣ другое выказываетъ «е» или «и», и т. д.) — но обсужденіе этого предмета не входитъ въ рамку нашей задачи.

141. Извѣстный англійскій фонетикъ Свитъ въ статьѣ «Russian Pronunciation» (Transactions of the Phil. Soc. 1877—79, стр. 543 сл.) далъ опредѣленіе гласныхъ московскаго произношенія. Работа называется самимъ Свитомъ «a very inadequate study of an exceptionally difficult sound-system», и его опредѣленія имѣютъ въ сущности цѣну лишь для слоговъ ударяемыхъ; но и это цѣнно, какъ вышедшее изъ рукъ маститаго иностранца-наблюдателя.

Переводя обозначенія Свита (Беля) на нашу систему транскрипціи, имѣемъ по нему въ московскомъ произношеніи дѣло съ гласными (ударяемыми) î — ê — e — a — ŷ — û — o; тѣ же гласные выговариваются и въ дифтонгахъ, со слѣдующимъ i̯. Далѣе Свитъ отмѣчаетъ вліяніе окружающихъ,

особенно предшествующихъ мягкихъ согласныхъ на гласные задняго ряда, а — о — u, сказывающееся въ болѣе передней артикуляціи послѣднихъ. Особенно труднымъ для иностранцевъ Свитъ считаетъ лишь ы (ср. выше **89**)[1].

Нужно, какъ сказано, ограничить опредѣленія Свита слогами ударяемыми; а для такихъ можно вообще примкнуть къ его результатамъ. Ср. общія черты въ отличной, живо написанной статьѣ Корша «О русскомъ правописаніи» (Изв. Отд. р. яз. и слов. 1902, I, стр. 39 сл.), а также въ статьѣ Финка «Zwei russ. Märchen in phon. Schreibung» (Phon. Studien IX, 1 сл.— Beiblatt zu «Die Neueren Sprachen» III), далѣе мои замѣтки въ «Угрорусскомъ нар. села Убли», СП. 1899, стр. 5—6. — Однако, хоть бы ограничиваясь ударяемыми слогами, можно указать для извѣстныхъ случаевъ такія отступленія отъ данныхъ Свитомъ опредѣленій типичныхъ гласныхъ, которыя заслуживаютъ вниманія: далѣе, гласные ударяемые составляютъ лишь часть гласной схемы южно-великорусскаго московскаго нарѣчія, лежащаго въ основаніи рѣчи интеллигенціи. По этому необходимо расширеніе наблюденій Свита разными подробностями.

142. Ударяемое і (и), напр. бить, можно вообще характеризовать какъ «î», закрыто-напряженный оттѣнокъ. Въ твердомъ слогѣ, напр. вести́, наби́ть, напряженность не сказывается всегда столь же сильно какъ въ слогѣ мягкомъ; разница однако незначительна, а можетъ быть и не постоянная; и Коршъ и Финкъ для ударяемаго и (о ши, жи ниже) вообще употребляютъ обозначеніе узкаго і. Для освѣщенія отношенія î : і скорѣе стоитъ сравнить і въ «бить» съ і въ твердомъ слогѣ неударяемомъ, напр. пита́ть.

На такую общую разницу оттѣнковъ і ударяемаго и неударяемаго указываютъ транскрипціи Финка; узкое і въ неударяемомъ слогѣ у него ограничено немногими случаями, а именно, į въ дифтонгахъ, потомъ окончаніе прилагательныхъ -ій, напр. t́ŕét́î, śŕéd́ńî — третій, средній, за исключеніемъ положенія послѣ к г х, и наконецъ отдѣльные примѣры (какъ напр., слово «и»), относительно которыхъ можно думать о побочномъ удареніи. Однако, Финкъ производитъ на меня впечатлѣніе склонности къ извѣстной стилизаціи, причемъ многочисленныя опечатки возбуждаютъ чувство недовѣрія къ распредѣленію близкихъ другъ къ другу обозначеній упоминаемыхъ оттѣнковъ. По матеріалу Корша до опредѣленнаго заключенія объ этомъ вопросѣ невозможно дойти.

---

[1]) Объ «исторіи открытія» этой артикуляціи укажу кстати на Сторма, Engl. Phil. I стр. 24, далѣе стр. 58. Повидимому Лепсіусъ былъ на пути къ правильному пониманію звука; ср. замѣтку Грота Арх. III стр. 130 и у Сторма, E. Ph. стр. 117.

Остается довольствоваться итогомъ, что великорусская рѣчь знаетъ и «узкій» и «открытый» оттѣнки гласнаго і, но категорической границы между î и і въ образованной рѣчи еще не найдено, а можетъ быть ея и нѣтъ.

143. Отношеніе е : ê въ ударяемомъ слогѣ (ср. э́то : э́ти) и правило, обусловливающее его, давно уже установлены; ê принадлежитъ вообще мягкимъ слогамъ, е твердымъ, см. у Чернышева, Законы, стр. 39. Болѣе подробно о распредѣленіи оттѣнковъ въ образованной рѣчи у Корша, О русскомъ правописаніи, стр. 49 сл. Прибавлю отъ себя, что не во всякомъ сосѣдствѣ разница между двумя оттѣнками звучитъ столь же отчетливо, какъ обыкновенно въ выше приведенномъ примѣрѣ; такъ, въ тѣ́ло : тѣ́лѣ, дѣ́ло : дѣ́лѣ она вообще менѣе явственна. Въ нарѣчіяхъ же разница не существуетъ повсюду; ср. напр. мое «Описаніе одного говора . . . Тотемскаго уѣзда» (Сборникъ II Отд. за 1907).

Ударяемое е твердаго слога (на письмѣ е, ѣ, э, насколько они не развились въ 'о) въ великорусскомъ языкѣ я слышалъ вообще какъ «нормальное открытое е» (рядъ передній, положеніе среднее, открыто-ненапряженное), не отмѣтивъ такихъ опущенныхъ, широкихъ образованій, какъ въ разныхъ другихъ славянскихъ языкахъ (ср. выше **133**, **120** и др.).

144. Гласный а ударяемаго твердаго слога, напр. даръ, считаю согласно съ прочими наблюдателями «нормальнымъ а» (рядъ задній, положеніе среднее; объ отношеніи этой артикуляціи къ «безразличному положенію» языка ср. у Богородицкаго, Наблюденія поср. мыш. чувства, стр. 7). Для мягкаго слога Свитъ указываетъ на слабое движеніе впередъ, по направленію къ среднему положенію средняго ряда — наблюденіе вѣроятно правильное.

Сильнѣе дѣйствуетъ однако мягкій звукъ спереди (ср. знакъ «я»). Въ такомъ положеніи Финкъ употребляетъ, для обозначенія передней артикуляціи съ высшимъ собственнымъ звукомъ, знакъ, передающій наше «ȧ» : «ṫak» (такъ), но «ďńȧm» (днямъ) «vźȧł» (взялъ) и под. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ слухъ показалъ Финку, что движеніе можетъ итти и дальше; ср. его передачу «ap̍éť» (опять). Ко многимъ изъ примѣровъ Финка съ ȧ я могу присоединяться, но далеко не ко всѣмъ. Опять замѣтна здѣсь у Финка, по моему, извѣстная «стилизація» — впрочемъ очень простительная, такъ какъ гласный элементъ подъ даннымъ условіемъ становится довольно движимымъ, въ зависимости, очевидно, отъ разныхъ, не всегда вполнѣ опредѣлимыхъ факторовъ; можно ухватить рядъ «точекъ», по которымъ направленіе звукового развитія, въ данномъ случаѣ а — ȧ — ä (— е), узнается съ ясностью; можно опредѣлить рамку этой движимости; но при всемъ томъ отдѣльные случаи могутъ колебаться. Свитъ выражается о гласномъ «u» при подобныхъ усло-

віяхъ, о чемъ будетъ рѣчь ниже, что онъ «very fluctuating»; то же самое выраженіе можно съ полнымъ правомъ употребить относительно оттѣнковъ описываемаго «а». Я нахожу, какъ сказано, транскрипцію Финка въ данномъ случаѣ слишкомъ однообразной; съ одной стороны, для однихъ случаевъ, хоть бы напр. «vźáł», я предпочиталъ бы обыкновенное а; съ другой стороны, въ положеніи между мягкими движеніе идетъ по моему, не скажу постоянно, но въ естественномъ теченіи рѣчи, которое Финкъ старался передать, очень часто дальше «á», развивая «ä» (рядъ передній), какъ мы видѣли въ разныхъ раньше описанныхъ языкахъ; не говорятъ ли чаще, напр., «ẑäť» (зять), «spŕäćůs» (спрячусь), чѣмъ «źáť», «spŕáťšuś» (съ тѣмъ же гласнымъ оттѣнкомъ что въ «взялъ»)? Что движеніе можетъ вести ударяемое «а» еще дальше ä, до е, отнюдь не буду отрицать; въ нарѣчіяхъ это отчасти уже совершившійся фактъ; но изъ обыкновенной рѣчи интеллигенціи оно не утвердилось въ моемъ слухѣ; можно ли вообще сопоставить, напр., гласный второго слога «опять» (Финкъ: «ap̍éť») съ гласнымъ е въ пѣть, запѣлъ и под.?

Повторяю однако, что возраженія направлены противъ подробностей, а не противъ несомнѣнно правильнаго пониманія характера и направленія упоминаемой звуковой черты.

145. Ударяемое о твердаго слога (тотъ, мóжетъ) нужно несомнѣнно опредѣлить какъ открытый оттѣнокъ средняго ряда. О предшествующемъ въ извѣстныхъ случаяхъ переходномъ гласномъ характера «u» ср. **190** сл. Впрочемъ, съ сѣверно-нѣмецкимъ о, напр. въ Stock (ср. таблицу Сиверса), трудно вполнѣ отождествлять великорусское о указаннаго положенія. Собственный звукъ послѣдняго лежитъ по моему, подобно чешскому ŏ (**117**), вообще немного ниже, т. е., русскій оттѣнокъ вообще «закрытѣе» упомянутаго нѣмецкаго; ср. мои намеки въ «Описаніи одного говора», стр. 8 сл. — При вліяніи слѣдующаго мягкаго звука, напр. въ óзеро, óсень, можно согласиться со Свитомъ о слабомъ движеніи впередъ; а предшествующій мягкій звукъ нерѣдко притягиваетъ артикуляцію сильно впередъ, до «ȯ» (ряда средняго), ср. опять у Свита. Что движеніе, подъ вліяніемъ мягкихъ звуковъ и спереди и сзади, можетъ итти еще дальше, это особенно слышно во введенномъ аналогіей «о» такихъ формъ какъ землёю, несёте, гдѣ оно звучитъ въ быстрой, естественной рѣчи какъ болѣе или менѣе чистое «ö» (рядъ передній, положеніе среднее).

146. Данное Свитомъ опредѣленіе гласнаго «u» требуетъ оговорки и для ударяемыхъ слоговъ, ср. мои замѣтки въ «Угрорусскомъ нарѣчіи», стр. 6. При узко-напряженномъ оттѣнкѣ, «û», напр. въ ýзкій, ýже, встрѣчается въ

другихъ случаяхъ, напр. умъ, скорѣе открыто-ненапряженный оттѣнокъ. За несомнѣнными примѣрами этого послѣдняго качества однако надежнѣе перейти въ слоги неударяемые («ûže», у́же : «uže̍», ужé), гдѣ наблюдаются иногда сильно ослабленные оттѣнки, какъ напр. въ «ерунда». Нужно повидимому вывести подобное заключеніе, какъ относительно î : i, что существуютъ въ образованной рѣчи и û и u, но категорической границы еще не найдено, а можетъ быть ея и нѣтъ.

Въ сосѣдствѣ мягкаго согласнаго, особенно послѣ него, артикуляція письменнаго u становится по словамъ Свита «very fluctuating», ср. **144**; сочетаніе сю можетъ звучать то, скажемъ, «śu», то приблизительно «śü» (рядъ средній); при мягкомъ звукѣ и спереди и сзади (напр. чу́чело, становлю́сь) послѣднее качество — обыкновенное; вопросъ о напряженности оставляю и для этого оттѣнка открытымъ. Въ слогѣ неударяемомъ движеніе впередъ въ упомянутомъ сосѣдствѣ сказывается вообще сильнѣе, чѣмъ подъ удареніемъ, при чемъ — на основаніи меньшей артикуляціонной энергіи — лабіализація (округленіе) убавляется, можно сказать довольно параллельно съ движеніемъ языковой артикуляціи впередъ; напр., въ стара́юсь звучитъ уже скорѣе гласный передняго ряда, «ü»; въ дѣлаю и под. округленіе «ю» можетъ теряться настолько, что остаткомъ звука выходитъ нѣчто вродѣ ослабленнаго і.

Добавимъ, что на оттѣнки «ö» (**145**) и «ü» обращаетъ вниманіе и Коршъ (О русскомъ правописаніи, стр. 86), отчасти по указанію Лунделя, упоминая при томъ неотчетливый характеръ этихъ образованій и вслѣдствіе этого ихъ близость къ е и і. Замѣтки о нихъ еще у Томсона въ Общ. Яз.

147. Также гласный ы не всегда соотвѣтствуетъ данному Свитомъ опредѣленію (рядъ средній, положеніе высокое, образованіе напряженное; ср. обозначеніе Корша). Типичнымъ представителемъ именно этого опредѣленія можно считать ы послѣ зубного въ ударяемомъ твердомъ слогѣ, напр. сынъ; при округленіи такого звука выходитъ приблизительно ü. Послѣ губного, звукъ склоняется въ твердомъ слогѣ къ болѣе задней артикуляціи; если при томъ за ы слѣдуетъ звукъ такого характера какъ ł (мыло, былъ, пылъ и под.), гласный принадлежитъ скорѣе ряду заднему (ср. «ы» въ **138**; при округленіи выходитъ приблизительно u); вѣроятно по такимъ оттѣнкамъ Есперсенъ дошелъ до результата «задній рядъ» какъ общаго опредѣленія русскаго ы, впрочемъ въ осторожныхъ выраженіяхъ (Lehrbuch, стр. 148). Между губнымъ согласнымъ и ы развивается нерѣдко болѣе или менѣе отчетливое переходное u, о чемъ въ **190** сл.; это обстоятельство часто придаетъ слогу съ ы — въ особенности передъ мягкими звуками, ср. ниже —

довольно дифтонгическій характеръ, и этимъ вѣроятно объясняется, почему Томсонъ (Общ. Яз. стр. 162 и 236) опредѣляетъ самый гласный ы «дифтонгомъ», къ чему не могу присоединиться.

Упомянутая склонность ы къ болѣе задней артикуляціи послѣ губныхъ — склонность, впрочемъ, не одинаково сильная, у всѣхъ — ограничена твердымъ слогомъ; если слѣдуетъ мягкій согласный, напр. пыль, то ы имѣетъ вообще приблизительно тотъ же оттѣнокъ, что въ сынъ. А при такомъ же условіи письменное ы послѣ зубного, напр. въ ты́сяча, по крайней мѣрѣ послѣдняя его часть, принадлежитъ уже скорѣе ряду переднему, имѣя звукъ приблизительно какъ оттянутое і. [1])

Въ ударяемомъ слогѣ звукъ ы имѣетъ повидимому вообще напряженное, относительно узкое образованіе; ср. опредѣленіе Свита. Въ неударяемомъ, но еще не сильно редуцированномъ слогѣ напряженіе замѣтно ослабляется (ср. при і, u); сравненіе ы́ : ы въ примѣрѣ какъ тылъ: въ тылу́, можетъ иллюстрировать отношеніе «ŷ» : «у», оставляемое впрочемъ вообще безъ обозначенія въ нашей работѣ; на него указываетъ и Бернекеръ въ своей грамматикѣ. При той сильнѣйшей редукціи, о принципахъ которой будетъ рѣчь ниже, ослабленіе ведетъ къ пониженію положенія языкового тѣла; на мѣстѣ письменнаго ы является тогда «ъ», элементъ задняго ряда, положенія опущенно-высокаго до средняго; а при дальнѣйшей редукціи и такой остатокъ можетъ иногда исчезать; въ примѣрѣ какъ . . она́ была . . ., въ быстрой, небрежной рѣчи звучитъ прибл. «b̥ła», гдѣ можно наконецъ колебаться, есть ли еще два слога, или лишь одинъ (**212**). Но здѣсь стоимъ уже передъ такой стороной вокализма, которая охватываетъ кромѣ ы и другіе гласные и заслуживаетъ по этому общаго изложенія, ср. **149** сл.

---

[1]) Общее опредѣленіе великорусскаго ы какъ гласнаго «задняго ряда» по моему возможно лишь при томъ условіи, если распредѣлить гласные этого идіома вообще по двумъ рядамъ, переднему и заднему. Къ такому раздѣленію дѣйствительно склоняютъ извѣстныя стороны звукового строя великорусской рѣчи; ср. о редукціи слабыхъ слоговъ по направленію къ двумъ «положеніямъ безразличности» въ **151**. Но опредѣляя описываемые гласные для сравненія съ другими языками, мы бы не выиграли отъ такой перемѣны схемы, почему я и остаюсь при употребляемой мною вообще системѣ. — Къ своему описанію ы какъ образованіе «задней части языка» (Русск. Грам. стр. 15, Очерки стр. 51) Богородицкій добавляетъ: но болѣе впереди въ сравненіи съ звуками о и у, а «вмѣстѣ съ тѣмъ и конецъ языка меньше удаленъ отъ нижнихъ зубовъ; дѣйствіе задней части языка при о и у мы можемъ назвать болѣе глубокимъ, а при ы — менѣе глубокимъ». Ср. еще замѣтки Сторма Engl. Phil. стр. 268; тамъ же сравненіе съ польскимъ y.

О произношеніи письменнаго ы въ особыхъ случаяхъ, какъ напр. окончаніе -ый прилагательныхъ, достаточно указать на названную выше статью Корша.

148. Въ письменныхъ сочетаніяхъ ши жи слышится у русской интеллигенціи нерѣдко, вѣроятно подъ вліяніемъ правописанія, оттѣнокъ «і», лишь незначительно различный отъ обыкновеннаго открытаго і, ср. **142**; на такомъ произношеніи основано очевидно опредѣленіе Свита. Чаще выговаривается однако затронутый въ **42** гласный съ собственнымъ звукомъ поближе къ «ы»; таковымъ обыкновенно передаетъ его кирилловская научная транскрипція («жыть» и под.). Коршъ передаетъ его также прямо какъ обыкновенное ударяемое ы. Отъ послѣдняго («y») Финкъ напротивъ различаетъ гласный упомянутаго сочетанія, употребляя модифицированный знакъ («mužγk» и под.). Его опредѣленія «y» и «γ» мнѣ не совсѣмъ ясны; но повидимому онъ считаетъ γ немного болѣе переднимъ въ сравненіи съ y, прибавляя, что «dem Klange nach liegt γ näher bei y als bei i». Мое собственное опредѣленіе, въ «Угрор. нарѣчіи и т. д.», подтверждаемое и позднѣйшимъ наблюденіемъ, приписываетъ данному гласному (напр. dušý́, ṕišý́) — при образованіи ненапряженномъ — въ твердомъ слогѣ скорѣе болѣе заднюю артикуляцію въ сравненіи съ обыкновеннымъ, типичнымъ ы. Нужно вѣроятно считаться съ варіаціями, какъ и при первоначальномъ ы.

Но прибавимъ, что такое особое «γ» Финкъ приписываетъ не только сочетанію «šγ», «žγ» (въ ши, жи, напр. mužγk, а далѣе отчасти при вторичномъ і, напр. во второмъ слогѣ слова «Мишенька»), но также сочетаніямъ, развивающимъ по обыкновенному опредѣленію «ы» изъ і подъ вліяніемъ предшествующаго твердаго согласнаго (напр. «paraprastatsə», пора-бъ и разстаться; такъ и послѣ k, напр. въ . . . медвѣженокъ и . .), а наконецъ и въ окончаніяхъ прилагательныхъ послѣ k (какими: kakγḿi, и под.), здѣсь впрочемъ чередуясь съ і. Отъ впечатлѣнія извѣстной стилизаціи опять не могу освободиться; сомнѣваюсь въ возможности установить такую особую гласную категорію и въ правильности той рамки, внутри которой она по мнѣнію Финка какъ будто существуетъ. Стоитъ однако указать на его результаты, для дальнѣйшаго разслѣдованія другими наблюдателями.

149. Мы видѣли, что старыя і и u сохраняютъ въ неударяемыхъ слогахъ вообще артикуляцію, близкую къ ихъ артикуляціи въ ударяемомъ положеніи, соотвѣтствуя такимъ образомъ вообще традиціонному правописанію; при редукціи рѣчь идетъ для этихъ гласныхъ больше о ихъ количественной, чѣмъ о качественной сторонѣ. Иначе по **147** относительно стараго ы; оставаясь въ иныхъ неударяемыхъ слогахъ приблизительно тожественнымъ съ ы

ударяемымъ и такъ въ соотвѣтствіи съ правописаніемъ, оно въ слабѣйшихъ слогахъ редуцируется качественно, въ «ъ», а этотъ элементъ далѣе можетъ исчезать, отчасти или вполнѣ.

Такая судьба неударяемаго письменнаго ы входитъ въ рамку крупнаго явленія въ области великорусскаго вокализма. Между тѣмъ какъ неударяемые слоги сѣверно-великорусскихъ нарѣчій сохраняютъ не только і да u, но и прочіе гласные въ первоначальномъ ихъ видѣ, въ южно-великорусскихъ нарѣчіяхъ, а такъ и въ (московской) рѣчи интеллигенціи, на мѣстѣ неударяемыхъ традиціонныхъ письменныхъ ы о а, е ѣ я, появился отчасти такой вокализмъ, о которомъ указанное правописаніе не даетъ никакого понятія.

То, что находимъ въ наше время на мѣстѣ указанныхъ гласныхъ традиціоннаго правописанія, появилось подъ вліяніемъ звукового развитія, продолжавшагося очевидно въ разныхъ пріемахъ въ теченіе долгой эпохи, потому оно и довело до весьма различныхъ результатовъ въ разныхъ говорахъ. Недостаетъ еще много изслѣдованій и разсужденій для полнаго освѣщенія не только подробностей, но и принципіальныхъ сторонъ этого развитія. Но наблюденія разныхъ изслѣдователей успѣли выяснить главныя черты нынѣшняго произношенія, завоевавшія себѣ теперь отчасти право на вниманіе также практическихъ грамматикъ.

150. Названные выше гласные перемѣнились въ южно-великорусскомъ произношеніи очевидно подъ вліяніемъ одного общаго редукціоннаго принципа. Позволительно думать, что этотъ принципъ болѣе или менѣе тожественъ съ той редукціей, которая дѣйствуетъ еще въ наше время. Эта редукція, въ живой рѣчи интеллигенціи нашего времени, касается какъ качественной такъ и количественной сторонъ гласнаго; не легко на практикѣ различать эти два момента ясно другъ отъ друга; но теоретически слѣдуетъ разсматривать ихъ отдѣльно, тѣмъ болѣе, что качественную редукцію нужно повидимому считать болѣе или менѣе совершившимся, исторически готовымъ фактомъ, между тѣмъ какъ количественная редукція еще не довела до столь опредѣленныхъ результатовъ.

Качественная редукція упомянутыхъ гласныхъ выражается въ приближеніи или переходѣ въ извѣстное «индифферентное положеніе» языка, представляющее условное положеніе покоя или безразличности (Богородицкій «индиферентный укладъ»; ср. Русск. Грам. стр. 12—13), при которомъ образуется то, что можно назвать «гласнымъ ирраціональнымъ». Артикуляція такого гласнаго элемента мало самостоятельна, опредѣляясь вообще характеромъ окружающихъ звуковъ.

Количественная редукція гласныхъ выражается въ сокращеніи гласнаго элемента, въ разной степени, до полнаго исчезновенія включительно.

151. Насчетъ качественной редукціи гласныхъ нужно припомнить, что русскій звуковой строй, съ проведенной разницей между твердыми и мягкими согласными, обусловливаетъ не одинъ видъ «положенія безразличности», какъ мы нашли въ словенскомъ языкѣ, а два. Опредѣляющій моментъ нужно искать въ предшествующемъ согласномъ. Послѣ твердыхъ согласныхъ, при артикуляціи которыхъ масса языкового тѣла сосредоточивается, болѣе или менѣе сильно, взадъ по полости рта, безразличное положеніе представляется по инерціи въ видѣ («ирраціональнаго») гласнаго элемента задняго ряда. Послѣ мягкихъ согласныхъ, сосредоточивающихъ языковую массу впередъ, о твердое нёбо, выступаетъ параллельный «ирраціональный» элементъ передняго ряда. Слѣды такого же принципа качественной редукціи я указалъ и въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи; ср. «Описаніе одного говора», § 2; но лишь въ южно-великорусскомъ онъ принялъ широкіе размѣры, работая теперь, какъ сказано, рука объ руку съ редукціей количественной. Указанные два вида положенія безразличности объясняютъ группировку въ одну сторону слоговъ съ традиціонными о, а, ы, въ другую слоговъ съ традиціонными е (эвентуально ё), ѣ, я.

152. Происхожденіемъ и свойствами гласныхъ «ирраціональныхъ» обусловливается движимость ихъ артикуляціи въ довольно широкой рамкѣ. Можно однако опредѣлить приблизительную среднюю природу звука въ типичномъ развитіи, т. е. въ слогахъ достаточно слабовѣсныхъ, но еще не сокращающихъ вокала въ гласный элементъ лишь переходнаго характера (**154**).

Задній изъ двухъ ирраціональныхъ гласныхъ Финкъ ставитъ въ средній рядъ нашей схемы, съ положеніемъ среднимъ до низкаго. Богородицкій называетъ его «близкимъ къ слабому краткому ы». Коршъ выражается словами: «очень открытое ы съ положеніемъ для а». Изъ послѣднихъ словъ заключаю, что Коршъ слышитъ звукъ скорѣе нашего «задняго», чѣмъ «средняго» ряда. Онъ пользуется знакомъ «ъ», который и я употребляю, въ соотвѣтствіи съ моимъ опредѣленіемъ: ослабленный (значитъ, явно ненапряженный) гласный задняго ряда, положенія опущенно-высокаго до средняго, соотвѣтствующій по положенію языка артикуляціи открытаго, низкаго ɯ и отчасти о. Въ связи съ сильной движимостью, артикуляція ъ перекрещивается съ образованіемъ разныхъ другихъ гласныхъ; ср. мои замѣтки въ Отчетѣ о дѣятельности отд. р. яз. и слов. за 1902, стр. 5. Данное нами опредѣленіе можетъ служить общимъ указателемъ, при сравненіи съ прочими славянскими языками.

Такое «ъ» (ср. Финково «ə») является, такимъ образомъ, на мѣстѣ старыхъ о, а, напр. (по Коршу) полотно: pъłatnó, дорога: darógъ, скучной: skúšnъį̯, однозвученъ: ъdnazvúčên (о «ê» ср. 153), и т. д.; такъ и на мѣстѣ письменнаго ы въ прил. -ый. Послѣ ударенія (иначе передъ нимъ, ср. у Корша стр. 59) на мѣстѣ письменнаго а также послѣ š, ž: čášъ (чаша), čášъḿi (чашами), výžъť (выжать; но выжить: výžyť) [1].

153. Передній изъ двухъ ирраціональныхъ гласныхъ Финкъ передаетъ вообще знакомъ открытаго і, отождествляя его такимъ образомъ съ неударяемымъ і стараго происхожденія. Ср. примѣры какъ «kńimú», къ нему, «dó-v́ičirъ», до́-вечера, «ṕiŕidъ mnoį̯», передо мной, и т. д. На мѣстѣ письменнаго неударяемаго «я» находимъ у него (открытое) е такъ часто, въ столь различныхъ положеніяхъ, потому и «я» вообще настолько выдѣленнымъ отъ старшихъ е, ѣ, что сравненіе съ Коршемъ (см. также въ маленькой грамматикѣ Бернекера) невольно возбуждаетъ извѣстное сомнѣніе въ правильности передачи; оставляю между тѣмъ это въ сторонѣ, какъ и подробности, въ родѣ той, что, напр., «не» всегда передается съ е: ńe; вліяніе правописанія, діалектическія и другія различія могутъ объяснить многое.

Передача Корша пользуется вообще знакомъ e^1, въ нашей транскрипціи ê — такъ и для «я» слабѣйшихъ слоговъ. Его обозначеніе указываетъ вѣроятно лишь на «е сильно закрытаго образованія», а не собственно на качество напряженное. Приведемъ пару примѣровъ: «atsújêtnъvъ śv́étъ», отъ суетнаго свѣта, «gŕêḿít», гремитъ. Но прибавимъ далѣе, что къ формѣ «atumáńên», отуманенъ, Коршъ замѣчаетъ, что говорятъ также «atumáńin», и что вообще е закрытаго неударяемаго конечнаго слога склонно къ смѣшиванію съ і.

Имѣемъ, такимъ образомъ, дѣло съ не совсѣмъ согласующимися наблюденіями. Соединять всѣ случаи передняго ирраціональнаго гласнаго въ

---

[1]) Кромѣ знака, выражающаго очевидно наше «ъ», Финкъ имѣетъ еще знакъ для звука, опредѣляемаго имъ какъ тожественный съ нѣм. «е» въ Gabe (рядъ средній, пол. среднее). Я согласенъ, что такой гласный встрѣчается иногда послѣ š и ž, напр. въ меньшее. Но о его существованіи въ другихъ случаяхъ, какъ мы видимъ это въ транскрипціи Финка, — то на мѣстахъ, гдѣ ждемъ, а по Коршу и имѣемъ «ъ», то въ другихъ, отчасти также ударяемыхъ положеніяхъ, — не могу высказаться рѣшительно. Въ иныхъ случаяхъ такое обозначеніе противорѣчитъ извѣстному мнѣ произношенію (такъ, напр., въ рядѣ ударяемыхъ дифтонговъ -е́й); но гдѣ такой оттѣнокъ стоитъ у Финка на мѣстѣ ожидаемаго «ъ», остается, должно быть, возможность отнести Финково опредѣленіе на счетъ свойственной «ирраціональному гласному» движимости?

слишкомъ опредѣленную гласную единицу очевидно не стоитъ. Осторожнѣе выбирать для этой довольно движимой величины болѣе нейтральный знакъ, напр. ɩ (ɛ) или ь. Я лично склоняюсь къ общему опредѣленію «ослабленное і», гласный элементъ передняго ряда, на границѣ положеній высокаго и средняго, — нерѣдко при томъ немного втянутый по отношенію къ ударяемымъ і — е; ср. опредѣленіе «ь» у Богородицкаго: «звукъ близкій къ слабому краткому і». Хорошій случай для сравненія этого элемента съ ясными і представляютъ формы вродѣ «приняли»: «ṕŕíńɩľi».

154. Количественная редукція (ср. у Томсона, Общ. Яз., стр. 215) часто оставляетъ, подобно изложенному о словенскомъ языкѣ въ **104**, лишь гласный элементъ переходнаго характера («Stimmgleitlaut»), что можно обозначить маленькими ъ и ɩ (ь); напр. «ṕɩkáŕńi» пекарни, bъradý бороды́, xъładók холодо́къ, vółъsy во́лосы, xъt́-ръḿirái̯ хоть помирай, и под. Такіе краткіе гласные элементы нерѣдко — особенно легко, повидимому, между безголосными затворными согласными и въ концѣ слова послѣ такого же согласнаго — теряютъ голосность (ср. въ **201**); въ другихъ же случаяхъ исчезаютъ вполнѣ, особенно въ сосѣдствѣ сонорнаго согласнаго, принимающаго на себя роль слогового элемента, въ видѣ «l̥», «n̥» и т. д.; ср. **202** сл.

Указанные различнаго рода моменты обусловливаютъ, какъ всякій пойметъ безъ дальнѣйшихъ объясненій, столько оттѣнковъ въ великорусской гласной редукціи, такую возможность колебанія въ одной и той же этимологической формѣ, — въ зависимости отъ личности, настроенія и т. д. — что нужно вообще довольствоваться указаніемъ лишь направленія звукового развитія. Дальше всего по отмѣченнымъ путямъ идетъ редукція, конечно, въ быстромъ, небрежномъ жаргонѣ, въ развитіи котораго живая рѣчь столицъ идетъ повидимому впереди.

155. Видъ ирраціональнаго гласнаго элемента («ɩ» или «ъ») зависитъ по **151** отъ характера предшествующаго согласнаго. Поэтому, встрѣчая «ъ» также послѣ согласнаго мягкаго, имѣемъ дѣло не съ звуковымъ развитіемъ, а съ грамматической аналогіей; ср. приведенные у Корша (стр. 59) примѣры какъ ďáďъ, ďáďъm (дядя, дядямъ; не скорѣе ли «ďäďъ», «ďäďъm»?), ďáčъ дача, и под.; въ его транскрипціяхъ находимъ даже формы какъ «ṕêśńax» пѣсняхъ — вмѣсто ожидаемаго хотя бы -ńъх. Грамматическое новообразованіе, а именно введеніе окончаній твердыхъ основъ въ основы мягкія, можетъ вызывать ъ также на мѣстѣ письменнаго е, напр. «pólъ» вм. поле — или скорѣе «полё»; ср. объ этомъ особенно стр. 67 сл. у Корша. Борьба звукового развитія съ грамматическими принципами объясняетъ двойныя формы въ родѣ (Коршъ) náčъł и náčɩł, на́чалъ; изъ нихъ послѣдняя несо-

мнѣнно представляетъ собой результатъ звукового развитія; такъ «обы́чай» даетъ въ поэзіи полное созвучіе съ «добы́чей» и болѣе или менѣе полное созвучіе съ «отли́чій».

156. При сравненіи подробностей можно указать немало несоотвѣтствій между разными наблюдателями насчетъ упоминаемой здѣсь качественной (и количественной) редукціи гласныхъ въ образованной великорусской рѣчи. Но повторяю, что если бы даже собранный донынѣ матеріалъ былъ достаточно полный, всетаки несогласій въ подробностяхъ нужно прямо и ждать. Цѣлый рядъ моментовъ — діалектическія различія, болѣе или менѣе сильное вліяніе правописанія, вліяніе грамматическихъ категорій разнаго рода и направленія, индивидуальная разница и мѣна въ настроеніи, въ темпѣ и пр. — обусловливаетъ не только пестроту, но и движимость подробностей. Приводя примѣры двойныхъ формъ произношенія, Коршъ съ полнымъ правомъ подчеркиваетъ, что можно слышать тѣ и другія у одного и того же лица (стр. 62). Суть редукціоннаго принципа неударяемыхъ гласныхъ, его направленіе и общіе результаты въ нынѣшнемъ произношеніи тѣмъ не менѣе вполнѣ ясны.

Приведенные въ **152** и **154** примѣры достаточны для освѣщенія также того общеизвѣстнаго факта, что иные неударяемые слоги не поддаются указанной редукціи. Имѣю въ виду присутствіе въ слогѣ непосредственно передъ ударяемымъ взамѣнъ старшихъ о и а гласнаго не «ъ», а «а» (Богородицкій считаетъ его въ умѣренно акающихъ говорахъ среднимъ между а и о; Томсонъ повидимому слѣдуетъ ему, ср. таблицу стр. 165 въ Общ. Яз.; я предпочитаю съ Коршемъ, Брандтомъ и др. опредѣлить его просто какъ а) [1]).

Наблюденія надъ нынѣшнимъ произношеніемъ приводятъ къ результату, что разные неударяемые слоги имѣютъ различный «вѣсъ», удаляясь по силѣ экспираціи и по долготѣ гласнаго элемента въ большей или меньшей степени отъ самаго сильнаго, ударяемаго. Къ послѣднему приближается повидимому больше всѣхъ прочихъ слогъ непосредственно ему предшествующій. Съ точки зрѣнія теперешняго произношенія поэтому не далеко до заключенія, что непоявленіе «ъ» на мѣстѣ о или а въ слогѣ непосредственно передъ ударяемымъ зависитъ именно отъ «вѣса» слога. Однако, такое заключеніе сталкивается съ крупными трудностями, вызывающими вопросъ, что́ въ данномъ случаѣ считать причиной, а что́ слѣдствіемъ, — считать ли полный гласный проис-

---

[1]) О «я» въ томъ же положеніи и о «а» послѣ шипящихъ достаточно указать на Корша, стр. 59 сл.

шедшимъ на основаніи сильнѣйшаго «вѣса» даннаго слога, или же сильнѣйшій его «вѣсъ» происшедшимъ на основаніи развившагося тамъ, по другимъ причинамъ, полнаго гласнаго. Вѣдь крупныя группы великорусскихъ говоровъ знаютъ на мѣстѣ образованнаго «vadá» произношеніе «vъdá»; и образованная рѣчь, не знающая ирраціональнаго гласнаго задняго ряда («ъ») въ указанномъ положеніи, повидимому не чуждается соотвѣтствующаго гласнаго передняго ряда на данномъ мѣстѣ, ср. «k-ńιmú», къ нему, и под.

Изслѣдованіе и рѣшеніе этого вопроса принадлежитъ историкамъ русскаго языка. Но онъ такъ тѣсно связанъ и съ наблюденіями надъ живымъ произношеніемъ, что мы невольно должны были коснуться его, тѣмъ болѣе, что попытки объясненія — напр. у Шахматова въ «Аканьѣ» и Томсона въ Общ. Яз., стр. 230 — еще не дали согласныхъ и вполнѣ основательныхъ результатовъ. — О всей той пестрой сѣти явленій, которая выработалась въ жизни южно-великорусскихъ говоровъ въ области неударяемыхъ слоговъ, упомянутое изслѣдованіе Шахматова даетъ яркое представленіе.

О главныхъ звуковыхъ правилахъ редукціи неударяемыхъ гласныхъ образованій (южно-)великорусской рѣчи, о степеняхъ редукціи разныхъ слоговъ въ зависимости отъ ихъ положенія относительно ударенія, и др., укажемъ еще особенно на Богородицкаго, Очерки стр. 173 сл. и стр. 190; ср. въ Рус. Грам. стр. 47 сл., съ таблицей выводовъ стр. 53. Въ «Законахъ» Чернышева см. стр. 30 сл. Указаніе на приведенныя сочиненія дѣлаетъ дальнѣйшія подробности съ нашей стороны лишними.

157. Изъ нашего изложенія выходятъ съ достаточною ясностью главные оттѣнки вокализма рѣчи великорусской интеллигенціи. Въ обыденной своей рѣчи Русскій легко различаетъ слѣдующіе гласные:

Безъ округленія губъ:

i — рядъ передній, положеніе высокое; существуютъ также образованія напряженное, т.-е. «узкое i» î, и ненапряженное (открытое), i, однако какъ кажется, безъ полнаго, категорическаго разграниченія;

ι (ь, ε) — рядъ передній, положеніе опущенно-высокое до средняго, иногда втянутое образованіе, типичная артикуляція передняго «ирраціональнаго гласнаго»;

ê — рядъ передній, пол. среднее, обр. закрыто-напряженное;

e — рядъ передній, пол. среднее, обр. открыто-ненапряженное;

[ä — рядъ передній, пол. низкое, ненапряженное, варіантъ а въ извѣстныхъ положеніяхъ; вмѣстѣ съ нимъ отмѣтимъ, какъ нерѣдкій варіантъ, «ȧ», ряда средняго, пол. низкаго];

a — рядъ задній, положеніе среднее, «нормальное а»;

у — рядъ средній, положеніе высокое; можно указать и напряженное, «ŷ», и ненапряженное, но безъ яснаго разграниченія; есть варіанты скорѣе задняго ряда; въ сочетаніяхъ ши, жи оттѣнокъ опущенный;

ъ — рядъ задній, пол. опущенно-высокое до средняго, задній «ирраціональный гласный».

Съ округленіемъ губъ:

[ü — рядъ передній, положеніе высокое, варіантъ u];

[ö — рядъ передній, пол. среднее, варіантъ о (ё)];

[u̇ — рядъ средній, пол. высокое, варіантъ u];

[ȯ — рядъ средній, пол. среднее, варіантъ о];

u — рядъ задній, положеніе высокое; существуютъ также образованія напряженное («узкое у»), û, и ненапряженное (открытое), u, но повидимому безъ категорическаго разграниченія;

о — рядъ задній, пол. среднее, о открытое (ненапряженное); закрытое, категорически различное отъ него «ô» встрѣчается въ нарѣчіяхъ; ср. мое «Описаніе одного говора Тотемскаго уѣзда».

Примѣчаніе. Объ отношеніи гласнаго состава къ традиціонному правописанію получается достаточное понятіе изъ приведенныхъ выше сочиненій, легче всего, быть можетъ, изъ «Законовъ» Чернышева. Таблица, сравнивающая важнѣйшіе русскіе гласные съ нѣмецкими, французскими, англійскими, у Томсона, Общ. Яз. 165. Тамъ же, стр. 164, о понятіи «напряженіе»; Томсонъ не различаетъ въ таблицѣ оттѣнковъ «напряженныхъ» отъ «ненапряженныхъ», что должно быть пока правильнѣе. Отмѣтимъ его замѣчаніе: «Какъ я понимаю состояніе «напряженности», въ русскомъ языкѣ сравнительно напряженными бываютъ ударенные гласные передъ мягкими согласными; безъ ударенія такіе гласные менѣе напряженны». Хотя въ этой замѣткѣ много правды (ср. отношеніе е : ê), но я не могу согласиться со всѣми подробностями Томсона и съ выведенными имъ изъ нихъ опредѣленіями. Такъ, при «узкомъ» і въ «ивѣ», «кисть», Томсонъ опредѣляетъ не только неударяемое і въ «искать», но также ударяемое і въ «ива» какъ «широкое». Оказывается сомнительнымъ, существуетъ ли осязательная и постоянная разница между і въ ива и ивѣ; сошлюсь на палатограммы самого Томсона, Общ. Яз. стр. 159: между тѣмъ какъ разница е : ê отчетлива, разница і въ ива : ивѣ чуть ли не исчезаетъ, хотя Томсонъ, по собственнымъ его словамъ, постарался подчеркнуть разницу искуственнымъ образомъ (прибавлю, кстати,— не въ пользу вполнѣ правильнаго рѣшенія вопроса!). Томсонъ дошелъ далѣе до опредѣленія «ä» въ «вялить» какъ «узкое» — вѣроятно, въ противоположность гласному того же слога въ «вялый», опредѣленному имъ также какъ «ä»; насчетъ этихъ гласныхъ укажу на сказанное выше въ **144**.

Относительно гласныхъ съ извѣстной степенью назализованія подъ вліяніемъ сосѣдняго n, m, на что обратилъ вниманіе Свитъ, можно указать на замѣтки Томсона, Общ. Яз. стр. 167.— О меньшихъ колебаніяхъ гласнаго элемента въ зависимости отъ окружающихъ звуковъ другого рода ср. тамъ же стр. 181—82.

V. КЪ СОЧЕТАНІЮ ЗВУКОВЪ.

158. О естественномъ порядкѣ пересмотра и описанія явленій, сопровождающихъ сочетаніе звуковъ въ словахъ и крупнѣйшихъ единицахъ рѣчи, достаточно указать на Сиверса, 377 сл. Насчетъ разныхъ моментовъ произношенія каждаго отдѣльнаго звука («экскурсія», «рекурсія» и пр.) и основанныхъ на нихъ разныхъ общихъ условій въ сочетаніяхъ звуковъ ср. замѣтки Богородицкаго, Рус. Грам. стр. 19 сл., Очерки 59 сл.; видно, что объ отступленіяхъ отъ обыкновенныхъ явленій и принциповъ общихъ, напр., въ германскихъ языкахъ, нѣтъ рѣчи.

Начиная съ гласныхъ въ началѣ или концѣ слова, имѣемъ прежде всего дѣло съ «приступомъ» и «отступомъ» разнаго рода, въ зависимости отъ состоянія голосовой щели при началѣ—относительно при концѣ гласнаго звука.

Если выдыхаемый токъ, нужный для произношенія гласнаго въ началѣ слова, проходитъ сначала черезъ открытую голосовую щель, которая лишь потомъ съуживается въ степени достаточной для вызыванія явныхъ голосныхъ вибрацій, «приступъ» гласнаго будетъ «придыхательнымъ» (ʿ, напр. ʿа-). Если голосныя вибраціи начинаются одновременно съ началомъ выдыхаемаго тока (т.-е., если голосовая щель заняла уже впередъ готовое для звучанія голоса положеніе), приступъ называется «тихимъ» (безъ особаго обозначенія, напр. а-). Можно наконецъ начать гласный съ указаннаго въ **2**, д положенія голосовой щели: она плотно закрыта, взрывается давленіемъ выдыхаемаго тока, а по взрывѣ переходитъ въ положеніе для звучанія голоса; это — «приступъ крѣпкій» (ʼ, напр. ʼа-); такой гортанный взрывъ входитъ принципіально въ рядъ «затворныхъ (взрывныхъ) согласныхъ», только шумъ его вообще слабѣе чѣмъ напр. k, t.

«Отступъ» конечнаго гласнаго представляетъ подобныя явленія, только въ обратномъ порядкѣ. Выдыхаемый токъ можетъ продолжаться черезъ открытую голосовую щель и по окончаніи голосныхъ вибрацій (отступъ придыхательный, -аʿ), можетъ замирать одновременно съ голосными вибраціями (отступъ тихій), можетъ наконецъ прерываться внезапнымъ закрытіемъ щели (отступъ крѣпкій, -аʼ).

159. Придыхательные приступъ и отступъ допускаютъ, конечно, оттѣнки. При достаточной силѣ выдыхаемаго тока передъ началомъ ясныхъ голосныхъ вибрацій или послѣ ихъ окончанія получается «гортанный фрикативный согласный» передъ гласнымъ — или послѣ него, т.-е. согласный «h»

(ha-. -ah); о существованіи и происхожденіи на славянской почвѣ такого согласнаго, съ голосной параллелью «ɦ», достаточно указать на **51** сл. и на замѣтки къ согласному составу отдѣльныхъ языковъ. — Если же выдыханіе не достаточно сильно для того, чтобы слухъ схватилъ явное звуковое образованіе передъ гласнымъ или послѣ него, то придыхательные приступъ и отступъ можно для славянскихъ языковъ на практикѣ соединить въ одну категорію съ приступомъ и отступомъ тихими.

160. Обыкновенными и нормальными для славянскихъ языковъ мнѣ извѣстныхъ слѣдуетъ, при ровной, спокойной рѣчи, считать приступъ и отступъ «тихіе» (считая сюда, по **159**, и «тихо-придыхательные»), — какъ внутри предложенія, такъ и при абсолютномъ его началѣ или концѣ. Для великорусской рѣчи укажу на замѣтку Томсона, Общ. Яз. стр. 231; мнѣніе Булича въ статьѣ «гортанные звуки» (Энц. сл. Брокгауза и Эфрона) очевидно ошибочно.

Вслѣдствіе этого, въ теченіе ровной, спокойной рѣчи гласный въ началѣ слова примыкаетъ вообще къ конечному согласному предшествующаго слова, а согласный въ началѣ слова къ предшествующему конечному гласному, вполнѣ такъ, какъ подобные звуки при встрѣчѣ внутри одного и того же слова; далѣе, гласный въ началѣ слова вообще примыкаетъ къ предшествующему конечному гласному безъ перерыва въ голосовыхъ вибраціяхъ.

161. Такое общее правило конечно не мѣшаетъ тому, чтобы и крѣпкіе приступы и отступы встрѣчались, должно быть, во всѣхъ славянскихъ языкахъ; особенно, если слово съ гласнымъ въ началѣ выговаривается подъ извѣстнымъ аффектомъ, или же когда какое-нибудь однослоговое слово, оканчивающееся гласнымъ, произносится какъ угроза или предостереженіе, крѣпкій приступъ — отступъ представляется естественной артикуляціей, вѣроятно у большинства говорящихъ; стóитъ привести нѣсколько примѣровъ.

Изъ великорусской рѣчи достаточно указать на частое явленіе крѣпкаго приступа въ восклицаніяхъ какъ эхъ! ахъ! (’ех ’ах) и под. — Малорусская рѣчь представляетъ подобные примѣры въ междометіяхъ какъ ех, ох, ой (’ех, ’oį); иногда, особенно въ рѣчи интеллигенціи, встрѣчается крѣпкій приступъ и въ другихъ случаяхъ, напр. «’adam»; діалектически вмѣсто его встрѣчается, по Зилиньскому, часто приступъ придыхательный, ʿа-, или же другое фрикативное образованіе, v, j. Крѣпкій отступъ повидимому рѣдокъ, но онъ отмѣченъ мною, напр., въ грозномъ «нї!», съ произношеніемъ «ńi’ʿ», т.-е. послѣ крѣпкаго отступа еще съ слышнымъ (безголоснымъ) взрывомъ голосовой щели.

Въ сербской рѣчи крѣпкій приступъ встрѣчается весьма часто, напр.,

въ «'aide» (хайде, geh!) — между тѣмъ какъ, напр., въ сочетаніи «тако je и у Младена» рядъ гласныхъ e — i — u связывается обыкновенно прямо, безъ слѣда перерыва вибрацій. Крѣпкій отступъ можно слышать, напр., въ грозномъ «не!» : «ne'»; взрыва послѣ крѣпкаго отступа (ср. выше о малорусскомъ нї) я здѣсь не отмѣтилъ. — Для болгарской рѣчи можно пользоваться этимъ же самымъ примѣромъ: «не» обыкновенно имѣетъ отступъ тихій, поэтому о- въ примѣрѣ какъ «ne ośte» примыкаетъ къ е безъ перерыва голоса; но строгое или грозное «нѣтъ» звучитъ «ne'!». Крѣпкій приступъ я отмѣчалъ нерѣдко при энергичномъ произношеніи въ абсолютномъ началѣ: 'ime, 'as (азъ) и под. Однако, обыкновенному, спокойному произношенію такая черта не свойственна, особенно внутри предложенія; поэтому, встрѣчая «въ ада», «въ име-то на Бога», «въ уста-та» въ видѣ «fádъ», «fime-to na-bóga», «fustáta», мы должны объяснить происхожденіе f изъ старшаго «въ» совсѣмъ иначе, чѣмъ f того же предлога въ чешскомъ яз., о чемъ въ **162**; ср. и то, что говорится «izustáta» изъ уста-та, «bezustá» безъ уста, а не is-, bes-.

Въ словенскомъ языкѣ примѣръ крѣпкаго отступа имѣемъ опять въ отрицательномъ na, ne; при nȃ, nȇ слышится «na'ʿ», «ne'ʿ»; ср. у Плетершника подъ nà'a, nà'. Судя по его словамъ существуетъ діалектическій переходъ этого «гортаннаго затворнаго» въ k : «naka» — развитіе подобное отмѣченному Сиверсомъ (755) въ извѣстныхъ нѣмецкихъ говорахъ. — Для чешскаго произношенія Педерсенъ (стр. 120) указываетъ «ne'»; въ иныхъ выраженіяхъ я отмѣтилъ «ne'ʿ», ср. выше о малорусскомъ нї, а въ другихъ «nē» (удлиненное е часто распадается на первую, высшую и вторую, низшую части), иногда при этомъ «neʿ», съ явно придыхательнымъ отступомъ. Для предостереженія, напр., дѣтей чехи употребляютъ «е», въ формѣ 'e', съ крѣпкимъ приступомъ и такимъ же отступомъ; ср. выраженіе въ родѣ «ne choď tam, je to e!» — или «...je to e ané», выг. «...'e'anī»; по законамъ сочетанія звуковъ крѣпкій отступъ e становится притомъ крѣпкимъ приступомъ сосѣдняго a (**166**).

162. Не трудно, значитъ, привести случаи крѣпкаго приступа и отступа изъ всѣхъ славянскихъ языковъ. Но какъ явленіе съ болѣе замѣтными грамматическими послѣдствіями, крѣпкій приступъ начальнаго гласнаго встрѣчается лишь въ ограниченной области, въ бóльшемъ объемѣ въ чешской, а въ меньшемъ объемѣ въ польской рѣчи. На упоминаемое явленіе въ чешскомъ языкѣ указано мною Арх. XVIII стр. 314; ср. у Педерсена, Den böhm. Udtale, § 12. Точнѣе я изслѣдовалъ вопросъ потомъ въ Прагѣ и Краковѣ [1]).

---

[1]) Весьма подробно теперь у Фринты, стр. 41 сл.

Въ абсолютномъ началѣ крѣпкій приступъ гласнаго сталъ въ образованной чешской рѣчи очень обычнымъ, какъ можно предположить, съ недавняго времени. Но также при тѣсной связи словъ онъ встрѣчается въ ней весьма часто, а именно въ извѣстныхъ предложныхъ сочетаніяхъ; v ohni звучитъ «f'o-», z oka звучитъ «s'o-», k oku «k'o-» и т. д. Вполнѣ послѣдовательнымъ правиломъ однако нельзя назвать упоминаемое явленіе; произношеніе колеблется сильно (ср. у Педерсена и Воронки[1]). Старшія сложенія выговариваются, можно сказать, обыкновенно безъ закрытія голосовой щели, напр. zužuje se просто zu-, а не s'u-; отклоненія въ родѣ приведеннаго Педерсеномъ s'o-, s'u- въ zobecnění, zúplna, нужно несомнѣнно присоединяясь къ названному изслѣдователю объяснить тѣмъ, что формы не чувствуются еще какъ одно слово. Но и въ другого рода сочетаніяхъ прямой переходъ (т.-е. тихій приступъ) чередуется съ крѣпкимъ, безразлично, оканчивается ли предлогъ согласнымъ или гласнымъ: na'uzel, na'okno или naokno (народное: na vokno); vyšla z užívání то.. zužī..., то.. s'užī...; s úmyslém то s'u-, то zu- (о смѣшиваніи z и s ср. у Педерсена, стр. 120); k Olomouci то kolo-, то k'olo- (народное kvolo-), k otci то koci, то k'oci, и т. д. Традиція или индивидуальный выборъ иногда повидимому прикрѣпляетъ опредѣленное произношеніе къ опредѣленному выраженію; напр., я слышалъ «má za ušima» (онъ очень уменъ) лишь съ прямымъ переходомъ -zau- а не 'u-; но чтобы такое (старшее) произношеніе принадлежало преимущественно стилю торжественному, не смѣю утверждать.

Повидимому, произношеніе съ крѣпкимъ приступомъ (v uchu: «f'uxu», z ucha: «s'uxa», v ustech: «f'ustex», přišel bez oka: «..bes'oka» — народное bezvoka, — s osobou: s'osobou, v obojím: «f'o-» и т. д.) представляется въ образованной рѣчи болѣе обычнымъ. Какъ вѣрно замѣчаетъ Педерсенъ, такое произношеніе развило гортанный звукъ, дѣйствующій въ звуковой системѣ подобно обыкновенному (ртовому) затворному согласному; это прямо объясняетъ переходъ голоснаго (но не сонорнаго) согласнаго въ концѣ предлога въ безголосный: f'uxu вм. v-, и т. д.; ср. **197**. Въ быстромъ произношеніи по моимъ наблюденіямъ закрытіе голосовой щели можетъ исчезать, но результатъ его дѣйствія остается: — f'ustex (v ustech), f'obou (v obou) быстро говорится также fustex, fobou; объемъ этого послѣдняго явленія требуетъ, однако, дальнѣйшаго разслѣдованія.

163. Розвадовскій, описывая физіологическую сторону упоминаемыхъ здѣсь явленій очень хорошо въ § 12 своего «Szkic'a», считаетъ крѣпкій

---

[1]) Весьма подробно теперь у Фринты, стр. 41 сл.

приступъ обыкновеннымъ въ (краковской) польской рѣчи для гласнаго въ абсолютномъ началѣ: 'a, 'i, 'adam, 'uxo и т. д.[1]), но не внутри предложенія: nauka, съ прямымъ переходомъ, а не na'uka, ja a ty часто какъ «i̯aty», и т. д. Мои наблюденія убѣдили меня, что рѣчь интеллигенціи колеблется сильно въ этомъ отношеніи; у одного находимъ приблизительно то, что отмѣчаетъ Розвадовскій, у другого склонность къ употребленію крѣпкаго приступа меньше.

Подобное же колебаніе представляютъ сочетанія съ предлогомъ. Въ старыхъ сложеніяхъ въ родѣ nauka, poduška крѣпкій приступъ начальнаго гласнаго второй части повидимому неизвѣстенъ. Иначе въ сочетаніяхъ, гдѣ предлогъ остается самостоятельнымъ словомъ; люди, склонные употреблять крѣпкій приступъ въ абсолютномъ началѣ (ср. выше), склоняются къ употребленію его также послѣ предлога: 'u'oi̯ca, u ojca, do'adama; а подъ вліяніемъ этого «гортаннаго затворнаго» развиваются сочетанія вродѣ указанныхъ въ **162** для чешскаго языка: «nat'okem» (nad okiem) «f'oblaski» «f'ogrutku» (w ogródku), «f'odi̯ast» (w odjazd), «f'uxu», «pot'uxem», «bes'uxa», «s'adamem» (при zadamem); въ «bogato ubrany z orlimi skrzydłami» (Słowacki) — «s'orlimi» (или обыкн. s'orlemi), и т. д. Наоборотъ тѣ, которые не употребляютъ обыкновенно крѣпкаго приступа въ абсолютномъ началѣ, предпочитаютъ произношеніе «bezadama», «vuxu» (w uchu), «poduxem», «nadokem» (nad okiem), «vustax», «zonei̯» — а не «s'onei̯» (z onej), и т. д.

Поэтому объемъ явленія «f'uxu» въ польской рѣчи меньше, чѣмъ въ чешской; но сходство какъ его границъ, такъ и его вліянія на видъ предлога въ обоихъ языкахъ сейчасъ видно[2]).

164. Отношеніе тихій: крѣпкій приступъ голоса существуетъ также при голосныхъ согласныхъ, какъ всякому легко убѣдиться. Я не сомнѣваюсь, что и на славянской почвѣ можно указать отдѣльные случаи крѣпкаго приступа для l-, n-, z- и т. д.; но обыкновеннымъ нужно считать для согласнаго, въ еще высшей степени чѣмъ для гласнаго, приступъ тихій. Такъ и въ чешскомъ и польскомъ языкахъ, при упомянутыхъ «f'uxu», «bes'uxa» и под., говорится не «s'vozem», «s'lampe», но въ естественной рѣчи, сколько мнѣ извѣстно, постоянно zvozem, zlampe (z lampę), zmęžem и под. — Сиверсъ

---

[1]) Вмѣсто крѣпкаго приступа діалекты имѣютъ вообще «przydechy» (h-, i̯-, u̯-), въ иныхъ мѣстностяхъ употребляемые также въ образованной рѣчи.

[2]) Ср. теперь еще у Нича (Nitsch) въ статьѣ «Przyczynki do wymowy . . . polszczyzny», Mat. i Prace Kom. Jęz. IV стр. 426 сл. Ничъ дошелъ вообще до приведенныхъ выше результатовъ.

полагаетъ (396), что развитіе въ разныхъ языкахъ передъ r-, l-, m-, n- гласныхъ элементовъ (ср. напр. русское аржаной вм. ржаной) можно иногда объяснить изъ старшаго произношенія 'r-, 'l- и пр.; относительно славянскихъ языковъ не имѣемъ пока матеріала ни для подтвержденія, ни для отрицанія— такой найдется, можетъ быть, въ народныхъ говорахъ; но въ связи съ отмѣченнымъ выше о приступѣ склоняюсь скорѣе искать объясненія славянскихъ случаевъ такихъ гласныхъ другимъ путемъ, а именно на основаніи изложенныхъ въ **202** сл. явленій и данныхъ («слоги побочные»).

Параллельно съ приступомъ, нужно вообще считать и отступъ голоса нормально тихимъ для согласнаго въ концѣ слова, независимо отъ характера этого согласнаго; прерываніе голосныхъ вибрацій крѣпкимъ отступомъ, т.-е. внезапнымъ закрытіемъ голосовой щели, передъ такимъ конечнымъ согласнымъ, внутри или послѣ него, нужно считать для славянской рѣчи лишь случайнымъ исключеніемъ отъ общаго принципа.

165. Относительно голосныхъ шумныхъ, особенно относительно голосныхъ затворныхъ согласныхъ въ началѣ слова можно кстати, въ связи съ вопросомъ о приступѣ голоса, подчеркнуть отмѣченное давно свойство, которое отчасти различаетъ ихъ отъ соотвѣтствующихъ звуковъ въ германскихъ языкахъ, а именно ихъ отчетливую, вполнѣ проведенную звонкость. Въ начальныхъ b-, d-, g- германскіе языки склоняются начинать голосныя вибраціи лишь при взрывномъ отворѣ или даже на моментъ послѣ него; время затвора и взрывъ становятся потому часто безголосными; звучитъ для славянскаго слуха не «b-» и т. д., но p-, t-, k-. При артикуляціи въ славянской рѣчи, выдыхаемый токъ, вдавливаемый по образованіи затвора въ закрытую полость рта, сопровождается всегда голосными, глухо звучащими вибраціями — ср. нѣмецкое «Blählaut»; укажемъ на Богородицкаго, «Замѣтки по эксп. фон.», вып. II стр. 6—7. Славянскія b-, d-, g-, такимъ образомъ, ясно звонки и до взрыва (Сиверсъ, 357; Стормъ, Engl. Phil. стр. 197; Есперсенъ, Lehrbuch стр. 108).— Если нёбная занавѣска не закрываетъ входа въ носовую полость достаточно энергично, что часто бываетъ, тогда упомянутый голосный выдыхаемый токъ проходитъ, то отчасти то цѣликомъ, въ носъ и образуетъ болѣе или менѣе отчетливый носовой согласный, соотвѣтствующій затвору b-, d-, g-, т.-е. m-, n-, и пр. Такія образованія показаны Хлумскимъ экспериментальнымъ путемъ (Chlumský, Analyse du courant d'air и. т. д., Parole 1902); впрочемъ чтеніе старшихъ изслѣдованій можетъ убѣдить его въ томъ, что явленіе уже давно отмѣчено. Въ медленной, вдумчивой рѣчи развивается этимъ путемъ иногда полный носовой; ср., напр., русское «н-да».

166. При встрѣчѣ сосѣднихъ звуковъ проявляется въ славянской рѣчи тотъ же самый главный принципъ, который извѣстенъ изъ прочихъ европейскихъ языковъ: общія для обоихъ звуковъ артикуляціонныя движенія производятся по возможности въ одномъ пріемѣ. Въ какомъ-нибудь au, ma, голосъ продолжается правильно безъ перерыва, нужды нѣтъ, принадлежатъ ли звуки одному и тому-же или различнымъ слогамъ; въ какомъ-нибудь mn нёбная занавѣска остается правильно опущенной съ начала до конца, поддерживая безпрерывную назализацію.

Въ связи съ этимъ будетъ прямо понятнымъ, что при тѣсномъ сочетаніи словъ отступъ перваго становится приступомъ второго, и обратно. Въ чешскомъ s'uxa (z ucha) и под. (**162**) закрытіе голосовой щели принадлежитъ, такимъ образомъ, какъ гласному, въ которомъ развился крѣпкій приступъ, такъ и предшествующему согласному; имѣемъ дѣло съ «крѣпкимъ переходомъ», при которомъ существуетъ въ другихъ случаяхъ «переходъ придыхательный», въ третьихъ «переходъ прямой» (эвентуально «тихій»; ср. Томсонъ, Общ. Яз. стр. 235, съ примѣрами изъ русскаго произношенія).

Предшествующее изложеніе о приступахъ и отступахъ показываетъ безъ дальнѣйшихъ объясненій, что крѣпкій переходъ въ славянской рѣчи сильно ограниченъ, и что безусловно болѣе обыкновеннымъ нужно считать переходъ прямой; k+a, l+a, a+k, u+s и т. д., если не раздѣляются паузой, сочетаются въ связи рѣчи вообще такъ тѣсно, что «чужого элемента между ними не замѣчается» (ср. Сиверсъ 405)—безразлично, принадлежатъ ли звуки одному и тому же или разнымъ слогамъ.

167. Сказанное въ **159** показываетъ, что о «переходѣ придыхательномъ» можно для славянской рѣчи говорить лишь условнымъ образомъ, а именно тамъ, гдѣ изъ первоначальнаго велярнаго фрикативнаго развился фрикативный согласный гортанный (h, ȟ). Иные изъ такихъ случаевъ заслуживаютъ между тѣмъ вниманія въ ученіи о переходахъ, какъ примѣры зародышей придыхательныхъ затворныхъ согласныхъ («aspirata») въ извѣстныхъ славянскихъ языкахъ.

Давно признано, что затворные придыхательные вообще чужды славянской рѣчи, въ противоположность, напр., германской (ср., напр., Сиверсъ 375, Есперсенъ, Lehrbuch, стр. 106). Славянскія ta, pa, ka и т. д., какъ внутри, такъ и въ началѣ слова, а также тамъ, гдѣ затворный звукъ, при удлиненіи, выговаривается съ усиленнымъ давленіемъ экспираціи (ср. Томсонъ, Общ. Яз. стр. 234, о труппа: трупа и под.), произносятся съ прямымъ переходомъ (**166**), въ различіе отъ извѣстныхъ частыхъ въ германской рѣчи t̔a, p̔a, k̔a, въ которыхъ безголосный экспираторный токъ про-

должается еще на время послѣ взрыва согласнаго и такъ раздѣляетъ t, p, k отъ гласнаго какимъ-то (безголоснымъ) «h», придыханіемъ варіирующей силы и продолжительности. Лишь изъ образованной чешской рѣчи мнѣ извѣстно исключеніе бо̀льшаго объема отъ общаго правила. Какъ замѣчаетъ Педерсенъ (стр. 125), но въ бо̀льшемъ объемѣ, чѣмъ онъ упоминаетъ, th чужихъ словъ выговаривается тамъ t̒: t̒alia (Thalia), kat̒edra, dift̒oŋg и т. д.— однако въ чередованіи съ непридыхательнымъ t: talia, t̒eodor или teodor; фамилія Mathesius въ «ученомъ» или особенно энергичномъ произношеніи звучитъ «mat̒ezius», съ аномально сильнымъ удареніемъ на первомъ слогѣ, но въ быстрой, обыкновенной рѣчи «matēzius». Добавимъ, что народныя слова имѣютъ лишь t: «apaṭyka» аптека, и под. [1]).

Приведенное t̒ нужно, очевидно, отнести на счетъ искусственнаго произношенія. Другое дѣло съ k̒, развившимся въ самомъ языкѣ. Насчетъ чешскаго ɦ - h укажемъ на **72, 51** и **53.** Если передъ словомъ, начинающимся съ h, является k, напр., k hostūm, k hoře, k Horákovi, k hospodskému, то обыкновеннымъ пражскимъ произношеніемъ, по крайней мѣрѣ въ рядѣ выраженій, является k съ безголоснымъ придыханіемъ: k̒ostūm, k̒oře, k̒orā-kovi, k̒ospotskīmu, т. е. типичное придыхательное k; кромѣ того однако часто, по обыкновеннымъ правиламъ голоснаго уподобленія (**197**), g ɦorā-kovi, g ɦoře и т. д. («g̒» — «media aspirata»). Подобное колебаніе насчетъ голоснаго уподобленія передъ ɦ- найдемъ и при другихъ согласныхъ; но развитіе типичнаго придыхательнаго глухого затворнаго ограничено въ чешскомъ произношеніи, повидимому, однимъ k̒.

На мѣстѣ «г» и малорусскій языкъ имѣетъ, какъ мы видѣли, ɦ (h); въ связи съ тѣмъ встрѣчаются и здѣсь слѣды придыхательныхъ затворныхъ. Въ выраженіи какъ «дівчина йак гусь біла», при i̯ag-ɦuź-b'iła, слышится въ образованной рѣчи также ...i̯ak̒ɦuź..., съ безголоснымъ придыханіемъ передъ тѣмъ, какъ начинаются голосныя вибраціи ɦ, т.-е. съ явно развитымъ «придыхательнымъ k»; отмѣчено также, вполнѣ какъ въ чешскомъ яз., напр., въ выраженіи «йак гуляти, то гуляти», i̯ák̒uľátɣ... (при i̯ák̒ɦuľátɣ...). Вмѣсто письменнаго p отмѣчено мною въ подобномъ сочетаніи постоянно b, напр., «хлоп голодний» — xłob ɦ-. Зато t согласуется съ развитіемъ, отмѣченнымъ для k; въ «чобіт готових немаю» я слышалъ čobit̒ɦotóvɣɣ nemáiu, но въ «йакий сьвіт гарний» (какъ міръ красивъ) ...šv́id̒ɦárnɣi — гдѣ сочетаніе d со слѣдующимъ голоснымъ придыханіемъ невольно вызываетъ названіе «media aspirata». Прибавимъ, что упомянутые безголосные придыха-

---

[1]) Ср. у Фринты стр. 125—126.

тельные въ указанномъ положеніи отмѣчены въ образованной рѣчи, въ народныхъ же говорахъ общимъ правиломъ представляется, какъ кажется, переходъ k, t передъ ħ въ g, d.

168. Изъ числа явленій, вытекающихъ изъ общихъ принциповъ относительно прикосновенія звуковъ (**166**), припомнимъ далѣе такъ называемые носовой и боковой взрывы. Въ польскомъ примѣрѣ Etna я отмѣтилъ въ t индивидуально такой же взрывъ, какъ въ t не передъ n, но нормально общій для t и n языковой затворъ остается для всего сочетанія нетронутымъ, а t взрывается сквозь носъ, т.-е. нёбная занавѣска отрывается отъ зѣвной стѣнки (взрывъ «фаукальный»), что даетъ выдыхаемому току нужное для n направленіе черезъ носъ; подобно въ «dnia», «na Etnie», гдѣ затворъ d, t имѣетъ свойственную ņ палатальную, мягкую артикуляцію, но отсутствіе нормальнаго взрыва мѣшаетъ развитію ихъ въ ʒ̧, ç̌. Въ mydło, mydle затворъ переднимъ языкомъ, общій для d и ł, l, остается подобнымъ образомъ нетронутымъ въ продолженіи всего сочетанія, взрывъ d становится «боковымъ», т.-е. состоится по бокамъ языка, что даетъ выдыхаемому току свойственное л боковое направленіе.

Всѣ славянскіе языки произносятъ подобныя сочетанія такимъ же образомъ; пусть напр. чехъ обратитъ вниманіе на «Etna», «Etnie» (t дорсальное), metlice, или на встрѣчу t и n также въ плавной рѣчи, напр. ...dát něco (вм. dáti), въ различіе отъ t передъ m, напр., въ dát mu to; пусть сербъ произнесетъ свое dnevice, tlo, болгаринъ «отъ насъ» (выг. od nas), «отъ ламбата» (odł-); малорусъ «сегодня», «їдло», великорусъ дня, для (ср. Томсонъ, Общ. Яз. стр. 232), и т. д.

Эти явленія принадлежатъ не только славянской рѣчи, они—принадлежность всѣхъ языковъ. Но они заслуживаютъ особаго вниманія, какъ моментъ крупнаго значенія въ звуковой жизни славянскихъ языковъ; ср. мою статью «Русск. тьма—дня, польск. ćma—dnia» въ Сборникѣ въ честь Корша, Москва 1896.

169. Затронутыя въ **168** явленія ведутъ, какъ мы видѣли, къ измѣненію послѣдней части согласнаго (его «рекурсіи», англ. «off-glide») подъ вліяніемъ слѣдующей согласной артикуляціи. Эта черта свойственна не только сочетаніямъ tn, pm, dl и под.; измѣненіе «off-glide» согласнаго, даже полное его исчезновеніе встрѣчается и въ сочетаніяхъ другого рода. Указанный въ **166** принципъ прямо объясняетъ, какъ при тѣсной встрѣчѣ двухъ тождественныхъ согласныхъ ихъ артикуляціи сливаются въ одну; славянскія l+l, s+s, š+š (z+s, ž+š, ср. **197**) и т. д. сливаются въ одну, непрерывную артикуляцію l, s, š и т. д., а затворныя t+t, b+b (d+t, p+b, ср. **197**) и т. д.

образуютъ нормально не двѣ, но одну связную артикуляцію t, b и т. д., безъ взрыва внутри. Слѣдуетъ ли считать результатомъ одинъ, эвентуально долгій согласный, l̄, s̄, p̄ и т. д., или же двойные ll, ss, pp и пр., это зависитъ отъ распредѣленія выдыханія; помощью его можно сдержать данное образованіе въ одномъ слогѣ или раздѣлить его на два. При такомъ слитіи артикуляцій послѣдняя часть перваго согласнаго вполнѣ исчезаетъ; взрывъ перваго затворнаго вовсе не состоится.

Тотъ же самый результатъ является вообще и тамъ, гдѣ образованіе соприкасающихся согласныхъ однородно, но не идентично, напр., при встрѣчѣ твердыхъ и мягкихъ оттѣнковъ одной и той же согласной категоріи. Указанное Педерсеномъ въ чешскомъ языкѣ сочетаніе ťt съ сохраненіемъ самостоятельнаго взрыва ť является исключеніемъ изъ того общаго развитія, примѣръ котораго представляетъ переходъ русскаго «будь то» въ «бутто», съ потерей взрыва и слѣдующимъ полнымъ уподобленіемъ артикуляціи перваго согласнаго (ср. выше **19**; далѣе напр. «Описаніе одного говора», стр. 83—84 и 111). Подобное слитіе, съ потерей взрыва перваго согласнаго, наблюдаемъ правильно при встрѣчѣ t, d съ c, č и под.; самостоятельное t, d по **44** не вполнѣ тождественно съ элементомъ t, d въ c, ʒ, č, ǯ и т. д., но результатомъ встрѣчи является вообще слитное c, ʒ, č и т. д. съ удлиненной затворной частью, «паузой» (**218**).

170. Теоретически интересные примѣры измѣненія «off-glide» согласнаго при встрѣчѣ съ различнымъ согласнымъ образованіемъ представляютъ славянскіе слитные согласные, c, č, ǯ и т. д.; въ нихъ присутствуютъ и затворный и фрикативный элементы, но рекурсія перваго, вмѣсто нормальнаго вида, проходитъ черезъ звукъ свистящій или шипящій; въ славянской звуковой системѣ слитные представляютъ однако уже звуковыя единицы — ср. **44** и группировку въ **45** сл. Но тамъ, гдѣ сочетанія t+s, t+š и под. различаются отъ слитныхъ, затворный элементъ этихъ сочетаній развиваетъ свою рекурсію совсѣмъ подобнымъ образомъ подъ вліяніемъ фрикативной части. А эта модификація рекурсіи затворной части, обусловливающая болѣе тѣсную связь двухъ звуковъ, объясняетъ, почему сочетанія въ родѣ ť+s или t+ś, хотя бы и не сливались въ c, ć, однако склоняются къ уподобленію, съ результатомъ или t+s, или ť+ś и т. д. [1]).

171. Редукція въ рекурсіи согласнаго можетъ состояться и при встрѣчѣ

[1]) Изъ подобныхъ сочетаній въ другихъ согласныхъ категоріяхъ отмѣчено мною лишь k+x, напр., въ малорусскомъ «такъ хорошій»; повидимому k сохраняетъ вполнѣ нормальный, обыкновенный свой взрывъ, прежде чѣмъ образуется x.

съ согласнымъ, не имѣющимъ никакихъ общихъ артикуляціонныхъ чертъ, даже никакого артикуляціоннаго сходства съ первымъ. Особый интересъ имѣютъ въ этомъ отношеніи столкновенія разнаго рода затворныхъ согласныхъ. Въ нѣмецкомъ яз. (Сиверсъ 457) сочетанія въ родѣ kt могутъ образовать затворъ t раньше взрыва k; взрывъ k въ полости рта, закрытой артикуляціей t, становится тогда неслышнымъ; въ другихъ сочетаніяхъ, какъ pt, tk, затворъ послѣдняго согласнаго имѣетъ мѣсто опять раньше взрыва перваго, и хотя этотъ взрывъ имѣетъ здѣсь мѣсто не въ «мѣшкѣ», но затворъ второго затворнаго задерживаетъ давленіе выдыхаемаго тока, такъ что взрывъ перваго согласнаго и при такомъ сочетаніи мало слышенъ; въ сочетаніяхъ же какъ ptk срединный согласный по той же причинѣ и не оставляетъ никакого акустическаго впечатлѣнія а исчезаетъ: Hauptkunststück звучитъ -pk-. Иначе, напр., въ моемъ родномъ языкѣ; въ немъ первый согласный сочетаній въ родѣ приведенныхъ взрывается раньше образованія затвора второго, и потому звучитъ вполнѣ такъ, какъ и въ другомъ положеніи.

Насколько я изслѣдовалъ дѣло, славянская рѣчь согласуется въ данномъ явленіи больше съ скандинавскимъ произношеніемъ, чѣмъ съ упомянутымъ нѣмецкимъ. При столкновеніи затворныхъ разнаго рода, первый обыкновенно сохраняетъ свою артикуляцію неприкосновенной, какъ напр. передъ паузой. Это отмѣчено при k передъ t, p передъ t, k передъ p, напр., въ болгарскомъ «октомврий», «септемврий», «ка́къ питашъ» и под.; при p + k въ сербскомъ тапка; въ малорусскомъ при k + t (кто, к тобі), k + p (к полудню, ко́нек по́льний [1]), g + b (так богато, т.-е. tag b-), t и p + k (латка, шапка), p + t (птиця); въ польскомъ при k + t (kto), k + p (on mak posieje), p + t (ptak), t + p (nad parkiem), t + k (pod konia); нѣмецкое «Hauptkunststück» польскій студентъ произнесъ мнѣ, когда я написалъ ему слово, съ полными p-t-k, какъ обыкновенно мои земляки [2]).

Однако, нельзя говорить объ опредѣленномъ правилѣ славянской рѣчи въ данномъ вопросѣ. Можно указать случаи съ потерей взрыва перваго согласнаго. Относительно великорусскаго языка не имѣю данныхъ; Томсонъ касается вопроса въ Общ. Яз. стр. 234, упоминая возможность произношенія, напр., «акта», «какъ бы» такъ, чтобы взрывъ перваго согласнаго произошелъ «въ пространство полости рта, уже закрытое болѣе переднимъ затворомъ второго согласнаго». Изъ такого произношенія онъ объясняетъ,

---

[1]) Саранча.

[2]) Но ср. во второй согласной группѣ «kunsštük» или «kunsštik», съ потерей t между s и š.

напр., переходъ старшаго Дбрянскъ въ Брянскъ; но яснаго изложенія о нынѣшнемъ произношеніи русской рѣчи онъ не даетъ. — Изъ чешскаго языка имѣю лишь пару замѣтокъ; напримѣръ, koroptve отмѣчено въ педантическомъ произношеніи со взрывнымъ p, но въ народномъ оно звучитъ korotve, какъ напр. když обыденно звучитъ «diš»; такая потеря скорѣе указываетъ на развитіе путемъ p, k безъ замѣтнаго взрыва[1]). — Въ малорусскомъ языкѣ t передъ p и d передъ b (напр. вид попа́, вид пото́ка, від Бо́га и др.) отмѣчены вообще безъ взрыва, за исключеніемъ особенно отчетливаго произношенія; при пробѣ съ «Hauptkunststück» я отмѣчалъ то p-t-k, то лишь p-k. — Изъ сербскаго яз. отмѣчено, напр., Топчидер безъ слышнаго взрыва п передъ ч. Въ болгарскомъ, подобно малорусскому, вниманіе привлекаетъ соприкосновеніе t со слѣдующимъ p; въ словѣ какъ отпъту́вамъ отмѣчено то t съ нормальнымъ взрывомъ, то, въ быстромъ произношеніи, безъ него. Особый интересъ представляетъ впрочемъ въ болгарскомъ сочетаніе t + k. Передъ велярнымъ k, напр., китка (т.-е. ḳitka), t сохраняетъ нормальный взрывъ; но передъ мягкимъ, передне-палатальнымъ k (ḳ), напр. въ множ. китки, развивается описанное въ **85** сочетаніе $\widehat{t\chi}$, безъ взрыва t.

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что для освѣщенія обсуждаемаго вопроса желательны дальнѣйшія наблюденія. Хотя бы и оказалось, что при столкновеніи разнаго рода затворныхъ нормальный взрывъ перваго нынѣ представляется обычнымъ, но нужно во всякомъ случаѣ спросить, можно ли считать это обычнымъ и для старшихъ эпохъ. Явленіе въ родѣ совпаденія на праславянской почвѣ kt съ tj (ср. напр. русское ночь : свѣча) какъ будто указываетъ на нѣчто другое; для освѣщенія переходовъ такого рода, развитіе какъ упомянутое только что болгарское tḳ > tχ̦ имѣетъ не мало значенія.

172. Въ данной связи можно затронуть еще нѣсколько наблюденій надъ концомъ согласнаго въ другого рода сочетаніяхъ. Въ примѣрахъ какъ польскія «pnie», «kmita», «kniaź», чешское «klin», отмѣченъ мною вообще нормальной взрывъ начальнаго затворнаго передъ n, m, l; но въ польскихъ p + š, b + ž, напр., przed nim (т.-е. pšédńim), положеніе языка для š, ž готово уже передъ взрывомъ затворнаго, — послѣдній взрывается «черезъ š, ž», такъ что сочетаніе напоминаетъ звукъ слитный. Нѣчто подобное отмѣчено для сочетанія kš напр., въ książe, гдѣ укладъ языка для š какъ будто начинается раньше взрыва k, такъ что послѣдній не проявляется такъ ясно и типично, какъ напр., передъ гласнымъ. — Въ сербскомъ сочетаніи пл, напр., plakati, plivati, л повидимому образуется раньше взрыва п, такъ что послѣдній полу-

---

[1]) Ср. у Фринты стр. 92 — 93.

чаетъ полу-боковой характеръ. А также въ кл, напр., klati, klin, при артикуляціонномъ отношеніи совсѣмъ другого характера, отмѣчено иногда подобное явленіе, или по крайней мѣрѣ начатіе образованія л раньше взрыва к, принимающаго подъ вліяніемъ этого нѣсколько особенный характеръ.

173. Упомянутыя въ **172** польскія сочетанія pš, bž представляютъ въ сущности уже примѣръ той части синтеза, къ которой теперь перейдемъ, а именно смѣшеніе удѣльныхъ артикуляцій соприкасающихся звуковъ. Главные случаи такого смѣшенія нужно въ славянской рѣчи искать въ важныхъ явленіяхъ «палатализаціи», «лабіализаціи» и «веляризаціи» — или лучше «лабіо-веляризаціи»; далѣе можно въ этой связи коснуться разныхъ ассимиляцій другого рода, изъ которыхъ намъ придется довольствоваться уподобленіемъ въ артикуляціи гортани.

Палатализація.

174. Подъ общимъ заглавіемъ «палатализаціи» входитъ въ терминологію славянской лингвистики рядъ фактовъ, происходившихъ и происходящихъ дѣйствительно на основаніи единаго физіологическаго принципа, но по своимъ результатамъ и послѣдствіямъ часто довольно разнородныхъ. Тѣмъ не менѣе оказывается практичнымъ собрать эти разнородныя явленія по возможности въ одномъ мѣстѣ, даже такія, которыя по своей природѣ могли бы войти въ другія части нашего изложенія.

Нужно прежде всего выяснить себѣ значеніе выраженія «палатализація» въ широкомъ смыслѣ, въ качествѣ того общаго принципа, который служитъ исходной точкой всѣхъ этихъ разнородныхъ явленій и вопросовъ [1]). Сравнивая артикуляцію гласныхъ передняго ряда, напр., e, i, съ артикуляціей гласныхъ задняго ряда, напр., o, u, мы относительно языка замѣчаемъ не только, что характерное съуженіе лежитъ дальше впереди или дальше сзади, но также, что вся языковая масса съ этой цѣлью сосредоточивается различно (**13**). При гласныхъ передняго ряда («мягкихъ», «палатальныхъ») она сосредоточивается впереди, приближаясь болѣе или менѣе къ передней (и средней) части твердаго нёба. Какое-нибудь j, χ, ц показываетъ намъ подобную артикуляцію типичнаго вида въ области согласныхъ. Вотъ эту артикуляціонную группу — въ гласныхъ, какъ и въ согласныхъ, — собранную

---

[1]) Соображенія Вондрака въ Slav. Gram. I, стр. 21—22 и др., по моему мало убѣдительны и поддаются критикѣ съ разныхъ сторонъ; такъ и его соображенія о «лабіализаціи», стр. 23—24.

у англійскихъ фонетиковъ подъ терминомъ «front», ея артикуляціонную и акустическую противоположность прочимъ артикуляціямъ, нужно выяснить себѣ и взять исходной точкой, чтобы понимать физіологическую подкладку «палатализаціи». Всякое вліяніе звуковъ этой артикуляціонной группы на удѣльную артикуляцію другихъ звуковъ — какъ предшествующихъ, такъ и слѣдующихъ —, прежде всего вліяніе прямо уподобляющее, а потомъ и дальнѣйшія звуковыя послѣдствія такого уподобленія — вотъ что нужно понимать подъ «палатализаціей» въ широкомъ смыслѣ.

175. Звуки, принадлежащіе артикуляціонной группѣ, уподобляющее вліяніе которой по **174** и есть «палатализація» въ широкомъ смыслѣ, отличаются своимъ вообще высокимъ собственнымъ звукомъ. Это то, что выражается въ обыденной терминологіи словомъ «мягкость». «Палатализація» какого-нибудь звука значитъ, съ акустической стороны, повышеніе его собственнаго звука; это дѣлаетъ его «мягче» для слуховыхъ ощущеній.

Соображаясь со сказаннымъ въ **8**, мы заключаемъ далѣе, что если дѣйствію «палатализаціи» подвергается гласный, то вліяніе выражается въ перемѣнѣ самого гласнаго по извѣстному направленію; ср. отмѣченное выше изъ разныхъ языковъ развитіе звука a подъ вліяніемъ окружающихъ мягкихъ звуковъ, въ ȧ-ä-e, u въ ü и под. Если же дѣйствію «палатализаціи» подвергается согласный, то характерный его шумъ можетъ оставаться болѣе или менѣе нетронутымъ, а «мягкость» выражается въ повышеніи собственнаго звука его резонатора или резонаторовъ; ср. «твердое» k въ ka съ «мягкимъ» въ ki, m въ ма съ ḿ въ ми, и т. д.

Для повышенія собственнаго звука согласныхъ пользуемся разными артикуляціонными средствами, — движеніями не только языка, но также и губъ. Это отлично излагается у Томсона, Общ. Яз. стр. 197 сл.; ссылаясь на него, можемъ ограничить дальнѣйшее изложеніе артикуляціонной стороны «палатализаціи» движеніями языка, какъ главнаго фактора.

176. Въ обычныхъ изложеніяхъ термину «палатализація» придается однако смыслъ поуже даннаго въ **174** опредѣленія и притомъ не ясно ограниченный. Не говоря о томъ, что иныя явленія, подходящія въ сущности подъ «палатализацію», нерѣдко опускаются, въ виду ихъ относительной незначительности, но терминъ съуживается на практикѣ и болѣе или менѣе ясными соображеніями теоретическаго характера. Стóитъ выяснить себѣ главное изъ этихъ соображеній.

Сравнивая сочетанія какъ ми : му, мы находимъ въ славянской рѣчи, какъ вообще и въ другихъ языкахъ, что положеніе языка, нужное для гласнаго, антиципируется раньше отвора согласнаго; въ ми м выговаривается

съ языковой массой сосредоточенной впереди, т.-е. м приспособлено или приравнено къ і; подобно к передъ и (і) обыкновенно выговаривается съ приспособленіемъ (приравненіемъ) къ слѣдующему і, сосредоточивая языковую массу впередъ и имѣя подъ вліяніемъ этого болѣе переднюю затворную область, сравнительно съ ка, ку. Но такое приравненіе, явная черта «палатализаціи» въ широкомъ смыслѣ (**174**), само по себѣ не представляетъ еще «палатализаціи» въ узкомъ смыслѣ, соображаясь съ явленіями славянской рѣчи. Такое приравненіе согласныхъ передъ гласными е, і наблюдаемъ правильно въ языкахъ, какъ сербскій или словенскій, но оно не подходитъ подъ понятіе «палатализація» въ узкомъ, такъ сказать техническомъ значеніи.

А именно, для послѣдняго нужно, чтобы указанное приравненіе выдѣляло особые, по собственному своему звуку высшіе (говоря популярно «мягкіе») согласные оттѣнки, съ болѣе или менѣе типичной «палатальной» (front) артикуляціей, — согласные, ставшіе въ систематическую, или скажемъ въ категорическую противоположность къ согласнымъ оттѣнкамъ, по собственному своему звуку низшимъ (популярно «твердымъ»), безъ такой «палатальной» (front) артикуляціи или приближенія къ ней. Хотя, напр., и словенское mi и русское и польское mi звучатъ сами по себѣ приблизительно тождественно («$\overset{i}{m}$i»), но по систематикѣ этихъ языковъ выходитъ разница. Въ польскомъ и русскомъ, m даннаго сочетанія входитъ въ особую категорію «мульированныхъ», «мягкихъ» согласныхъ, встрѣчаемыхъ и въ другомъ положеніи (ḿa, ḿo и т. д.); въ словенскомъ же и сербскомъ такое m встрѣчается исключительно передъ і, какъ существующій лишь здѣсь варіантъ. Значитъ, не артикуляція сама по себѣ, но составъ звуковой системы оправдываетъ употребленіе для транскрипціи польскаго или русскаго произношенія особаго знака «ḿi», въ противоположность словенскому, сербскому «mi».

177. Согласные упоминаемой артикуляціонной («front») и акустической («мягкой») категоріи могутъ, какъ извѣстно, развиваться и не подъ вліяніемъ сосѣднихъ артикуляцій. На славянской же почвѣ ихъ появленіе, какъ систематической категоріи, вызвано вообще вліяніемъ сосѣдней, чаще всего слѣдующей артикуляціи. Но это не мѣшаетъ, чтобы вызывающія ихъ причины могли варіировать по нарѣчіямъ и эпохамъ; съ этимъ нужно соображаться и при изслѣдованіи славянской рѣчи, особенно старшихъ эпохъ. Въ одномъ случаѣ, для развитія «мульированныхъ» согласныхъ нужно j (lj, nj и т. д.); въ другомъ случаѣ они вызываются также болѣе открытыми передне-нёбными образованіями, гласными і, е. — Разъ появившись, «мяг-

кая» категорія согласныхъ способна далѣе развиваться различно; она можетъ, съ самаго начала или позже, ограничиться меньшимъ числомъ согласныхъ, или же распространиться на бо̀льшую часть согласныхъ даннаго языка; именно этотъ моментъ обусловливаетъ типичные контрасты въ звуковомъ строѣ разныхъ славянскихъ языковъ; типичный случай встрѣчи такихъ контра̀стовъ имѣется на границѣ угрорусскихъ и восточнословацкихъ говоровъ, ср. Арх. XXI, стр. 57—58; припомнимъ, что на данномъ мѣстѣ очевидно нѣтъ рѣчи объ этнографической, племенной границѣ.

178. Подвергаясь палатализаціи, артикуляція разныхъ согласныхъ измѣняется разнымъ образомъ. Различаемъ три главныя группы. При губныхъ сосредоточеніе языковой массы впереди, съ приближеніемъ передней спинки къ твердому нёбу, можетъ состояться независимо отъ губной артикуляціи, оставляя послѣднюю вообще неизмѣненной; ср. м въ ma : mi. При велярныхъ самое мѣсто затвора или съуженія должно передвигаться впередъ; ср. к въ ka : ki. При зубныхъ въ широкомъ смыслѣ, преграда, на оборотъ, отодвигается взадъ, при образованіи согласныхъ или чисто дорсальнаго вида (согласные «палатальные», напр., ň, n̡, t̡ и т. д.) или переходнаго коронально-дорсальнаго вида (согласные «палатализованные», ń, t́ и т. д.); вполнѣ опредѣленныя границы между этими видами, какъ указано въ своемъ мѣстѣ, не всегда можно установить, ни артикуляціонно, ни акустически; но типичныя образованія того и другого такъ различны, что нужно по возможности провести грань между ними для живой рѣчи и припомнить ихъ различіе при соображеніяхъ о звуковой исторіи. Для явленій живой славянской рѣчи въ данномъ отношеніи указываю на обзоръ согласнаго состава отдѣльныхъ языко̀въ, **55** сл. Ссылаясь на него, можно предоставить самому читателю и соображенія насчетъ дальнѣйшаго развитія иныхъ изъ «мягкихъ» согласныхъ, какъ напр. š̡, ž̡ изъ мягкихъ s, z на польской и малорусской почвѣ, и далѣе разнаго рода сравненія и заключенія.

179. Развитіе зубныхъ согласныхъ при палатализаціи то въ палатальные, то лишь въ палатализованные согласные наводитъ уже мысль на выраженіе «степени» въ смягченіи. Однако, подъ терминъ «степень палатализаціи» удобнѣе подвести другой, болѣе обширный моментъ, весьма важный для пониманія существа палатализаціи, какъ въ широкомъ, такъ и въ болѣе узкомъ смыслѣ слова. Подъ степенью палатализаціи понимаемъ артикуляторно ту относительную энергію, съ которой происходитъ концентрація языкового тѣла по направленію къ переднему нёбу, т. е., практически по направленію къ «j», — акустически же ту относительную высоту собственнаго звука, которой достигаетъ «мягкій» согласный.

Что дѣйствительно существуютъ степени указаннаго рода на славянской почвѣ, можно заключить и по славянскимъ наблюденіямъ. Розвадовскій, въ разговорѣ, употребилъ о болгарской рѣчи слово «полупалатализація», какъ выраженіе для общей разницы отъ того же явленія въ польской рѣчи, гдѣ палатализація дѣйствительно имѣетъ, какъ мы увидимъ, степень «сильнѣйшую», «высшую», т. е. съ развитіемъ болѣе высокихъ собственныхъ звуковъ согласныхъ, нежели въ болгарскомъ языкѣ. Намеки на это отношеніе встрѣчаются также у Облака въ статьѣ «Einige Cap. aus der bulg. Grammatik», Арх. XVII, напр. на стр. 153; укажу еще на соображенія Шахматова въ статьѣ «Wie im kleinruss. die Palatalisation... vor e und i verloren ging», Арх. XXV 222 сл. Такія часто встрѣчаемыя выраженія, какъ «болѣе» или «менѣе мягкій», «болѣе» или «менѣе палатальный» и подобныя, содержатъ, очевидно, часто намеки о неясныхъ для самого наблюдателя слуховыхъ ощущеніяхъ подобнаго рода. Перейдемъ къ средствамъ практическаго анализа и сравненія.

180. Путь для опредѣленія степени палатализаціи указанъ мною въ «Описаніи одного говора» и т. д. При отсутствіи категорической разницы между «твердыми» и «мягкими» согласными, въ произношеніи, напримѣръ, mi — mê — me — mä — ma, переходъ отъ m въ слѣдующій гласный происходитъ всюду безъ замѣтнаго между ними чужого гласнаго элемента; m приравнено къ гласному (ср. **176**), что можно обозначить экспонентомъ такъ: $\overset{i}{\text{m}}$i, $\overset{e}{\text{m}}$e, $\overset{\text{ä}}{\text{m}}$ä и т. д. Иначе въ языкахъ съ «палатализаціей» въ узкомъ смыслѣ. Сравненіе, напримѣръ, великорусскихъ миръ — мѣръ — мять — мятъ или пить — пѣть — пѣтъ — пять — пятъ показываетъ, что губной не приравненъ въ каждомъ случаѣ къ слѣдующему гласному, но имѣетъ отчасти высшее положеніе языка чѣмъ свойственное гласному, и поэтому звучитъ между ними переходный гласный элементъ характера і или е. Разныя нарѣчія выказываютъ не одну и ту же степень; въ одномъ имѣемъ, напримѣръ, $\overset{i}{\text{m}}$i, $\overset{\hat{e}}{\text{m}}$ê, съ приравненіемъ, но $\overset{\hat{e}}{\text{m}}$e; въ другомъ, можетъ быть, $\overset{i}{\text{m}}$i, но уже $\overset{i}{\text{m}}$ê, въ третьемъ за то $\overset{i}{\text{m}}$i, $\overset{\hat{e}}{\text{m}}$ê, $\overset{e}{\text{m}}$e — а лишь при ä «$\overset{e}{\text{m}}$ä», «$\overset{e}{\text{p}}$ä» и т. д. Такое простое сравненіе позволяетъ установить для губныхъ «ê'овую», «і'овую», «е'овую» и т. д. степень палатализаціи. Понятно, что можетъ развиться и степень выше і, до фрикативнаго j, — даже, можно сказать, до полнаго затвора передней спинкой языка о твердое нёбо; съ этимъ нужно считаться при объясненіи развивающихся нерѣдко ņ, ļ въ случаяхъ какъ «мнясо», «мљезинац» (при мје-, ме-).

181. Указанныя въ **180** отношенія при губныхъ проявляются и при прочихъ согласныхъ. Напримѣръ, можно приравнить k : $\overset{i}{\text{k}}$i, $\overset{e}{\text{k}}$e, $\overset{\text{ä}}{\text{k}}$ä, какъ въ

нѣмецкомъ произношеніи; можно слышать въ сочетаніи k + i: «$\overset{i}{k}$i», между тѣмъ какъ k + e звучитъ «$\overset{i}{k}$e» или «$\overset{\hat{e}}{k}$e» и т. д. Сравненіе, напр., нѣмецкаго kennen съ русскимъ «кѣмъ» показываетъ въ первомъ случаѣ приравненіе, во второмъ же высшій собственный звукъ въ k, чѣмъ въ гласномъ, выступающій для слуха прежде всего въ особомъ переходномъ гласномъ элементѣ между ними. Хотя движенія, обусловливающія «і'овую», «ê'овую» и т. д. степень артикуляціи при велярныхъ и зубныхъ согласныхъ, не тождественны съ движеніемъ языка при губныхъ (**178**), но достигаются вполнѣ параллельные оттѣнки; можно всюду приравнять собственный звукъ согласнаго къ гласному ($\overset{i}{k}$i, $\overset{e}{k}$e, $\overset{\bar{a}}{k}$ä, $\overset{i}{l}$i, $\overset{e}{l}$e, $\overset{\bar{a}}{l}$ä), но можно и повысить первый надъ высоту второго ($\overset{i}{k}$e, $\overset{i}{l}$e, $\overset{\hat{e}}{l}$e и т. д.). Разновидныя артикуляціонныя движенія собираются, такимъ образомъ, подъ общій акустическій принципъ, дающій слуху удобное средство для установленія «степени палатализаціи», согласно съ даннымъ въ **179** опредѣленіемъ.

182. Въ образованной великорусской рѣчи степень палатализаціи губныхъ не доходитъ до і; «мясо» въ произношеніи «$\overset{i}{m}$a-», часто слышномъ въ устахъ иностранцевъ, не удовлетворяетъ русскаго. Не имѣю матеріала, чтобы высказаться насчетъ общей для всѣхъ согласныхъ степени. Но мои изслѣдованія лѣтомъ 1902 г. привели къ заключенію объ интересной разницѣ въ палатализаціонной степени между извѣстными южновеликорусскими и однимъ сѣверновеликорусскимъ говорами: первые имѣютъ вообще «ê'овую», послѣдній, за исключеніемъ передъ старымъ ѣ, лишь «е'овую» степень; ср. «Отчетъ... Отд. р. яз. и слов. за 1902 г.» и «Описаніе одного говора».

Въ галицкомъ малорусскомъ произношеніи губные указываютъ на степень «і'овую»; это ясно слышно, напримѣръ, въ мясо, вязати, гдѣ переходный гласный элементъ послѣ отвора $\overset{i}{m}$, $\overset{i}{v}$ обыкновенно развивается въ полное i̯: «$\overset{i}{m}$i̯a-», «$\overset{i}{v}$i̯a-», и под. Для народныхъ говоровъ я указалъ на совершенно подобное развитіе въ угрорусскомъ. Съ этимъ произношеніемъ совпадаетъ также, напримѣръ, «zdoro$\overset{i}{v}$i̯a», здоровье.

Скудные остатки палатализаціи въ чешскомъ яз. (Педерсенъ § 10) не даютъ основанія для заключеній по упоминаемому вопросу, кромѣ развѣ историческихъ. — Въ польской рѣчи (Розвадовскій, Szkic, § 26) имѣемъ вообще высокую степень; при губныхъ «і'овую», даже степень узкаго і; поэтому передъ ê (напримѣръ, wiejski, wpięcie) обыкновенно звучитъ «$\overset{i}{v}$ê-», «$\overset{i}{p}$ę̂-» (впрочемъ, отмѣчено также «$\overset{\hat{e}}{v}$ê-», «$\overset{\hat{e}}{p}$ę̂-»); едва ли нужно напоминать, какъ сильно различается v, напр., въ wieź, отъ лишь «приравненнаго», напр., въ wesoły.

Въ сравненіи съ этой высокой степенью, болгарская звучитъ по **179** какъ «полупалатализація». Мы коснулись этого отчасти въ описаніи гласнаго состава болгарской рѣчи, поднимая вопросъ, нужно ли различать палатализацію передъ старымъ ѣ отъ палатализаціи другого происхожденія. Болгарское «мѣсто», «вѣра» можно обозначить коэффиціентомъ $\overset{e}{\mathrm{m}}$a- ($\overset{e}{\mathrm{m}}$ȧ-, $\overset{e}{\mathrm{m}}$ä-), $\overset{e}{\mathrm{v}}$a-; иногда произношеніе развиваетъ переходный гласный элементъ такъ ясно, что звучитъ приблизительно «me̯ȧ-», «ve̯a-». Въ мягкомъ n (n̦), самый видъ затвора вызываетъ скорѣе впечатлѣніе «степени i»; насчетъ s я колебался въ опредѣленіи, какъ и насчетъ l (хотя, напримѣръ, «голѣмъ» склоняло меня скорѣе къ обозначенію «go$\overset{e}{\mathrm{l}}$am» чѣмъ «go$\overset{i}{\mathrm{l}}$am»); зато для r, t, d, с отмѣчена по Стоилову вообще отчетливая «е'овая степень» (и скорѣе: степень открытаго е): «видѣлъ», «рѣдко» въ грубой транскрипціи «-de̯ał», «re̯atko̯», и под. (**89**); особенно въ r палатализація, судя по этому источнику, часто сказывается слабо, склоняясь какъ будто къ исчезновенію. Передъ старшими е, і выступаетъ вообще лишь видъ «приравненный» (den, seło и под.); объ особомъ положеніи звуковъ k, g по отношенію къ палатализаціи указываю на **85**.

Затронутое обособленное положеніе k, g въ болгарской системѣ и разныя другія явленія показываютъ, что слѣдуетъ быть очень осторожнымъ въ обобщеніяхъ на основаніи степени палатализаціи отдѣльной согласной категоріи; каждая такая категорія, даже каждый отдѣльный звукъ можетъ отличаться особыми чертами. Но это не мѣшаетъ соображаться со степенью палатализаціи, какъ важнымъ моментомъ этого явленія; различія и передвиженія въ этой степени могутъ давать историку языка удобную подкладку въ жизни славянскихъ языковъ для физіологическаго объясненія частичныхъ или общихъ перемѣнъ въ границѣ между «приравненіемъ» и «палатализаціей» въ техническомъ смыслѣ.

183. Ассимиляціонная способность палатализаціи («мягкости») внутри сочетанія согласныхъ различна и по языкамъ и по природѣ согласныхъ группъ. Въ чешскомъ яз., палатализація лишь въ единичномъ случаѣ распространяется отъ одного согласнаго на сосѣдній, а именно отъ ň на предшествующее t, d, напримѣръ, въ četnik (Педерсенъ, стр. 116); а такъ какъ такое сочетаніе не даетъ звукамъ t, d взрываться нормальнымъ образомъ (**167**), то ихъ мягкость не выступаетъ особенно отчетливо. Въ другихъ сочетаніяхъ, даже настолько гомоорганныхъ какъ sň (напр., sňatek, pisnička и под.), палатализація ň не распространяется; s не получаетъ той болѣе дорсальной выпуклости передняго языка, которая появилась бы, напр., въ

русскомъ произношеніи. — И сербскій языкъ представляетъ лишь очень ограниченное число такихъ ассимиляцій. Въ примѣрѣ какъ хљеб, насколько х еще сохраняется, оно представляетъ собой «х́»; передъ ђ (т. е. ẓ́) n переходитъ въ ŋ (или ň): онђе = «onẓ́e»[1]). Но напримѣръ въ стјеница, о мягкомъ t котораго ср. **81**, с не различается замѣтно отъ нормальнаго твердаго. — Изъ болгарской рѣчи не могу указать ясныхъ случаевъ упоминаемой ассимиляціи; въ хлѣбъ (хľа́р) х двигается впередъ, но не сильно, до «полумягкости» (**181**); n передъ č́, напримѣръ конче (kónče), по звуку приближается къ ŋ, но не переходитъ въ него, а ł въ подобномъ положеніи остается неприкосновеннымъ (столче — stołče; ср. ł въ русскомъ, напр. ополченіе).

Въ польскомъ, мало- и великорусскомъ языкахъ дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе. Во первыхъ, въ сочетаніяхъ согласныхъ съ общей областью образованія преграды, мягкая артикуляція слѣдующаго согласнаго передается вообще предшествующему согласному. Такъ, зубной передъ мягкимъ зубнымъ становится вообще мягкимъ; ср. переходъ первоначальнаго s въ ṣ́ въ польскихъ nieść, myśl, pieśń (выг. ṕêṣ́ṋ или ṕêṣ́), чему соотвѣтствуютъ формы произношенія въ великорусскомъ; далѣе мягкія t d передъ мягкимъ n (Etnie, dnia), переходъ n + ć въ ńć, произношеніе напримѣръ rozdzielonych съ «źdź», т.-е. -ẓ́ẓ́-; внѣ ряда зубныхъ стоитъ въ данномъ отношеніи ł, ср. случаи вродѣ półćwierci, półdziewiąta, съ чѣмъ согласуется опять великорусское произношеніе. Изъ малорусскаго достаточно привести пару примѣровъ вродѣ сліпий : ṣ́ľірẏ̧і̯, снідати : ṣ́ńі-, ď въ сегодня; въ стіна звучитъ скорѣе ś, ср. великорусское сь, но діалектически также «ṣ́ťiná»; въ стрітив отмѣчено лишь твердое ст-, вѣроятно потому, что r въ сущности не палатализовано (ср. **61**).

Но и въ сочетаніяхъ согласныхъ съ вполнѣ различной областью преграды переходъ мягкости, т. е. ассимиляція подъ высокій собственный звукъ, весьма обыченъ въ этихъ же языкахъ, и бываетъ очевидно по параллельнымъ принципамъ, хотя и не всегда съ соотвѣтствующими подробностями. Относительно сѣверновеликорусскаго яз. укажу на свое «Описаніе одного говора», стр. 85 сл.; въ немъ зубной правильно смягчается передъ мягкимъ губнымъ, между тѣмъ какъ губной и велярный чаще не поддаются вліянію слѣдующаго мягкаго зубного; въ прочихъ сочетаніяхъ (зубной передъ «гортаннымъ», губной передъ такимъ же и обратно) является коле-

---

[1]) Ср. дальнѣйшее развитіе вродѣ грожња, грожђе, лишће, бошњак, письменныя ш и ж которыхъ въ быстромъ произношеніи звучатъ по моему обыкновенно ṣ́, ẓ́ (ср. польскія письменныя ś, ź).

баніе. Эти черты, кажется, во всемъ существенномъ общи для великорусской рѣчи. О средней Россіи ср. Корша въ Арх. III, стр. 680 сл., съ критикой надъ данными Грота въ Фил. Разыск. Укажемъ, наконецъ, на выведенныя Чернышевымъ правила, Законы стр. 41 сл.: вообще наблюдается мягкость согласнаго передъ слѣдующимъ мягкимъ; ш, ж обыкновенно не смягчаются (здѣшній и под. съ «твердымъ» ш); губные передъ мягкими сонорными или т, д, с, з имѣютъ обыкновенно не полное смягченіе, но передъ мягкими губными и к, г, х смягчаются; мало способными къ умягченію оказываются к, г, х — напримѣръ, въ книга, хмель и под. имѣемъ лишь небольшое смягченіе начальнаго согласнаго; губные и зубные въ сочетаніяхъ какъ бью, судья, съѣлъ и под. Чернышевъ считаетъ согласными между твердымъ и мягкимъ. О смыслѣ такихъ акустическихъ оттѣнковъ въ мягкости указано въ **181**.—Изъ области малорусскихъ говоровъ (угрорусскаго) главныя черты упоминаемыхъ явленій указаны въ Арх. XVII стр. 345—346, ср. «Угрорусское нарѣчіе. . .», § 23. Съ ними согласуется, повидимому, вообще и образованная малорусская рѣчь: зубной смягчается передъ губнымъ (сьвітло, т.-е. ș̌v́itło, сьмих, т.-е. ș̌ḿix, сьпівати, т.-е. ș̌ṕiváty̧, дві, т.-е. ďv́i); велярный, по крайней мѣрѣ отчасти, передъ губнымъ (квітя—«ḱv́iťa»; передъ m, напримѣръ, кміт, не берусь опредѣлить характеръ к). — Изъ польскаго отмѣтимъ, напримѣръ, ḱ въ kniaź, ǵ въ gdzie; но для этого языка недостаетъ, сколько мнѣ извѣстно, подробныхъ изслѣдованій и обработокъ[1]); замѣчается колебаніе, причины котораго не могу указать. Особенно обращаетъ на себя вниманіе сочетаніе зубного со слѣдующимъ мягкимъ губнымъ; въ такомъ случаѣ и великорусскій и малорусскій языки смягчаютъ зубной; такое же развитіе показываютъ польскіе примѣры вродѣ świt, śmiać, świnia, śmiercielny, śpiewać, но иначе, напримѣръ, въ spisek, spisać, zmierzyć, zbierać; а такое колебаніе не ограничено сочетаніями съ предлогомъ, — отмѣчено, напримѣръ, «izbie» то съ z, то съ ẑ (ср. письменное «ź»); далѣе r передъ w, напримѣръ, въ «narwi», звучитъ по моему вообще твердымъ, — и т. д.

184. Хотя вліяніе палатализаціи на качество (предшествующихъ) гласныхъ происходитъ, нужно предположить, на основаніи одного общаго принципа, но результаты такого вліянія оказываются столь различными, что невозможно дойти на основаніи ихъ до общихъ выводовъ для славянской рѣчи; результаты варіируютъ не только отъ языка до языка, но часто отъ говора

---

[1]) Лишь для случаевъ, гдѣ встрѣчающіеся согласные принадлежатъ разнымъ словамъ, имѣемъ вполнѣ обработанный матеріалъ для освѣщенія явленій этого уподобленія; онъ составленъ у Tytus Benni въ Mat. i prace kom. jęz. I, 2 стр. 278 сл.

до говора, при томъ не только въ степени, но также въ направленіи перемѣнъ.

Особенно интересную систему мѣны гласныхъ подъ дѣйствіемъ палатализаціи я отмѣтилъ въ свое время въ угрорусскихъ говорахъ: на мѣстѣ «открытаго» оттѣнка является въ мягкомъ слогѣ вообще соотвѣтствующій (напряженно-) «закрытый»: e > ê, i > î, o > ô, u > û; въ гласныхъ передняго ряда это легко объяснимо, такой переходъ для нихъ представляетъ повышеніе собственнаго звука; но для o, u указанный переходъ обозначаетъ обратно пониженіе собственнаго звука, т. е. какъ будто удаленіе отъ качества, свойственнаго именно «мягкимъ» звукамъ. О подробностяхъ этой системы, развившей далѣе родъ «гласной гармоніи» для дальнѣйшихъ слоговъ, можно указать на изложеніе въ Арх. XVII и въ «Угрорусскомъ нарѣчіи».

Подобной, строго проведенной системы я кромѣ даннаго нарѣчія не наблюдалъ; потому и не позволительно строить на ней слишкомъ широкія заключенія. Но слѣды подобнаго развитія встрѣчаются повидимому въ немаломъ объемѣ на малорусской почвѣ; сюда отношу, изъ рѣчи интеллигенціи, отмѣченное въ **132** отношеніе u: û ударяемаго слога, напр., пу́хнути: путь. Однако, на гласные задняго ряда вліяніе палатализаціи сказывается здѣсь, какъ обыкновенно въ славянской рѣчи, чаще въ движеніи впередъ, что повышаетъ собственный звукъ (u > ü, a > ä и под.); это соотвѣтствуетъ акустическому результату при ў подъ подобнымъ вліяніемъ (ср. **136**) и слѣдамъ вліянія палатализаціи на гласные передняго ряда.

Въ великорусскомъ, и — по **120** — также въ польскомъ языкахъ, обращаетъ на себя вниманіе прежде всего развитіе e > ê; прочія вліянія палатализаціи на качество гласныхъ не такъ послѣдовательны, хотя отчасти и ясно замѣтны; общимъ принципомъ нужно для этихъ языковъ считать повышеніе собственнаго звука гласнаго въ «мягкомъ» слогѣ, на что обратили вниманіе уже многіе изслѣдователи (Бётлингкъ, Гротъ, Коршъ м. пр. въ «Двоегласныхъ», стр. 319 и 322; Свитъ, Russ. Pron., стр. 551). — О прочихъ подробностяхъ даннаго вопроса, т.-е. объ измѣненіяхъ качества гласныхъ подъ дѣйствіемъ «мягкихъ» звуковъ, какъ слѣдующихъ, такъ и предшествующихъ, могу довольствоваться указаніемъ на обзоръ гласнаго состава отдѣльныхъ языковъ въ предыдущей главѣ.

185. Между гласнымъ и «мягкимъ» согласнымъ (напр. въ сочетаніи ḿa или aḿ) легко развивается гласный элементъ передняго ряда, болѣе или менѣе ясное «i», «e»; развитіе такого переходнаго элемента («$ḿ^{i}a$», «$a^{i}ḿ$», «$ḿ^{i}a^{i}ḿ$») не слѣдуетъ смѣшивать съ перемѣнами въ самомъ «ядрѣ» гласнаго (ср. въ **184**). Переходные элементы упомянутаго рода не выступаютъ всюду

съ ровной ясностью; напр., между ť, ď, ň и слѣдующимъ гласнымъ въ чешскомъ яз. я не наблюдалъ отчетливаго [i]; но часто они въ славянской рѣчи сильно поражаютъ чужой слухъ; великорусское ами звучитъ по Свиту для непривыкшаго слуха почти какъ «aimi», конечно вслѣдствіе антиципаціи положенія языка для слѣдующаго і, уже раньше образованія затвора m — какъ обратно въ какомъ-нибудь мя переднее положеніе языка, свойственное ḿ, можетъ продолжаться послѣ отвора, развивая полное i̯, какъ въ упомянутыхъ выше въ **182** малорусскихъ формахъ «ḿi̯aso», «v́i̯azáty» и под. О польскомъ koń Томсенъ отмѣчаетъ Mém. Soc. Ling. III, 109, что оно звучитъ почти какъ «koinj» (Стормъ, Engl. Phil. стр. 77), также и słońce звучитъ по моему нерѣдко скорѣе «słoi̯ńce». О развитіи и роли этого паразитнаго элемента въ діалектическомъ малорусскомъ произношеніи подробно въ «Угрор. нар. с. Убли», стр. 36 сл.

Такой переходный звукъ выступаетъ вообще ярче около гласнаго широкаго образованія. Но и другіе, мнѣ не вполнѣ ясные моменты играютъ, очевидно, роль въ вопросѣ о развитіи или неразвитіи ясно слышнаго переходнаго «і» или «е». Почему, напр., между мягкимъ l (ľ или даже l̯) и слѣдующимъ u въ одномъ случаѣ звучитъ отчетливое [i], въ другомъ нѣтъ замѣтнаго і'оваго переходнаго элемента? Почему въ одномъ языкѣ между мягкимъ губнымъ и а развилось полное i̯ (ср. о малорусскомъ въ **182**), а въ другомъ нѣтъ?

186. Упомянутый въ **185**, сначала лишь переходный элементъ иногда остается, между тѣмъ какъ вызвавшая его «мягкость» согласнаго исчезаетъ. Такое развитіе представляютъ, напр., говоры восточнословацкіе въ формахъ вродѣ koi̯s (кость), неопр. ńêi̯s (нести); ср. мои «Studien». Въ образованной малорусской рѣчи прежняя мягкость r оставила слѣдъ въ случаяхъ какъ buri̯a, буря (но, напр., косар, ср. **61**), съ чѣмъ согласуется восточнословацкое morjo, morja и под. Богатый матеріалъ представляетъ по данному явленію языкъ словенскій. Мягкія n, l, r развились повидимому до разныхъ ступеней; на это указываютъ, между прочимъ, и разныя обозначенія (Шкрабецъ, O glasu, стр. 26, избралъ nj, lj, напр. volja, njiva, ср. выше **73**; Плетершникъ употребляетъ лишь lj и под.). Въ люблянскомъ произношеніи я наблюдалъ только обыкновенныя, твердыя l, n (**73**); слѣдъ прежней мягкости сохраняется эвентуально какъ полное i̯, обыкновенно передъ согласнымъ n: lái̯nske lẹ́t (или lánske lẹ́t, прошлый годъ, ср. у Плет. слова lȁnjski и lẹ̑to); kǒi̯n, род. kǒ'i̯na, Плет. kȍnj kónja; koi̯nák и вульгарно kei̯nák, Плет. konják, конюшня; глагольное существительное, у Плет. -nje, звучитъ -i̯ne, напр. gonei̯ne гоненіе. Часто однако и этотъ слѣдъ пропалъ, при l

повидимому правильно; Плет. uljnják я слышалъ лишь какъ ulnák или l̥nák; ср. golobnák; diu̯i̯ákna (Плет. divjákinja), prostákna и под.; mêlem (Плет. наст. mẹljem, неопр. mlêt, Плет. mlẹti); væ̂lat или velàt, наст. velâ (Плет. vêljati, veljâ); pôle, дат. pôl·e или pôl и т. д. (Плет. pọlje или poljệ). При r паразитное i̯ или j развилось, въ отмѣченныхъ мною случаяхъ, послѣ согласнаго; такъ не только въ rjût (Плет. rjûti), но также môrje (Плет. morjệ). Подобное положеніе i̯ при n видимъ, напр., въ dini̯a (Плет. dinja), чаще впрочемъ отмѣчаемомъ безъ слѣда мягкости: им. di'na, вин. di'no, дат.-мѣст. din, род. мн. din, и т. д.

187. Вниманія заслуживаютъ наконецъ (Сиверсъ 489) и тѣ переходные согласные фрикативнаго характера, которые часто являются въ связи съ развитіемъ палатальныхъ и палатализованныхъ затворныхъ. Къ затворному прилипаетъ, послѣ открытія затвора, пока передній языкъ не успѣлъ еще удалиться достаточно отъ нёба, какое-то j, χ или—въ зависимости отъ направленія экспираторнаго тока (**38**)—ž̧, ş̌. При развитіи такого фрикативнаго элемента становится, какъ правильно говоритъ Сиверсъ, весьма труднымъ опредѣлить границу, гдѣ «палатализованный затворный» уступаетъ мѣсто «палатализованной аффрикатѣ»; это выступаетъ очень явственно именно въ славянской рѣчи; не говоря о давнемъ переходѣ этимъ путемъ k, g въ č ʒ́, имѣется въ живыхъ языкахъ достаточно примѣровъ.

Въ польскомъ языкѣ развитіе, какъ извѣстно, вполнѣ перешло упомянутую границу; гдѣ старшія мягкія t, d—вѣроятно «ť», «ď»—могли взрываться нормальнымъ образомъ, они развились въ ç̌ ǯ, аффрикаты ряда ş̌-ž̧. Иначе въ чешскомъ языкѣ: послѣ ť, ď здѣсь не замѣчается явной ассибиляціи, а лишь незначительный, слабо развитый переходный звукъ, не собственно «шипящій», а скорѣе характера «χ» (j).

У малорусской интеллигенціи ť, ď, судя по Зилиньскому, выговариваются подобно упомянутымъ чешскимъ мягкимъ, т. е. со слѣдующимъ переходнымъ элементомъ скорѣе характера χ—j; на иное указываетъ переходъ ť въ c, ď въ ʒ въ восточнословацкомъ, вдоль границы угрорусскаго, ср. мои «Studien».

Наконецъ, въ великорусскомъ языкѣ можно слышать всевозможные виды и ступени, ť—ď съ переходнымъ звукомъ ряда χ (ср. у Томсона, Общ. Яз. стр. 255, въ приблизительной транскрипціи «раťх», «велѣťх», т. е. -ть), но также ť—ď съ болѣе или менѣе яснымъ свистящимъ элементомъ, а далѣе ť—ď, развившіяся уже въ явныя аффрикаты. Сопровождающій данные согласные фрикативный элементъ имѣетъ въ образованной великорусской рѣчи чаще всего, какъ кажется, характеръ свистящій, т. е.

ś, ź — въ различіе отъ польскаго шипящаго элемента; ср. замѣтки Корша въ Арх. III, стр. 674. При томъ разные оттѣнки произношенія встрѣчаются безъ возможности разграниченія; въ дядя, дѣло и под., произношенія ďa-dᶻa-ʒ́a, ďe-ʒ́e идутъ бокъ о бокъ. Несомнѣнно, діалектическая разница вліяетъ на выборъ оттѣнка; однако, даже у дѣтей одной и той же мѣстности можно, по моимъ наблюденіямъ, слышать не мало разницы. Вмѣшиваются, повидимому, и такіе моменты, какъ аффектъ и стиль. Позволю себѣ спросить, не влечетъ ли въ настоящее время и мода въ опредѣленное направленіе, а именно къ сильнѣйшей ассибиляціи, т. е. развивая ť все болѣе въ «ć», ď въ «ʒ́»? На сценѣ мнѣ кажется, по бѣглымъ моимъ наблюденіямъ, будто ассибиляція выступаетъ вообще сильнѣе, чѣмъ въ ровной обыденной рѣчи. Но пусть это будетъ сказано лишь съ оговоркой, какъ бѣглое впечатлѣніе, заслуживающее впрочемъ несомнѣнно вниманія.

188. По причинамъ, указаннымъ у Сиверса 493, смягченіе согласнаго имѣетъ мѣсто обыкновенно подъ вліяніемъ слѣдующаго звука. Подобное вліяніе со стороны звука предшествующаго вообще рѣдко. Отмѣтимъ однако изъ славянскихъ языковъ отдѣльные случаи перехода х въ х́, вызванные предшествующимъ і. Обыкновенное великорусское произношеніе оставляетъ х сочетанія -ихъ «твердымъ», т.-е. задне-велярнымъ; то же самое отмѣчено для чешскаго произношенія, напр., въ hřích. За то, въ рѣчи краковской интеллигенціи я отмѣтилъ, напр., takich съ явно переднимъ х, вродѣ сѣвернонѣмецкаго «ich», а отчасти быть можетъ съ передне-палатальнымъ χ (ср. саксонское «ich») — въ рѣзкомъ различіи отъ упомянутаго великорусскаго произношенія. Изъ мостарскаго сербскаго говора отмѣченъ подобнымъ образомъ, насколько звукъ сохраняется, оттѣнокъ х́ въ мртвих, добрих и под.; х (заднее) слова хтједосмо при предшествующемъ «ми» переходитъ въ х́: mix́ť[j]edosmo, и т. д.

Лабіализація.

189. Что свойственное инымъ звукамъ округленіе губъ передается, болѣе или менѣе, и сосѣднимъ звукамъ, особенно предшествующимъ, представляется столь обычнымъ явленіемъ, что чаще всего не обращаютъ на него вниманія. Такая передача округленія можетъ измѣнить гласные — ср. напр., приведенный изъ польскаго произношенія случай перехода і въ ü подъ вліяніемъ слѣдующаго u̯ (письменнаго ł), выше **119** и **121**, — но здѣсь разсмотримъ только переходъ округленія гласныхъ (o, u) на предшествующіе согласные.

Границы этого явленія, какъ кажется, приблизительно тождественны въ разныхъ славянскихъ языкахъ; поэтому можно довольствоваться приведеніемъ матеріала изъ двухъ-трехъ языковъ. Въ болгарскомъ языкѣ округленіе звука о переносится, повидимому, на всякій предшествующій согласный; такъ, на t, k, n, ł (той, кость — выгов. «kos» —, но, лозе); въ p (попъ) оно мало замѣтно, за то ясно въ шипящихъ (Шоповъ — т. е. ṡ́opof —, човѣкъ — т. е. c̆́ovék). Такъ же переносится округленіе звука u (туй, куче, лупа, ну, шурей, чулъ); передъ u и губная артикуляція p (пусто) измѣняется замѣтно, — губы выпячиваются впередъ, какъ при u. Въ группѣ согласныхъ округленіе можетъ переноситься и дальше непосредственно предшествующаго согласнаго; въ «свой» отмѣчено слабое округленіе и въ с; въ «строгъ» отмѣчено r съ степенью округленія самаго о, s остается вполнѣ нетронутымъ, а t колеблется — оно или совершенно безъ округленія, или же округляющее движеніе губъ начинается во время паузы, такъ что взрывная часть — лабіализована. Передъ u, въ примѣрѣ какъ «струна», лишь r отмѣчено округленнымъ, s и t нѣтъ; но въ «грубо», «другъ» округленіе не разъ отмѣчено и для g, d. Въ польскомъ произношеніи отмѣчены сходныя черты. Энергія лабіализаціи бываетъ различной, но на предшествующій согласный округленіе о и u вообще переходитъ (ср. k, t, l, n, x въ koń, Tomasz, lód, nurek, chory, chudy); въ b, p оно замѣтно хоть передъ u (ср., напр., burak съ baba). Округленіе можетъ перейти и на дальнѣйшіе согласные; въ chmura округляются и m и ch.

И слѣды перехода округленія на слѣдующіе согласные не трудно отмѣтить; особенно при звукахъ вродѣ š, ž (напр. великор. ужъ) онъ проявляется нерѣдко очень ясно; Свитъ указываетъ его для x послѣ у въ великорусскомъ нарѣчіи.

Итакъ, лабіализація въ употребляемомъ здѣсь смыслѣ играетъ извѣстную роль въ живомъ произношеніи славянской рѣчи; однако, рѣчь идетъ лишь о приравненіи, придающемъ вообще только бѣглую, мгновенную окраску. Иначе обстоитъ дѣло съ выросшей отчасти на той же почвѣ «лабіо-веляризаціей», которую потому и слѣдуетъ выдѣлить для особаго разсмотрѣнія.

Лабіо-веляризація.

190. Параллельно съ освѣщенной въ 174 сл. палатализаціей выступаетъ мѣстами въ славянской рѣчи, хотя далеко не въ такомъ же объемѣ и не съ такими же широкими послѣдствіями для всего звукового строя, явленіе

«веляризація». Для освѣщенія сути ея, какъ въ широкомъ, такъ и въ узкомъ смыслѣ, отмѣтимъ слѣдующіе моменты.

Какъ одна группа звуковыхъ образованій сосредоточиваетъ массу языкового тѣла впередъ и выгибаетъ переднюю его спинку къ твердому нёбу (англ. «front»), такъ другая группа отличается сосредоточеніемъ языковой массы взадъ и выгибаетъ заднюю спинку языка къ мягкому нёбу (ср. англ. «back»). Типичные представители послѣдней артикуляціонной группы имѣются въ гласныхъ о, u. Всякое уподобляющее вліяніе этой артикуляціонной группы на удѣльную артикуляцію другихъ звуковъ представляетъ «веляризацію» въ широкомъ смыслѣ.— Акустически упоминаемая артикуляціонная группа отличается вообще низкимъ собственнымъ звукомъ. Веляризація поэтому выражается акустически вообще въ пониженіи собственнаго звука; веляризованный звукъ становится, по популярной терминологіи, для слуховыхъ ощущеній болѣе «твердымъ» (т.-е., въ сущности, болѣе «низкимъ») въ сравненіи съ не-веляризованнымъ оттѣнкомъ. Разновидное дѣйствіе веляризаціи на гласные и на согласные вытекаетъ безъ дальнѣйшихъ объясненій изъ замѣтокъ о вполнѣ параллельномъ дѣйствіи палатализаціи въ **175**. Главнымъ для насъ представляется дѣйствіе на согласные; оставляя ихъ характерный шумъ болѣе или менѣе нетронутымъ, веляризація понижаетъ собственный звукъ ихъ резонатора или резонаторовъ.

Для такого пониженія собственнаго звука служитъ — въ связи съ обыкновенной артикуляціей гласныхъ «велярнаго» образованія — кромѣ движенія языка также округленіе губъ (Томсонъ, Общ. Яз., стр. 197 сл.); послѣдній моментъ играетъ столь важную роль въ связи съ собственной веляризаціей — иногда повидимому даже первенствующую роль, — что выраженіе «лабіо-веляризація» кажется болѣе умѣстнымъ.

Въ рамку лабіо-веляризаціи по данному выше опредѣленію входятъ между прочимъ также затронутыя въ **189** уподобленія. Но какъ при палатализаціи, нужно и для термина лабіо-веляризація выдѣлить значеніе болѣе узкое, на основаніи указанныхъ въ **176** соображеній. Приравненіе согласнаго къ сосѣднему о, u само по себѣ не представляетъ еще лабіо-веляризаціи въ узкомъ смыслѣ; такое приравненіе (k^o передъ о, $ш^u$ передъ u, и под., по **189**) выступаетъ болѣе или менѣе ясно, напримѣръ, также въ сербскомъ, чешскомъ и др. яз., гдѣ не имѣемъ лабіо-веляризаціи въ узкомъ, такъ сказать «техническомъ» значеніи слова. Для послѣдняго нужно, чтобы на основаніи такого уподобленія выдѣлились особые согласные оттѣнки, въ категорической противоположности къ оттѣнкамъ безъ такого особаго низкаго собственнаго звука.

191. Подвергаясь лабіо-веляризаціи, разные согласные достигаютъ пониженія собственнаго звука разными артикуляціонными движеніями. При губныхъ, кромѣ болѣе или менѣе сильнаго выпячиванія губъ впередъ, языкъ сосредоточиваетъ свою массу взадъ и приближаетъ заднюю спинку къ мягкому нёбу; такое движеніе вполнѣ независимо отъ губной артикуляціи; ср. м въ ма : му. При k—g, x—γ, кромѣ округленія, мѣсто съуженія или затвора передвигается взадъ; ср. k въ ka : ko : ky. При зубныхъ въ широкомъ смыслѣ, главнымъ моментомъ является, должно быть, вообще округленіе губъ; однако, извѣстное сосредоточеніе языковой массы взадъ при этомъ возможно, — или такъ, что вся артикуляція, включая и кончикъ языка, оттягивается взадъ, или же такъ, какъ мы наблюдаемъ въ типичномъ ł, что затворъ (съуженіе) остается приблизительно какъ и въ не-веляризованномъ видоизмѣненіи, а масса языкового тѣла, насколько она способна къ движеніямъ за областью преграды, сосредоточивается по направленію къ мягкому нёбу.

192. Лабіо-веляризація способна, на подобіе палатализаціи (**179**), развивать различныя степени, въ зависимости отъ той относительной энергіи, съ которой языкъ сосредоточивается взадъ, — она обыкновенно параллельна съ энергіей округленія (**6**); акустически эти степени выражаются въ относительномъ пониженіи собственнаго звука, практически — въ большемъ или меньшемъ приближеніи звука къ собственному звуку гласнаго u. Степень опредѣляется практически по переходному звуку отъ согласнаго къ слѣдующему гласному. Если имѣемъ предъ собой не только «$\overset{u}{m}$u» (съ приравненнымъ m, ср. коэффиціентъ), но также въ сочетаніи m + o наблюдается m съ собственнымъ звукомъ u : «$\overset{u}{m}$o» (что выступаетъ для слуха въ болѣе или менѣе явномъ переходномъ звукѣ ^{u} послѣ m : «m^{u}o» или «mu̯o»), то можно говорить объ «u'овой» степени лабіо-веляризаціи.

Эта степень представляется, повидимоу, единственной, на которую можно указать въ славянской рѣчи. Она проявляется въ польскихъ нарѣчіяхъ; примѣръ сильнаго развитія даннаго явленія въ народномъ польскомъ говорѣ дается Арх. V, стр. 377 сл.; ср. также указанія Вондрака въ Vgl. slav. Gram. стр. 93 [1]) и рядъ интересныхъ замѣтокъ съ примѣрами у Ляпунова въ «Лингв. Замѣткахъ» стр. 28 сл. [2]). Въ образованной польской рѣчи я не замѣчалъ

[1]) Его примѣры изъ сѣверновеликорусскаго нарѣчія на приведенномъ мѣстѣ нужно повидимому понимать иначе или же разсмотрѣть ихъ подъ другимъ угломъ зрѣнія, въ связи съ указанными мною въ «Описаніи одного говора» § 5 явленіями.

[2]) По поводу сочиненія Кульбакина «Къ исторіи и діал. польскаго языка» Р. Ф. В. LV (1906), 1, стр. 1 сл. Относительно нѣкоторой части приведеннаго Ляпуновымъ матеріала можно сослаться на сказанное въ прошломъ примѣчаніи.

лабіо-веляризаціи, въ узкомъ смыслѣ. Извѣстныя черты произношенія малорусскихъ лемковъ дѣлаютъ вѣроятнымъ для меня, что явленіе «лабіо-веляризація свойственно также ихъ языку; рѣшительно, однако, не могу высказаться, по недостаточному знакомству съ ихъ говоромъ. Обратимся за то къ великорусскому языку, гдѣ принципъ лабіо-веляризаціи выступаетъ отчасти явственно и признанъ наблюдателями уже нѣсколько времени назадъ.

193. Въ «Russ. Pron.», стр. 550 Свитъ говоритъ о великорусской рѣчи такъ: на согласные велярные и губные (и лишь на эти категоріи) слѣдующій гласный задняго ряда оказалъ такое вліяніе, что они выступаютъ съ «the back-round quality of a week English w»; особенно ясно это слышно по Свиту въ x; при k и g передъ o слышенъ лишь переходный звукъ вродѣ полу-подавленнаго «w», такъ что непривыкшее ухо склонно слышать то «ko», то «kwo» (насчетъ «w» нужно имѣть въ виду англійскую точку зрѣнія упомянутаго наблюдателя); о «ł» Свитъ замѣчаетъ, что оно имѣетъ само по себѣ настолько u'овое качество, что какія-нибудь «ł + o» — «$ł^u$ + o» врядъ ли было бы можно различать. Упомянутую «back-round», т.-е. лабіо-веляризованную артикуляцію Свитъ находитъ у губныхъ также передъ ы; оттуда онъ и объясняетъ, что сочетанія вы, мы, пы звучатъ для чужого уха какъ бы съ дифтонгомъ вродѣ «ui» (ср. выше **147**).

Финкъ (Phon. Studien IX) выставляетъ подобнымъ образомъ особую категорію великорусскихъ губныхъ и велярныхъ: b^u, p^u, v^u, f^u, m^u «съ гуттуро-лабіальнымъ переходнымъ звукомъ»; g^u, k^u съ удаленнымъ взадъ мѣстомъ затвора; x^u, γ^u съ съуженіемъ приблизительно какъ передъ a, но къ тому съ «гуттуро-лабіальнымъ переходнымъ звукомъ» — хотя здѣсь не столь явнымъ. Такую артикуляцію названныхъ согласныхъ Финкъ, подобно Свиту, констатируетъ не только передъ u и o, но также передъ ы; судя по его транскрипціи, она существуетъ и въ неударяемыхъ слогахъ, передъ у и ы—но конечно не передъ o, не встрѣчающимся въ неударяемыхъ великорусскихъ слогахъ.

194. Мои личныя наблюденія надъ великорусскимъ произношеніемъ не обращали до сихъ поръ, къ сожалѣнію, должнаго вниманія на вопросъ о лабіо-веляризаціи. Ея явленія привлекали вниманіе моего слуха лишь въ болѣе спорадическихъ случаяхъ, а не какъ частицы законнаго отношенія. Отмѣченныя подробности, напримѣръ, переходный элементъ ^{u} между губнымъ согласнымъ и слѣдующимъ ы, я потому и пытался объяснить не какъ Свитъ; ср., напримѣръ, «Угрорусское нарѣчіе...», § 6, «Описаніе одного говора...», стр. 105—106. Теперь я дошелъ до убѣжденія, что Свитъ (и Финкъ) въ существенномъ нашелъ правильную нить. Для полнаго освѣщенія

явленія недостаетъ, между тѣмъ, подробныхъ наблюденій. Отмѣтимъ поэтому кое-что изъ вопросовъ, требующихъ разработки.

Въ транскрипціяхъ Финка находимъ лабіо-веляризованные оттѣнки губныхъ и велярныхъ согласныхъ, какъ упомянуто, правильно передъ ударяемыми u, o, y (у, о, ы) и неударяемыми u, y (у, ы). Но встрѣчаются передъ этими гласными также «нормальные» оттѣнки губныхъ и велярныхъ, и то въ такомъ числѣ, для иныхъ случаевъ кромѣ того такъ послѣдовательно, что трудно объяснить ихъ помощью опечатокъ, небрежности или под.,— хотя съ другой стороны невозможно найти правила относительно ихъ появленія. Значитъ, даже приблизительныя границы упоминаемаго явленія еще не очерчены удовлетворительно. — Передъ ы старшаго происхожденія к, г, х въ нынѣшнемъ русскомъ языкѣ, какъ извѣстно, не встрѣчаются; зато они имѣются нерѣдко передъ ы — или близкимъ ему гласнымъ — въ такихъ случаяхъ какъ «кывану», къ Ивану. Свойственъ ли имъ въ этомъ положеніи оттѣнокъ лабіовеляризованный? Судя по Финку — нѣтъ; но недостаетъ опредѣленныхъ указаній.

По Финку, переходный «гуттуро-лабіальный» звукъ выступаетъ менѣе явственно при x^{u}, γ^{u}; Свитъ, обратно, говоритъ о сильной веляризаціи при x. Можетъ быть, діалектическія различія тутъ играютъ нѣкоторую роль. Въ тѣхъ народныхъ говорахъ западной Россіи, съ которыми мнѣ пришлось познакомиться (болѣе подробно въ Калужской губ., лишь бѣгло на бѣлорусской почвѣ, въ Виленской губ.), упоминаемое явленіе выступаетъ особенно сильно въ γ, замѣщающемъ здѣсь московское g; особенное вниманіе привлекаетъ род. ед. мѣстоименій. -го́, съ произношеніемъ -γ^{u}o или часто скорѣе -γu̯o (въ названномъ бѣлорусскомъ говорѣ съ новымъ переходнымъ элементомъ «ъ» послѣ о: -γ^{u}ó^{ъ}).

195. Не чувствую себя убѣжденнымъ въ томъ, что лабіо-веляризація принадлежитъ обыкновенной, спокойной рѣчи интеллигенціи въ столь широкомъ и систематическомъ видѣ, какъ она представлена въ транскрипціяхъ Финка. Особенно сомнѣваюсь насчетъ слоговъ неударяемыхъ. По моимъ наблюденіямъ несомнѣнно, что личность и настроеніе обусловливаютъ немало различій относительно ясности, съ которой данное явленіе проявляется въ произношеніи. У извѣстнаго артиста Орленьева я, напримѣръ, однажды отмѣтилъ ясное проявленіе лабіо-веляризаціи лишь въ велярныхъ передъ гласнымъ о ударяемаго слога (напр., въ «другое»), въ то время какъ она у одного члена его труппы (петербуржца полу-кавказской семьи) выступала особенно замѣтно при губныхъ (напримѣръ, тобой: «tab^{u}ói». Ошибаюсь ли въ томъ, что данная черта нерѣдко проявляется особенно сильно у молодыхъ дамъ, въ нѣсколько же-

манной или кокетливой рѣчи? Нужно ли и здѣсь, какъ при извѣстныхъ чертахъ палатализаціи (**187**), считаться съ «модой»?

196. Мы коснулись въ **194** того, что и рамки явленія лабіо-веляризаціи въ великорусской рѣчи еще не вполнѣ опредѣлены. Освѣщенія заслуживаетъ, между прочимъ, и вопросъ, не замѣчается ли лабіо-веляризація также при зубныхъ, въ широкомъ смыслѣ слова. Свитъ и Финкъ какъ будто даютъ отрицательный отвѣтъ (исключая развѣ ł, см. выше); но этимъ нельзя довольствоваться; напримѣръ, я лично недавно разслышалъ «vapr^{u}ós», вопросъ, съ несомнѣннымъ r упоминаемаго качества.

Не выяснено также, насколько лабіо-веляризованная артикуляція, подобно палатализаціи, можетъ переходить отъ согласнаго на сосѣдній. Заключеніе по транскрипціямъ Финка даетъ отрицательный отвѣтъ; напримѣръ, передъ b^u, въ случаяхъ какъ «такъ было», «на немъ было» видимъ k, m, а не k^u, m^u. Но есть основаніе сомнѣваться, задалъ ли себѣ наблюдатель вообще затронутый вопросъ. Въ связи съ этимъ можно спросить, не становится ли, напримѣръ, b лабіо-веляризованнымъ передъ ł въ случаяхъ вродѣ «заблудилась»; мнѣ кажется, что да.

Вліяніе лабіо-веляризованной артикуляціи гласнаго на слѣдующій за нимъ согласный, если вообще существуетъ, имѣетъ во всякомъ случаѣ такъ мало значенія, что можно оставить его безъ вниманія.

Ассимиляціи въ артикуляціяхъ гортани.

197. Большинство ассимиляціонныхъ движеній, описанныхъ подъ явленіями палатализаціи, лабіализаціи и лабіо-веляризаціи, имѣетъ, какъ мы видѣли, регрессивное направленіе, т. е. основывается на принципѣ антиципаціи. Что это связывается съ общимъ главнымъ принципомъ славянской рѣчи, доказываютъ также другого рода ассимиляціи, въ ряду которыхъ уподобленіе въ артикуляціяхъ гортани занимаетъ самое видное мѣсто; правда, такое уподобленіе представляетъ интересныя черты прогрессивнаго характера, но главныя его явленія, съ которыхъ и начнемъ,— регрессивны.

Повсюду въ славянской рѣчи, при встрѣчѣ шумныхъ согласныхъ, какъ фрикативныхъ, такъ и затворныхъ, въ одномъ словѣ и въ тѣсной связи предложенія, характеръ послѣдняго изъ согласныхъ рѣшаетъ, будетъ ли все сочетаніе звучать голосно (звонко) или безголосно (глухо): этимологическое сд произносится зд, зт — ст, вс — фс, и т. д. Этотъ звуковой принципъ столь извѣстенъ и признанъ, что примѣры лишни. О «крѣпкомъ приступѣ» въ роли затворнаго согласнаго съ уподобляющимъ дѣйствіемъ

ср. **162—63.** Оговорки требуетъ в (v); оно обыкновенно уподобляется[1]), но не имѣетъ уподобляющаго дѣйствія; московское «отъ васъ» не звучитъ «ad-vas». Отступленія отъ обыкновеннаго правила встрѣчаются далѣе при голосномъ гортанномъ фрикативномъ, о чемъ достаточно указать на **167**; о ř ср. ниже.

Согласные сонорные правильно не принимаютъ участія въ указанномъ уподобленіи, ни пассивно, ни активно. Впрочемъ такое правило нельзя понимать слишкомъ буквально. Такъ, въ сочетаніяхъ lk, nt, rs и т. д. оказывается, что послѣдняя часть сонорнаго нерѣдко, быть можетъ, обыкновенно теряетъ голосность (ll̥k и под.); но если начальная часть остается голосной, мы привыкли считать такой согласный вообще «голоснымъ»; вполнѣ глухими сонорные становятся въ такомъ положеніи повидимому лишь спорадически (напр., я отмѣтилъ болг. билярдъ, гордъ съ произношеніемъ «biľár̥t», «gor̥t»). Далѣе, есть примѣры уподобляющаго дѣйствія сонорныхъ на шумные; въ болгарскомъ языкѣ x передъ m въ 1. множ. прош. развилось въ γ: kúpiγme, béγme, čúγme, но такъ какъ этотъ случай стоитъ повидимому особнякомъ (напр., «какъ ме люби», звучитъ kakme, не kagme), то можетъ быть, слѣдуетъ объяснить переходъ другимъ путемъ; напротивъ голосная ассимиляція передъ m является какъ общее, почти послѣдовательно проведенное правило въ восточнословацкихъ говорахъ; ср. мои «Studien» § 14: piš, но pížme (písac писать), kup-kúbme (kúpic купить) и т. д.; въ спорадическихъ, очевидно заимствованныхъ случаяхъ явленіе это распространяется отсюда и на сосѣдніе малорусскіе говоры.

Добавимъ о чешскомъ ř, что его шипѣніе перевело его уже въ рядъ шумныхъ согласныхъ; этимъ объясняется произношеніе вродѣ ř̥ku, lekař̥ský и под., при сохраненіи голосности r въ подобномъ положеніи. Однако, соотвѣтствующей активной ассимиляціонной способности ř не имѣетъ[2]); напр. въ při не выговаривается b передъ ř, а наоборотъ p перемѣняетъ ř въ ř̥ (**200**). Звукъ ř въ упоминаемыхъ здѣсь отношеніяхъ стоитъ приблизительно на сторонѣ v см. выше.

198. Указанныя въ **197** ассимиляціонныя движенія, какъ сказано, имѣютъ силу не только внутри слова, но также при встрѣчѣ разныхъ словъ, въ тѣсномъ ихъ сочетаніи. Напр., чехъ произноситъ «ty chodíš bosa» съ -žb-, полякъ «czyś był» съ-źb-. Но понятное дѣло, эта сторона описываемаго

[1]) Хотя не всюду; исключенія часты въ штокавскихъ сербскихъ нарѣчіяхъ, ср. Решетаръ, Der štokavische Dialekt, § 66,

[2]) Или по крайней мѣрѣ рѣдко; ср. примѣръ gř изъ kř у Фринты стр. 120.

явленія не проявляется со столь неотступной правильностью, какъ уподобленіе внутри одного и того же слова; вяжутся ли разныя слова достаточно тѣсно для упоминаемой ассимиляціи встрѣчающихся согласныхъ, это зависитъ отъ смысла и произношенія каждаго отдѣльнаго случая.

Но зато развился въ извѣстной области славянскихъ языковъ для прикосновенія разныхъ словъ принципъ регрессивнаго голоснаго уподобленія въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ внутри отдѣльнаго слова. Въ польскомъ произношеніи безголосный согласный въ концѣ слова можетъ развиться въ голосный въ связи предложенія, не только передъ шумнымъ, но также передъ сонорнымъ согласнымъ, и даже передъ гласнымъ въ началѣ слѣдующаго слова; «nic widać nie było» выговаривается ńiz̦ v́i-, «jak modre rzeki pływą» — i̯agmo-, «to chłop jeden...» — xłobi̯- (xu̯obi̯-), и т. д.; ср. «Szkic» Розвадовскаго, § 30[1]). Это явленіе выступаетъ и въ малорусскомъ яз.: «йак му даш» можно слышать i̯ag mu daš; діалектически «тотъ иде» произносится tod ide, и под. Слѣды явленія распространяются далеко на востокъ; ср. примѣры вродѣ угрор. «куб ми пиво» вм. куп (купи). Но подробнаго матеріала для опредѣленія распространенности и употребляемости явленія внѣ предѣловъ польской рѣчи пока не имѣемъ.

199. Подъ принципъ регрессивнаго уподобленія въ гортани слѣдуетъ подвести также потерю звонкости у этимологически голосныхъ согласныхъ въ концѣ слова; а именно, эта потеря представляетъ собой антиципацію безголосности паузы. Нынѣшніе славянскіе языки стоятъ насчетъ этого явленія на разныхъ ступеняхъ развитія. Большинство ихъ замѣщаетъ передъ паузой всякій старшій (и на письмѣ обыкновенно еще удержавшійся) звонкій шумный согласный соотвѣтствующимъ глухимъ; сонорные правильно остаются голосными, по крайней мѣрѣ въ начальной своей части, чего достаточно для голоснаго впечатлѣнія (ср. **197**). Укажемъ лишь на пару примѣровъ вродѣ великорусскихъ rof (ровъ), łop (лобъ), но stoł (столъ), польскихъ xut (chód), vus (wóz), чешскихъ obras (obraz), Časlaf (-v) и даже motř̥ (modř, ср. 72), болгарскихъ strok (строгъ), gъłър при gъłъbъt. Такая мѣна стала развиваться уже давно; это видно, между прочимъ, изъ перехода чешскаго -h, на основаніи старшей артикуляціи γ, въ -x (**72**).

Другіе языки и говоры еще сохраняютъ, болѣе или менѣе, звонкость названныхъ согласныхъ передъ паузой; обыкновенно, скажемъ, лишь для начальной ихъ части, но этого достаточно для голоснаго впечатлѣнія. Кромѣ

---

[1]) Подробнѣе теперь у Нича въ статьѣ «Przyczynki и т. д.», Mat. i prace kom. jęz. стр. 420 сл. Здѣсь приведена также касающаяся вопроса литература.

народныхъ говоровъ (ср., напр., объ угрорусскихъ Арх. XVII стр. 343, с восточно-словацкихъ «Studien» стр. 31, о говорахъ южной Сербіи «Die Dialekte и т. д.», стр. 45 сл.), подъ этотъ типъ подходятъ главнымъ образомъ языки сербскій и малорусскій. Въ сербскомъ «on je slab», «dolazi jedan jaz» то сохраняются b, z голосными до конца, то теряютъ голосность въ последней ихъ части («b͡p», «z͡s») [1]. Языкъ малорусской интеллигенціи повидимому уже почти вполнѣ перешелъ въ выше описанный типъ: голосные шумные согласные передъ паузой обыкновенно замѣщаются соотвѣтствующими безголосными: такъ, и -h звукомъ x: rix (ріг, т. е. «rih» рогъ), ср. **197**: сохраненіе голосности — явленіе рѣдкое, въ противоположность народнымъ говорамъ.

О возможности переходной ступени въ описываемомъ развитіи, а именно о потерѣ голоса при сохраненіи т. н. «lenis»-артикуляціи, укажемъ на сказанное въ **54**.

200. Слѣды прогрессивнаго уподобленія въ артикуляціи гортани встрѣчаются повсюду въ славянской рѣчи, въ сочетаніяхъ безголоснаго шумнаго со слѣдующимъ сонорнымъ согласнымъ; именно, первая часть сонорнаго становится часто безголосною. Какое нибудь чешское snaha, krasti, klati представляетъ въ сущности n̥+n, r̥+r, l̥+l: подобно въ малорусскихъ примѣрахъ слава, слина, тлум, трава, треба, сну и т. д. Но такъ какъ безголосная часть часто лишь минимальна, а рѣшающимъ для слуха моментомъ становится въ такихъ случаяхъ послѣдняя часть сонорнаго согласнаго (обратное отношеніе въ **197**), то этотъ початокъ уподобленія остается безъ замѣтнаго значенія для звукового строя.

Но уподобленіе можетъ принять и болѣе широкіе размѣры. Въ польскомъ яз. сонорный согласный становится въ сочетаніяхъ вродѣ упомянутыхъ нерѣдко вполнѣ безголоснымъ (Розвадовскій, Szkic, § 17—19); при klnąc слышится kl̥ną̥c, при krwawy чаще kr̥-, и даже «kr̥v̥avy»; слѣдуетъ, впрочемъ, для правильнаго объясненія, соображаться насчетъ этихъ случаевъ еще и со сказаннымъ ниже **202** сл., особенно **206**. Дальше, подъ вліяніемъ предшествующаго безголоснаго шумнаго согласнаго, въ большемъ или меньшемъ объемѣ теряютъ звонкость этимологическія v, h, ř и то ž, которое замѣщаетъ старшее мягкое польское r̥, т. е. письменное «rz» — насколько сами не успѣ-

---

[1]) Стоитъ сравнить конечную часть такого согласнаго съ обыкновенными p, s и т. д.; она вполнѣ однородна съ ними; ср. сказанное по этому поводу въ **54**. Подробнѣе о данномъ явленіи у Решетара, Der štok. Dialekt, § 69.

ваютъ вызывать уподобленіе, ср. о ℏ въ **167**[1]). Ассимиляція можетъ касаться лишь начатковой части, но чаще всего распространяется на цѣлый согласный, или же на столь великую часть его, что слухъ считаетъ его вообще глухимъ: ř, v̬ или f, «r̬z» — т. е. š, и т. д.

По поводу послѣдняго явленія слѣдуетъ прибавить нѣсколько подробностей. Насчетъ ℏ достаточно указать на **167.** О v съ предшествующимъ безголоснымъ шумнымъ согласнымъ мы уже говорили въ **54**, указавъ на польскій переходъ въ f: sfui̯, tfui̯ (swój, twój), въ различіе отъ большинства языковъ, лишающихъ его голосности, но оставляющихъ его при свойственной v артикуляціи «lenis» (v̬): v̬ выговаривается, напр., въ русскомъ свой, твой, творить, въ чешскомъ svůj, tvůj, kv- и т. д.; я не могу присоединиться ко мнѣнію Педерсена, что v такихъ чешскихъ сочетаній вообще — голосное»[2]). Въ сербскомъ можно слышать kv̬ǒčka, pokv̬ariti, tv̬oriti, отчасти уже близко къ польскому произношенію съ f, но чаще все-таки kv- съ явной голосной послѣдней частью v; припомнимъ въ связи съ этимъ развитіе балканскаго xv то въ v, то въ f.

Чешское ř правильно теряетъ голосъ въ указанномъ положеніи; při, tři, křídlo и т. д. звучитъ př̥i, tř̥i и т. д. Подобно тому польское rz звучитъ правильно š: skšy̆dło (skrzydło); мы вправѣ заключить, что послѣднее уподобленіе состоялось, пока «мягкое r» не развилось еще въ обыкновенный шумный согласный: иначе можно было бы вм. «pšy» (przy) ожидать «bžy» и подобное.

201. Потеря звонкости представляется потомъ въ славянской рѣчи болѣе или менѣе частымъ явленіемъ въ такомъ положеніи, гдѣ нельзя приписать ее исключительно ни предшествующей, ни слѣдующей безголосной артикуляціи, а нужно объяснить ее вліяніемъ той и другой вмѣстѣ. Имѣю въ виду потерю звонкости въ сонорныхъ согласныхъ и гласныхъ между безголосными шумными согласными или между такимъ согласнымъ и паузой. Потеря звонкости объясняется въ такихъ положеніяхъ инерціей въ движеніи голосовыхъ связокъ; послѣднія не успѣваютъ достигнуть положенія для голосныхъ вибрацій въ промежутокъ между безголосными артикуляціями. Описываемое явленіе, сколько мнѣ извѣстно, не выступаетъ нигдѣ въ видѣ правила, но повсюду лишь какъ спорадическая склонность, однако мѣстами въ немаломъ

---

[1]) Не трудно вывести изъ этого, что надъ правиломъ о регрессивномъ голосномъ уподобленіи стоитъ въ славянской рѣчи высшій принципъ, заключающійся въ томъ, что сочетанія глухихъ и звонкихъ шумныхъ согласныхъ вообще не согласуются съ ея произношеніемъ.

[2]) Правильно у Фринты, стр. 92; о діал. tf — стр. 119.

объемѣ — преимущественно въ неударяемомъ концѣ слова (чаще всего повидимому послѣ затворнаго глухого согласнаго), хотя не трудно привести примѣры и изъ другого положенія.

Для сонорныхъ согласныхъ въ концѣ слова можно указать многочисленные примѣры изъ польскаго произношенія; вмѣсто письменнаго pieśń baśń можно слышать то p̓ěšn̥, bašn̥, то p̓ěš, baš (въ сочетаніи, напр. «baš stara»), вмѣсто myśl: myšl̥; польскіе сонорные въ такомъ положеніи вообще склоняются къ безголосному выговору, если не исчезаютъ вполнѣ. Полное исчезновеніе (ср. польскія формы вродѣ rus, т. е. rósł, žek т. е. rzekł, učix́ т. е. ucichł, v́at при v́ater, т. е. wiatr [1]), русское p̓ot на мѣстѣ Пётръ, и под.), можетъ, конечно, стоять въ связи съ тѣмъ, что безголосные сонорные согласные вообще чужды звуковой системѣ славянской рѣчи кромѣ случайныхъ оттѣнковъ (русское театр̥ при театр, польское p̓otr̥kuf, т. е. Piotrków, малорусское mysl̥, мисль, и под.), и потому отпадаютъ. Однако, объяснять отпаденіе сонорныхъ согласныхъ въ концѣ слова исключительно на основаніи предварительнаго ихъ перехода въ безголосные представляется затруднительнымъ; оно бы не объяснило намъ, напр., русскаго руп изъ рубль, чешскаго mox изъ mohl, какое нибудь «везъ» изъ старшаго везлъ; для ослабленія и исчезновенія сонорнаго согласнаго въ данномъ положеніи дѣйствуетъ или же содѣйствуетъ принципъ, о которомъ будетъ рѣчь въ **206**, онъ же не имѣетъ ничего общаго съ упоминаемымъ здѣсь принципомъ инерціи.

Послѣдній перемѣняетъ, какъ сказано, кромѣ сонорныхъ согласныхъ, также гласные въ безголосные: ᵃ̥, ᵉ̥ и под. Примѣры встрѣчаются вѣроятно во всѣхъ славянскихъ языкахъ; довольствуюсь нѣкоторыми указаніями. Свитъ обратилъ вниманіе на гласные этого качества въ концѣ слова въ московской рѣчи, напр. rúkⁱ̥, starúškᵘ̥ (Russ. Pron. стр. 552); онъ ограничиваетъ это явленіе гласными высокаго образованія, i и u. Для сѣверновеликорусскаго я указалъ («Описаніе и т. д.», стр. 61), что такое ограниченіе не существуетъ, ср. примѣры вродѣ l̓íźetᵉ̥ лѣзете, d̓óny̌skᵒ̥ донышко; для высокихъ гласныхъ можно привести оттуда примѣры потери голоса даже подъ удареніемъ: f-połkᵘ̥ въ полку. Но и относительно рѣчи интеллигенціи нельзя ограничить явленіе указанной Свитомъ рамкой; я отмѣтилъ недавно, напр., mółč́ᵃ̥ (молча), vy̌kl̓úč́ᵉ̥ⁿ (выключенъ). Добавимъ, что потеря голосности очевидно стоитъ въ связи и съ упомянутой въ **149** сл. общей редукціей извѣстныхъ пе-

[1]) Стормъ, Engl. Phil. с. 119, приводитъ v́atr̥, а подобно русское вѣтръ въ видѣ v́etr̥; примѣры также у Бод. де Куртенэ въ Mat. i prace kom. ję̨z. I стр. 117.

ударяемыхъ гласныхъ, поэтому она встрѣчается и не въ концѣ слова, ср. случаи вродѣ łok$^{\text{ъ}}$t́ (локоть) и иногда ṕ$^{\text{i}}$kárńi, p$^{\text{ъ}}$ćшú (пекарни, почему) и под. [1]).

Особенно широкіе размѣры упоминаемаго явленія имѣются въ балканскихъ говорахъ. Гиртъ обратилъ вниманіе на это для сербо-хорватскаго (Idg. Forsch. VII, стр. 139); ср. далѣе у Решетара, Die serbo-kroat. Betonung и т. д. стр. 31; произношеніе вродѣ klat$^{\text{i}}$, rup$^{\text{i}}$t$^{\text{i}}$ здѣсь весьма обычно. О нарѣчіяхъ южной Сербіи могу указать на § 10 своего «Die Dialekte и т. д.». Формы вродѣ ok$^{\text{o}}$, det$^{\text{e}}$, buk$^{\text{u}}$ и далѣе izrúč$^{\text{a}}$š, nók$^{\text{ъ}}$t тамъ очень часты. Не трудно указать и случаи болѣе широкаго характера, напр., trés$^{\text{em}}$, dovláč$^{\text{im}}$, opékъl-s$^{\text{ъm}}$, káč$^{\text{imo}}$.— Но оказывается, что потеря голосности въ этихъ говорахъ передъ паузой развивается и безъ того условія, чтобы впереди стоялъ глухой шумный согласный; при ok$^{\text{o}}$ слышится также nog$^{\text{a}}$, при rúč$^{\text{av}}$ также na sóv$^{\text{ru}}$, при kújt́$^{\text{ama}}$ также dáde$^{\text{mu-ga}}$, и т. д.; подобное отмѣчено также въ болгарскомъ яз., напр., «nošt́á-e i̯ásn$^{\text{a}}$» (при -na), нощь та е ясна. Въ такихъ случаяхъ стоимъ, конечно, скорѣе на почвѣ описаннаго въ **199** регрессивнаго уподобленія паузы; вполнѣ опредѣленную границу между нимъ и выше указанными явленіями на практикѣ трудно установить; тотъ и другой принципъ работаютъ, такъ сказать, рука объ руку въ описанныхъ явленіяхъ, не ограниченныхъ твердыми грамматическими рамками.

Слоги.

202. О генетическомъ опредѣленіи «слога» существуютъ, какъ извѣстно, разныя мнѣнія; ср. Есперсенъ, Lehrbuch, стр. 185 сл. Отличное изложеніе того взгляда, къ которому примыкаю и я, а именно, что основой слога нужно считать «волну сонорности», для образованія которой усиленія и ослабленія выдыхаемаго тока служатъ собственно вторичнымъ факторомъ, даетъ Лойдъ въ изслѣдованіи «Speech Sounds», § 43 и § 44: Of Syllables (Phonet. Studien IX, D. N. Sprachen V, 1897—98). Сиверсъ, раздѣляющій слоги экспираторные отъ слоговъ, основанныхъ на различіи въ полнозвучности звуковъ (ср. у Томсона, Общ. Яз., 218 сл.), въ 5. изданіи своихъ «Grundzüge» приближается, впрочемъ, въ моихъ глазахъ сильно къ той же самой точкѣ зрѣнія.

Въ славянской рѣчи, между тѣмъ, слогъ вообще производится — или скажемъ, сопровождается особымъ выдыхательнымъ толчкомъ;

---

[1]) Есперсенъ, говоря о безголосныхъ гласныхъ Lehrbuch стр. 90 сл., упоминаетъ стр. 92 ихъ частое появленіе въ русскомъ языкѣ; онъ указываетъ на Лунделя; но гдѣ Л. писалъ объ этомъ, я не могъ найти.

Томсонъ высказываетъ такой взглядъ по отношенію къ русскому языку (Общ. Яз. стр. 221), но по моему можно распространить его на славянскую рѣчь вообще; по крайней мѣрѣ, «слогъ экспираторный» представляется для нея нормальнымъ. Но припомнимъ съ Томсономъ (стр. 219), что не рѣшено, насколько «слоговые толчки» производятся постоянно собственной мускулатурой выдыханія; очень возможно, что «голосовыя связки играютъ существенную роль въ усиленіи голоса въ каждомъ слогѣ и въ ослабленіи голоса между слогами»; ср. къ этому наши разсужденія въ **240**.

203. Экспираторное свойство славянскихъ слоговъ однако не мѣшаетъ имъ слѣдовать, въ существенныхъ чертахъ, тѣмъ же самымъ принципамъ сонорности, которые дѣйствуютъ въ прочихъ индоевропейскихъ языкахъ. Какое-нибудь ata, ama остается для славянина, хотя бы и произносилось съ однимъ экспираторнымъ толчкомъ, столько же двухслоговымъ, сколько для нѣмецкаго или французскаго слуха; русское «горсть», съ непрерывно убавляющейся «сонорностью» послѣ о, будетъ рѣшительно односложнымъ, между тѣмъ какъ перестановка въ «гостр» или «готср», при сохраненіи голосности р, вызываетъ болѣе или менѣе замѣтную двусложность. Именно такая перестановка служитъ, какъ извѣстно, практичной пробой для относительной степени природной сонорности (полнозвучности) звуковъ; можно указать на изложенія Сиверса и Есперсена; для англійскаго Лойдъ даетъ указанія въ приведенной въ **202** работѣ. Нѣсколько выводовъ Томсона (Общ. Яз. стр. 220) можно, какъ мнѣ кажется, приложить къ славянской рѣчи вообще; ср. съ ними замѣтки Богородицкаго, Рус. Грам. стр. 18. Крайнія границы природной полнозвучности имѣемъ, во всякомъ случаѣ, съ одной стороны въ гласныхъ, во главѣ съ а, съ другой стороны въ безголосныхъ затворныхъ k, t, p.

204. Внутри слога, состоящаго изъ болѣе чѣмъ одного звука, роль «слогового» звука играетъ правильно звукъ, обладающій относительно высшей степенью сонорности; напр., въ сочетаніи сам — звукъ а. Такъ какъ рѣчь идетъ лишь о чемъ-то относительномъ, то теоретически всякій или почти всякій звукъ можетъ становиться слоговымъ («сонантомъ»); напр., въ сочетаніи «тс» или «тст» — с. Особенно въ быстрой рѣчи, согласные дѣйствительно играютъ нерѣдко роль слогового звука, также у славянъ. Томсонъ приводитъ изъ болѣе небрежнаго русскаго произношенія — подъ вліяніемъ артикуляторной инерціи и въ связи съ упоминаемой **149** сл. редукціей неударяемыхъ гласныхъ — не только n̥, l̥, m̥ (И-ва-н̥-на вм. Ивановна, фса-м̥-дѣлѣ вм. въ самомъ дѣлѣ, дѣ-л̥-ла вм. дѣлала), но и другіе слоговые согласные (но-в̥-ва вм. новаго, ко-ш̥-чій вм. кошачій); ср. за-

мѣтки Богородицкаго въ его таблицѣ, Рус. Грам. стр. 16—17; «l̥ долгое» находимъ по его мнѣнію (Очерки стр. **201**) напр., въ «xŏl̥ɑ̆ɑ̆», холода. На русской почвѣ нужно однако считать такіе случаи вообще болѣе спорадическими — хотя и встрѣчаются они, быть можетъ, чаще, чѣмъ это обыкновенно сознается говорящими (ср. **154**). Изъ прочихъ славянскихъ языковъ особенно словенскій дошелъ, въ естественномъ произношеніи, до частаго употребленія сонорныхъ согласныхъ въ качествѣ слогового звука, въ связи съ частой потерей гласныхъ (**103** сл.); письменное nósim звучитъ (въ Люблянѣ) nósm̥; ср. формы вродѣ lómm̥ (при lóm·em, Плет. lǫmim), slâmn̥ca (slâmnica), kȗrŋ̥k (kȗrnik), l̥bȋt (при l·ebȋt, lubȋt — смотря по темпу и роду рѣчи — Плет. ljûbiti); развитіе согласуется, какъ видно, вполнѣ съ переходомъ, напр., «kupił» черезъ kup·eu̯ въ kupu, или starei̯, stareiga въ вульгарномъ люблянскомъ произношеніи въ stári, stáriγa, и под.; о «r̥» (ᵉr̥ : ·er) см. выше **77**. — Но такое развитіе нужно въ славянской рѣчи пока считать исключеніемъ; согласно съ возстановленными давно традиціей и строемъ, роль слогового звука принадлежитъ въ ней еще вообще, въ нормальномъ, спокойномъ произношеніи, лишь гласнымъ, а кромѣ того въ нѣкоторыхъ изъ языковъ сонорнымъ согласнымъ r и l.

205. Волна сонорности, обозначающая собою слогъ, можетъ быть возрастающей (sa, sla), убавляющейся (as, als) или возрастающе-убавляющейся (sas, tsast); но звукъ меньшей сонорности между звуками большей сонорности нормально причиняетъ раздѣленіе на два слога. Соотвѣтственно съ этимъ звуки вообще и распредѣляются. Однако, оказывается труднымъ согласовать съ этой общепринятой теоріей всѣ фактически встрѣчающіяся явленія. Въ сочетаніяхъ sta, ska, spa проходимъ отъ s черезъ звукъ меньшей сонорности, даже черезъ паузу, но никому не приходитъ въ голову считать эти весьма частыя сочетанія двуслоговыми. Сиверсъ пользуется въ этомъ случаѣ выраженіемъ «побочный слогъ», ср. Томсонъ, Общ. Яз. стр. 211; Есперсенъ, Lehrbuch стр. 193—94, находитъ такое понятіе лишнимъ, однако, признаетъ суть дѣла; лишь подъ вліяніемъ окружающихъ слоговыхъ звуковъ сильной природной полнозвучности такія меньшія волны сонорности не выступаютъ въ качествѣ самостоятельныхъ слоговъ.

Но славянская рѣчь употребляетъ несамостоятельными, «побочными» слогами еще и согласные сонорные и даже гласные (i, u), звуки такой относительной полнозвучности, что по традиціи другихъ языковъ они выступали бы лишь въ роли полныхъ, самостоятельныхъ слоговыхъ. Славянскіе языки вносятъ такимъ образомъ интересный матеріалъ въ разсужденіе о самой теоріи слога. Этотъ матеріалъ нуждается, впрочемъ, еще въ дальнѣй-

шихъ изслѣдованіяхъ, — напр., насчетъ вопроса, обусловливается ли совмѣщеніе въ единомъ слогѣ общимъ для главнаго и побочнаго слоговыхъ выдыхательнымъ толчкомъ, или же особыми отношеніями долготы и краткости; поэтому въ слѣдующемъ разсмотрѣніи коснемся лишь самыхъ яркихъ фактовъ упоминаемаго явленія.

206. Какъ примѣры для r, примыкающаго въ качествѣ побочнаго слога къ предшествующему, можно съ Томсономъ привести изъ русскаго яз. слова̀ какъ театръ, министръ, — двуслоговыя и при произношеніи съ голоснымъ r (ср. **201**). Побочный слогъ n можно слышать въ образованной рѣчи, напр., въ жизнь, болѣзнь. Но русскій языкъ и, быть можетъ, вообще славянская рѣчь, повидимому не терпитъ существованія такихъ побочныхъ слоговъ, примыкающихъ къ предшествующему слоговому; они устраняются однимъ изъ двухъ способовъ. Какъ русскій языкъ развилъ въ старшей эпохѣ nesl[ъ] въ нёсъ, vezl[ъ] въ вез, вёсъ и под., такъ нынѣшняя рѣчь передѣлываетъ Петръ въ ṕot, журавль звучитъ «žuraf́» или «-f», рубль — «rup», жизнь часто переходитъ въ «жисть», и т. д.[1]). Другой способъ устраненія побочныхъ слоговъ освѣщается переходомъ въ родѣ восмь въ восемь. — Сонорный согласный, примыкающій какъ побочный слогъ къ с л ѣ д у ю щ е м у слоговому, встрѣчается часто въ русскомъ языкѣ; ср. напр., однослоговыя формы мгла, лгать, рта и под.; изъ народныхъ говоровъ знаемъ въ подобномъ положеніи u̯-, i̯-. Въ связной рѣчи такой элементъ, сочетаясь съ предшествующимъ гласнымъ, часто теряетъ свойство побочнаго слога (ото лба и под.); но не менѣе часто онъ остается и въ связной рѣчи побочнымъ слогомъ; ср., напр., 9-и слоговое «онъ мчитъ ее лѣсной дорогой» или 8-и слоговое «печальной мглой окружена» (Евг. Он.). И въ такомъ положеніи относительно главнаго слогового звука, побочные слоги устраняются указанными выше способами; ср., напр., народное «аржаной», «арцы» въ мѣсто р-, Амченскъ вм. Мценскъ и под.; но вообще побочный слогъ, предшествующій главному, терпится гораздо легче чѣмъ слѣдующій за нимъ.

Для чешскаго языка, Педерсенъ касается описываемыхъ явленій въ «Den böhm. Udtale» § 9: развитіе языка довело часто до потери побочнаго слога, какъ въ концѣ слова (mox вм. mohl), такъ иногда и внутри его (zrcátko вм. zrcádlko, ср. zrcadlo, pravítko, ср. pravidlo); въ началѣ слова сонорный согласный не развился въ самостоятельный слоговой, ср. формы вродѣ lnu, lva, rta; въ связной рѣчи такія сочетанія вообще не затрудняютъ;

---

[1]) О возможности считаться съ переходной ступенью безголосныхъ сонорныхъ согласныхъ ср. соображенія въ **201**.

какое нибудь to rčení примыкаетъ къ нормальному строю слоговъ[1]); кромѣ r и l находимъ въ данномъ положеніи также m (mše; но ср., въ концѣ слова, обыкновенный переходъ sedm, osm въ sedum, osum), и «j»; послѣднее исчезло въ jdu, jsem (но сохраняется въ nejdu, nejsem), обыкновенно также въ jmeno, за исключеніемъ болѣе литерарнаго стиля, выговаривающаго j и въ jmeno и въ jho. Къ этимъ замѣткамъ Педерсена добавлю слѣдующее. Въ связи съ тѣмъ, что r, l въ началѣ слова не развились въ самостоятельные слоги, стоитъ очевидно, что они могутъ исчезать, подобно j-; ср. при rtuť, ртуть, поговорку «ten je v tuti» («безслѣдно исчезъ»). Но r въ концѣ слова, послѣ согласнаго, составляетъ самостоятельный слогъ: vítr, bratr выговариваются съ -r̥, въ двухъ слогахъ, что соотвѣтствуетъ упомянутому выше sedum, osum, въ различіе отъ судьбы -l въ рядѣ формъ прош. времени. Интересно далѣе отношеніе r : ř въ упоминаемыхъ явленіяхъ. Начальное ř-, какъ и r̥-, не развивается въ самостоятельный слогъ; řku — односложно, какъ и rta. Между тѣмъ какъ такое r- сохраняетъ голосность, ř-, по **197**, теряетъ ее; выговаривается ř̥ku даже тамъ, гдѣ ř сочетается въ слогъ съ предшествующимъ гласнымъ: já řku (i̯āř̥ku). Съ этимъ стоитъ сравнить то обстоятельство, что между тѣмъ какъ bratr, по вышесказанному, выговаривается двусложно, съ голоснымъ -r̥, modř («modra barva») отмѣчено мною лишь въ видѣ «motř̥», съ ř безголоснымъ и, повидимому, односложнымъ. Отмѣтимъ въ связи съ этимъ, что при čtvrtý (народно št-), двусложномъ, съ ударяемымъ r̥, стоятъ, напр., однослоговыя třmen (т. е. «ţ̌men»), křtíti (т. е. «kř̥tīt») и двуслоговое hřbitov (или řb-).

О физіологическихъ чертахъ, проявляющихся при u̯-, i̯- передъ согласными, я высказался подробно въ «Угрор. Нарѣчія и т. д.», § 32—33 (ср. Арх. XVII стр. 364 сл.). Рядъ разныхъ ступеней выступаетъ въ одномъ и томъ же словѣ, смотря по положенію: полное слоговое u-, i-, редуцированный, побочный слогъ — иногда теряющій голосъ, наконецъ обыкновенное u̯, i̯, составляющее дифтонгъ въ связи съ предшествующимъ гласнымъ. Интересный матеріалъ для освѣщенія всего этого можно черпать изъ словенскаго языка, а именно изъ его произношенія письменныхъ v- и u- передъ согласнымъ. Шкрабецъ касается этого въ «O glasu» стр. 25, ср. «Cvetje» XII. 2, XX. 3. Его сопоставленіе «v» съ «англійскимъ w» (O glasu стр. 19 и др.) оставимъ въ сторонѣ; но тонкая наблюдательность и чутье отличнаго ученаго привели его къ вопросу, не имѣемъ ли въ формахъ вродѣ utŕgal неслоговое u-, и къ указанію, что

---

[1]) Ср. однако замѣтки выше по поводу подобныхъ русскихъ случаевъ: не всегда l-, r- и под. слѣдуетъ за гласнымъ.

«vtékati» и «utẹkati» и под. не различаются по произношенію[1]). И то и другое совершенно правильно. Объ артикуляціи письменнаго v мы говорили выше, въ **74.** По моимъ наблюденіямъ v въ началѣ слова передъ согласнымъ чаще всего артикулируется какъ гласный u; но роль этого элемента варіируетъ въ связной рѣчи. Съ предшествующимъ гласнымъ онъ обыкновенно соединяется въ дифтонгъ. Въ абсолютномъ началѣ онъ выступаетъ какъ болѣе или менѣе редуцированное u—начиная съ краткаго u, образующаго самостоятельный слогъ какъ какое либо u въ другомъ положеніи, до неслогового переходнаго звука, ᵘ- (ср. въ прежнихъ моихъ работахъ u̥), иногда теряющаго голосность: ᵘ̥- (въ прежнихъ работахъ [u̥]). Но, какъ указываетъ Шкрабецъ, всѣ эти оттѣнки произносятся какъ взамѣнъ v-, такъ и взамѣнъ u- другихъ славянскихъ языковъ; въ данную рамку колеблющихся оттѣнковъ вошли и старшее v-, vь-, vъ-, и явившееся позже v-, ve-, и старшее u-. Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ собраннаго мною матеріала: učèn, naučèn (при этомъ и трехслоговое naučèn, вѣроятно подъ вліяніемъ несложной формы); ᵘrét (Плет. vrẹ́ti), наст. ᵘrem, прич. zau̯rèn; umᵉr̥u (трехслоговое), развившееся изъ umrl (умеръ); при повел. ᵘzǽm также uzmè (возьми); при муж. ᵘlȇγu жен. ulǽγla (улегъ, улегла); неопр. ᵘleč или ᵘléč[t], ср. Плет. vlẹ́či; отъ vesét (Плет. visẹ́ti висѣть) прош. жен. veséla или ᵘséla; твор. отъ «vьsь»: ᵘ̥sèm, — и т. д. Въ плавномъ теченіи предложенія, примыкая къ предшествующему согласному, данный звуковой элементъ повидимому можетъ исчезать вполнѣ; я отмѣтилъ выраженіе «grem v delavnico» просто какъ «grèm-delâu̯ncœ»; но обыкновеннѣе выходитъ въ такомъ сочетаніи полный, самостоятельный слогъ наружу; ср., при выше приведенной формѣ ᵘ̥sèm, сочетаніе z-usèm... (со всѣмъ...), при ᵘlȇγu и под. выраженіе «se grem ulèčt», иду ложиться, къ извѣстному названію долины «Vrata» («u̯ráta») сочетаніе «k-urátom», и т. д. Все это колебаніе согласуется вполнѣ съ описанными мною явленіями изъ другихъ областей славянскаго міра, ср. данныя выше указанія. Разные редуцированные оттѣнки (ᵘ-, ᵘ̥-, u̯-) удобно соединяются, для практическихъ цѣлей, подъ общій знакъ «не слогового u», т. е. u̯-, тѣмъ болѣе, что оказывается совершенно невозможнымъ разграничить ихъ опредѣленнымъ образомъ. Транскрипціи и описанія разныхъ

---

[1]) Лишь передъ r, v- звучитъ по Шкрабцу «v», если оно принадлежитъ къ корню слова; если же оно — предлогъ (напр., vrẹ́zati), то Ш. считаетъ его подобнымъ «англійскому w», (т. е. u̯-). Невозможность провести такую границу видна у самого Ш., признающаго тамъ же, что и коренное vr- даетъ иногда u̯r-. Нужно, очевидно, здѣсь, какъ часто, считаться съ параллельными оттѣнками произношенія.

народныхъ говоровъ доказываютъ намъ существованіе подобныхъ неслоговыхъ u̯-, i̯- во многихъ мѣстахъ славянскаго міра. Примѣръ того же самаго явленія представляетъ, конечно, и то чешское j- (jsem, jdu и под.), котораго мы коснулись выше. А статья Lidén-a «Ein baltisch-slavisches Anlautgesetz» (Göteborgs Högskolas Årsskrift 1899, IV) указываетъ на существованіе и послѣдующую потерю побочнаго слога u̯- передъ r, l въ началѣ слова еще въ балтійско-славянскую эпоху.

Цѣнный матеріалъ къ вопросу о побочныхъ слогахъ даетъ также польскій языкъ; u и i въ такой роли въ немъ не встрѣчаются, но зато часто сонорные согласные. Общее развитіе склоняется, повидимому, къ устраненію столь полнозвучныхъ побочныхъ слоговъ — помощью разныхъ способовъ, смотря по положенію и характеру сосѣднихъ звуковъ; однако эта склонность задерживается, особенно въ образованной рѣчи, очевидно подъ вліяніемъ грамматическихъ соображеній и письменности. Это освѣщается формами прош. времени; отпаденіе конечнаго -ł послѣ согласнаго представляетъ обычное явленіе («šet» вм. szedł и под.), естественное произношеніе формъ вродѣ rzekłbyś, sparłszy даетъ «žegbyş̌», «sparšy»; но въ тщательномъ чтеніи можно слышать (двухслоговыя) «žegłbyş̌», «sparłšy». Отпаденію нерѣдко способствовалъ, можно предполагать, упоминаемый въ 200 переходъ сонорнаго согласнаго въ безголосный (wiatr̥; baśń = başń̥, далѣе baş). Добавимъ, что именно такой переходъ въ иныхъ случаяхъ достаточенъ для устраненія побочнаго слога; при (однослоговомъ) kłnąc слышится kl̥nąc; а формы вродѣ kl̥nąc, tr̥wała не имѣютъ болѣе слоговъ побочныхъ—l̥, r̥ обладаютъ меньшей природной полнозвучностью чѣмъ слѣдующія n, v; въ примѣрѣ какъ Piotrków, т.-е. ṕotr̥kuf (слогораздѣлъ между r̥ и k), хотя r̥ въ данномъ положеніи, конечно, представляетъ побочный слогъ, но его степень сонорности столь низка, что неслоговое его качество не встрѣчаетъ затрудненій въ традиціонномъ произношеніи. Устраненіе побочнаго слога сильной сонорности посредствомъ выпаденія голоснаго звука освѣщается примѣромъ «srebrna», который выговаривается то srebr-na (два слога), то srebna; именно по примѣрамъ подобнаго рода можно судить объ общемъ направленіи развитія. Однако, произношеніе сохраняетъ, какъ сказано, много такихъ побочныхъ слоговъ; при приведенномъ однослоговомъ kłnąc стоятъ примѣры вродѣ mgła, łza, brwi и т. д.; въ сочетаніи съ предлогомъ можно слышать, напримѣръ, we łzach, т. е. vełzax, но также однослоговое «vłzax», явно доказывающее, что склонность къ устраненію такихъ побочныхъ слоговъ все еще не развилась до послѣдовательнаго принципа.

Подробностей изъ прочихъ языковъ приводить не буду. Большой инте-

ресъ представляетъ сравненіе явленій вродѣ только что приведенныхъ съ общимъ развитіемъ въ южнославянскихъ языкахъ, особенно въ сербско-хорватскомъ; но оно повело бы слишкомъ далеко.

207. Опредѣляя слогъ какъ «волну сонорности», мы въ климаксѣ волны имѣемъ «слоговой звукъ» слога, прочіе звуки—неслоговые. На этомъ и основывается извѣстное старшее (акустическое) раздѣленіе звуковъ на гласные и согласные. Но какъ мы видѣли, на практикѣ и согласная артикуляція можетъ являться какъ слоговой, и гласная артикуляція какъ неслоговой звукъ [1]). Послѣднее встрѣчается въ славянской рѣчи, какъ и въ прочихъ индоевропейскихъ языкахъ, особенно часто въ дифтонгахъ, «одно-слоговыхъ сочетаніяхъ двухъ гласныхъ»,—произносимыхъ слѣдовательно по принципамъ славянской рѣчи однимъ и тѣмъ же выдыхательнымъ толчкомъ.

О разныхъ моментахъ, съ которыми приходится считаться въ дифтонгахъ, достаточно указать на Сиверса, 410 сл., и Томсона, Общ. Яз. стр. 235 сл. Интересныя дополненія къ обсужденію понятія дифтонга, съ матеріаломъ также изъ славянской рѣчи, сдѣланы Коршемъ въ статьѣ «Двоегласныя въ древне-греческомъ языкѣ и т. д.» (Сборникъ... Фортунатову, Варшава 1902, стр. 281 сл.); хотя авторъ, правда, не достигаетъ новыхъ физіологическихъ результатовъ, но по обыкновенію представляетъ предметъ остроумно, съ интересныхъ точекъ зрѣнія. Рядъ цѣнныхъ замѣтокъ у Сторма, Engl. Phil. 85 сл.

По природной полнозвучности составныхъ частей, съ которой сила экспираторнаго тока идетъ чаще всего параллельно, можно раздѣлить дифтонги на «падающіе» (собственные), напримѣръ, ai̯, и «возрастающіе», напримѣръ, i̯a. Встрѣчаются и варіанты съ приблизительно равновѣсной природной полнозвучностью частей, такъ что подъ извѣстными условіями представляется труднымъ рѣшить, гдѣ имѣемъ слоговой, гдѣ неслоговой звукъ; но въ славянскихъ языкахъ мнѣ извѣстныхъ я не наблюдалъ дифтонговъ этого рода.

208. Какъ сказано, чаще всего экспираторная сила идетъ въ дифтонгахъ параллельно съ природной полнозвучностью составныхъ частей; но есть и такіе дифтонги, въ которыхъ то и другое свойство идутъ въ разрѣзъ (дифтонги «ненастоящіе», ср. Сиверсъ 418, Томсонъ, Общ. Яз., стр. 236). Дифтонги по-

---

[1]) О вопросѣ слоговой : неслоговой звукъ, и въ связи съ тѣмъ о самомъ понятіи слога укажемъ кстати на соображенія и интересные вопросы Педерсена въ «Les pron. dém de l'anc. arménien», Kgl. Danske Vid. Selsk. Skr., 6. R., hist.-fil. Afd. VI, 3, 342 сл.

слѣдняго рода существуютъ повидимому въ малорусскихъ говорахъ; мнѣ лично извѣстны лишь примѣры изъ другихъ языковъ. Укажу, во-первыхъ, на сербское сочетаніе «ӥје» въ описанномъ ниже 213 произношеніи ie̯. Далѣе на мое описаніе дифтонгическихъ видоизмѣненій діалектическихъ сѣверновеликорусскихъ «ê» и «ô» въ «Описаніе одного говора и т. д.» § 4—5; виды i̯e, u̯o и ie̯, uo̯ мѣняются здѣсь очень интереснымъ образомъ. Подобную мѣну и колебаніе насчетъ слогового и неслогового элементовъ я отмѣтилъ въ единичныхъ случаяхъ въ словенскомъ произношеніи въ Люблянѣ. Слово «люди» находимъ у Плет. въ видѣ «ljudję̂» (церковнослав. людиѥ); этому въ Люблянѣ прямо соотвѣтствуетъ произношеніе lᵉdi̯ê или l̥di̯ê; но отмѣчено также «ldîe̯» (качество гласнаго е оставлю нерѣшеннымъ); переходъ i̯e въ ie̯ обусловленъ очевидно тѣмъ, что сильнѣйшая часть ударенія ̑ (см. 231), распространившаго свое дѣйствіе на цѣлый дифтонгъ, придаетъ элементу і экспираторную силу и долготу, достаточныя для перевѣса его полнозвучности надъ элементомъ е. Сопоставимъ съ этимъ факты, что подъ однороднымъ вліяніемъ ˊ (см. 231) Плетершниково «črvíva» (муж. «črvìv», т. е. čᵉr̥vèu̯) при ожидаемомъ čᵉr̥víu̯a встрѣчается въ Люблянѣ также какъ «čᵉr̥vi̯úa», и во множ. какъ «čᵉr̥vi̯ú jábᵉka (jápka)», Плетершниково «škodlíva», при škodlíu̯a, также какъ «škodli̯úa» (муж. Плет. škodlȉv, Любл. škodlᵉèu̯ или -lù, -lòu̯).

209. Дифтонги возрастающіе можно по извѣстному мнѣ изъ славянской рѣчи матеріалу, съ немногими исключеніями, отнести къ одному изъ двухъ типовъ, типу «i̯-» или типу «u̯-»; встрѣчаемые иногда случаи съ неслоговымъ элементомъ другого рода (напримѣръ, сѣверновеликорусскія діалектическія e̯e, o̯o) склоняются, повидимому, примкнуть къ указаннымъ типамъ (въ данномъ примѣрѣ переходить въ i̯e, u̯o).

Типъ i̯- очень распространенъ повсюду, частью какъ старое наслѣдство, частью какъ развившійся въ отдѣльныхъ языкахъ. Типъ u̯- не столь распространенъ, а въ иныхъ языкахъ и не существуетъ, въ связи съ отсутствіемъ звука u̯, или вообще или въ началѣ слога (ср. образованную великорусскую, польскую, чешскую, сербскую рѣчь и др.). Кромѣ вполнѣ развитыхъ дифтонговъ этого рода, славянская рѣчь имѣетъ и зачатки къ таковымъ, гдѣ неслоговая часть не развилась въ обыкновенное i̯, u̯, но остается болѣе или менѣе «переходнымъ звукомъ» ⁱ, ᵘ; ср. выше подъ заглавіями о палатализаціи (185) и лабіо-веляризаціи (190 сл.).

Опредѣляя возрастающіе дифтонги типами «i̯-» и «u̯-», нужно припомнить, что впечатлѣніе «i̯a», «u̯a» на практикѣ часто достигается менѣе высокой артикуляціей неслоговой части (e̯a, o̯a и под.). Спорадическіе случаи такого ослабленія или расширенія неслогового элемента встрѣчаются

вѣроятно во всѣхъ славянскихъ языкахъ, по крайней мѣрѣ, при лѣнивомъ произношеніи. Какъ болѣе крупное явленіе существуетъ оно лишь при дифтонгахъ i̯- послѣ гласныхъ, т.-е., когда i̯ попадаетъ въ междугласное положеніе. Въ разныхъ мѣстахъ славянскаго міра i̯ такого положенія склоняется къ болѣе открытой артикуляціи, доводящей нерѣдко до полной его потери.

Изъ балканскихъ нарѣчій развитіе формъ вродѣ donéa изъ doneja (т. е. -i̯a), gázeo изъ gázejo, mreem или «mrêm» изъ mrejem, svou изъ svoju и т. д. указано въ «Die Dialekte des südl. Serbiens». Вполнѣ тождественныя явленія встрѣчаются въ болгарскомъ яз.; «въ нея» въ быстрой рѣчи звучитъ обыкновенно «vъf néa», «мое то перо» — «moé-to...», идея — «idéa», тоя — «tóa», тая литерарно «tái̯a», но небрежно «táa», и мн. др. Что исходной точки для потери нужно искать въ расширеніи артикуляціи «i̯», прямо выходитъ изъ переходныхъ ступеней; письменное «незна́я ни́кого» звучитъ то «neznáe̯a», то «neznáa»; «желая една меблирана стая» то «žeľáe̯a edná meblí-rana stáe̯a», то «žeľáa...» и т. д.

О сѣверно-великорусскомъ произношеніи ср. мое «Описаніе одного говора и т. д.», § 10; границы упоминаемаго явленія здѣсь нѣсколько иныя чѣмъ въ вышеназванныхъ идіомахъ[1]). Для говоровъ угрорусскихъ прежніе мои труды указали опять другія рамки этого явленія; здѣсь привлекаетъ вниманіе особая склонность къ исчезновенію i̯ передъ u (твор. múxou̯ изъ -xoi̯u, mnôu̯ изъ mnoi̯u и др.); развитіе повело въ этихъ говорахъ къ мнимому переходу i̯ въ u̯; при mýi̯eš, mýi̯et (моешь, моетъ) 1 л. ед. и 3 л. мн. выступаютъ въ видѣ mýu̯u, mýu̯ut; u̯ развилось, конечно, лишь послѣ потери первоначальнаго i̯.

Указаніе всѣхъ принадлежащихъ сюда явленій разныхъ языковъ и эпохъ выходитъ изъ предѣловъ нашей задачи, — это дѣло описаній говоровъ и исторіи языковъ. Стоимъ здѣсь передъ тенденціей широкихъ размѣровъ въ славянской рѣчи.

210. Дифтонги падающіе («собственные»), унаслѣдованные изъ старшихъ эпохъ, уступили, какъ извѣстно, въ праславянское время мѣсто монофтонгамъ; но новые развились въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ. Изъ существующихъ нынѣ въ славянской рѣчи дифтонговъ на -i̯, иные появились на основаніи, тождественномъ для всѣхъ славянскихъ языковъ: moi̯, dai̯ и под. Другіе развились, въ областяхъ различнаго объема, также

---

[1]) Съ описанными на указанномъ мѣстѣ сѣвернорусскими случаями можно сопоставить слѣды въ образованной русской рѣчи, напримѣръ, «Николавна» вмѣсто Николаевна и под.

на звуковомъ основаніи другого характера; ср., напримѣръ, восточнословацкое koi̯s отъ кость, словенское kᵒ̯in (Плет. kònj), goneі̯ne (гоненье) и друг. (**186**), болгарское dvai̯set отъ dvadesęt-, чешское bui̯te, vrai̯te при buďte, vraďte (т. е. -ťte), народное чешское ei̯ вмѣсто письменнаго ý, и др. Дифтонги на -u̯ не появились на тождественномъ для всѣхъ славянскихъ языковъ основаніи, но развились въ довольно широкихъ размѣрахъ разными путями въ разныхъ областяхъ. Часто, во-первыхъ, тамъ, гдѣ u̯ замѣщаетъ артикуляцію v другихъ говоровъ; ср., напримѣръ, малорусское hotóu̯ (готóв), угрор. synúu̯ (сыновей), словенское dáu̯t, наст. вр. dâwem или dâu̯m, прич. dâu̯len. Потомъ часто при переходѣ ł, l въ концѣ слога въ u̯ или вообще гласный задняго ряда (**31**); ср., напримѣръ, великорусское діал. и малорусское dau̯ (далъ), словенское cêu̯ (Плет. cệł, цѣлъ). Иногда при встрѣчѣ гласныхъ послѣ потери междугласнаго i̯ (**209**), напримѣръ, угрор. mnôu̯ (мною); а иногда изъ старшаго монофтонга, напримѣръ, чешское ou̯ изъ ū (jsou, dlouho; въ народномъ языкѣ также на мѣстѣ начальнаго ú-).

Прослѣдить весь принадлежащій сюда матеріалъ славянской рѣчи — не наша задача. Отмѣтимъ только, что отдѣльные языки относятся, очевидно, не одинаковымъ образомъ къ дифтонгамъ вообще. Педерсенъ замѣчаетъ, что чешская рѣчь — вѣроятно потому, что въ ней существуетъ дифтонгъ -u̯, развившійся въ ней самой — сохраняетъ чужіе дифтонги au, eu, между тѣмъ какъ литерарная польская и великорусская рѣчь, не развившія дифтонговъ этого типа, превращаютъ ихъ въ два самостоятельныхъ слога. Насколько это правило дѣйствительно въ разговорномъ языкѣ, не смѣю рѣшить [1]); но въ поэзіи не трудно найти для него подтвержденіе:

«И нынѣ музу я впервые
На свѣтскій ра-утъ привожу». (Евг. Он.).

Какъ говоритъ Есперсенъ (Lehrbuch 212, стр. 203 сл.), при падающихъ дифтонгахъ, акустическое впечатлѣніе рѣшается часто лишь «направленіемъ движенія». Вмѣсто того чтобы пройти всю дорогу какого-нибудь «ai», можно довольствоваться частью намѣченнаго движенія; слухъ легко

[1]) Коршъ, «Двоегласныя», стр. 284, употребляетъ выраженіе «не то односложное, не то двусложное áu», напримѣръ, въ Яуза, кляуза, пауза, «которыя мы обыкновенно признаемъ трехсложными, кажется только потому, что въ русскихъ словахъ нѣтъ двоегласной ау». Ср. замѣтки Грота «Über die Natur и т. д.» (Арх. III стр. 138 сл. и стр. 141), отрицающія существованіе дифтонговъ -u̯ въ собственно русскихъ словахъ, между тѣмъ какъ au̯ имѣется въ заимствованныхъ, напримѣръ, гауптвахта.

обманывается, фантазія дополняетъ недостающее. Особенно легко подвергается ослабленію послѣдняя часть, -i̯, -u̯, ср. объ i̯ въ **209**; произношеніе часто довольствуется чѣмъ то въ родѣ -e̯, -o̯. Такъ иногда и въ славянской рѣчи; ср., напримѣръ, замѣтку Томсона, Общ. Яз. стр. 103, о «ae̯» въ русскомъ «Айвазовскій». Однако, славянская рѣчь повидимому чаще всего произноситъ -i̯, -u̯ въ дифтонгахъ какъ дѣйствительныя i, u; для русскаго произношенія это упоминается и Свитомъ и Финкомъ (ср. однако замѣтки Томсона, Общ. Яз. стр. 236), для чешскаго Педерсеномъ.

211. Славянскіе дифтонги, не только возрастающіе, но также падающіе (собственные), въ большинствѣ случаевъ равняются въ звуковой системѣ отдѣльныхъ языковъ другого рода сочетаніямъ слогового и неслогового звуковъ; ср., напримѣръ, замѣтку Корша «Двоегласныя» стр. 295 о томъ, что въ сербскихъ дифтонгахъ слоговая часть «служитъ исключительнымъ мѣстомъ примѣненія сложныхъ удареній ^ и ′». Особое положеніе занимаютъ, однако, извѣстные дифтонги въ словенскомъ языкѣ, съ интересными количественными отношеніями. Въ долгихъ слогахъ словенскаго языка, какъ восходящихъ (′), такъ и нисходящихъ (^), удлиненіе принадлежитъ обыкновенно слоговому звуку слога; но въ собственныхъ дифтонгахъ выступаютъ по отношенію къ удлиненію два вида. Или удлиняется слоговой звукъ, надъ которымъ тогда и слѣдуетъ ставить знакъ ударенія: dáu̯t (Плет. dáviti), vesê̯u̯ (Плет. vesȇł) и т. д. Или же долгота принадлежитъ не слоговому звуку, но всему слогу, удлиненіе распредѣляется на обѣ составныя части дифтонга; слоговой звукъ остается въ сравненіи съ вышеназваннымъ видомъ «краткимъ», не удлиняясь значительно надъ мѣрой кратко-ударяемаго гласнаго (`); нерѣдко чужой наблюдатель долженъ прибѣгать къ прямымъ сравненіямъ, чтобы установить, дологъ ли слогъ или кратокъ — такое сравненіе выясняетъ, что извѣстное слабое удлиненіе слогового звука въ связи съ извѣстнымъ удлиненіемъ и неслогового элемента придаетъ всему дифтонгическому слогу относительную долготу; слѣдуетъ потому ставить знакъ ударенія не надъ слоговымъ звукомъ, но въ средину надъ обѣими частями дифтонга: vo͡u̯k (Плет. vȏłk), kǝ́i̯n, род. kǝ́i̯na (kònj, kónja), žeri͡au̯ca (žerjâvica) и т. д. На дифтонги послѣдняго вида указалъ Шкрабецъ въ «O glasu» стр. 31 и 37; ср. также «Cvetje» XVIII, 11 сл.; общая тенденція идетъ повидимому въ пользу этого послѣдняго произношенія. Ближе о самомъ явленіи и его связи съ другими явленіями будетъ рѣчь въ **224**. Какъ названія можно, можетъ быть, предложить, для перваго вида «длинноствольные», для второго «короткоствольные» дифтонги (ср. о «Langdiphthong» у Сиверса, 421).

212. Самый принципъ сонорности, лежащій въ основѣ слога, объя-

сняетъ разныя перемѣны въ первоначальномъ числѣ слоговъ—ср. «Lehrbuch» Есперсена стр. 200. Напримѣръ, при встрѣчѣ двухъ гласныхъ, менѣе сонорный легко теряетъ качество отдѣльнаго слога; какое-нибудь sia, съ линіей естественной полнозвучности s i a, не различается по фигурѣ относительной полнозвучности отъ какого-нибудь sma; потому и легко исчезаетъ тотъ факторъ, который въ такомъ случаѣ необходимъ для сохраненія i въ качествѣ особаго слога, т. е. особый выдыхательный толчокъ, и sia переходитъ въ «si̯a».

Явленія этого рода нерѣдки въ славянской рѣчи. Всѣ знаютъ, напр., развитіе окончаній -ie, -ia и т. д. отглагольныхъ существительныхъ вродѣ «ученіе», въ -i̯e, -i̯a, съ дальнѣйшимъ переходомъ въ e, a съ предшедствующимъ мягкимъ согласнымъ[1]). Въ сербскомъ яз. форма vr̥o сохраняетъ слоговое r; но въ неударяемомъ положеніи (umro, odro, zatro) r передъ o потеряло слоговое качество. «Ѳеодоръ» развилось въ русскомъ языкѣ въ «Ѳёдоръ». Въ обратномъ порядкѣ подобное развитіе передѣлаетъ, напр., русское «я и ты» въ «яй ты»; ср. замѣтку Корша о «не то односложномъ, не то двусложномъ au», приведенную выше въ **210**.

Съ этой же точки зрѣнія нужно и объяснить развитіе разныхъ дифтонговъ; столь часто являющіеся дифтонги -i̯ (напр., русскіе край, мой, стой; новѣйшее -ой вм. -ою, напр. горой) очевидно развились проходя черезъ двуслоговую ступень ai, oi и под. Можно привести примѣры такого развитія изъ живого произношенія; мы видѣли въ **133**, какъ малорусское неударяемое e подъ вліяніемъ i̯ можетъ переходить въ i, съ которымъ i̯ далѣе легко сливается,—вм. kupúi̯eš является kupú[i̯]iš и под.; а явившееся такимъ путемъ prodaimó (продаємо) можетъ далѣе перейти въ prodai̯mó. Подобнымъ образомъ чешское neuměl (т. е. -mn̆el) можетъ произноситься, если слухъ не обманулъ меня, также въ двухъ слогахъ, «neu̯mn̆el».

Другого рода послѣдствіе упоминаемаго принципа сонорности приведу изъ словенскаго. Формы прош. вродѣ (Плет.) poklẹknila, pobẹgnila, potíhnila имѣли бы въ Люблянѣ по обыкновеннымъ правиламъ произношеніе pokléknl̥a и т. д.; говорятъ, между тѣмъ, poklékl̥na, pobégl̥na, potíxl̥na. А именно, рядъ -kn̥la далъ бы, вслѣдствіе того что естественная полнозвучность

---

[1]) Объ отношеніи -ie : -ье въ нынѣшнемъ великорусскомъ см. у Чернышева, Законы § 30 (стр. 34).—При обсужденіи описываемаго явленія, написанія вродѣ -ия, -ию и под. конечно не должно смѣшивать насчетъ существованія или несуществованія дѣйствительнаго j или i̯, съ самостоятельной артикуляціей между гласными; объ этомъ подробно въ слѣдующемъ параграфѣ.

l выше n, для относительной сонорности приблизительную линію ___,
съ которой согласуется линія однослоговыхъ сочетаній вродѣ zmla- или smle-; для удержанія двухъ слоговъ, требуемыхъ еще традиціей и аналогіей, перемѣняется порядокъ звуковъ въ -kl̥na и под., съ линіей относительной сонорности приблизительно ___, т.-е. съ двумя ясно раздѣленными «волнами сонорности».

213. Гдѣ взаимное отношеніе естественной полнозвучности двухъ сосѣднихъ гласныхъ способствуетъ ихъ слiянію въ одинъ слогъ (ai, ia и под.), для окончательнаго слитія требуется, какъ мы видѣли, общій выдыхательный толчокъ. Обратимъ теперь вниманіе на звуковое явленіе, принадлежащее подобнымъ сочетаніямъ при условіи сохраненія двухъ самостоятельныхъ выдыхательныхъ толчковъ, — явленіе, представляющее такъ сказать обратную сторону упомянутаго слитія.

При встрѣчѣ гласныхъ ia, ea, ua и под., принадлежащихъ къ разнымъ экспираторнымъ слогамъ, выдыхательный толчокъ второго слога склоняется брать свое начало, пока артикуляція перваго гласнаго еще не успѣла открыться, и такъ стремится отторгнуть отъ этого гласнаго часть, которая переходитъ какъ неслоговой звукъ къ слѣдующему слогу: e-e̯a, u-u̯a и под.[1]). Въ славянской рѣчи это явленіе принадлежитъ сочетаніямъ ia, iu, ie и т. д.; оно вызываетъ произношеніе i ⁱa, i ⁱu и т. д. Такимъ образомъ, въ этомъ произношеніи сначала не имѣемъ самостоятельной артикуляціи «j»; но традиція славянской рѣчи не различаетъ i̯ и j (ср. мою статью «Объ исчезновеніи междугласнаго i̯, j» въ Сборникѣ... Фортунатову, Варшава 1902, 134 сл.); потому указанное распредѣленіе выдыханія даетъ славянину «j» или «i̯», не различаемое отъ j, i̯ другого происхожденія; какое-нибудь I-ta-li-a развивается въ «И-та-лі-я», а отторгнутое отъ i i̯ (ср.-я) можетъ, смотря по обстоятельствамъ, получить артикуляцію поуже i, перейти даже въ фрикативное j, (послѣднее, конечно, легче всего, если удареніе слова падаетъ на слѣдующій за i гласный); присутствіе или неприсутствіе j (i̯) какъ самостоятельная артикуляція въ такихъ сочетаніяхъ не зависитъ больше отъ первоначальнаго вида слова.

Хорошее освѣщеніе такого развитія даетъ, напр., ie-кавское сербское нарѣчіе. Проведенное писаніе ије на мѣстѣ стараго ѣ извѣстнаго качества

---

[1]) Есперсенъ касается этого явленія въ «Lehrbuch» 201, но напрасно ограничиваетъ его условіемъ, что второй изъ гласныхъ долженъ имѣть бóльшую экспираторную силу чѣмъ первый.

не должно вводить въ заблужденіе относительно обыденнаго выговора; оно не отражаетъ дѣйствительнаго произношенія всѣхъ случаевъ и говоровъ. Мои наблюденія надъ мостарскимъ произношеніемъ (Чоровича) привели къ слѣдующимъ итогамъ. При удареніи ӥје (сӥјено, снӥјег) между і и е обыкновенно нѣтъ съуженія у́же і, т. е., нѣтъ самостоятельной артикуляціи ј, i̯; при этомъ все сочетаніе по моему слуху чаще всего соединяется подъ общимъ толчкомъ экспираціи и представляетъ такимъ образомъ, если и не постоянно, то часто, падающій дифтонгъ ie̯ (**208**). Подобно же, по крайней мѣрѣ безъ самостоятельнаго ј, i̯, звучитъ и сочетаніе «ије» другого происхожденія при ударяемомъ и: пӥјем, крӥјем, а также, напр., нӥје. Лишь въ одномъ случаѣ я отмѣтилъ у своего источника склонность къ «ј» (i̯) въ «ӥје», повидимому соединенную съ новымъ выдыхательнымъ толчкомъ для частицы е, а именно послѣ р: дрӥјен, Срӥјем, далѣе напр. грӥјēм (грijати); ср. параллель ниже. Неударяемое «ије» (напр. кȍлијевка) обыкновенно не имѣетъ самостоятельной артикуляціи ј (i̯). При удареніи на е (риjѐка, диjѐте) произношеніе сильно колеблется; часто отмѣчено сочетаніе безъ ј, i̯, но при отчеканенномъ произношеніи, особенно отдѣльнаго слова, можетъ явиться дѣйствительное i̯ или даже фрикативное ј; такое i̯, ј несомнѣнно связывается постоянно съ новымъ выдыхательнымъ толчкомъ, раздѣляя сочетаніе на два явныхъ экспираторныхъ слога. Въ иныхъ словахъ даннаго типа ј (i̯) представляетъ повидимому постоянное явленіе; оно, можетъ быть, лишь индивидуальная случайность, но въ связи съ выше упомянутой подробностью (дрӥјен и под.) не лишено интереса, что фрикативное ј особенно часто, быть можетъ, даже правильно, отмѣчено послѣ р и л: приjѐтња, привриjѐдити, сриjѐда, лиjѐпа, слиjѐпа.

Решетаръ, который касается этихъ явленій Арх. XIII стр. 591 сл., дошелъ отчасти до другихъ результатовъ, находя двуслоговое ије лишь отчасти при удареніи ⌒ и въ неударяемомъ положеніи, а подъ ′ постоянно однослоговое іе, въ противоположность постоянному іје изъ стараго же іје, напр. бӥјемо. Но суть нашего изложенія, развитіе въ сербскомъ языкѣ при извѣстныхъ условіяхъ самостоятельнаго ј между і-е изъ первоначальнаго ѣ, остается и такъ въ силѣ. Статья Маретића «Dali ie ili ije?» въ журналѣ Nastavni Vjesnik (Загребъ) I 148 сл. и 363 мнѣ была недоступна [1]).

214. Начерченныя въ **213** наблюденія надъ сербскимъ «ије» достаточны

---

[1]) Въ «Der štokavische Dialekt» (Schriften der Balkankommission, 1907), § 31, Решетаръ снова подробно излагаетъ свой взглядъ на произношеніе «іје». Дальнѣйшія изслѣдованія повидимому все еще не лишни.

для предостереженія отъ предвзятаго мнѣнія насчетъ дѣйствительной цѣны писаній ія, ію, иjа, иjе и под. Присутствіе или неприсутствіе самостоятельной артикуляціи i̯ или j, ўже предшествующаго i, нужно рѣшать для каждаго отдѣльнаго случая; данное правописаніе часто или даже обыкновенно оправдывается тѣмъ, что слабѣйшая точка выдыханія лежитъ внутри i и отторгаетъ часть его въ слѣдующій слогъ; а о самостоятельномъ j, i̯, съ артикуляціей различной отъ сосѣдняго гласнаго i, въ сущности нѣтъ рѣчи. Такъ какъ точку слабѣйшаго выдыханія въ обыкновенной, не особенно медленной рѣчи не легко схватить, то наблюдатель часто затрудняется, опредѣлить ли сочетанія упомянутаго рода какъ «i-a» или «i-i̯a». За то можно найти осязаніе (и вообще правильное осязаніе?) самихъ уроженцевъ насчетъ этой точки, отмѣчая ихъ образъ раздѣленія сочетанія въ медленномъ, отчетливомъ произношеніи. Напр., русскій будетъ, пожалуй, дѣлить не I-ta-li-a или u-m̓ê-n̓i-e (умѣні-э), но I-ta-li-i̯a, u-m̓ê-n̓i-i̯e (умѣні-е),—т. е., i̯ у него существуетъ, хотя и безъ особаго съуженія, ўже предшествующаго i. Еще Катковъ понялъ это, намекая, что русскіе говорятъ скорѣе «priatel̓» чѣмъ «prija-» (см. у Лунделя, Études sur la pron. russe, стр. 48); ср. съ этимъ транскрипцію Корша «провинцыализмъ»: вм. i послѣ ц выговаривается ы, а послѣ него нѣтъ i̯, j.

Для описываемаго «i̯», являющагося вслѣдствіе особаго распредѣленія экспираціи, но оставляющаго ясное акустическое впечатлѣніе лишь въ болѣе медленномъ, отчеканенномъ произношеніи, пользуюсь давно обозначеніемъ [i̯]; мои наблюденія надъ разными народными говорами даютъ много примѣровъ, но не трудно указать такіе же и изъ рѣчи интеллигенціи. Въ малорусскомъ яз. случаи вродѣ rozum̓í[i̯]ete, nad̓í[i̯]aty (надѣять) довольно часты; польское «artykulacya» звучитъ въ болѣе медленной рѣчи artikulaci[i̯]a (или arty-); болгарское «бия», бью, можно передать b̓i[i̯]ъ, и т. д.

Но обозначеніе [i̯] удобно и для другого рода случаевъ, гдѣ i̯ (j) въ болѣе небрежной рѣчи исчезаетъ, сливаясь съ сосѣднимъ i, вслѣдствіе того, что его артикуляція, за исключеніемъ тщательнаго произношенія, не съуживается сильнѣе этого i; если малорусское сїй (напр., «в сїй хвилі») обыкновенно звучитъ s̓i, а лишь въ медленной или тщательной рѣчи s̓ii̯, то естественно пользоваться знакомъ [i̯]; примѣры нерѣдки въ разныхъ языкахъ. Подъ то же самое обозначеніе правильно подводимъ и описанные въ **209** случаи колебанія формъ съ i̯ и таковыхъ безъ i̯, напр. болгарское тая: tá[i̯]a. Ср. объ этомъ, кромѣ приведенной раньше статьи о междугласномъ i̯ въ Фортунатовскомъ Сборникѣ, мои соображенія въ «Die Dialekte des südl. Serbiens», съ довольно подробнымъ матеріаломъ.

Качество слоговъ; слогораздѣленіе; твердое — нетвердое примыканіе согласныхъ.

215. Развитіе праславянскаго языка довело его, какъ извѣстно, наконецъ до эпохи съ почти исключительно открытыми слогами. При своемъ распаденіи, праславянскій языкъ, такъ сказать, борется съ послѣдними слоговыми конфигураціями, не подходившими подъ этотъ принципъ, сочетаніями er, el и под. Большинство слоговъ знало согласные лишь передъ гласнымъ. Слоговая «волна сонорности» бывала, значитъ, почти безъ исключеній возрастающая (**205**), оканчиваясь своимъ слоговымъ звукомъ, своимъ климаксомъ, «верхомъ» слога; такимъ верхомъ служилъ вообще гласный, чистый или назализированный, а иногда, можетъ быть, $\underset{\circ}{l}$, $\underset{\circ}{r}$. Такую эпоху отражаетъ приблизительно правописаніе старшихъ церковныхъ книгъ. О стоящихъ въ связи съ такой структурой рѣчи преобразованіяхъ въ согласныхъ сочетаніяхъ подробно въ «Handbuch» Лескина, 4 изд. § 32. — Позднѣйшее развитіе отдѣльныхъ славянскихъ языковъ разбило указанный строй. Потеря ъ и ь закрыла массу слоговъ (рабъ > rab или rap, zętь > русское зять, т. е. źäť; внутри слова: думки, шапка и т. д.). Но славянская рѣчь представляетъ свойства, которыя слѣдуетъ вѣроятно считать послѣдствіями раньшей структуры. Одно изъ этихъ свойствъ я вижу въ сильной склонности притягивать группы согласныхъ между гласными въ широкомъ объемѣ къ послѣднему, раздѣляя, напр., мѣ-сто, ọ-творить (ср. за-творить) и под. (**216**). Другое свойство, развившееся на указанномъ основаніи, вижу вообще въ «нетвердомъ примыканіи» согласныхъ къ предшествующему гласному, о чемъ въ **217**.

216. Все еще сильная склонность славянской рѣчи притягивать группы согласныхъ къ слѣдующему слогу, т. е. ослаблять экспирацію для разграниченія слоговъ не внутри согласной группы, а передъ ней, часто поражаетъ слухъ неславянина; напр., нѣмецъ склоненъ раздѣлять bes-ter, славянинъ be-ster. До сихъ поръ можно, кажется, считать общимъ правиломъ славянской рѣчи, что такія согласныя группы, которыя обыкновенны для начала слова, также внутри слова притягиваются къ слѣдующему слогу (ср. приведенное въ **215** мѣсто изъ Handbuch Лескина). На это какъ будто и указываютъ формулированныя Потебней въ Зап. Ак. Наукъ т. 33, прил. стр. 820—24, правила для русской, особенно малорусской рѣчи: къ слѣдующему слогу принадлежитъ, кромѣ всякаго единичнаго согласнаго, шумный согласный со слѣдующимъ l, r, извѣстныя сочетанія какъ sk, st, zd и под., со слѣдующимъ l, r или безъ него, а можетъ быть также согласный (однако, не m, r) со слѣдующимъ v; къ предшествующему слогу r, l передъ другимъ согласнымъ, далѣе согласный,

за которымъ въ старшей эпохѣ слѣдовало ъ или ь суффикса (значитъ, шап-ка, дум-ки, шед-шій и под.); перемѣны вызываются иногда «психологическими» моментами (вес-ло вм. ве-сло?).

Нѣсколько замѣтокъ по упоминаемому вопросу, на основаніи наблюденій надъ заиканіемъ, находимъ у Богородицкаго, Эксп. Фон. стр. 198 сл. Но вообще имѣющійся матеріалъ слишкомъ скуденъ и мои собственныя наблюденія слишкомъ бѣглы и ограничены для извлеченія болѣе подробныхъ итоговъ и заключеній; довольствуюсь общимъ указаніемъ, даже предположеніемъ, обращая вниманіе наблюдателей на затронутыя явленія.

217. Въ ближайшую связь съ общей склонностью притягивать согласные къ слѣдующему слогу слѣдуетъ ставить тотъ «нетвердый» образъ, которымъ въ славянской рѣчи согласный, закрывающій слогъ, примыкаетъ къ предшествующему гласному. Сверсъ пользуется терминомъ «stark — schwach geschnittener Accent» для обозначенія того, прерывается ли согласнымъ предшествующій гласный круто, пока гласный еще обладаетъ полной силой своего произношенія, — или же слѣдуетъ согласный лишь тогда, когда сила гласнаго уже замѣтно уменьшилась. Соглашаюсь съ Есперсен'омъ, что терминъ не избранъ удачно; вмѣсто «акцента» лучше пользоваться выраженіемъ «твердое — нетвердое примыканіе» согласныхъ.

Для твердаго примыканія, столь извѣстнаго въ германской рѣчи (въ сѣверно-нѣмецкомъ, напр., постоянно послѣ краткаго ударяемаго гласнаго: komm, hat, fest и под.), трудно привести несомнѣнные примѣры изъ славянской рѣчи; ср. замѣтку Сторма, Engl. Phil. стр. 144:... «Slaven..., welche nur den schwach geschnittenen Accent haben». Тѣ случаи, которые поразили мой слухъ, какъ скорѣе всего напоминающіе германское твердое примыканіе, это ударяемыя дифтонгическія — въ широкомъ смыслѣ — сочетанія польской образованной рѣчи, особенно напр. связь гласнаго съ сонорнымъ согласнымъ. Въ какомъ-нибудь chrzan (т.-е. xšan; также kš—) n примыкаетъ къ a, пока это еще въ полной силѣ, а въ связи съ тѣмъ n какъ будто удлиняется немного, ср. опять произношеніе такихъ слоговъ нѣмецкой рѣчи какъ «hat», «komm» и под.; такъ и syn отмѣчено (условно) «syn̄» (но род. sy-na, по обыкновенному произношенію славянъ), а подобное при ł, напр. въ był, tył; но согласный затворный въ подобномъ положеніи, напр., p въ chłop, повидимому примыкаетъ вполнѣ по обыкновенному принципу славянской рѣчи: между тѣмъ какъ tył можетъ по моему приближаться къ произношенію такого же слога въ нѣмецкомъ («ty̆ł̄»), произношеніе слова rok совершенно различно, напр., отъ нѣмецкаго «Rock». Въ двуслоговыхъ словахъ отмѣченная тенденція какъ будто идетъ дальше, охватывая не только дифтонгическія

сочетанія (напр., cór-ka, in-dyk), но иногда также ударяемые слоги въ родѣ is-kra, nie chce (т.-е. ńéx-ce); въ краковскомъ произношеніи такіе слѣды болѣе твердаго примыканія выступаютъ и при геминатахъ (Anna, wyssać), здѣсь же по моему и при затворномъ шумномъ (lekko). Случаи послѣдняго рода любопытны по отношенію къ выдыханію; точку слогораздѣла, напр., въ wyssać, lekko трудно ухватить; она лежитъ, нужно полагать, внутри удлиненной согласной артикуляціи (**169**); зато легко установить, какъ эта согласная артикуляція начинается съ приблизительно той же самой экспираторной силой, какая свойственна предшествующему гласному (ср. выше), но когда достигается слѣдующій гласный (a, o), то сила экспираторнаго давленія уже замѣтно уменьшилась.

Въ великорусскомъ языкѣ нѣсколько болѣе твердое примыканіе согласныхъ къ ударяемому гласному наблюдается, положимъ, при геминатахъ (въ широкомъ смыслѣ, ср. **169**), напр., Анна, прочій (т.-е. протчій) и под. (Брандтъ, Начертаніе слов. акц., стр. 20—21); однако по моему нельзя и произношеніе данныхъ сочетаній отождествлять съ германскимъ твердымъ примыканіемъ [1]). Зато изъ малорусскаго я отмѣтилъ отдѣльные случаи, напоминающіе приведенные выше изъ польскаго примѣры; мое вниманіе привлекало не разъ слово один, odу́n, съ довольно твердымъ примыканіемъ (слабо удлиненнаго) n, особенно, если слѣдуетъ еще согласный («в один день», «в один миг»). Въ болгарскомъ языкѣ такая склонность выступаетъ повидимому чаще; мною отмѣчено, какъ въ словахъ въ родѣ чулъ (čuł), синъ (sin), волъ (voł) сонорный согласный примыкаетъ къ рѣшительно краткому гласному — хотя и не такъ рѣшительно «твердо», какъ оно обычно, напр., въ извѣстныхъ германскихъ языкахъ, однако тѣснѣе, чѣмъ въ другого рода сочетаніяхъ, и вмѣщаетъ въ себѣ существенную долю того удлиненія, которое свойственно слогу въ качествѣ ударяемаго (**226**). Въ чешскомъ, съ примыканіемъ вообще ясно нетвердымъ (ср. у Педерсена, стр. 110), опять обращаютъ на себя особое вниманіе сочетанія ударяемаго гласнаго съ сонорнымъ согласнымъ, напр., holka; такое сочетаніе ol можетъ по моимъ наблюденіямъ сильно напоминать нѣмецкое ŏl, напр., въ Holz, Holm, съ твердо примыкающимъ l. Дѣйствительно несомнѣнный и постоянный случай развитія въ родѣ подобныхъ слоговъ въ нѣмецкомъ, отмѣченъ мною въ одушевленномъ восклицаніи «milá dáma!» или «to je milá dáma!», гдѣ прилагательное получаетъ сильное эмфатическое удареніе; milá тогда выступаетъ въ видѣ «mil̄-lā», съ долготой

---

[1]) Ср. замѣтку Брандта, что риторическое удлиненіе и въ слогахъ этого рода проявляется въ гласномъ, а не въ примыкающемъ согласномъ.

въ обоихъ слогахъ и съ экспираторнымъ удареніемъ въ томъ и въ другомъ; а долгота перваго слога помѣщается въ согласномъ l̄, примыкающемъ къ і столь же твердо, какъ въ подобныхъ нѣмецкихъ сочетаніяхъ, напр., въ первомъ слогѣ слова «milde»; насчетъ движенія тона ср. **261**.

Въ сербскомъ языкѣ знаю лишь примыканіе нетвердое. Этотъ языкъ въ данномъ отношеніи особенно интересенъ. Именно, считаясь съ наблюденіями надъ сербскимъ произношеніемъ, невольно спрашиваешь: можно ли довольствоваться тѣмъ опредѣленіемъ твердаго примыканія («stark geschnittener Accent», ср. Свитово «close stress»), которымъ физіологія звуковъ довольствовалась до сихъ поръ? Въ сербскомъ произношеніи имѣемъ, какъ извѣстно, ударенія «восходящія»; особенно явно выступаетъ «восходящее» свойство долгаго слога подъ удареніемъ ′. Относительно этого ударенія какъ простой слухъ, такъ и экспериментальныя измѣренія (ср. **231**) показываютъ, что гласный подъ нимъ увеличиваетъ экспираторную свою силу съ начала до конца; объ убавленіи этой силы передъ началомъ слѣдующаго согласнаго графическое изображеніе результата самопишущихъ приборовъ не даетъ указанія; можно потому предположить, что въ этомъ случаѣ согласнымъ прерывается гласный при полной силѣ послѣдняго, — а въ этомъ мы привыкли видѣть суть твердаго примыканія. Однако, послѣ ′, какъ послѣ прочихъ сербскихъ удареній, сербскіе согласные показываютъ несомнѣнно нетвердое примыканіе къ гласному. Какъ согласовать одно съ другимъ?

Къ тому же вопросу ведутъ и наблюденія надъ словенскимъ произношеніемъ. Примыканіе нетвердое представляется правиломъ, повидимому безъ какого бы то ни было исключенія; словенское произношеніе, напр., «stechen» въ видѣ ste-chen съ полудолгимъ е перваго слога, различается рѣзко отъ образованнаго нѣмецкаго выговора съ краткимъ е и твердо примыкающимъ ch; примыканіе рѣшительно нетвердо также въ закрытомъ слогѣ въ родѣ grèm, при условіяхъ, которыя у славянъ, по приведеннымъ изъ польскаго, болгарскаго и др. примѣрамъ, какъ будто иногда склоняютъ къ болѣе твердому примыканію. А и при долгомъ восходящемъ удареніи ′, въ случаѣ какъ gótca (Плет. gǫ́dca, род. пад. къ gódec, Плет. gǫ́dec), несмотря на слѣдующее за гласнымъ tc (или «сс», ср. **218**), наблюдается ясно нетвердое примыканіе этого согласнаго сочетанія.

Произношенія сербское и словенское ведутъ, такимъ образомъ, къ слѣдующимъ итогамъ. Если принятое опредѣленіе твердаго примыканія удовлетворительно, то самой сильной выдыхательной точки гласнаго подъ восходящимъ (и въ экспираторномъ отношеніи) удареніемъ нужно искать не въ самомъ концѣ гласнаго, но уже въ моментѣ предшествующемъ примыканію со-

гласнаго — чего регистрирующіе приборы повидимому не показываютъ. Если же по указанію послѣднихъ дѣйствительно выходитъ, что возрастаніе выдыхательной силы продолжается до самаго конца гласнаго, то опредѣленіе понятія «твердое примыканіе» неудовлетворительно. Любопытная задача для рѣшенія экспериментальной фонетикой!

Количество.

218. Традиціонная разница согласныхъ долгихъ отъ краткихъ развилась лишь въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ. Долгія согласныя артикуляціи, гдѣ таковыя существуютъ, появились частью при встрѣчѣ тождественныхъ образованій (n + n, s + s, t + t и под.), частью при помощи предварительнаго уподобленія (z + s > s + s, s + š > š + š и т. д.). Долгота сонорныхъ и фрикативныхъ согласныхъ (n̄, s̄) состоитъ въ удлиненіи свойственной звуку артикуляціи; долгота затворныхъ и слитныхъ согласныхъ (t̄, d̄, c̄, č̄) выражается въ удлиненіи удержанія затвора (**169**). Раздѣляясь на два слога, помощью ослабленія экспираторнаго давленія внутри согласнаго (напр., русское Анна, масса), долгая согласная артикуляція представляетъ геминату, удвоенную согласную; принадлежа къ одному слогу (напр., русское ссать), она согласная долгая. Въ первомъ случаѣ умѣстно, скажемъ, писать двойной знакъ: nn, ss; такъ и tt, хотя по законамъ о сочетаніи звуковъ имѣемъ лишь одинъ затворъ и одинъ взрывъ; а аналогично можно употреблять также čč, cc и под., хотя такое писаніе легко вызываетъ нѣсколько путающее впечатлѣніе. Во второмъ же случаѣ умѣстенъ знакъ долготы [1]). Объ абсолютномъ отношеніи между согласными «долгими» и «краткими» нигдѣ нѣтъ рѣчи; долгота обозначаетъ лишь явственное удлиненіе надъ мѣрой обыкновеннаго («краткаго») согласнаго.

219. Общимъ принципомъ можно выставить, что согласныя долготы вообще какъ будто трудно согласуются со звуковымъ строемъ славянской рѣчи. Гдѣ онѣ развились или развиваются, онѣ встрѣчаются съ болѣе или менѣе рѣшительной склонностью къ ихъ сокращенію — вѣроятно въ связи съ описанными **215—18** свойствами славянскаго слогостроенія. Особенно замѣтна эта склонность въ южно-славянскихъ языкахъ. Могу указать м. пр. на «Die Dialekte des südl. Serbiens», § 16; въ описанныхъ тамъ гово-

---

[1]) Которымъ я пользовался въ своихъ діалектологическихъ работахъ также для геминатъ, такъ какъ разница не имѣла значенія для этихъ работъ.

рахъ наблюдается приведенное сокращеніе: odávno вм. od (ot) davno, iséko вм. iz-seko, krošipъ̀k вм. kroz šipъk и т. д. Нѣчто подобное Милетичъ отмѣчаетъ для восточно-болгарской рѣчи, а однородныя явленія выступаютъ ясно еще въ старославянскихъ текстахъ: бестраха вм. безъ с- и мн. др.; ср. Handbuch Лескина, 4 изд. § 35. — Словенскій языкъ, въ которомъ потеря гласныхъ (**104**) чаще ведетъ къ удлиненнымъ согласнымъ, повидимому легче сохраняетъ долгую (удвоенную) артикуляцію: повел. gnǽtte (gnǽst гнести), jessm̥ или jessn̥ («я есмь»), lub-brat и т. д. Не слѣдуетъ, однако, полагать, что такое сохраненіе долготы основывалось на чисто звуковомъ принципѣ; не забудемъ, что словенская редукція цѣлаго ряда гласныхъ обусловливаетъ часто двойныя формы, то сохраняя гласный элементъ между согласными, то выпуская его совсѣмъ (**104—105**); подобная же мѣна связана, какъ извѣстно, и съ мѣной ударенія: razumǽmǝ — razúmmǝ и под.; такое состояніе живого языка, поддерживая этимологическое сознаніе, вѣроятно и можетъ задерживать сокращеніе долгихъ (двойныхъ) согласныхъ, столь обыкновенное и общее въ другихъ областяхъ южно-славянской рѣчи. Ср. матеріалъ у Шкрабца въ Cvetje XIII, 3.

Для чешскаго яз. Педерсенъ (D. böhm. Udt. стр. 111) выставляетъ, какъ разницу отъ русскаго и польскаго, отсутствіе этимологической долготы согласныхъ; ssutina, ssáti, měkký, Anna, panna выговариваются съ краткими s, k, n, s sebou звучитъ sebou, d и t въ dcera, otče исчезли; ср. и тотъ фактъ, что при уподобленіи, напримѣръ, «dej to kočce» (дат. пад. къ kočka, кошка) выговаривается koce, «když jsem . . .» (j по **206** не выговаривается, ž уподобляется къ слѣдующему s) въ обыденной, народной рѣчи «disem . . .», и т. д. Что отдѣльные случаи патетической рѣчи могутъ развивать согласную долготу въ родѣ упомянутаго **217** mil̄-lā, не противорѣчитъ упомянутой тенденціи обыкновенной, спокойной рѣчи [1]). — Насчетъ польской рѣчи достаточно указать на изложеніе Розвадовскаго, «Szkic» § 28. Прибавимъ однако, что между тѣмъ какъ удлиненная артикуляція повидимому сохраняется обыкновенно для геминатъ (pannami, lekko, wyssać; такъ и въ связномъ предложеніи: lat dwadzieścia = laddva-, и под.), долгота въ началѣ слова (ssać, т.-е. s̄ac и под.) по моимъ наблюденіямъ часто сокращается [2]).

Въ московскомъ великорусскомъ говорѣ, кромѣ долгихъ (двойныхъ) со-

---

[1]) Съ нашимъ изложеніемъ согласуется также Фринта, у котораго данный вопросъ освѣщается хорошими примѣрами; ср. особенно стр. 84 сл.

[2]) Хорошій матеріалъ къ данному вопросу даетъ Пашкевичъ, Арх. XXXI, 102 сл.: Die Konsonantenverbindungen im Polnischen.

гласныхъ, развивающихся указаннымъ въ **218** путемъ (напр., addv́éŕi: отъ двери, rassýръłsa: разсыпался, iźźóga: изжога, žъnó: съ женой, śéŕdissa: сердишься), отмѣтимъ, что «щ» часто выговаривается какъ удлиненное ṣ̌ (**57**): ṣ̌úka: щука, róṣ̌ṣ̌a: роща; то же самое произношеніе даютъ отчасти письменныя сочетанія сч, зч, сщ, зщ, напр., ṣ̌em: съ чѣмъ; параллельное голосное образованіе, ẓ̌ или ẓ̌ẓ̌, выступаетъ на мѣсто письменнаго зж, жж, напр. въ вожжи, позже, уѣзжаю и под.; иначе однако тамъ, гдѣ с, з принадлежитъ предлогу, а ж корню слѣдующаго слова, ср. выше примѣры изжога, съ женой. Московскій говоръ, такимъ образомъ — чтобы не говорить еще о заимствованіяхъ въ родѣ «манна», «масса» (Томсонъ, Общ. Яз. стр. 229) — увеличилъ число удлиненныхъ согласныхъ артикуляцій [1]). Но несмотря на все то и на извѣстную противоположность чешскому произношенію, на которую мы указывали выше, можно по инымъ чертамъ какъ этого говора, такъ вообще великорусской рѣчи заключать, что общее расположеніе клонится повидимому и здѣсь скорѣе въ пользу сокращенія согласной долготы. Коршъ упоминаетъ въ «Правописаніи» стр. 52, что обыкновенно произносится напр., класическій — сс принадлежитъ добросовѣстнымъ семинаристамъ. Обыкновенно говорятъ также «професоръ». Подробнѣе у него же Арх. III, стр. 683, съ критикой формулированныхъ Гротомъ въ Фил. Раз. правилъ. Желательны дальнѣйшія, внимательныя наблюденія также надъ долгими согласными, появившимися въ самомъ языкѣ; особенно въ неударяемомъ слогѣ долгота становится, по крайней мѣрѣ для нерусскаго слуха, сомнительной.

Малорусскій языкъ получилъ долгіе согласные указаннымъ въ **218** путемъ, напр., вво̀дить, щодѐнний, виддаючи и т. д. Въ **242** упоминаются явленія въ быстрой рѣчи, вызывающія новые случаи, въ родѣ mássmetány (масса сметани). Отмѣтимъ въ добавку долгіе согласные, явившіеся вслѣдствіе прогрессивнаго уподобленія: l̄́, ń̄, t̄́, d̄́ (ĺĺ, ńń, t́t́, d́d́) изъ раньшаго lj, nj и т. д., отъ еще старшаго lьj- и т. д., напр., бажаннє, ви́лляти (выливать) и под. (ср., напр., у Миклошича, Vgl. Gr. I, 2. изд.). Послѣднее развитіе извѣстно и внѣ малорусской области, на бѣлорусской и южно-великорусской почвѣ. Оно вообще не проведено послѣдовательно. Заключаемъ изъ

---

[1]) Добавимъ однако, что ṣ̌ (ṣ̌ṣ̌) и ẓ̌ (ẓ̌ẓ̌) вм. щ, зж (жж) — произношеніе діалектическое и также въ московскомъ говорѣ не проведенное; нерѣдко въ срединѣ проявляется болѣе или менѣе замѣтный затворный элементъ, t—d (**57**), который въ другихъ великорусскихъ говорахъ выступаетъ правильно, а и для старшаго московскаго произношенія вѣроятно нужно его считать правиломъ. О подробностяхъ ср. у Корша, О русскомъ правописаніи стр. 50; у Чернышева, Законы стр. 37—38. О сѣверно-великорусскомъ произношеніи см. мое «Описаніе одного говора» стр. 61 сл.

этого, что явленіе уже сначала имѣло различное распространеніе въ разныхъ нарѣчіяхъ. Получается къ тому и такое впечатлѣніе, что стоимъ при данномъ явленіи передъ отступающимъ движеніемъ, по направленію къ потерѣ этакихъ долгихъ (удвоенныхъ) согласныхъ. Если это наблюденіе правильно, то имѣемъ основаніе заключить объ участіи также малорусскаго языка въ общей склонности славянской рѣчи къ проведенію повсюду «краткихъ» согласныхъ. Замѣчу однако, что о малорусскомъ яз. высказываюсь условно, не располагая достаточнымъ матеріаломъ изъ живого произношенія.

220. Для долготы слога, въ принятомъ въ лингвистикѣ смыслѣ этого понятія, требуется въ славянской рѣчи, чтобы долгимъ былъ слоговой звукъ, т.-е. гласный или, въ извѣстныхъ случаяхъ, сонорный согласный. Отъ этого принципа имѣемъ условное исключеніе лишь въ извѣстныхъ явленіяхъ словенскаго яз., о которыхъ рѣчь въ **224**[1]). Объ абсолютномъ отношеніи или мѣрѣ долготы: краткости и относительно слоговъ нѣтъ рѣчи (ср. **218**): говоръ, личность, настроеніе обусловливаютъ сильныя различія и колебанія; существуетъ иногда, можетъ быть, и больше двухъ ступеней. Впускаться здѣсь въ обсужденіе такихъ подробностей не позволяютъ ни матеріалъ, ни мѣсто (ср. Сиверсъ 693—94, 704); подъ долгимъ и краткимъ подразумѣваемъ лишь относительно долгій и относительно краткій слогъ, по традиціонному произношенію. Слогами долгими называемъ, такимъ образомъ, слоги со слоговымъ звукомъ въ традиціонной рѣчи растяжимымъ, въ противоположность слогамъ со слоговымъ звукомъ въ традиціонной рѣчи не растяжимымъ.

Хорошее освѣщеніе правильности такого принципіальнаго опредѣленія даетъ сербскій языкъ. Если сильно выдвигается слово съ «долгимъ» ударяемымъ слогомъ, напр., tráva въ предложеніи «уф колика је била тра́ва», то эмфазъ отражается между прочимъ (и особенно) въ сильномъ удлиненіи á. Если же выдвигается слово съ «краткимъ» ударяемымъ слогомъ, то отношеніе будетъ иное; нельзя усилить, на примѣръ, ȍ слова гȍра въ «уф колика је била гȍра» или «гȍра — гȍра је била велика», кромѣ сильнѣйшей экспираціи, еще и относительнымъ удлиненіемъ. Слово «вр̏ло» обыкновенно выговаривается съ сильной экспираціей; при потребности дальнѣйшаго усиленія нужно пользоваться — не удлиненіемъ ȑ въ r̄, но напр. удвоеніемъ слова: «vȑlo vȑlo».

---

[1]) Объ удлиненіи также согласныхъ частей слога при ударяемости въ русскомъ языкѣ ср. наблюденія Усова, о которыхъ ниже, въ **227**. О славянскихъ долготахъ по отношенію, напр., къ количеству классическихъ языковъ и о связанной съ тѣмъ разницѣ при употребленіи долготы въ поэзіи ср. у Корша въ «Двоегласіи», особенно стр. 344.

Встрѣчаемыя въ славянской рѣчи количественныя различія слоговъ распадаются на этимологическія и фонетическія. Этимологическое количество сохраняютъ, какъ извѣстно, языки чешско-словацкій (писаніе á, é и т. д.), сербско-хорватскій и словенскій. Историческая сторона количественныхъ отношеній не входитъ въ рамку настоящаго сочиненія; наше дѣло — разсмотрѣть физіологическія стороны этихъ явленій.

221. Въ чешскомъ языкѣ различіе долгота: краткость вообще выступаетъ сильно. Любопытныя измѣренія сдѣланы Кралемъ и Марешемъ, въ «Trvání hlásek a slabik и т. д.», Listy fil. 1893, 257—90 (см. рефератъ въ Die Neueren Sprachen IV 249 сл.). Измѣренія доказываютъ относительность понятія долготы (**220**). Поэтому, если въ школахъ ученики иногда, какъ мнѣ разсказывали, обучаются, даже помощью тактобіенія, удлиненію долгаго гласнаго, напр., до двойной мѣры краткаго, то такое упражненіе представляетъ лишь сомнительныя выгоды. — Этимологическій принципъ количества въ живой рѣчи очевидно подвергается дѣйствію и измѣненіямъ со стороны фонетическихъ явленій. Укажу на замѣтки Педерсена, Den böhm. Udt., стр. 110—11. Какъ упомянуто имъ, долгій гласный въ концѣ слова, содержащаго болѣе одного слога, выговаривается въ связной рѣчи чаще всего краткимъ (ср. писанія вродѣ «všeho druhů» — «všech druhu»). Въ слабоударяемыхъ словахъ долгій гласный нерѣдко сокращается и внутри слова. Вообще наблюдается въ количествѣ немало несогласій между писаніемъ и рѣчью[1]), хотя многія изъ этихъ несогласій не удается пока подобрать подъ ясныя правила. Къ приведеннымъ Педерсеномъ примѣрамъ можно добавить еще много (пишутъ и въ школѣ выговариваютъ, напр., Bednařík, Tenávka, Štítary, а въ обыденной рѣчи слышимъ чаще Bednářik, Tenavka, Štitáry). Сокращеніе долготъ идетъ въ народной рѣчи вообще дальше, чѣмъ въ рѣчи образованныхъ. Зато въ народной рѣчи проявляются не совсѣмъ рѣдко новыя долготы. Педерсенъ выражается стр. 110 такъ: «народная рѣчь повидимому имѣетъ сильнѣе выдающееся музыкальное удареніе». Одна изъ главныхъ чертъ такого особеннаго пражскаго народнаго произношенія состоитъ въ частомъ удлиненіи, при особомъ «поющемъ» тонѣ, послѣдняго слога предложенія (слова), хотя бы слогъ былъ этимологически краткимъ; на примѣръ, «dochtor» принимаетъ видъ ˈdoxtōr. Въ нарѣчіяхъ эта черта повидимому хорошо извѣстна; она заслуживаетъ изслѣдованія.

Но хотя и можно указать изъ живой рѣчи немало измѣненій въ унаслѣ-

---

[1]) Весьма ярко это видно у Фринты.

дованныхъ этимологическихъ количественныхъ отношеніяхъ, и хотя иныя изъ этихъ измѣненій указываютъ на вмѣшательство новыхъ количественныхъ принциповъ фонетической природы, — этимологическій принципъ все-таки еще безусловно преобладаетъ. Стоитъ только произнести краткій ударяемый чешскій слогъ на русскій ладъ, — съ упоминаемымъ ниже извѣстнымъ удлиненіемъ, даже въ самомъ слабомъ его видѣ, для чешскаго слуха тотъ часъ получается слогъ «долгій», совершенно измѣняющій традиціонное слово.

222. Этимологически долгіе слоги сербско-хорватской рѣчи ограничены, какъ извѣстно, опредѣленной частью слова, въ зависимости отъ мѣста ударенія; передъ нынѣшнимъ штокавскимъ ударяемымъ слогомъ долготы вообще не существуетъ. Какъ общее акустическое впечатлѣніе можно упомянуть, что сербско-хорватская долгота вообще не удлиняется такъ сильно, какъ долгота въ чешскомъ языкѣ. Однако, въ ударяемыхъ слогахъ она выступаетъ вообще ясно, отчетливѣе чѣмъ это обыкновенно бываетъ при ударяемой долготѣ обыденной словенской рѣчи. Долгота неударяемая вообще короче ударяемой, для иностраннаго слуха она нерѣдко въ спокойной рѣчи просто ускользаетъ — въ большей или меньшей степени, смотря по отчетливости произношенія, а также вѣроятно по нарѣчіямъ.

223. Долгіе слоги выступаютъ въ нынѣшнемъ словенскомъ языкѣ, какъ извѣстно, въ очень узкихъ рамкахъ, а именно лишь въ ударяемомъ слогѣ; это очевидно результатъ вліянія разныхъ позднѣйшихъ принциповъ фонетическаго рода на унаслѣдованную изъ праславянской эпохи этимологическую традицію. Положеніе дѣла дошло теперь вообще до того, что неударяемые слоги кратки, ударяемые долги; лишь въ послѣднемъ слогѣ слова существуетъ ударяемая (нисходящая) краткость, обозначаемая ˋ (dəskà доска, любл. kò̭in конь); а при слѣдующихъ энклитикахъ и здѣсь часто преобладаетъ принципъ: «долгота въ ударяемомъ слогѣ», ср. случаи вродѣ nesȋ-me, vprašȃj-ga при -ì, -àj въ абсолютномъ концѣ. Укажу насчетъ всего этого на спеціальныя изслѣдованія (напр., на наглядное изложеніе Шкрабца въ «O glasu» стр. 5 сл. и 11; Cvetje XIII, 5 сл.). Отдѣльные случаи краткаго ударяемаго неконечнаго слога вродѣ множ. grèmo, grèste (при gremò grestè greį̀o или grǽmo и т. д., ед. grèm, ср. Плет. s. v. íti) не говорятъ противъ общаго правила, объясняясь аналогіей близкихъ формъ, въ данномъ примѣрѣ вліяніемъ единственнаго числа. Итакъ, упомянутое общее правило нынѣшнихъ количественныхъ отношеній словенскаго языка (неударяемые слоги — кратки, ударяемые — долги) позволяетъ сказать, что языкъ стоитъ уже принципіально на границѣ между количествами этимологическимъ и фонетическимъ.

О самой долготѣ можно для люблянскаго произношенія выразиться такъ, какъ Богородицкій о близкомъ Бледскомъ говорѣ. Въ обыденной, ровной рѣчи долготы вообще не выступаютъ особенно ярко, въ большое различіе, напр., отъ чешскаго яз.; неопытный наблюдатель можетъ, конечно, иногда колебаться насчетъ количества; однако, данное въ **220** опредѣленіе долготы («растяжимость») имѣетъ силу и здѣсь; поэтому при логическомъ удареніи удлиненіе долгаго слога можетъ проявляться сильно.

224. Въ связи съ даннымъ въ **220** опредѣленіемъ понятія долготы заслуживаютъ впрочемъ особеннаго вниманія извѣстныя словенскія дифтонгическія сочетанія. Какъ сказано въ **211**, дифтонги подъ знаками ударяемой долготы, ˆ и ˊ, (ср. **233**) распадаются на два вида; въ «длинноствольныхъ» удлиненіе принадлежитъ слоговой части, въ «краткоствольныхъ» оба гласныхъ элемента, и слоговой и неслоговой, звучатъ относительно кратко, а слоговой имѣетъ даже, какъ увидимъ, въ извѣстныхъ случаяхъ свойственный слогамъ краткимъ гласный оттѣнокъ, въ противоположность обыкновенному при удлиненіи оттѣнку; но это не устраняетъ возможности придать данному дифтонгу въ произношеніи качество д о л г а г о с л о г а и противоположить его слогу краткому съ тѣмъ же самымъ дифтонгомъ; относительно слабый моментъ удлиненія тогда раздѣляется на обѣ составныя части, какъ слоговую, такъ и неслоговую.

Шкрабецъ отмѣтилъ существованіе «краткоствольныхъ» дифтонговъ въ роли долгаго слога. Онъ упоминаетъ это явленіе въ «O glasu» стр. 31, по поводу ai (ei) Рибницкаго говора вмѣсто стараго ѣ: «Въ дифтонгѣ ai, ei тотъ и другой гласные произносятся кратко, однако . . . такъ, что они вмѣстѣ даютъ долгій слогъ, — значитъ не какъ āj, ēj». Другую любопытную замѣтку находимъ тамъ же стр. 37 (ср. еще Арх. XIV стр. 324). Шкрабецъ отмѣчаетъ здѣсь переходъ stołèc, kołèc и др. въ stoùc, koùc и т. д., т.-е. въ дифтонги съ удареніемъ «potegnjen naglas»; если сравнить ихъ съ тѣми словами, которыя пишутся обыкновенно «volna», «žolna», «molzem», «molčati», то оказывается, что въ послѣднихъ имѣемъ дифтонгъ подобнаго рода и ударенія: voûna, žoûna, moûzem moûčati (Плет. «vółna» и т. д.) — т. е., дифтонгъ (слогъ) и здѣсь дологъ, хотя кратки и первый гласный и второй, собственный носитель ударенія. Подобное проявляется при удареніи «potisnjen naglas» въ случаяхъ какъ, напр., vòuk, mòuk, stòup, pòun (Плет. «vȍłk» и т. д.), съ «удареніемъ» надъ первой частью дифтонга.

Распредѣленіе двухъ видовъ словенскихъ дифтонговъ мнѣ не ясно; все это любопытное явленіе заслуживаетъ вниманія лингвистовъ. Довольствуюсь здѣсь приведеніемъ нѣкоторыхъ примѣровъ. Явные «длинноствольные» при-

мѣры выступаютъ въ люблянскомъ говорѣ часто въ такихъ новообразованныхъ дифтонгахъ какъ dáu̯t давить, наст. (dâwem и) dâu̯m, ср. Плет. dáviti (наст. dávim не согласуется съ отмѣченнымъ мною удареніемъ). Но и въ такихъ позднихъ образованіяхъ замѣчается отчасти переходъ въ дифтонги краткоствольные, т. е. начинающееся раздѣленіе слабаго момента долготы на обѣ составныя части; напр., въ прич. приведеннаго глагола я склонялся писать «dau̯len» (объ обозначеніи ср. **211**), ср. далѣе, напр., «žeri̯au̯ca» (Плет. žerjâvica); интересно именно колебаніе наблюдателя, указывающее вѣроятно на развитіе въ извѣстномъ направленіи, а именно въ пользу дифтонговъ «краткоствольныхъ». Явный «длинноствольный» дифтонгъ отмѣченъ мною далѣе, напр., въ муж. vesêu̯ (Плет. vesẹł), въ повел. pléu̯, мн. pléu̯te (неопр. plét, Плет. pléti); въ прош. gr̥méu̯ (gr̥mét, Плет. grméti; «u̯čêr-i̯e-γr̥méu̯» или «. . . γr̥mél», вчера громъ гремѣлъ); въ наст. déu̯lem (déwat, ср. Плет. dẹvljem, dẹvati); пов. glói̯ (glódat или glódat, ср. Плет. glọdati).

Съ послѣднимъ примѣромъ любопытно сравнить пов. kroi̯ (króit, Плет. krojíti); въ немъ лишь при сильно повелительномъ тонѣ отмѣченъ мною длинноствольный дифтонгъ, т. е. krói̯, обыкновенно же kro′i̯, краткоствольный дифтонгъ, но слогъ долгій — потому, не смотря на лишь слабое удлиненіе o, количественно явно различный отъ существительнаго krȍi̯ (Плет. krȍj), род. króa̯. При краткомъ слогѣ kȍi̯n стоитъ долгій, но краткоствольный дифтонгъ въ род. ko′i̯na (Плет. kȍnj kónja). Особенно поучительнымъ для изученія природы долготы краткоствольнаго дифтонга представляется сравненіе двухъ слоговъ, напр., прош. go′u̯čou̯, mo′u̯čou̯ (ср. Плет. góɫčati, móɫčati); какъ мы видимъ, слоговой гласный, не смотря на удареніе ′, не развивается въ типичный подъ такимъ удареніемъ оттѣнокъ o (**112**); слабое удлиненіе двухъ частей дифтонга похоже на «лѣнивое», и потому растянутое произношеніе слога какъ цѣлость. Ясный краткоствольный дифтонгъ выступаетъ далѣе въ tü′i̯ka (Плет. túјka), tü′i̯c (Плет. túјec); въ любл. žä′i̯nem (ä : ср. **110**): Плет. žánjem; въ отглаг. сущ. основъ на -i, напр., gone′i̯ne, ср. Плет. prošénje, proščẹnje и под. Въ послѣднемъ случаѣ оттѣнокъ e, вм. обычнаго при ′ оттѣнка æ, представляетъ полную параллель къ затронутому выше o (не o) при подобныхъ же условіяхъ. Отмѣтимъ еще краткоствольный дифтонгъ въ 3. множ. на -i̯o, гдѣ i̯ притягивается вполнѣ или отчасти къ предшествующему гласному; напр., отъ dét (Плет. dẹ́ti дѣть), съ наст. dêm dêš и т. д.[1]), 3. мн. звучитъ dei̯o (dei̯-i̯o); отъ Плет. smẹti — smêmo, smête, но 3. л. sme′i̯o (sme′i̯-i̯o); отъ grét (ср. Плет. подъ íti) — græmo, græste или

---

[1]) Въ моихъ отмѣткахъ съ ′, у Плет. съ ^.

grēmo, grēste, но 3. л. gre'i̯o. Ср. при положеніи внутри слова подобное развитіе въ наст. вр. se sme'i̯am (Плет. smẹ́jam se), отъ smei̯ȃt se (smẹ́jati se).

Тенденція къ свойственному краткоствольнымъ дифтонгамъ раздѣленію долготы на обѣ составныя части идетъ впрочемъ въ люблянскомъ говорѣ — а вѣроятно не только здѣсь — дальше этихъ сочетаній. Напр., въ Плет. cę̂rkev, произносимомъ здѣсь cirku, ir отмѣчено съ произношеніемъ, оправдывающимъ обозначеніе «-i'r-». Особенно замѣтно существованіе описываемаго явленія, внѣ собственныхъ дифтонговъ, при «слоговомъ r». По **77** это состоитъ въ сущности изъ болѣе или менѣе полно развитаго ᵊe со слѣдующимъ r (ᵉr̥, ᵊer). Сравнивая такое «слоговое r» подъ ' и подъ ` (напр., kᵉr̥st крещеніе, род. kᵊe'rsta), не трудно установить долготу слога послѣдней формы; но гдѣ нѣтъ возможности такого прямого сравненія, рѣшеніе количества бываетъ довольно затруднительно для не привыкшаго слуха — а именно потому, что удлиненіе, притомъ слабое, не сосредоточивается на отдѣльномъ элементѣ, но раздѣляется на ᵊe и r и такъ оставляетъ взаимное отношеніе ихъ количества безъ сильнаго измѣненія.

225. Изъ славянскихъ языковъ, знающихъ лишь долготу слоговъ, основанную на фонетическихъ условіяхъ, польскій, въ обыденной рѣчи интеллигенціи, производитъ на германскій слухъ такое впечатлѣніе: всѣ слоги кратки (Стормъ, Engl. Phil. I стр. 14, стр. 79). Ср. «Szkic» Розвадовскаго § 14: всѣ гласные по количеству — краткіе или же средніе, съ очень невеликой разницей ударяемаго слога отъ неударяемыхъ. Относительно послѣдняго я согласенъ; хотя ударяемый слогъ, вѣроятно, чуть-чуть длиннѣе неударяемыхъ, по крайней мѣрѣ длиннѣе чѣмъ слѣдующій неударяемый, но вообще такъ мало, что слуху трудно схватить разницу. Замѣтное удлиненіе является при сильномъ эмфазѣ; какое-нибудь «o ty biedaczko, ty chodzisz bosa» (ср. **260**) можно слышать съ сильно удлиненнымъ -da-. Въ такомъ примѣрѣ выступаетъ и другое количественное отношеніе, на которое намекаетъ Розвадовскій: тенденція удлинять конечный слогъ. Въ народной рѣчи она сильно развита, но замѣтна и у образованныхъ. Такъ, въ приведенномъ примѣрѣ, при нѣкоторомъ удлиненіи ударяемаго bo- (bosa), нерѣдко -sa удлиняется побольше. Въ какомъ-нибудь (съ досадою) «naturalnie jest gotowa!» (конечно готова!) можно слышать . . . wā. Мы указали на подобную черту въ чешскомъ яз. (**221**), и вообще удлиненіе неударяемаго конечнаго слога (особенно открытаго?), въ связи съ эмфазомъ, представляетъ собой повидимому частое явленіе славянской рѣчи, заслуживающее вниманія.

Примѣчаніе. Упомянутые въ **217** слѣды болѣе «твердаго примыканія» согласныхъ, съ извѣстнымъ удлиненіемъ послѣднихъ, указываютъ повидимому на

извѣстную относительную долготу слога. Объ особаго рода долготѣ при слитіи ị съ і ср. **123**; о такой въ связи съ перемѣнами въ назализованности ср. **127.**

226. Съ своей вообще рѣзкой «краткостью» ударяемаго слога, въ спокойной рѣчи безъ замѣтнаго удлиненія гласныхъ подъ вліяніемъ экспираторнаго ударенія, образованное польское произношеніе представляетъ извѣстнаго рода крайнюю границу въ ряду славянскихъ языковъ безъ этимологической количественной разницы слоговъ. Въ прочихъ языкахъ этого типа, извѣстное удлиненіе ударяемаго слога вообще явственно. Сосѣднюю съ польской ступень можно, кажется, приписать болгарскому произношенію. Ударяемый слогъ здѣсь «кратокъ», однако нѣсколько удлиняется въ сравненіи съ окружающими неударяемыми. Можно сказать, что болгарскій языкъ стоитъ въ данномъ отношеніи между польскимъ и русскимъ.

227. Количественное отношеніе ударяемаго слога къ неударяемымъ въ великорусскомъ языкѣ варіируетъ повидимому немало по говорамъ; въ иныхъ разстояніе значительнѣе, чѣмъ въ другихъ. При этомъ и неударяемые слоги разнятся часто немало между собой по количеству; напр., въ извѣстныхъ говорахъ Калужской губерніи я наблюдалъ для слога непосредственно передъ ударяемымъ приблизительно такую же долготу, какъ для ударяемаго (ср. въ «Отчетѣ» Отд. р. яз. и слов. за 1902 г.). Но все это не мѣшаетъ общему заключенію, что въ русскомъ бо́льшая экспираторная сила обыкновенно сопровождается удлиненіемъ (сонанта) слога, что всего замѣтнѣе въ слогахъ съ главнымъ удареніемъ слова. Это подтверждается экспериментальными изслѣдованіями Усова (Изв. Отд. р. яз. и слов. II, кн. 4; отд. отт. стр. 15), при чемъ по Усову кромѣ гласнаго удлиняются и согласные ударяемаго слога. Въ образованной рѣчи, все равно откуда родомъ говорящій, ударяемый слогъ вообще значительно длиннѣе большинства неударяемыхъ (ср. Грота, Фил. Раз. 290—291 и 341); но количественный перевѣсъ показываетъ значительныя различія въ зависимости отъ настроенія, выраженія и т. д. Объ этомъ удлиненіи часто употребляется терминъ «полудолгота» (ср. напр. у Шахматова, «Аканье», стр. 88), но можно слышать и очень долгіе виды. Болѣе или менѣе кратко выговаривается обыкновенно ударяемый открытый слогъ передъ паузой; а́ какого-нибудь ногӑ представляетъ извѣстный контрастъ къ «полудолгому» а́, напр., въ да́ма или дамъ. Въ связныхъ частяхъ предложенія и конечный открытый слогъ примыкаетъ, по моему, болѣе или менѣе, къ обыкновенному «полудолгому» произношенію; по крайней мѣрѣ разница проведенная такъ, какъ въ транскрипціяхъ Финка, съ постоянно «краткимъ» гласнымъ въ концѣ слова — и не

только въ паузѣ — «полудолгимъ» же въ прочихъ положеніяхъ, мнѣ кажется нѣсколько стилизованной.

Мои замѣтки касаются лишь нѣкоторыхъ изъ самыхъ видныхъ линій великорусскихъ количественныхъ отношеній: многія подробности заслуживаютъ методическихъ изслѣдованій, вродѣ начатыхъ Усовымъ. Осторожныя, не лишенныя интереса замѣтки о количественныхъ варіаціяхъ ударяемаго слога (или его слоговой части) сдѣланы Ляпуновымъ; Шахматовъ касается вопроса въ «Аканьи», стр. 88; общія замѣтки также у Булича, подъ словомъ «удареніе» въ Энц. словарѣ Брокгауза и Эфрона. Но все это пока лишь отрывки и початки.

228. Извѣстныя мнѣ количественныя черты малорусскаго произношенія стоятъ вообще близко къ таковымъ же въ великорусскомъ яз. Удареніе, экспираторное, сопровождается удлиненіемъ, — можно сказать «эластичнаго свойства»; въ спокойной рѣчи можно подвести его подъ приведенное выше выраженіе «полудолгота»; при эмфазѣ долгота часто значительна («dū-že» дуже, to tvii̯ sȳ-n?» то твій син?). Недостаетъ и здѣсь, сколько мнѣ извѣстно, подробныхъ изслѣдованій и сопоставленій. Для нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ замѣтокъ о долготѣ найдется поводъ при разсмотрѣніи интонаціи, ср. ниже **248.**

„Удареніе“.

229. Для связыванія звуковъ въ высшія единицы, слоги — слова́ или такты — предложенія, связная рѣчь пользуется съ одной стороны отстепененіемъ въ главные и подчиненные звенья, съ другой стороны соединеніемъ звеньевъ общими ритмико-мелодическими узами. Для такого отстепененія и связыванія славянская рѣчь пользуется общеизвѣстными средствами, а именно, кромѣ упомянутаго раньше количества, 1) разной силой экспираціи и 2) разной музыкальной высотой. Объ обыкновенномъ смѣшиваніи этихъ двухъ моментовъ въ понятіи «удареніе» ср. у Сиверса 570 сл. Какъ извѣстно, тотъ и другой моментъ дѣйствуютъ совмѣстно во всѣхъ языкахъ: нѣтъ языка безъ степеней въ экспираторной силѣ, и нѣтъ языка безъ степеней въ музыкальной высотѣ; но научное изложеніе требуетъ, насколько возможно, различенія экспираторнаго момента отъ интонаціоннаго. — Относительное значеніе того и другого момента различно для различныхъ языковъ; въ нѣкоторыхъ преобладаютъ экспираторныя различія, въ другихъ тонныя, и это опредѣляетъ характеръ всѣхъ или нѣкоторыхъ удареній. На этомъ основаніи славянскіе языки давно уже раздѣлены на языки съ «экспираторнымъ удареніемъ» — велико- и малорусскій, польскій, чешскій, бол-

гарскій — и языки съ «музыкальными удареніями» — сербско-хорватскій, словенскій. Такія отвлеченныя понятія построены на «удареніяхъ слога и слова», на которыя изслѣдованія позднѣйшаго времени о славянской рѣчи бросили отчасти яркій свѣтъ. Но кромѣ ударенія слога и слова существуютъ еще ударенія, какъ экспираторныя, такъ и интонаціонныя, для высшихъ единицъ рѣчи, предложеній. Объ этихъ удареніяхъ и ихъ отношеніи къ удареніямъ слога и слова имѣется для славянской рѣчи пока еще мало свѣдѣній.

Экспираторныя ударенія.

230. Экспираторное движеніе внутри слога можетъ быть безпрерывнымъ (возрастающимъ, убавляющимся, возрастающе-убавляющимся); слогъ имѣетъ тогда одну «верхушку» («вершину», «главу»). Но движеніе можетъ также быть до извѣстной степени прерывистымъ или волнообразнымъ: послѣ напора съ послѣдующимъ ослабленіемъ наступаетъ замѣтно новое усиленіе, новый напоръ, вторая верхушка или глава. Въ ударяемомъ слогѣ послѣдняго рода движеніе производитъ «двуглавое удареніе»; изъ числа разныхъ возможныхъ видовъ для насъ имѣетъ интересъ видъ со слабѣйшимъ, вторичнымъ верхомъ послѣдующимъ за главнымъ.

Подавляющее число слоговъ нынѣшней славянской рѣчи представляетъ слоги съ однимъ экспираторнымъ напоромъ. Двуглавое (прерывистое) удареніе можно иллюстрировать вообще лишь помощью случайныхъ примѣровъ, чаще всего основанныхъ на стяженіи двухъ (однородныхъ) гласныхъ. Напр., часто встрѣчаемое болгарское «не е» (не есть), при экспираторномъ удареніи и вмѣстѣ съ тѣмъ при обыкновенно немного высшемъ тонѣ для не, даетъ наглядное представленіе о двуглавомъ удареніи «nẽ»: голосныя вибраціи не прерываются, два е стягиваются въ одно долгое, въ послѣдней части котораго является новый, болѣе слабый — иногда очень слабый — экспираторный напоръ. Въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ можно указать рядъ подобныхъ слитій съ прерывистымъ удареніемъ, послѣ потери междугласнаго i̯ (**209**): «ƅuvãt» бываетъ, «ńe znãm» не знаемъ, и под. Ср. мое «Описаніе одного говора» § 10. Само собою разумѣется, что граница между двумя самостоятельными слогами съ одной стороны, и однимъ слогомъ съ двуглавымъ удареніемъ съ другой стороны, всегда будетъ до извѣстной степени субъективной.

Двуглавое удареніе другого происхожденія встрѣчается въ отдѣльныхъ словахъ, выговариваемыхъ съ особымъ вѣсомъ и смысломъ. Напр., въ польскомъ съ досадой произносимомъ «co» я отмѣтилъ, при сильно восходящемъ тонѣ, новый экспираторный напоръ въ концѣ гласнаго, т. е. «cõ»;

гласный можетъ приближаться къ двумъ отдѣльнымъ о. Верхратскій упоминаетъ Арх. III, стр. 387, малорусскія народныя формы вродѣ «матй»! «мамо̄»! Не сомнѣваюсь, что подобные отдѣльные случаи можно бы привести изъ всѣхъ славянскихъ языковъ.

231. Какъ мы видѣли въ **230**, можно указать въ разныхъ славянскихъ языкахъ отдѣльные случаи двуглаваго экспираторнаго движенія, но правиломъ въ нынѣшней славянской рѣчи должно очевидно считать ударенія съ однимъ верхомъ. Лишь для одного случая иные изслѣдователи выставили мнѣніе о двуглавомъ удареніи какъ правильное явленіе. Экспериментальныя изслѣдованія Gauthiot (Études sur les intonations serbes, Mém. Soc. Ling. XI—1900 — стр. 336) привели этого и другихъ изслѣдователей къ заключенію о двухъ экспираторныхъ напорахъ какъ о характеристическомъ свойствѣ слога подъ сербскимъ ^, музыкально нисходящимъ удареніемъ.

Извѣстныя явленія склоняютъ просто примкнуть къ выводамъ, полученнымъ на основаніи результатовъ добытыхъ французскими экспериментальными изслѣдованіями. Переходъ са̏хат, т. е. са̏at, въ са̂т согласуется вполнѣ съ развитіемъ двуглаваго ударенія въ другихъ языкахъ, объясненнымъ въ **230** примѣрами «nẽ», «zna̅m» и под. Это заставляетъ считать ^ въ экспираторномъ отношеніи тождественнымъ съ тѣмъ, что обозначено нами выше ˜.

Однако, дѣло не такъ просто. Объ этомъ свидѣтельствуютъ, прежде всего, сами результаты экспериментальныхъ изслѣдованій. Оказывается, что вторая экспираторная глава, по приборамъ почти столь же сильная какъ первая, главная, не существуетъ для всѣхъ измѣренныхъ слоговъ съ ^: если гласный или дифтонгъ — въ широкомъ смыслѣ — подъ ^ стоитъ въ открытомъ концѣ слова, то обыкновенное движеніе тона остается неизмѣненнымъ, но здѣсь экспираторное движеніе — одноглавое, «simplement déscendante»; по приборамъ выходитъ слѣдовательно, напр., су̂х съ двуглавымъ, но тӣм съ одноглавымъ выдыханіемъ. Но далѣе, внутри послѣдней категоріи (т. е., по обозначенію Вука), какое-нибудь со̄, соль (т. е. собственно * соо, сл. род. пад. со̏ли) по экспериментамъ какъ будто занимаетъ особое положеніе; со̄, въ противоположность тӣм, имѣетъ — при обыкновенномъ нисходящемъ музыкальномъ движеніи — вторую экспираторную главу, даже усиливаетъ ее «jusqu'à dépasser de peu le premier», — «il s'agit presque d'une voyelle double». Потому Gauthiot и выражается о второмъ о предполагаемаго *соо, что оно не имѣетъ «valeur de second élément de diphthongue», его нужно сопоставить со случаями вродѣ у̏стао, у̏мро, которые по G. выговариваются ȕsta-o, ȕmr̥-o (трехсложно).

Но такое объясненіе найденной разницы одноглаваго тȋм: двуглаваго сȏ, при помощи сравненія послѣдняго съ у̀стао, у̀мро, не вполнѣ удачно уже потому, что при трехслоговомъ ȉmr̥o хорошо извѣстно и двухслоговое ȉmro; ср. сказанное въ 212; сравненіе Французскаго изслѣдователя не удовлетворяетъ. Объяснить найденное въ такихъ примѣрахъ какъ сȏ двуглавое удареніе, въ противоположность одноглавости какого нибудь тȋм, при помощи разнаго происхожденія ^ оказывается труднымъ уже потому, что самъ сербъ не признаетъ принципіальной разницы въ удареніи того и другого. Единственно неоспоримымъ заключеніемъ будемъ считать то, что въ открытомъ концѣ слова гласный или дифтонгъ, въ широкомъ смыслѣ слова, подъ ^ (тȋм, сȏ) выговаривается то съ одноглавой, то съ двуглавой экспираціей.

До того же результата доходимъ по моему и насчетъ случаевъ вродѣ су̑х, т. е. слоговъ, закрытыхъ шумнымъ согласнымъ. Эксперименты Gauthiot показали здѣсь «˘˘», со второй экспираторной главой лишь мало слабѣе первой. Съ извѣстной стороны подчеркивается, что этими экспериментами дошлось гораздо дальше результатовъ, полученныхъ старшими изслѣдователями, безъ самопишущихъ приборовъ (Мазингъ, Стормъ, даже Boyer въ Revue générale des Sciences, 1900). Но это восхваленіе заставляетъ меня сдѣлать кстати краткую, по моему необходимую методологическую замѣтку. Мыслимо, конечно — хотя и мало вѣроятно — что всѣ посторонніе наблюдатели, даже самые опытные, не замѣтили двуглаваго свойства даннаго сербскаго ударенія, конечно потому что, какъ говорится, не «навострили уши», не обратили вниманія на этотъ моментъ. Въ такомъ случаѣ экспериментальные изслѣдователи имѣютъ право отвергать ихъ результаты. Иначе обстоитъ дѣло теперь, когда вопросъ о двуглавости поднятъ,—теперь и простой слухъ имѣетъ право сказать свое слово. А прежде всего нужно приписать мнѣнію опытнаго и свѣдущаго уроженца сильнѣйшій вѣсъ. Такое мнѣніе высказано Решетаромъ насчетъ изслѣдованій Готьо, Арх. XXIV стр. 251 сл. Онъ согласенъ, что слогъ съ ^ можетъ имѣть двуглавую экспирацію, но нельзя считать ее постояннымъ, правильнымъ свойствомъ даннаго ударенія, «besonders nicht bei ruhigem Sprechen, während dieselbe bei Versuchen, bei welchen immer einzelne Wörter recht deutlich und recht kräftig hervorgebracht werden, so ziemlich regelmässig zu beobachten sein wird». Прибавлю, что съ мнѣніемъ Решетара согласуется и мой личный взглядъ на ^; но важнѣе здѣсь мнѣніе уроженца. Противъ него пока трудно выставить аргументъ превосходства наблюденія помощью самопишущихъ приборовъ надъ простымъ слухомъ: то, что отрицаетъ слухъ научно подготовленнаго уроженца, на основаніи тщательныхъ наблюденій, трудно приписать произношенію его языка какъ су-

щественную, общую черту; не забудемъ же, что внѣшняя форма языка перенимается отъ поколѣнія въ поколѣніе исключительно путемъ простого слуха.

Къ разсужденію о правильномъ пониманіи экспираторной стороны сербскаго ^ можно, впрочемъ, присоединить указанія изъ словенскаго произношенія. И здѣсь имѣемъ «долгое (музыкально) нисходящее» и «долгое восходящее» ударенія, ^ и ′; ниже увидимъ (въ 252), что они принципіально однородны съ сербскими ^ и ′, и музыкально и экспираторно, лишь движенія менѣе ярки и какъ будто нерѣдко склонны исчезать. А въ словенскомъ ^ можно наблюдать то же самое, что въ сербскомъ ^: двуглавая экспирація не представляетъ постояннаго свойства, а выступаетъ иногда при сильномъ произношеніи, особенно же въ словахъ однослоговыхъ, гдѣ она становится иногда, хоть индивидуально, очень замѣтной. Подчеркнемъ, что двуглавость отмѣчена мною преимущественно въ словахъ однослоговыхъ (напр., pȇt, Плет. pę̑t, пять); замѣтимъ, кстати, какъ особенно слабую сторону французскаго изслѣдованія и изложенія о сербскомъ ^, что изслѣдователь ограничивается однослоговымъ типомъ и дѣлаетъ обобщенія на основаніи его; къ этому вернемся еще разъ ниже. Здѣсь же добавимъ, что и словенское удареніе ′ (напр. pét пѣть, 3 мн. žeńó, отъ gnȃt гнать) по моимъ наблюденіямъ обнаруживаетъ иногда слѣды двуглавой экспираціи, выступающіе при шептаніи отчасти вполнѣ ясно.

Не нужно, такимъ образомъ, отрицать результатовъ изслѣдованій Готьо относительно приведенныхъ имъ конкретныхъ случаевъ. Но обобщеніе насчетъ сербскаго ^ какъ вообще двуглаваго (въ экспираторномъ отношеніи) ударенія, обобщеніе, сдѣланное на основаніи особенно сильнаго произношенія однослоговыхъ словъ, нужно по моему признать слишкомъ смѣлымъ и пока неоправданнымъ. Мы вправѣ только установить, что двуглавый видъ нерѣдокъ, особенно подъ извѣстными условіями; но при немъ существуетъ, и притомъ не рѣже, видъ съ одноглавой, убавляющейся экспираціей. Тотъ и другой видъ соединяются подъ однороднымъ, нисходящимъ музыкальнымъ движеніемъ; въ послѣднемъ такъ и слѣдуетъ искать общаго опредѣленія этого «ударенія».

Поэтому и довольно широкія соображенія Мелье, на основаніи изслѣдованій Готьо, становятся очень шаткими. По Мелье слѣдуетъ считать двуглавую экспирацію первичнымъ свойствомъ даннаго ударенія, унаслѣдованнымъ изъ праславянскаго языка и чуть ли не съ литовско-славянскаго времени, а интонацію — свойствомъ вторичнымъ. Прежде чѣмъ дойти до такого заключенія нужно, по моему, требовать изслѣдованій въ совсѣмъ другомъ объемѣ: надъ словами болѣе одного слога, надъ словами односло-

говыми съ послѣдующимъ энклитическимъ словомъ и безъ него, и т. д. Если двуглавое экспираторное движеніе свойственно лишь сильному произношенію, и можетъ быть только односложовымъ словамъ, то скорѣе слѣдуетъ считать именно двуглавость свойствомъ вторичнымъ. Развитіе вторичной двуглавости именно при этихъ условіяхъ (энергичномъ произношеніи слога съ долгимъ, въ обыкновенной рѣчи одноглавымъ гласнымъ) представляетъ частое явленіе, напр., въ моемъ родномъ (норвежскомъ) языкѣ; воздерживаюсь отъ попытки физіологическаго объясненія. А что подобное явленіе, даже въ языкахъ безъ ясныхъ «музыкальныхъ удареній» (для слова), развивается особенно легко въ словахъ односложовыхъ (совмѣщающихъ въ своемъ слогѣ нерѣдко, какъ долготу всего такта — «верхдолготу», — такъ и раздѣленныя обыкновенно на нѣсколько слоговъ музыкальныя и экспираторныя движенія), это давно признано; ср. у Сиверса 582 сл., 697 и 716.

Наконецъ, и упомянутый переходъ ȁа въ â и под. не можетъ служить непремѣннымъ доказательствомъ двуглавости ^. Конечно, какое-нибудь sât начинаетъ свое существованіе съ произношенія съ двумя экспираторными главами внутри стянутаго а; но постепенное ослабленіе второго верха можетъ вести къ одноглавой экспираціи — что можно иллюстрировать нерѣдкими примѣрами изъ славянской же рѣчи; ср., напр., § 10 моего «Описаніе одного говора и т. д.», а для южно-славянскихъ говоровъ, напр., § 13 въ «Die Dialekte des südl. Serbiens».

Вопросъ о томъ, какія соображенія можно построить на двуглавой экспираціи, являющейся отчасти въ сербско-хорватскомъ удареніи ^, слѣдуетъ по выше изложенному считать пока еще вопросомъ открытымъ.

232. Для остальныхъ сербско-хорватскихъ типовъ ударенія экспериментальныя изслѣдованія Готьо показали экспирацію одноглавую, которую можно назвать параллельной съ движеніемъ тона (ср. **250**): для ̏ краткое, сильное давленіе безъ замѣтныхъ перемѣнъ внутри слога; для ̀ и ́ давленіе возрастающее, повидимому съ относительно много болѣе сильнымъ возвышеніемъ экспираціи нежели тона. Такіе результаты согласуются съ давно признанной природой этихъ удареній; ср. у Ягича въ статьѣ «Paralele» и т. д., Rad XIII; у Новаковича въ «Физ. гласа», стр. 69 сл. Насчетъ «краткаго восходящаго» ударенія, ̀, мнѣ представляется впрочемъ сомнительнымъ, отражаетъ ли измѣренное Готьо значительное возрастаніе экспираторнаго давленія произношеніе, обыкновенное для спокойной, обыденной рѣчи.

233. Въ словенскихъ долгихъ удареніяхъ ^ и ́ экспираторное движеніе слѣдуетъ вообще параллельно съ музыкальнымъ движеніемъ. Въ ^ сила несомнѣнно убавляется (о случаяхъ двуглавости ср. **231**), въ ́ усиливается,—

безусловно чаще безъ перерыва (хотя двуглавость проявляется иногда и здѣсь, ср. **231**). Впечатлѣніе долготы вообще сильнѣе въ ʹ, чѣмъ въ ̑, въ связи съ болѣе или менѣе замѣтнымъ усиленіемъ экспираціи въ первомъ; ср. у Миклошича «einfache Länge» (vrāt, collum) и «doppelte Länge» (vrā̄t, portarum), Vgl. Gr. I (2 изд.), стр. 335.— Словенское ˋ не слѣдуетъ смѣшивать съ сербскимъ ˋ. Въ словенскомъ ˋ экспираторная сила убавляется; параллельно съ тѣмъ тонъ склоняется чаще всего къ движенію нисходящему. Такъ какъ слоги подъ нимъ склоняются (въ сравненіи съ неударяемыми) къ слабому удлиненію, то не привыкшій чужой слухъ по моему опыту иногда склоненъ смѣшивать ˋ съ ̑.

Для словенскихъ ̑ и ʹ склоняюсь, по люблянскому произношенію, считать вообще интонацію первичнымъ свойствомъ (о ней поближе въ **252**). Однако, благодаря извѣстнымъ явленіямъ въ интонаціи предложеній, о которыхъ ближе въ **256**, можно сомнѣваться въ правильности такого мнѣнія; вопросъ о первичности въ настоящемъ произношеніи экспираторнаго или музыкальнаго момента слѣдуетъ считать пока открытымъ.

234. Относительно экспираторныхъ движеній внутри слогового звука (одноглаво) ударяемаго слова въ великорусскомъ, малорусскомъ, польскомъ, болгарскомъ языкахъ не существуетъ, насколько мнѣ извѣстно, подробныхъ изслѣдованій. Въ болгарскомъ произношеніи я отмѣтилъ для ровной, спокойной рѣчи, склонность къ убавляющейся силѣ; ср. ниже **248**. Въ образованномъ великорусскомъ говорѣ, при спокойной, разговорной рѣчи сила, должно быть, также обычно убавляется, между тѣмъ какъ тонъ вообще скорѣе склоняется къ слабому повышенію (ср. «Очерки» Богородицкаго, стр. 199 сл.; то же доказывается нѣсколькими экспериментальными пробами у Усова, Эксп. Фон. стр. 17). Но, какъ отмѣчено въ «Описаніи одного говора и т. д.», § 13 (стр. 21), характеръ выраженія — вопросъ, приказаніе и т. д. — повидимому вліяетъ на распредѣленіе экспираторной силы. Послѣдній моментъ заслуживаетъ подробнаго изслѣдованія, какъ для русскаго, такъ и для прочихъ языковъ. Насчетъ чешскаго ср. ниже **237** и **238**.

235. Переходя пока отъ движенія экспираціи внутри отдѣльнаго (ударяемаго) слога къ явленіямъ экспираторнымъ, принадлежащимъ высшимъ единицамъ рѣчи, указываю на весьма поучительное изложеніе Есперсена въ Lehrbuch 216 (стр. 207) сл. Достаточно прочесть его, чтобы понять, сколько моментовъ въ этой области имѣютъ право на вниманіе изслѣдователя. Изъ этихъ моментовъ лишь малая часть, касающаяся экспираторныхъ движеній отдѣльнаго слова (или сходной съ нимъ единицы), можетъ получить здѣсь извѣстное освѣщеніе.

Для общей характеристики отношенія ударяемыхъ славянскихъ слоговъ къ неударяемымъ, не безъинтересна прежде всего (устная) замѣтка извѣстнаго наблюдателя Сторма: «въ сравненіи съ германскимъ произношеніемъ, экспираторное выдвиженіе ударяемаго слога въ славянскихъ языкахъ вообще слабо». Какъ всѣмъ извѣстно, встрѣчаются значительныя постепенныя различія; полякъ, болгаринъ, русскій найдутъ экспираторное выдвиженіе ударяемаго слога въ чешской рѣчи слабѣе своего собственнаго; но какъ показываютъ слова Сторма, даже относительно сильнѣйшія славянскія экспираторныя ударенія оказываются вообще слабѣе выдвиженія ударяемаго слога въ германской рѣчи. Съ этимъ согласенъ и Сиверсъ, 640.

236. Въ вопросѣ о распредѣленіи экспираціи внутри слова, за послѣднее время чешскій языкъ обратилъ на себя особенное вниманіе, благодаря прежде всего интереснымъ результатамъ экспериментальныхъ изслѣдованій Gauthiot и Vendryes (Mém. Soc. Ling. XI, стр. 331 сл.). По моему эти результаты, хотя и нѣсколько скудные, при правильной оцѣнкѣ и въ связи съ наблюденіями, возможными и безъ самопишущихъ приборовъ, позволяютъ узнавать очень важные моменты общей физіологіи рѣчи и ставить очень плодотворныя проблемы; поэтому считаю не лишнимъ отдѣлить этому предмету нѣсколько больше мѣста, чѣмъ собственно слѣдовало бы по общему рельефу настоящей работы.

По прежнему и вообще еще до сихъ поръ принятому взгляду, главное удареніе—экспираторное, но вообще мало интенсивное—принадлежитъ въ чешскомъ произношеніи первому слогу слова или «единицы», каковой представляются, кромѣ слова въ обычномъ смыслѣ, и сочетанія съ предлогомъ или отрицаніемъ (pod-posteli, ne-mám; подробности, напр., у Брандта, Начертаніе стр. 151). Въ словахъ или единицахъ болѣе длинныхъ, не меньше трехъ слоговъ, являются далѣе побочныя, экспираторныя же ударенія, т. е. одно или даже нѣсколько новыхъ усиленій экспираторнаго тока слова; различныя мнѣнія согласуются въ томъ, что послѣ главноударяемаго слога нужно, чтобы хоть одинъ слогъ имѣлъ слабѣйшую степень выдыханія, передъ тѣмъ какъ явится побочное удареніе; но въ остальномъ, насчетъ мѣстоположенія побочныхъ ударенiй, въ зависимости отъ числа слоговъ даннаго слова и рода разныхъ слоговъ (краткости — долготы), выступаютъ, также у чешскихъ изслѣдователей, отчасти не мало расходящіяся мнѣнія. Разные изслѣдователи пытаются объяснить «ошибки» или несогласныя мнѣнія другихъ — недостаточной способностью выдѣлить прочіе факторы слоговъ (долготу, высоту тона) отъ момента экспираторнаго. Насчетъ подробностей могу довольствоваться указаніемъ на изложеніе Вондрака, Vergl. Slav. Gram. I, стр. 243 сл.

Насколько по поводу этихъ побочныхъ удареній Вондракъ сказалъ послѣднее, окончательное слово, предоставляю рѣшенію другихъ. Въ виду того, что мнѣнія почтеннаго ученаго относительно другихъ вопросовъ и явленій въ области «ударенія» его родного языка не могутъ быть приняты[1]), позволительно полагать, что и для его опредѣленій относительно помѣщенія побочныхъ удареній критическая ревизія окажется не вполнѣ лишней. Но чтобы вернуться къ главному ударенію, оно считалось, какъ сказано, всѣми прежними изслѣдователями принадлежащимъ первому слогу слова (единицы). Исторія показываетъ, что осторожныя, частичныя придирки къ этому общему догмату всегда вызывали порицаніе со стороны правовѣрнаго лагеря. Такъ, напр., Брандтъ въ «Начертаніи слав. акц.», стр. 152, высказалъ мнѣніе, будто онъ въ трехслоговыхъ словахъ съ долгимъ слогомъ въ срединѣ наблюдалъ главное экспираторное удареніе на этомъ слогѣ — значитъ, не «v̏ojācì» (vojáci), «ȍtāzkà» (otázka), но «voja̋ci», «ota̋zka» и под.; но Миккола (Bet. und Quant. der westsl. Sprachen, стр. 34) объявилъ, что это не можетъ быть правильнымъ; «wohl aber glaube ich gehört zu haben, dass der Ton einer langen unbetonten Silbe höher liegt, als der einer kurzen unbetonten. Vielleicht hat die Tonhöhe der Silbe Brandt irre geführt». Выставленное Брандтомъ мнѣніе упоминается также Вондракомъ (Vgl. Gram. I. стр. 245); видимъ у него, что и урожденные чехи примкнули къ этому мнѣнію, что поэты долгое время придерживались его; Вондракъ поэтому считаетъ нужнымъ еще разъ отклонить предположеніе Брандта, хотя и не такимъ простымъ образомъ, какъ Миккола: тонъ второго, долгаго слога по Вондраку не выше перваго, напротивъ, въ связи съ слабѣйшимъ давленіемъ выдыханія тонъ второго слога лежитъ ниже; но это — «eine nicht für jedes Ohr wahrnehmbare Tonerniedrigung»; а это обстоятельство, въ связи съ долготой слога, вызываетъ извѣстный «akustischen Gesammteffekt», который сильно выдвигаетъ слогъ и сбиваетъ слухъ. Не нужно добавлять, что такое объясненіе Вондрака врядъ ли кого удовлетворитъ; получается впечатлѣніе, что оно вызвано желаніемъ отклонить во что бы то ни стало такую мысль,

---

[1]) Укажу на стр. 246, гдѣ выставляется такое мнѣніе: Ich muss hier noch einmal im Gegensatze zu Král (in Listy fil. 25, S. 19—20) mit Nachdruck hervorheben, dass jeder Hauptton im Böhmischen nicht bloss in einer Tonverstärkung, sondern in einer Tonerhöhung besteht und zwar nicht bloss bei der Aussprache einzelner Worte, sondern auch im Satze. Уже бѣглаго взгляда хоть бы лишь на ту пару пробъ интонаціи предложеній, которая сообщается въ **261**, достаточно для того чтобы отклонить такое странное убѣжденіе.

чтобы сильнѣйшее выдыханіе («экспираторное удареніе») дѣйствительно могло принадлежать не первому слогу какого-нибудь чешскаго слова.

237. Обратимся теперь къ экспериментальнымъ изслѣдованіямъ Gauthiot-Vendryes. Предметомъ ихъ выставляется разграниченіе двухъ факторовъ: интенсивности и количества. Типы взяты «au hasard» и по словамъ изслѣдователей произнесены естественно, безъ напряженія: «ce qui explique les différences d'intensité entre les mots a l'intérieur d'un même type». Изслѣдованные типы — слѣдующіе:

1. ◡̀ ◡ ona, bude.
2. ◡̀ – kabát, milá.
3. ◡̀ ◡ – zelený́m, spanilých.
4. ◡̀ ◡ ◡ žaludy, pravila.
5. ◡̀ – ⏓ slyšíte, zavítal.
6. ◡̀ × ⏓ potomstvu, hubičku (×: слогъ долгій позиціей).
7. –́ –, ×́ – } blíží, hezká.
8. –́ ◡ vrána.

Графическая картина, добытая изъ этихъ типовъ для 8, 7, 5 и 4, соотвѣтствуетъ вполнѣ или приблизительно старшему взгляду объ экспираціи: въ vrána, blíží, hezká, zavítal и slyšíte, наконецъ въ žaludy и pravila, первый слогъ экспираторно сильнѣе слѣдующаго или слѣдующихъ.

Иначе въ 6, 3 и частью въ 2 и 1: слова hubičku и potomstvu—со вторымъ слогомъ долгимъ по позиціи — а также zelený́m и spanilých, по кривымъ самопишущаго прибора, отступаютъ отъ традиціоннаго, «правовѣрнаго» взгляда; хотя первый слогъ показываетъ экспирацію сильнѣе чѣмъ конецъ слова, но эта бо̀льшая экспираторная сила не ограничивается первымъ слогомъ, она выступаетъ еще и во второмъ слогѣ, а тутъ даже сильнѣе перваго слога. Въ словахъ kabát и milá, наконецъ въ ona и bude графическая картина согласуется съ только что упомянутыми въ томъ, что сильнѣйшее экспираторное давленіе не ограничивается первымъ слогомъ, а находимъ его еще и во второмъ, и опять немного сильнѣе, чѣмъ въ первомъ слогѣ, съ тою лишь разницей, что оно не охватываетъ тутъ второго слога цѣликомъ, но только меньшую, начальную часть его.

Оцѣнка этихъ расходящихся фактовъ дана самими французскими изслѣдователями; по моему можно присоединиться къ ихъ объясненію, ихъ подчеркиванію противоположности разныхъ типовъ, чтобы выяснить разницу, ограничивается ли экспираторное усиленіе въ началѣ слова однимъ слогомъ—эвентуально въ нѣкоторыхъ типахъ (4 и 5) съ извѣстнымъ удлиненіемъ—или же оно охватываетъ и второй слогъ, частью или цѣликомъ. Можно со-

брать результаты приблизительно такъ: оказывается, что экспираторной волнѣ въ началѣ слова (единицы) какъ будто трудно ограничиваться однимъ, абсолютно краткимъ слогомъ; лишь въ извѣстныхъ случаяхъ первый слогъ, традиціонно краткій, допускаетъ слабое удлиненіе безъ того чтобы нарушать традиціонное количественное отношеніе слоговъ (типъ 5 и отчасти 4); въ такомъ же случаѣ данный слогъ можетъ помѣстить въ себѣ всю экспираторную волну, подобно тому, какъ это несомнѣнно дѣлаетъ слогъ долгій (типы 7 и 8); но если первый слогъ, традиціонно краткій, не можетъ получить этого слабаго удлиненія безъ того, чтобы нарушилось традиціонное количественное отношеніе слоговъ (типы 1, 2, 3, 6), тогда экспираторная волна переходитъ черезъ границу перваго слога, распространяясь также на часть слѣдующаго слога, въ иныхъ случаяхъ даже на весь его составъ.

Не трудно указать недостатки въ изслѣдованіяхъ Gauthiot и Vendryes. Какъ отмѣчаетъ Педерсенъ, иные типы, даже изъ трехслоговыхъ, оставлены безъ вниманія (kouštíček, říkame). Вондракъ жалѣетъ, что не измѣрена одновременно съ давленіемъ экспираціи также музыкальная высота. Желательнѣе было бы, по моему, если бы въ рамки изслѣдованій вошли также слова, содержащія больше трехъ слоговъ. А именно, въ такомъ случаѣ мы навѣрное имѣли бы также графическое понятіе о новыхъ, слабѣйшихъ волнахъ выдыханія, о «побочныхъ удареніяхъ», выставляемыхъ всѣми урожденными наблюдателями, и несомнѣнно съ полнымъ правомъ, хотя и съ значительными колебаніями и противорѣчіями въ подробностяхъ. То, что примѣры французскихъ изслѣдователей не даютъ никакого понятія объ этихъ второстепенныхъ экспираторныхъ волнахъ, вызвало частью недоразумѣніе (Педерсенъ), частью прямое отрицаніе сути добытыхъ результатовъ (Вондракъ).

Педерсенъ (Den böhm. Udt. § 2) понимаетъ указанное французами для многихъ случаевъ высшее экспираторное давленіе второго слога какъ самостоятельное «побочное удареніе». Это поставило приводимыя имъ подробности подъ невѣрный уголъ зрѣнія, хотя нѣкоторыя изъ этихъ подробностей несомнѣнно правильны и потому цѣнны. Сила второго слога бываетъ иногда по Педерсену столь великой, что для иностранца этотъ слогъ нерѣдко получаетъ акустическій перевѣсъ надъ первымъ — особенно въ словахъ какъ babička, гдѣ первый слогъ кратокъ, а второй долгъ по позиціи, ср. замѣтку Брандта, упомянутую въ **236**. Особенно же любопытны такіе случаи, гдѣ слухъ Педерсена, очевидно хорошій, и вообще подтверждающій результаты приборовъ, даетъ ему впечатлѣніе, различное отъ графическихъ картинъ французовъ; напр., подъ типомъ 4, ˘˘˘, Педерсенъ отмѣчаетъ, что, кромѣ добытаго французами результата (высшее экспираторное давленіе лишь въ

первомъ слогѣ), слухъ отмѣчаетъ иногда еще произношеніе другого рода, съ бо́льшей экспираторной силой и въ первомъ и во второмъ слогахъ. Такія наблюденія особенно цѣнны тѣмъ, что доводятъ насъ до заключенія, что графическія картины французскихъ изслѣдователей нельзя считать абсолютными и постоянными, для всѣхъ безъ исключенія случаевъ. Къ этому вопросу возвращусь ниже, когда придется излагать въ **239** мои собственныя наблюденія.

Вондракъ углубляется въ «Vgl. Gram.» сначала въ вопросъ о качествѣ чешскаго главнаго ударенія. Исходя изъ произношенія словъ въ родѣ vrána, онъ выводитъ заключеніе о движеніи decrescendo; подтвержденіе для такого мнѣнія находитъ у французскихъ изслѣдователей. Между тѣмъ, въ словахъ какъ blíží эксперименты показываютъ повидимому слабое возрастаніе выдыхательной силы внутри перваго слога; но такъ какъ это не согласуется съ приведеннымъ категорическимъ мнѣніемъ Вондрака, то — «muss die Darstellung des Akzentes bei diesem Worte nicht als richtig angesehen werden»; встрѣчаясь же съ подобнымъ затрудненіемъ и въ краткихъ слогахъ, Вондракъ утверждаетъ, что «kann das doch nicht richtig sein». Правдоподобнѣе по моему пока такое умозаключеніе, что не знаемъ, по какимъ законамъ распредѣляется crescendo : decrescendo въ чешскомъ главномъ удареніи, но что повидимому встрѣчается и то и другое. Вондракъ разсуждаетъ, какъ мы видимъ, иначе; мысль же, чтобы интенсивность экспираторной волны въ извѣстныхъ типахъ словъ могла достигать высшей своей силы даже не внутри перваго, но лишь во второмъ слогѣ, для Вондрака повидимому просто невозможна; а чтобы обойти аппараты, работу которыхъ труднѣе опровергнуть, Вондракъ взваливаетъ вину на произносившихъ слова̀, — «diese Worte können unmöglich richtig vorgesprochen sein». Что этимъ отвергнуты у Вондрака и мнѣнія Педерсена, не только о главномъ и побочномъ экспираторныхъ удареніяхъ (ср. выше), но и относительно подробностей, разумѣется само собой.

Мое изложеніе въ **231** показываетъ, что я не считаю экспериментальныхъ изслѣдованій, на современной точкѣ ихъ развитія, фетишемъ, и что наблюденія научно оспособленнаго уроженца-изслѣдователя по моему весьма цѣнны для критики показаній экспериментальныхъ. Но въ обсуждаемомъ вопросѣ Вондракъ очевидно не предпринималъ вполнѣ безпристрастныхъ наблюденій помощью методовъ, доступныхъ всякому. Такой методъ имѣется, какъ извѣстно, въ наблюденіяхъ надъ произношеніемъ шопотнымъ, нейтрализирующимъ сбивчивое вліяніе музыкальныхъ движеній и различій, и выдѣляющимъ экспираторныя движенія очень удовлетворительно для воспріимчиваго слуха. Этимъ путемъ я предпринялъ въ Прагѣ довольно подробныя контролирующія пробы. Меня интересовала особенно проблема распредѣленія

главнаго экспираторнаго ударенія на пространство больше одного слога; но и другіе моменты предлагаются сами собой для обсужденія. Собираю въ слѣдующемъ главные результаты моихъ личныхъ наблюденій, вводя практическое обозначеніе Педерсена (т.-е. Есперсена), ˈ для главнаго ударенія, ˌ для побочнаго — т.-е. настоящаго, самостоятельнаго ударенія, а не (какъ у Педерсена) для продолженія главной экспираторной волны.

238. Насчетъ вопроса crescendo — decrescendo смѣю сказать лишь слѣдующее. Въ неударяемыхъ слогахъ убавляющаяся сила выдыханія представляется повидимому довольно твердымъ правиломъ; ср. пару случаевъ и у Gauthiot - Vendryes. Для слога ударяемаго невозможно пока установить опредѣленнаго правила; въ словѣ какъ mléko (выг. mlī-) или однослоговомъ lépe (выг. līp) можно по моему слышать возрастаніе, хотя чаще, повидимому, является убавленіе силы въ ī; впрочемъ, незначительность движенія въ спокойной рѣчи затрудняетъ опредѣленіе его направленія. Извѣстный особый интересъ представляютъ слова̀ въ родѣ rčení, rta, lva, lpí; въ нихъ r, l составляютъ по **206** не самостоятельный, но «побочный» слогъ къ слѣдующему e, a, i; согласно съ этимъ экспираторная сила r, l замѣтно слабѣе экспираціи слѣдующаго гласнаго — «верха» всего слога; поэтому экспираторное движеніе для цѣлаго слога такого типа получаетъ возрастающій характеръ (ясно при шептаніи); но этого нельзя смѣшивать съ движеніемъ экспираціи внутри самого слогового элемента (e, a, í), о направленіи котораго я, какъ сказано, не былъ въ состояніи дойти до опредѣленнаго мнѣнія.

Какъ давно признано, экспираторное выдвиженіе «ударяемаго» слога вообще очень слабо. Сильнѣе всего это поражаетъ, на мой взглядъ, въ связной рѣчи простого народа; у энергично говорящихъ лицъ образованнаго слоя не такъ сильно. Эмфазъ, конечно, можетъ усилить экспираторное выдвиженіе; вѣдь экспираторное удареніе предложенія (логическое удареніе) проявляется вообще въ томъ, что логически подчеркнутое слово, а прежде всего его ударяемый слогъ усиливается на счетъ прочихъ словъ.

239. Сопоставимъ теперь мои наблюденія съ результатами Gauthiot и Vendryes. Насчетъ типовъ ona — bude, kabát — milá, гдѣ по французскимъ изслѣдованіямъ экспираторная волна (главнаго) ударенія распространяется кромѣ перваго слога также на меньшую часть второго, мой слухъ не позволяетъ мнѣ ни подтверждать, ни отрицать указаній приборовъ. Слухъ предрасположенъ ко мнѣнію, что переходъ отъ сильнаго выдыханія «ударенія» къ слабому выдыханію «неударяемости» совпадаетъ съ границей слоговъ — потому становится вѣроятнымъ, что приборы указываютъ дѣйствительное положеніе дѣла. — Слова̀ въ родѣ blíží, vrána, и далѣе типъ hezká, dvakrát

выступаютъ для простого слуха согласно съ указаніями приборовъ: усиленіе выдыханія ограничивается первымъ слогомъ.

Изъ словъ болѣе двухъ слоговъ начнемъ съ типа zelený́m — spanilých. По приборамъ два первыхъ слога здѣсь соединяются подъ одной (слабо возрастающей) экспираторной волной, которой противоположенъ третій, долгій слогъ съ болѣе слабой экспираціей. Такое распредѣленіе давленія представляется обыкновеннымъ и по моимъ наблюденіямъ надъ рядомъ примѣровъ. Но подчеркнемъ, что оно не встрѣчается постоянно. Иногда отмѣчено, напр., произношеніе zelený́m, съ главной экспираторной волной ограниченной первымъ слогомъ и со вторымъ слогомъ подъ слабѣйшей экспираціей; и вотъ въ такомъ случаѣ появляется побочное удареніе, новая экспираторная волна, въ третьемъ слогѣ. Въ послѣдней формѣ, и случайно лишь въ ней, отмѣчена мною далѣе, напр., фамилія Zubatý, для которой Педерсенъ отмѣтилъ форму, соотвѣтствующую французскимъ указаніямъ. Послѣ этого становится понятнымъ, что различныя мнѣнія дѣйствительно имѣютъ право на существованіе: типъ ⌣⌣ — колеблется между двумя экспираторными формами; можно слышать въ одномъ случаѣ ˈzele-ným, ˈZubatý, а въ другомъ ˈzele|ným, ˈZuba|tý.

Въ типѣ žaludy, pravila я обыкновенно находилъ то распредѣленіе выдыханія, которое является у французскихъ изслѣдователей: волна усиленной экспираціи ограничивается (слабо удлиненнымъ) первымъ слогомъ, въ прочихъ слогахъ выдыханіе все убавляется. Но и здѣсь нельзя считать данную приборами картину постоянной, абсолютной. При особенно отчетливомъ шептаніи отмѣчена новая экспираторная волна въ третьемъ слогѣ; значитъ, при ˈžaludy можетъ явиться также форма ˈžalu|dy. Далѣе же, и въ этомъ типѣ не исключена форма съ главной экспираторной волной распространяющейся кромѣ перваго слога и на второй; это отмѣчено, напр., въ названіи деревни Bučery (ˈbučery), въ alebrž, za-ušima (въ выраженіи «má za ušima»)[1]). Вотъ это-то произношеніе и Педерсенъ замѣчалъ въ отдѣльныхъ случаяхъ даннаго типа, напр., въ ulice. Гдѣ къ словамъ этого типа, въ связи предложенія, присоединяются дальнѣйшіе краткіе слоги, напр., «pravila něco», я также отмѣчалъ иногда общую для перваго и второго слоговъ экспираторную волну (ˈpravi-), подобно ˈne pravila — въ этомъ случаѣ безъ слѣдующаго побочнаго ударенія; но чаще отмѣчена для такихъ примѣровъ главная экспираторная волна, ограниченная однимъ слогомъ, зато со слѣдующимъ побочнымъ удареніемъ: ˈne pra|vila, ˈtočila|něco. Опять, зна-

[1]) Гдѣ u- по моему сильнѣе za.

чить, варіаціи; очевидно, такія варіаціи обусловливаются извѣстными факторами, но какими, это пока совершенно неясно.

Въ пятомъ типѣ, приводимомъ у Gauthiot-Vendryes (zavítal, slyšíte), высшее экспираторное давленіе убавляется сильно съ начала второго слога, не распространяясь повидимому дальше перваго, краткаго слога. И я нашелъ отчасти такое же распредѣленіе экспираціи, но притомъ и другое, а именно ˈslyšíte, ˈvypálil, ˈtatíček, ˈdělálme, т.-е. съ главной экспираторной волной распространяющейся и на второй слогъ, гдѣ волна можетъ даже, какъ кажется, достигать своего верха. И этотъ типъ представляетъ, значитъ, варіаціи, оправдывающія, между прочимъ, наблюденія Брандта (**236**); ср. къ тому ниже о словахъ вродѣ rytířstva, zrcátko, pravítko.

Особый интересъ имѣютъ слова какъ hubička, potomstvu, Tenavka (названіе деревни), maminka, Palacký, типъ шестой французскихъ изслѣдователей, съ двумя первыми слогами краткими по природѣ, вторымъ же долгимъ по позиціи. По французскимъ результатамъ, экспираторное удареніе охватываетъ оба первыхъ слога (ср. типъ zelený m), усиливаясь во второмъ слогѣ надъ мѣрой перваго. Это подтверждается простымъ слухомъ; оно выступаетъ въ обыкновенномъ произношеніи часто такъ явственно, что посторонній слухъ замѣчаетъ его и въ нешопотномъ видѣ. Педерсенъ замѣчаетъ, что второй слогъ показывается нерѣдко иностранному слуху (экспираторно) сильнѣе перваго; подобнымъ образомъ высказался также Бернекеръ. А одинъ изъ тѣхъ чеховъ, произношеніе которыхъ я особенно внимательно изучалъ, невольно высказывалъ не разъ, послѣ шептанія словъ такого типа, не зная еще, чтó собственно я наблюдаю: но, странно, здѣсь по моему второй слогъ имѣетъ самую сильную экспирацію. — Итакъ, мои наблюденія подтвердили для словъ этого типа вообще результаты, добытые французскими изслѣдователями; не нужно затруднять читателя приведеніемъ дальнѣйшихъ примѣровъ или варіацій. Прибавлю только, что въ словахъ трехслоговыхъ, въ родѣ rytířstva, zrcátko, pravítko, которыя по своему долгому гласному второго слога подходятъ подъ раньше упомянутый типъ, но кромѣ того имѣютъ позиціонную долготу того же слога, я всегда отмѣчалъ экспираторную волну, распространяющуюся также на второй слогъ (ˈrytířstva). Указанное распредѣленіе экспираціи находимъ не только въ отдѣльномъ словѣ, но также въ связи предложенія (напр., potkal jsem pana ˈVolence; tvare ˈzapadle); далѣе въ сочетаніяхъ словъ какъ ˈne nastrojila (na- сильнѣе чѣмъ ne), ˈpo trávniku (ср. выше rytířstva) — вполнѣ какъ въ отдѣльныхъ словахъ: ˈmateřština, ˈmohutnosti и под.

Однако, и этотъ типъ не избавленъ вполнѣ отъ варіацій; распредѣленіе экспираціи можетъ и здѣсь измѣняться подъ вліяніемъ извѣстныхъ моментовъ рѣчи. Кромѣ обыкновеннаго travičky и под., со вторымъ слогомъ даже сильнѣе перваго, можно также, особенно при энергичномъ выговорѣ, слышать явственный перевѣсъ въ первомъ слогѣ (т.-е. travičky, potomstvu и под.): а въ послѣднемъ случаѣ новая экспираторная волна, побочное удареніе, выступаетъ въ третьемъ слогѣ, хотя не постоянно, но все-таки въ несомнѣнныхъ случаяхъ. Параллельность этого отношенія съ вышеописанными явленіями поразительна.

Мы видѣли, что для двухслоговыхъ словъ съ долгимъ первымъ слогомъ приборы и слухъ согласуются въ томъ, что главная экспираторная волна помѣщается въ первомъ слогѣ (blíží, vrána); подобно и въ словахъ съ бóльшимъ числомъ слоговъ, хотя бы второй былъ долгимъ по позиціи (ˈmládence); побочное удареніе, насколько оно является, выступаетъ въ третьемъ слогѣ (Štítary[1]) základ ního), — вообще въ согласіи со старшими взглядами на побочное удареніе.

Коснемся наконецъ примѣровъ болѣе двухъ слоговъ, съ обоими первыми слогами долгими по позиціи (vlastenci, Trampotka и под.). Главное удареніе въ нихъ ограничивается первымъ слогомъ: ˈvlastenci, ˈmodračku и т. д. На конечномъ слогѣ краткомъ я въ словахъ этого типа не слыхалъ побочнаго ударенія: иначе при долготѣ: větvič kách. Но насчетъ побочныхъ удареній прошу считать собранныя мною наблюденія не окончательными: въ этой области нужно много дальнѣйшихъ наблюденій, какъ для послѣдняго, такъ и для прочихъ типовъ словъ и сочетаній. Двойныя формы, приведенныя для разныхъ случаевъ (напр., zelený́m : zele ným), заставляютъ вообще вновь подвергнуть разсмотрѣнію — не столько старшія наблюденія, сколько старшія теоріи, построенныя на недостаточныхъ и одностороннихъ наблюденіяхъ.

Примѣчаніе. Если чехъ желаетъ наблюдать сильную перемѣну въ распредѣленіи экспираторной силы — и одновременно въ музыкальныхъ и количественныхъ отношеніяхъ — подъ вліяніемъ эмфаза, то прошу его кстати обратить вниманіе на восклицанія вродѣ «milá dáma!» «krasná louka!» (или предложенія подобнаго значенія: «to je milá dáma!» «to je pěkná louka!»). Въ прилагательномъ и тотъ и другой слогъ получаютъ здѣсь сильное, самостоятельное экспираторное удареніе — вмѣстѣ съ долготой (**217**): mīl- lā и под.; о томъ, что тотъ и другой слогъ получаютъ при этомъ тождественное, падающее музыкальное движеніе, упоминается ниже въ **261**.

---

[1]) Впрочемъ это школьное произношеніе; обыкновенно же съ другимъ количественнымъ отношеніемъ: Štitáry.

240. Главной задачей моихъ контролирующихъ наблюденій, о результатахъ которыхъ мы говорили въ **239**, было, какъ сказано, освѣщеніе проблемы распространенія въ чешскомъ произношеніи главнаго экспираторнаго ударенія слова, въ видѣ выдыхательной волны, отъ перваго слога дальше на второй. Какъ мы видѣли, слухъ подтвердилъ въ массѣ случаевъ, для разныхъ типовъ словъ, что такое распространеніе экспираторной волны составляетъ фактъ, на который указано впервые экспериментами Gauthiot-Vendryes. Возраженія объ «ошибочномъ произношеніи» тутъ должны оставаться въ сторонѣ. Но слухъ обучаетъ насъ еще и тому, что кромѣ этого произношенія существуетъ во многихъ случаяхъ также и другого рода распредѣленіе выдыханія, и что потому въ этой области желательны дальнѣйшія наблюденія и изслѣдованія, тѣмъ болѣе, что являющіеся тутъ вопросы и проблемы имѣютъ величайшій общій интересъ.

Чешскій языкъ показываетъ, что усиленіе экспираторнаго тока, называемое экспираторнымъ удареніемъ, можетъ имѣть видъ волны, охватывающей два слога. Спрашивается: какъ въ такомъ случаѣ разграничиваются эти два слога? Есть для этого двѣ возможности. Указываю прежде всего на сказанное о «слогѣ» въ **202**: вовсе не нужно, чтобы слоги разграничивались другъ отъ друга экспираторнымъ движеніемъ; для раздѣленія достаточно прохода черезъ звукъ или звуки относительно меньшей полнозвучности. Но судя по акустическому впечатлѣнію[1]), два чешскихъ слога, соединенные подъ общей главной экспираторной волной, не разграничены лишь упомянутымъ проходомъ: въ ˈzelený̑m, ˈhubičku два первыхъ слога повидимому разграничены экспираторной границей, по общему правилу славянской рѣчи (**202**).

Чтобы объяснить возможность такого явленія, что два слога, соединенные въ общей волнѣ выдыханія, могутъ быть при этомъ раздѣлены экспираторной границей, можно по моему указать на изслѣдованія и теорію Forchhammer-a, о чемъ смотри у Еспересена, Lehrbuch 108 (стр. 115 сл.). Какъ излагаетъ Есперсенъ, для регулированія силы давленія выдыхательнаго тока рѣчи имѣются два способа: съ одной стороны усиленіе или уменьшеніе выдыханія изъ легкихъ, съ другой стороны съуженіе или расширеніе въ голосовой щели. Поэтому ничто не мѣшаетъ представленію о двухъ слогахъ подъ единымъ выдыхательнымъ толчкомъ изъ легкихъ, но одновременно раздѣленныхъ менѣе сильной экспираторной границей, вызванной движеніемъ голосовой щели.

---

[1]) Самопишущіе приборы, при современной ихъ конструкціи, врядъ ли могутъ еще разрѣшить этотъ вопросъ.

Конечно, эти мои соображенія представляютъ лишь теорію. Но уже подтвержденіе самаго факта сильнѣйшей экспираціи—по моему опредѣленію общей экспираторной волны—въ двухъ сосѣднихъ слогахъ имѣетъ въ моихъ глазахъ великую цѣну; можетъ быть, и другіе славянскіе языки заключаютъ въ себѣ слѣды подобнаго явленія.

Послѣ главнаго ударенія, въ болѣе длинныхъ чешскихъ словахъ (единицахъ) наступаетъ, какъ мы видѣли, ослабленіе экспираторнаго тока, то на одинъ, то на два слога (врядъ ли гдѣ на больше двухъ), а потомъ новая экспираторная волна, побочное удареніе, охватывающее едва ли гдѣ больше одного слога, послѣ чего экспираторный токъ опять убавляется. Это согласуется съ чертами, выступающими и въ другихъ славянскихъ языкахъ.

241. Главное удареніе польскаго слова — сильнѣе чешскаго, хотя и оно, по **235**, не изъ относительно сильныхъ. Укажемъ на интересныя замѣтки Розвадовскаго въ «Szkic-ѣ», § 2 [1]); добавимъ къ нимъ, что экспираторная сила ударенія въ польскомъ, какъ и въ чешскомъ языкѣ, зависитъ не мало отъ личности: кто говоритъ живо, энергично, тотъ придаетъ ударяемому слогу значительно больше силы, чѣмъ рѣчь болѣе спокойныхъ лицъ. Изъ-за краткости слога (**225—6**) трудно помощью простого слуха дойти до рѣшенія, какое направленіе беретъ экспирація ударяемаго слога, crescendo или decrescendo.

Давно установленъ фонетическій принципъ, что польское удареніе слова, вообще экспираторное и одноглавое, лежитъ обыкновенно на предпослѣднемъ слогѣ [2]); объ отношеніи экспираторной силы къ музыкальной высотѣ см. **249**. Какъ въ чешскомъ, акцентными единицами представляются въ извѣстныхъ случаяхъ сочетанія словъ; напр., предложныя сочетанія въ родѣ przed nim (ˈpšed-ńim), za nim (ˈza-ńim), ode mnie (oˈde-mńe); ср. była by : byˈła-by, и т. д. (о подробностяхъ ср. у Брандта, Начертаніе слав. акц., стр. 169 сл.).

Попытка опредѣлить степени экспираторной силы неударяемыхъ слоговъ ведетъ къ результату, что они стоятъ весьма близко другъ къ другу. Поэтому сдѣланныя мною измѣренія нужно принимать съ критикой и контролировать дальнѣйшими наблюденіями. По моему, самая слабая область выдыханія находится вообще въ слогѣ послѣ традиціонно ударяемаго; но разница его отъ неударяемыхъ предударныхъ слоговъ не всегда замѣтна,

---

[1]) Тамъ и объ удареніи предложенія и любопытное сравненіе съ французской рѣчью.

[2]) Объ исключеніяхъ ср., кромѣ грамматикъ польскаго языка, появившуюся недавно статью Нича «Przyczynki do wymowy и т. д.» (Mat. i Prace kom. język. IV), стр. 430 сл.

поэтому разграниченіе силы 4 (слабѣйшей) отъ 3 дѣлается отчасти съ оговоркой. Передъ главноударяемымъ слогомъ (1) я въ болѣе длинныхъ словахъ отмѣчалъ чаще всего два равно слабыхъ слога, прежде чѣмъ явится слогъ нѣсколько сильнѣе, побочно-ударяемый (2). Напримѣръ
błyskawicowe, sprzeciwające, z podwiązanemi..., zapamiętywał, dziewką
2 3 3 1 4 2 3 3 1 4 2 3 3 1 4 2 3 3 1 4
pomagające. Въ послѣднемъ примѣрѣ, а также въ pocałowawszy и др., я
2 3 3 1 4 2 3 3 1 4
впрочемъ лишь съ сомнѣніемъ примѣрилъ первому слогу болѣе сильную степень, склоняясь отчасти придать и ему степень 3.

Въ словахъ съ лишь двумя слогами передъ главноударяемымъ, мои примѣры показываютъ колебаніе: частью слабое выдыханіе для обоихъ этихъ слоговъ, а частью побочное удареніе въ первомъ; ср. aromaty, obie-
3 3 1 4 3 3
lone, zbiorowego, widowisko—но при этомъ błyskawiczne, błękitowi, błękit-
1 4 3 3 1 4 3 3 1 4 2 3 1 4 2 3 1 4 2 3
ności, zapatrzonym. Какіе моменты обусловливаютъ то или другое произно-
1 4 2 3 1 4
шеніе, мнѣ неясно. И въ абсолютномъ началѣ не нужно, чтобы слово или сочетаніе такого типа начиналось съ побочнаго ударенія; при .dobijali targu...
2 3 1 4
отмѣчено, напримѣръ, .a za dziećmi... Со мнѣніемъ Малэцкаго о побочномъ
3 3 1 4
удареніи (ср. у Брандта, Начертаніе слов. акц. стр. 169) мои наблюденія во всякомъ случаѣ не согласуются.

Приведенные примѣры какъ будто указываютъ на склонность вообще къ дактило-трохаическому характеру выдыхательнаго движенія; для болѣе объемистыхъ сочетаній мои отмѣтки даютъ нерѣдко подобное впечатлѣніе; напримѣръ, czy na oglądającego ladę..., od nagłej a niespodziewanej śmierci.
1 3 3 2 3 3 1 4 1 3 1 3 3 2 3 3 1 4 1 4
Но понятно, что тутъ можетъ примѣшиваться требуемое логикой экспираторное удареніе предложенія, вызывая измѣненія разнаго рода (ср. «Szkic» Розвадовскаго); напримѣръ, когда у М. Конопницкой въ «Głupy Franek»[1]) рядъ выраженій «czy na rudego.... czy na oglądającego ladę.... czy na baby и т. д.» оканчивается словами «czy wreszcie na psy cudze», то слову psy придается здѣсь логическое удареніе, подъ вліяніемъ котораго слѣдующее cudze можетъ терять удареніе; выдыханіе распредѣляется скорѣе такъ: czy
3
wreszcie na psy cudze (psy съ особой силой выдыханія). Но упомянутому
1 3 3 1 3 3
выше общему впечатлѣнію распредѣленія выдыханія, особенно въ разсказывающемъ стилѣ, такія явленія не мѣшаютъ.

---

[1]) Wybór Pism, Jubileuszowe Wydanie, Kraków 1902, стр. 320.

Примѣчаніе. Въ ровномъ чтеніи, при которомъ я прежде всего получилъ только что упомянутое впечатлѣніе насчетъ распредѣленія выдыханія, я отмѣтилъ также несомнѣнную склонность къ уравненію образованныхъ этимъ образомъ отдѣленій предложенія (періода) по долготѣ. Мои наблюденія надъ славянскимъ произношеніемъ нигдѣ не показали мнѣ столь ясныхъ зародышей къ «тактамъ рѣчи» ровной между собой долготы. На неударяемые слоги это дѣйствуетъ упомянутымъ у Сиверса 714 образомъ: гдѣ «тактъ» содержитъ нѣсколько неударяемыхъ слоговъ, каждый изъ этихъ становится короче чѣмъ тамъ, гдѣ тактъ содержитъ лишь одинъ неударяемый слогъ. — Но подчеркнемъ, что описанное отношеніе поражало мое ухо явственнымъ образомъ лишь при чтеніи.

242. Слогъ подъ главнымъ, экспираторнымъ удареніемъ слова имѣетъ въ образованной малорусской рѣчи по моему слуху вообще бо̀льшій экспираторный перевѣсъ надъ слогами неударяемыми, чѣмъ въ польскомъ; какъ извѣстно, удареніе не связано съ извѣстнымъ слогомъ слова (единицы).— Если послѣ главноударяемаго слѣдуетъ нѣсколько «неударяемыхъ» слоговъ, то является побочное удареніе; между главно- и побочно-ударяемыми слогами лежитъ, по крайней мѣрѣ, одинъ, часто два слога слабѣйшей степени выдыханія; число зависитъ отъ мнѣ не ясныхъ правилъ; напримѣръ, ˈбесідˌників — но ˈвискороˌдити (боронити), ˌвиготоˈвити, ˌвирозуˈмілість; розгоˈворюˌвали, но ˈвиховаˌночка. Если слово послѣ главноударяемаго содержитъ еще лишь два слога, то побочная ударная волна падаетъ, должно быть, правильно на послѣдній слогъ слова: ˈвиросˌте, ˈмучеˌник, ˈженщиˌна и под.— Побочное удареніе подобнаго рода является также передъ главнымъ удареніемъ, съ промежуткомъ между ними одного, двухъ или трехъ слоговъ болѣе слабой экспираторной степени; примѣры приведемъ ниже.

Особенно слабая область выдыханія имѣется чаще всего въ слогѣ непосредственно послѣ главноударяемаго (исключая извѣстные случаи въ абсолютномъ, открытомъ концѣ слова, напримѣръ, неді́ля; ср. ниже, въ примѣчаніи). Слѣдствіемъ этого является, между прочимъ, склонность къ потерѣ гласнаго этого слога. Если окружающіе этотъ гласный согласные не тожественны, то отъ гласнаго сохраняется эвентуально болѣе или менѣе ясный гласный элементъ (пока́ранї, това́риші часто = -r^{ə}ńi, -r^{ə}ši); если же и передъ гласнымъ и послѣ гласнаго стоитъ тотъ же самый согласный, то органы рѣчи нерѣдко какъ будто не успѣваютъ открываться для слабаго остатка гласнаго: получаются произношенія вродѣ «massmetanẏ» вмѣсто ма́сса смета́ни, «našẏ ˈpannei dut» вмѣсто наши панни не идуть; мягкій и твердый оттѣнки согласнаго могутъ уподобляться, какъ при встрѣчѣ иного характера (**169**); ср. результатъ «dd» въ «dobre ˈoko ˈvẏdda leko» вмѣсто «до́бре о́ко ви́дить дале́ко». И непосредственно послѣ второстепенныхъ экспи-

раторныхъ волнъ (побочныхъ удареній) слѣдуютъ минимумы давленія; но для такого положенія не отмѣчены столь явственные случаи исчезновенія гласнаго.

Не легко, впрочемъ, установить помощью простого слуха осязательную разницу въ выдыхательной силѣ между неударяемыми слогами. Однако, при шептаніи отдѣльныхъ словъ, краткихъ и длинныхъ, являются любопытныя черты въ этомъ отношеніи, которыя прошу подвергнуть контролю, расширеніемъ наблюденій, эвентуально при помощи самопишущихъ приборовъ. Особенно слѣдуетъ обратить вниманіе на то, какъ въ словахъ съ нѣсколькими слогами передъ главноударяемымъ наблюдается по моему слуху усиленіе выдыханія въ слогѣ, предшествующемъ традиціонно ударяемому. Обозначая экспираторную силу цифрами[1]), можно привести такіе примѣры: перего-
2 4 4
ври́в, переночува́лисьмо, розгово́рювали, пер(е)ночува́ти, надгороди́ти.
3 1 — 2 4 4 3(2) 1 4 — 3 4 3 1 4 2 4 — 2 6 4 3 1 5 — 2 4 3(2) 1 5
Слухъ врядъ ли обманываетъ меня, если я считаю выдыхательное усиленіе слога передъ ударяемымъ частію экспираторной волны, общей для него съ ударяемымъ; если это вѣрно, то имѣемъ здѣсь передъ собою явленіе, сходное съ упомянутыми въ **239** сл. явленіями чешскаго языка.

Однако, наблюденія и отмѣтки не показываютъ постоянности въ этомъ направленіи. При выше приведенномъ видѣ слова «розговорювали» отмѣченъ и другой, найденный въ медленномъ произношеніи: розгово́рювали; какъ
3(2) 4 1 4 2 4
видно, передъ главноударяемымъ слогомъ стоитъ здѣсь лишь одинъ вполнѣ слабый, слогъ же роз- получилъ побочное удареніе; вслѣдствіе этого слухъ не въ состояніи рѣшить насчетъ присутствія или неприсутствія извѣстнаго увеличенія выдыханія въ слогѣ -го-, въ видѣ начала главноударной волны; подобное нужно сказать, напримѣръ, о верхово́дів — гдѣ скорѣе слѣдующій
2 4 1 3
за главноударяемымъ слогъ показался мнѣ до извѣстной степени усиленнымъ — о сирома́, доброта́, богати́р; впрочемъ, и въ словахъ такого типа
3 4 1 — 2(3) 4 1 — 2(3) 4 1
отмѣчена экспирація приведеннаго выше рода (красавиця, богоро́диця).
4 3 1 3(4) — 4 3 1 4 3

Примѣчаніе. Мы сказали выше, что изъ общаго правила объ особенно слабой силѣ выдыханія въ слогѣ непосредственно послѣ ударяемаго, открытый слогъ въ концѣ слова составляетъ отчасти исключеніе (неді́ля). Однако, по моимъ запискамъ данное исключеніе является не какъ постоянное правило, а скорѣе спорадически; для иныхъ категорій, напримѣръ, неопр. на -и́ти, -а́ти, упоминаемый слогъ вообще отмѣченъ съ

---

[1]) 1 — главное удареніе, 2 — явное побочное удареніе; избранныя величины представляются, впрочемъ, вполнѣ произвольными, безъ относительной цѣны внѣ каждаго отдѣльнаго слова.

самою слабою степенью выдыханія. Возникаетъ поэтому вопросъ, принадлежитъ ли затронутое исключеніе фонетикѣ рѣчи, или оно ограничено извѣстными морфологическими категоріями; мой матеріалъ слишкомъ скуденъ для какихъ либо заключеній.

243. Въ описаніи словенскаго «Говора Бледа» Богородицкій упоминаетъ, стр. 6—7, распредѣленіе вѣса слова, подразумѣвая вѣроятно относительную экспираторную силу слоговъ. Въ сравненіи съ распредѣленіемъ въ великорусскомъ языкѣ, напримѣръ, въ «помогала»: 3—2—1—3 [1]), Богородицкій находитъ для словенскаго говора иную картину, эвентуально 3(2½)—3—1—2; т. е., передъ ударяемымъ лежатъ слабые слоги, особенно непосредственно передъ нимъ (слогъ подальше становится эвентуально сильнѣе), а часть слова, слѣдующая за ударяемымъ слогомъ,—сильнѣе; если слѣдуетъ болѣе одного слога, то конечный слогъ получаетъ бо́льшую силу, внутренній меньшую. Такое взаимное отношеніе слоговъ Богородицкій сопоставляетъ съ «антропофоническимъ строемъ» словъ въ украинско-малорусскомъ нарѣчіи.

Послѣднее сравненіе я долженъ оставить въ сторонѣ; приведенныя выше наблюденія надъ галицко-малорусскимъ произношеніемъ указываютъ на другое направленіе, но это не мѣшаетъ тому, что мнѣніе Богородицкаго могло бы быть правильнымъ, хотя мнѣ кажется вѣроятнымъ, что почтенный ученый идетъ въ своихъ обобщеніяхъ дальше, чѣмъ пока имѣемъ на это собственно право. Что до конкретныхъ наблюденій Богородицкаго надъ Бледскимъ говоромъ, то они согласуются во всякомъ случаѣ съ моими отмѣтками изъ сосѣдняго говора Любляны; напримѣръ, я записалъ повел. множ. отъ pobé̂γn̥t (Плет. pobẹ́gniti) въ видѣ «pobeγníte; ср. наст. вр. oblẹ́čem, и др.
3 3 1 2 ... 3 1 2
Особенно замѣтнымъ представляется относительный перевѣсъ послѣударнаго слога надъ предударнымъ, по моему, при открытомъ концѣ слова: sneḿite (3—1—2 или даже 4—1—2).

Спрашивается однако: какъ понимать такую «бо̀льшую (добавимъ: экспираторную) силу» послѣударной части слова. Примѣры вродѣ приведенныхъ наводятъ мысль на общую экспираторную волну для ударяемаго и слѣдующаго за нимъ слоговъ, т. е., на протяженіе сильнѣйшаго выдыханія черезъ предѣлъ традиціонно ударяемаго слога на слогъ, слѣдующій за нимъ. Но, съ другой стороны, если слово содержитъ послѣ традиціонно ударяемаго не одинъ слогъ, то, какъ отмѣтилъ Богородицкій, конечный слогъ—сильнѣе, чѣмъ слогъ непосредственно послѣ ударяемаго: dèxn̥te (повел., ср. Плет.
1 5 2

[1]) Перемѣняю цифры въ соотвѣтствіе съ прежними моими обозначеніями; 1—сильнѣйшая (главноударяемая) степень.

неопр. dehníti), prímeįo (3 мн.), slíšala (въ Люблянѣ также šlíšala); въ
1 3 2 1 3 2
такомъ случаѣ конечный слогъ имѣетъ несомнѣнно новую экспираторную волну, т. е. побочное удареніе, составляющее при данныхъ условіяхъ повидимому правильное явленіе: ˈjábu¦ka (множ., ср. Плет. jáboľko), raˈzúme¦te и т. д. Поэтому для словенскаго произношенія я не берусь рѣшить, насколько выдвиженіе послѣударнаго слога въ выше отмѣченныхъ и подобныхъ случаяхъ слѣдуетъ считать продолженіемъ экспираторной волны главнаго ударенія или же новой волной, — имѣемъ ли передъ собой, по употребленному раньше обозначенію, напримѣръ, «raˈzúmte», «razuˈmǽte» или «raˈzúm¦te», razuˈmǽ¦te».

Слѣдуетъ быть тѣмъ осторожнѣе, что въ явленіе вмѣшиваются, быть можетъ, и моменты, до сихъ поръ не взвѣшенные. Такъ, напримѣръ, видъ главнаго ударенія, повидимому, можетъ влiять на отношеніе взаимной силы слоговъ. Для моего слуха, въ cvǽla (цвѣла) первый слогъ вполнѣ преобладаетъ надъ вторымъ; а въ параллельной формѣ cvȅtla тотъ и другой слогъ стоятъ очень близко другъ къ другу, какъ по долготѣ, такъ и по экспираторной силѣ; т.-е., перевѣсъ ударяемаго слога гораздо меньше; ср. въ концѣ **245.**

Примѣчаніе. И у Шкрабца, O glasu, затрогивается вопросъ объ экспираторной силѣ внѣ главноударяемаго слога; напр. стр. 13, 14, 15.

244. Бѣглыя наблюденія надъ болгарскимъ языкомъ дали такой результатъ, что послѣ главнаго (экспираторнаго) ударенія въ словѣ слѣдуетъ слабый слогъ, потомъ побочное удареніе, далѣе эвентуально новое ослабленіе и новое усиленіе выдыханія; напримѣръ, ци́ганинъ, кра́ставица, кра́ставици-те.
1 3 2 1 3 2 3(4) 1 3 2 4(5) 2(1)
Послѣ побочнаго ударенія ослабленіе сильнѣе, чѣмъ послѣ главнаго ударенія; ср. въ послѣднемъ изъ приведенныхъ примѣровъ, гдѣ послѣднее і склоняется къ исчезновенію или же къ произношенію безъ голоса (-ci̥-). Общая картина склоняется, такимъ образомъ, къ трохаическому (рѣже дактилическому) распредѣленію выдыханія; съ этимъ впечатлѣніемъ согласуются результаты Д. Молерова въ статьѣ «Вторично удареніе въ разложкия говоръ» (Извѣстия на семинара на славянска филология и т. д., подъ ред. на проф. Милетичъ, София 1905). Явленій, указывающихъ на общую для двухъ слоговъ экспираторную волну, я не отмѣчалъ. Правда, можно наблюдать два экспираторно сильнѣйшихъ слога рядомъ; такъ напр., въ сочетаніяхъ ˈpo-ˈstrášno, ˈnai̯-ˈstrašno; но это связано съ самостоятельнымъ удареніемъ составныхъ частей; ср. ˈnai̯-go¦ľáma, ˈpo-go¦ľáma.

245. Для великорусскаго и сербско-хорватскаго языковъ мнѣ

недостаетъ личныхъ наблюденій по распредѣленію выдыханія внутри слова. Вниманія заслуживаетъ въ великорусскомъ — кромѣ опредѣленія мѣста побочныхъ удареній, ср. мое «Описаніе одного говора и т. д.», § 3 — особенно вопросъ объ отношеніи между слогами главноударяемымъ и непосредственно ему предшествующимъ; какъ извѣстно, послѣдній выдвигается (количественно, но повидимому и экспираторно) передъ прочими неударяемыми слогами; спрашивается: помощью ли общей для него со слѣдующимъ традиціонно ударяемымъ слогомъ экспираторной волны, или же помощью самостоятельнаго выдыхательнаго толчка.

Для сербско-хорватскаго языка возникаютъ подобные вопросы. Если послѣ главноударяемаго слога слѣдуетъ нѣсколько неударяемыхъ, то наблюдаются побочныя экспираторныя волны, но по какимъ правиламъ, это еще не изслѣдовано. Отмѣтимъ, что такія волны склонны привязываться къ слогамъ долгимъ (Брандтъ, Начертаніе слав. акц. стр. 48), не только тамъ, гдѣ слогъ такого количества отдѣленъ отъ главноударяемаго краткимъ слогомъ (напримѣръ, ˈве̏ли̦кōга), но повидимому нерѣдко и при другомъ видѣ слова; напримѣръ, въ формѣ вродѣ вра̂ба̄ца̄ мой слухъ получаетъ впечатлѣніе, будто каждый изъ послѣднихъ слоговъ начинается съ новой экспираторной волны: ˈvrâ̦bā̦cā, приблизительно ⁀⁀ или ⁀‿_. Такое движеніе выдыханія было бы вообще параллельнымъ съ движеніемъ тона (ср., напримѣръ, у Мазинга); ритмически такое распредѣленіе экспираціи согласовалось бы съ общей склонностью къ «трохаизму», какъ мы отмѣтили ее, напримѣръ, въ болгарскомъ яз., въ **244**, такъ какъ мѣра одного долгаго слога позволяетъ считать его замѣстителемъ двухъ краткихъ; однако, такія обобщенія имѣютъ пока мало цѣны.

Не менѣе любопытенъ въ сербско-хорватскомъ произношеніи вопросъ о распространеніи экспираторной волны главнаго ударенія черезъ границу одного (традиціонно ударяемаго) слога. Что интонація въ извѣстныхъ случаяхъ вовлекаетъ и сосѣдній слогъ въ кругъ своего дѣйствія, это несомнѣнно; о томъ будетъ рѣчь ниже въ **251**; но сообразуясь съ прекрасными наблюденіями Мазинга (Die Hauptformen и т. д.), все еще сохраняющими свою цѣну, мы обязаны спросить, не продолжается ли и экспираторная волна главнаго ударенія (о характерѣ которой внутри традиціонно ударяемаго слога мы говорили въ **231—2**) при восходящемъ видѣ отъ традиціонно ударяемаго далѣе и на слѣдующій слогъ, придавая ему или первой его части экспираторную силу надъ мѣрой вполнѣ слабо-экспираторныхъ слоговъ, и достигая, можетъ быть, иногда именно здѣсь своего верха. Не объясняется ли такъ тотъ Мазинговъ «ictus», о которомъ его собственныя

выраженія вызываютъ мнѣніе, что рѣчь идетъ о новомъ, самостоятельномъ экспираторномъ толчкѣ?

Если же дальнѣйшія изслѣдованія покажутъ, что на этотъ вопросъ нужно отвѣтить отрицательно, т. е., что экспираторная волна главнаго ударенія и при восходящемъ характерѣ ограничивается въ сербско-хорватскомъ языкѣ однимъ, традиціонно ударяемымъ слогомъ, то сербско-хорватское произношеніе представляетъ интересную иллюстрацію къ другому явленію, на которое указываютъ наблюденія изъ другихъ областей славянской рѣчи: что различное качество ударенія можетъ проявляться и въ различномъ относительномъ распредѣленіи экспираторной силы между ударяемымъ и слѣдующимъ за нимъ слогами (ср. въ концѣ **243** о словенскомъ cvǽla: cvȅtla[1]). Давно уже признано — ср., напримѣръ, у Брандта, Нач. слов. акц., особенно стр. 44. о «рѣзкомъ» и «слабомъ» удареніяхъ, съ ссылкой на разныхъ наблюдателей — что экспираторное разстояніе между слогами напр. слова ȍko гораздо больше разстоянія слоговъ напр. слова žèna; можно, условнымъ образомъ, выражаться такъ, что отъ предназначеннаго, положимъ, приблизительно одинаковаго количества экспираторной силы остается для -ko послѣ ȍ- гораздо меньше, чѣмъ для -na послѣ žè-; можно говорить въ первомъ случаѣ объ «акутѣ», во второмъ о «грависѣ» — ср. термины нѣкоторыхъ скандинавскихъ наблюдателей по отношенію къ явленіямъ, напоминающимъ затронутое отношеніе сербско-хорватской рѣчи.

Интонація.

246. Музыкальныя движенія связной рѣчи представляютъ собой компромиссъ интонацій подчиненныхъ единицъ (слога, слова) съ мысленной интонаціей (мотивомъ) предложенія. Первыя находимъ, когда слово выговаривается про себя, лишь какъ понятіе, безъ той окраски, того настроенія, той страсти, которыя могутъ въ разговорѣ превратить и отдѣльное слово въ «предложеніе». Главныя линіи мысленной («идеальной») интонаціи предложенія можно представить себѣ посредствомъ сравненія предложеній разнаго характера или смысла (разсказъ: вопросъ; спокойный вопросъ: досадный или горячій вопросъ и т. д.); удобнѣйшими для воспроизведенія этихъ линій

---

[1]) Бѣглыя наблюденія надъ западно-словацкимъ нарѣчіемъ привели меня къ подобному заключенію. Сравнивая слова ˈsrna и ˈsr̄ńa, я нашелъ въ первомъ, съ краткимъ ударяемымъ первымъ слогомъ, гораздо меньшее разстояніе между нимъ и слѣдующимъ слогомъ (какъ экспираторно, такъ и музыкально, о чемъ ср. **250**), чѣмъ между слогами второго слова, съ долгимъ ударяемымъ.

представляются, конечно, предложенія разнаго характера при вполнѣ или приблизительно тожественномъ составѣ словъ. — Интонація слога и отчасти слова уже давно привлекаетъ вниманіе наблюдателей славянской рѣчи. Иначе обстоитъ дѣло съ интонаціей предложенія. Поэтому я попытался собрать въ настоящемъ очеркѣ хоть столько матеріала по этому предмету, чтобы можно было показать, какимъ образомъ и въ какомъ направленіи по моему должно бы начать изслѣдованіе (ср. поучительныя общія замѣтки у Есперсена, Lehrbuch стр. 221 сл.); но, понятно, такая первая попытка идетъ лишь ощупью и ждетъ своей критики, — но притомъ и продолженія положительнаго характера.

О тонѣ рѣчи подчеркнемъ — со Свитомъ, Стормомъ и др. — что его нельзя отождествлять съ тономъ музыки, въ узкомъ смыслѣ. Онъ обыкновенно «скользитъ» гораздо больше тона собственной музыки. Нотными знаками можно отмѣчать извѣстныя выступающія точки мелодіи рѣчи, но нужно въ такомъ случаѣ подразумѣвать скольженіе около этихъ точекъ или между ними. Поэтому я и попробую представить интонаціи предложеній не въ нотахъ, но лучше въ видѣ линій направленія.

Первичнымъ считаю вообще направленіе мысленной тонной линіи предложенія; величина интерваловъ играетъ, по моимъ наблюденіямъ надъ славянской рѣчью, скорѣе роль вторичную, находясь въ зависимости отъ личности, отъ настроенія, отъ энергіи говорящаго или его словъ; поэтому часто можно абсолютную величину интерваловъ оставить просто въ сторонѣ — хотя иногда именно ихъ величина имѣетъ значеніе для смысла, такъ что нельзя ее обойти. Но и въ послѣднемъ случаѣ можно довольствоваться опредѣленіемъ относительнаго разстоянія (квинта, малая терція, секунда и т. д.); съ опредѣленными гаммами или скалами встрѣчаемые мотивы (иногда, можно сказать, мелодіи) повидимому не связаны, по крайней мѣрѣ, не тѣсно; они транспонируются произвольно, по ситуаціи и личности, а можетъ быть, отчасти даже по собственному звуку начинающаго слога — вообще въ зависимости отъ факторовъ еще не изслѣдованныхъ.

Интонація слога и слова.

247. Начнемъ съ языковъ съ принципіально экспираторнымъ удареніемъ (ср. замѣтки въ 229). Несомнѣнно, что всѣ славянскіе языки этого типа въ своей интонаціи слова вообще склонны соединять усиленную экспирацію ударяемаго слога съ высшимъ тономъ. Однако, было бы непозволительно считать такое отношеніе правиломъ не допускающимъ отклоненій.

Напримѣръ, для извѣстныхъ южновеликорусскихъ говоровъ указана мною интонація слова съ пониженіемъ тона въ ударяемомъ слогѣ и съ возвышеніемъ его въ слогѣ предшествующемъ (Отчетъ отд. русск. яз. и слов. за 1902); изъ польскаго подобныя черты будутъ приведены въ **249.** Можетъ быть, такая особая интонація слова развилась сначала подъ вліяніемъ интонаціи предложенія. Такъ, и въ сѣверновеликорусскомъ говорѣ и въ образованной русской рѣчи встрѣчаются случаи интонаціи слова, подобные упомянутому южновеликорусскому типу, т. е. съ пониженіемъ тона въ традиціонно ударяемомъ слогѣ; но эти случаи представляютъ, очевидно, интонацію извѣстнаго типа предложеній («Описаніе одного говора и т. д.», § 3, особенно стр. 19—20), и потому наводятъ на мысль, что такимъ же путемъ развилось также пониженіе тона въ ударяемомъ слогѣ упомянутыхъ южновеликорусскихъ говоровъ. Но хотя бы и было такъ, во всякомъ случаѣ нужно и для славянской рѣчи освободиться отъ предразсудка, будто сильнѣйшая экспирація и высшій тонъ непремѣнно должны быть соединены, какъ бы часто такая связь ни встрѣчалась. Ошибочное обобщеніе этого рода находимъ, между прочимъ, еще въ хорошемъ обзорѣ Булича, въ статьѣ «удареніе» въ Энц. словарѣ Брокгауза и Эфрона.

248. Освобождая интонацію слова отъ вліянія «предложенія», замѣчаемъ въ образованной великорусской рѣчи, что ударяемый слогъ обыковенно выговаривается въ высшемъ тонѣ, при чемъ тонъ внутри самаго слога склоняется вообще къ легкому повышенію—между тѣмъ какъ экспирація по **234** скорѣе понижается. Дальнѣйшія обобщенія пытается вывести Богородицкій въ «Очеркахъ», стр. 203—4, однако по моему на основаніи слишкомъ скуднаго матеріала и безъ достаточнаго разграниченія интонацій слова и предложенія. (Кромѣ того ср. еще о тонѣ открытаго конечнаго слога статью Богородицкаго въ «Эксп.-фон. изученіе природы русскаго ударенія», Уч. Зап. Каз. Ун. LXXII, мартъ 1905, и его же «Замѣтки по эксп. фон.» стр. 20. Интересное указаніе на русское удареніе съ пониженнымъ тономъ — ср. выше въ **247** — Б. даетъ въ статьѣ «Говоръ Бледа», упоминая, что русскія слова съ ударяемымъ конечнымъ слогомъ звучатъ для словенскаго слуха какъ пароокситоны).

Объ интонаціи слова въ образованной малорусской рѣчи я получилъ впечатлѣніе приблизительно тождественное съ приведеннымъ для великорусскаго яз.: главноударяемый слогъ произносится съ высшимъ, обыкновенно легко возвышающимся — или же приблизительно ровнымъ—тономъ. Однако, въ малорусскомъ языкѣ падающее движеніе тона внутри ударяемаго слога повидимому не рѣдко, и любопытно при томъ то, что такой видъ интонаціи

ударяемаго слога повидимому принадлежитъ преимущественно опредѣленнымъ категоріямъ словъ; какъ въ рѣчи интеллигенціи, такъ и въ народныхъ говорахъ (ср. мои описанія бойкскаго угрорусскаго; на подобныя явленія у лемковъ намекаетъ повидимому Верхратскій Арх. III стр. 386) я отмѣчалъ, напр., ударяемое а неопр. накл. на -ати обыкновенно съ довольно сильнымъ удлиненіемъ и ясно падающимъ тономъ — что встрѣчается нерѣдко и въ другихъ формахъ этихъ глаголовъ (напр. «nastâṷ», т. е. настáв, и под.). Самое явленіе, его объемъ и причины заслуживаютъ выясненія.

Въ болгарскомъ яз. интонація ударяемаго (и вообще музыкально высшаго) слога, судя по бѣглому впечатлѣнію, склоняется скорѣе къ падающему движенію, параллельно съ движеніемъ выдыханія; особенно явственно я отмѣчалъ такое движеніе въ дифтонгѣ, напр. въ первомъ слогѣ záịci, зайцы.

249. Въ польскомъ произношеніи опредѣленіе движенія интонаціи внутри ударяемаго слога затрудняется краткостью слога (**225**); гдѣ односложовое слово удлиняется для восполненія такта (ср. прим. **241**), я отмѣчалъ не разъ слабо нисходящій тонъ, но общаго правила на этомъ конечно нельзя строить.

Зато не мало интереса имѣетъ въ польскомъ произношеніи взаимная высота разныхъ слоговъ слова. Какъ общее правило экспираторное усиленіе связывается съ повышеніемъ тона; въ однообразномъ, вяломъ чтеніи это развивается въ сухую схематичность, о которой въ началѣ **260.** Въ естественной рѣчи однако отношеніе тонной высоты къ мѣсту экспираторнаго ударенія становится гораздо свободнѣе, что отражается повидимому и въ интонаціи слова. Въ словахъ длиннѣе двухъ слоговъ, а особенно въ трехслоговыхъ, слогу передъ ударяемымъ дается въ краковскомъ произношеніи весьма часто столь же высокій тонъ какъ и ударяемому, или даже выше его; словà вродѣ hiszpański, spółgłosek, hołota обнаруживаютъ тонное отношеніе ˙ ˙ . или ˙ · . или даже ˙ . . ; въ послѣднемъ случаѣ, какъ видно, экспираторно ударяемый слогъ стоитъ въ музыкальномъ отношеніи наряду съ послѣударнымъ и такимъ образомъ въ прямой противоположности къ предударному.

Такое интонаціонное отношеніе отмѣчено мною въ массѣ трехслоговыхъ словъ (cynamon, stromego, obchodząc, wieczora, pojutrze и т. д.), а также въ сочетаніяхъ какъ «pod siebie»; въ естественной рѣчи, pod siebie съ интонаціей . ˙ . обозначаетъ обыкновенно выдвиженіе слова siebie. Въ словахъ четырехслоговыхъ, напр. brylantowe, указанный типъ интонаціи принимаетъ естественно видъ . ˙ . . Въ связи предложенія, напр. . . . . wszyściutko doczysta . . . . онъ можетъ повторяться: . . . . ˙ . . ˙ . . . . . . (ср. при этомъ . . . . ˙ . . ˙ . . . .). А такъ какъ экспираторное выдвиженіе ударя-

маго слога въ польскомъ не особенно сильно и такъ сказать требуетъ и высшаго тона для достаточнаго акустическаго усиленія, то упомянутый особый интонаціонный типъ можетъ даже вызывать впечатлѣніе, будто «удареніе» принадлежитъ третьему отъ конца слогу; такое впечатлѣніе, т.-е., напр., «ˈzaç̣inaç̣» (вм. zaˈç̣inaç̣, письм. zacinać) можетъ получать не только иностранецъ, но также полякъ, какъ подтвердилъ мнѣ устно Розвадовскій, прибавивъ, что указанное интонаціонное отношеніе — объемъ и основаніе котораго предоставляю изслѣдовать другимъ — свойственно не только образованной рѣчи.

250. Для чешскаго языка и Краль (Listy fil. XXI, 12) и Педерсенъ (Den böhm. Udt. стр. 119) относительно интонаціи отдѣльныхъ словъ приходятъ къ результату, освѣщаемому ими примѣрами, что повышеніе тона не должно обязательно связываться съ усиленіемъ экспираторнымъ. Это несомнѣнно правильно. Но наблюденія надъ приведенными примѣрами показываютъ такъ же несомнѣнно, что указанныя почтенными изслѣдователями интонаціонныя отношенія не абсолютны, — что при какомъ-нибудь «necítíš» съ интонаціей . ˙ ˙, выступаетъ въ другомъ случаѣ интонація ˙ . . ; выборъ обусловливается очевидно интонаціей предложенія, ср. въ **261**.

Какъ раньше сказано, иностранцу вообще трудно дойти до чистой интонаціи слова, вполнѣ отвлеченной отъ всякаго вліянія со стороны интонаціи предложенія; еще труднѣе это въ такомъ языкѣ какъ чешскій, гдѣ отношенія экспираціи варіируютъ (**236** сл.), гдѣ экспираторное выдвиженіе «ударяемыхъ» слоговъ вообще слабо, и гдѣ при томъ интервалы между слогами въ спокойномъ произношеніи невелики. Но, по произношенію лицъ съ относительно энергичной экспираціей (**238**), я дошелъ до рѣшительнаго впечатлѣнія, что интонація слова построена на правилѣ: сильнѣйшая экспирація связывается вообще съ высшимъ тономъ. Этотъ параллелизмъ выступаетъ какъ при главномъ, такъ и при побочномъ экспираторномъ удареніи.

Особый интересъ представляетъ сопоставленіе наблюдаемыхъ мною движеній тона начальной части слова съ обсуждаемыми выше **236** сл. явленіями, что можетъ хоть нѣсколько пополнить изслѣдованія Gauthiot-Vendryes. Въ словахъ какъ dvakrát, съ явственнымъ экспираторнымъ перевѣсомъ перваго слога надъ вторымъ, отмѣченъ въ послѣднемъ рѣшительно низшій тонъ, чѣмъ въ первомъ слогѣ. Въ типахъ вродѣ zelený́m, zamyká, гдѣ сильнѣйшая экспираторная волна начала слова распространяется часто (чаще?) и на второй слогъ, я установилъ у разныхъ лицъ кромѣ того и высшій тонъ въ двухъ первыхъ слогахъ, а въ третьемъ, слабѣйшемъ, низшій, иногда слабо падающій тонъ. Возьмемъ далѣе примѣръ какъ dèláme; мои наблю-

денія надъ экспираторной силой не совпадаютъ, какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, съ опредѣленіемъ французовъ, а указываютъ на приблизительно ровную силу второго слога съ первымъ; и вотъ, опять интонація отмѣчена въ параллельномъ видѣ: ˘ ¯ ˬ .

Что склонность къ соединенію сильнѣйшей экспираціи съ высшимъ тономъ выступаетъ также при побочномъ удареніи, отмѣчено въ примѣрахъ какъ ·základníko: не только главноударяемое zá-, но также побочноударяемое -ní- повышается музыкально надъ уровень двухъ слабѣйшихъ слоговъ. Добавимъ, что также внутри отдѣльнаго (долгаго) слога отмѣчены иногда тонныя движенія, указывающія на упомянутый параллелизмъ съ экспираторной силой.

Правда, при многочисленныхъ случаяхъ указаннаго параллелизма, я отмѣчалъ также интонаціонныя движенія, обнаруживающія другое направленіе. Но большинство ихъ представляютъ вѣроятно лишь кажущіяся отступленія отъ общей склонности. При упомянутыхъ выше zelený́m, zamyká въ видѣ ˘ ˘ —, я отмѣтилъ, напр., Zubatý въ видѣ ˘ ˘ — [1]); но припомнимъ, что распредѣленіе экспираторной силы въ этомъ типѣ по моимъ наблюденіямъ не всегда совпадаетъ съ распредѣленіемъ, указаннымъ французскими изслѣдователями; колебаніе въ интонаціонномъ видѣ типа стоитъ вѣроятно въ органической связи именно съ колебаніемъ въ распространеніи экспираторной силы. Подобнымъ образомъ можно, конечно, объяснить и разныя другія отступленія отъ предполагаемаго мною общаго параллелизма. Однако, считаясь съ отступленіями, которыхъ не берусь пока объяснить этимъ путемъ (напр., типъ ˡkoroptve, babička отмѣченъ чаще съ интонаціей ˙ · ., чѣмъ съ ожидаемой ˙ ˙ .), я и не буду вести своего заключенія дальше впечатлѣнія общей склонности къ параллелизму. Повторимъ лишній разъ, что рѣчь идетъ здѣсь только объ интонаціи слова; интонація же предложенія, какъ увидимъ, часто придаетъ слову въ связной рѣчи интонацію совершенно иного вида.

251. Перейдемъ къ языкамъ съ принципіально музыкальнымъ удареніемъ, къ югозападной группѣ.

Разныя изслѣдованія даютъ довольно пеструю картину явленій «ударенія» въ этой области. Значительными діалектическими различіями несомнѣнно объясняется многое изъ варіирующихъ подробностей; во всякомъ случаѣ не нужно приписывать всѣхъ несогласій неправильному пониманію или недоста-

---

[1]) Упомянутаго Педерсеномъ для этого слова тоннаго движенія я (случайно?) не слыхалъ.

точной способности наблюдать (ср. напр. различіе «сербскихъ» и «хорватскихъ» примѣровъ одного и того же типа по Мазингу, Сторму, и т. д.). Далѣе, родъ матеріала и рамка изслѣдованій могутъ объяснять то конкретныя различія то разныя заключенія. И тѣ изслѣдованія, о которыхъ нужно предположить, что они надежнѣе всѣхъ, измѣренія бѣлградскаго произношенія помощью самопишущихъ приборовъ, предпринятыя Готьо («Études и т. д.», Mém. Soc. Ling. 1900, 336 сл.), страдаютъ принципіальными недостатками, которые указаны выше въ **231**, причемъ изъ нихъ выведены заключенія, которыхъ нельзя оставить безъ критики (ср. тамъ же).

Однако, при всѣхъ несогласіяхъ остается, какъ между нарѣчіями такъ и между результатами наблюдателей, крупное, легко узнаваемое соотвѣтствіе. Остается въ силѣ давно установленный фактъ, что въ этихъ мѣстностяхъ, собирая всѣ нарѣчія и говоры подъ общую точку зрѣнія, можно наблюдать традиціонно различаемые долгіе ударяемые слоги съ восходящей и съ нисходящей интонаціей, краткіе (или полудолгіе) слоги съ восходящей интонаціей, краткіе слоги съ болѣе энергичной («рѣзкой») экспираторной силой и сопровождающимъ ее относительно высокимъ тономъ, движеніе котораго внутри краткаго гласнаго слабо или же мало замѣтно, — а можетъ быть еще и другія видоизмѣненія.

Упомянутые четыре типа «ударенія», извѣстныя Вуковы ´, ˆ, `, ˵, мнѣ лично извѣстны по произношенію разныхъ мѣстностей т. н. штокавскаго сербскаго нарѣчія, м. пр. по произношенію герцеговинскому, которое позволительно считать типичнымъ и положить въ основаніе выводовъ настоящаго очерка. О сопровождающемъ интонацію экспираторномъ движеніи мы высказались въ **231** и **232**, приближаясь вообще къ найденному Готьо результату, однако съ тѣмъ, что двуглавость типа ˆ я считаю не постояннымъ, а лишь случайнымъ его свойствомъ. Сопоставляя эти выводы съ выше сказаннымъ объ интонаціи, мы доходимъ до результата, что внутри ударяемаго слога экспираторное усиленіе и тонное повышеніе идутъ вообще въ этой области параллельно.

Объемъ этого движенія можетъ варіировать значительно; абсолютнымъ остается лишь направленіе движенія (восходящее, нисходящее и т. д., ср. выше). Но, къ выставленному, напр., у Готьо результату объ интонаціонной сторонѣ слѣдуетъ добавить, какъ существенный моментъ, то, на что указалъ Мазингъ въ іслѣдованіи «Die Hauptformen», и что подтвердилъ Ковачевичъ въ своей критикѣ разныхъ выводовъ этого изслѣдованія (Арх. III, 685 сл.): высшій уровень тона, достигнутый въ концѣ главноударяемаго слога подъ восходящими удареніями (´ и `), въ извѣстныхъ мнѣ ідіомахъ обыкно-

венно продолжается и въ слѣдующемъ слогѣ (цѣликомъ или въ первой его части); эта сторона часто помогаетъ непривыкшему слуху въ опредѣленіи рода акцента. Возможная связь распространенія высокаго тона съ распространеніемъ также экспираторной волны черезъ границу «ударяемаго» слога напрашивается сама собой, если сообразиться съ замѣтками въ **245**.

И насчетъ ̏ слѣдуетъ, для характеристики природы обозначаемаго имъ ударенія, принимать во вниманіе слогъ, слѣдующій за главноударяемымъ, чего мы коснулись въ концѣ **245**: послѣ сильной экспираціи и высшаго тона, свойственныхъ слогу подъ ̏, слѣдуетъ слогъ, обыкновенно рѣшительно низкотонный (очень часто съ безголоснымъ гласнымъ: ȍkọ; ср. ниже **254**).

Какъ видно, при изслѣдованіяхъ объ интонаціи сербско-хорватскихъ музыкальныхъ удареній вообще не слѣдуетъ ограничиваться однимъ «ударяемымъ» слогомъ; задача сама собой расширяется, втягивая въ кругъ наблюденій и разсужденій интонацію слова.

252. Для словенскаго языка самое сознаніе существованія традиціонныхъ интонацій ударяемыхъ слоговъ доступно отчасти лишь очень хорошему слуху. Поэтому мнѣнія о характерѣ словенскихъ удареній до самаго недавняго времени сильно расходились — ср. у Брандта, Начертаніе, стр. 85 сл. Еще въ 1885 Штрекель, въ методологически отличной работѣ въ «Люблянскомъ Звонѣ» прямо оспаривалъ существованіе традиціонныхъ интонацій, и боролся противъ несомнѣнно правильныхъ наблюденій Шкрабца и Валявца; тѣмъ понятнѣе становится, если постороннему слуху трудно уловить и выяснить эту сторону словенской рѣчи. Трудность мнѣ извѣстна по личному опыту. Въ Люблянѣ лишь явленія у иныхъ до того стерты, что лишь въ отдѣльныхъ параллельныхъ формахъ (напр., pȇt пять: pét пѣть, vrȃt: vrát) при внимательномъ прислушиваніи является вопросъ, не существуютъ ли хоть остатки различныхъ интонацій въ долгихъ слогахъ. У другихъ, однако, эти явленія выступаютъ гораздо замѣтнѣе и позволяютъ развѣдать цѣлую систему. О вѣроятно значительныхъ различіяхъ по говорамъ мнѣ недостаетъ матеріала чтобы судить; слѣдующіе итоги моихъ наблюденій относятся лишь къ люблянскому произношенію.

Мы уже раньше касались трехъ словенскихъ акцентовъ, обозначаемыхъ теперь въ научной литературѣ ̀, ́ и ̑. Нужно различать для ихъ правильной оцѣнки три момента: количественный, экспираторный и интонаціонный. ̀ обозначаетъ ударяемый слогъ краткій (объ извѣстномъ слабомъ удлиненіи ср. **233**), ̑ и ́ долгій. Экспираторное движеніе ̑ — убавляющееся (нерѣдко двуглавое, ср. **231**), а такъ надо вообще характеризовать и экспираторное движеніе въ краткомъ ̀; движеніе же ́ — болѣе или менѣе возрастающее (о

встрѣчающейся двуглавости ср. **231**); что такое распредѣленіе экспираторнаго давленія склоняетъ слухъ къ тому, чтобы считать слогъ подъ ˊ болѣе долгимъ чѣмъ слогъ подъ ˆ, отмѣчено выше въ **233**[1]). Наконецъ, въ интонаціи замѣчается, при отчетливомъ произношеніи отдѣльнаго слова, несомнѣнный общій параллелизмъ съ движеніемъ экспираціи (не считаясь съ случайной двуглавостью): акцентамъ ˋ и ˆ свойственъ тонъ нисходящій, акценту ˊ тонъ восходящій. Типы ˆ и ˊ можно, такимъ образомъ, при отчетливо развитомъ произношеніи, вполнѣ параллелизировать съ сербскими ˆ и ˊ (ср. введеніе словаря Плетершника, стр. IX), — только что словенскія видоизмѣненія, по причинѣ вообще меньшаго объема ихъ интонаціоннаго движенія, не отражаются такъ ярко.

Въ обыкновенной, болѣе быстрой рѣчи интонаціонное движеніе сглаживается еще больше. Особенно склонно терять тонное движеніе повидимому удареніе ˊ, переходящее весьма часто вмѣсто восходящаго въ приблизительно ровный тонъ; но и ˆ теряетъ часто долю тоннаго движенія, а именно послѣдняя, низкая часть его интонаціи склонна исчезать.

Но этимъ образомъ развивается извѣстная интонаціонная противоположность новаго рода для долгихъ слоговъ: послѣ потери нисходящаго — восходящаго движенія сохраняется еще, болѣе или менѣе замѣтно, для ˆ тотъ относительно высокій уровень тона, а для ˊ тотъ относительно нѣсколько низшій уровень тона, которые свойственны, при типичномъ развитіи, собственно лишь начальной части того и другого ударенія. Этотъ контрастъ помогаетъ по моему опыту, при нѣкоторомъ упражненіи, различать ˊ и ˆ еще и тамъ, гдѣ первоначальное интонаціонное движеніе уже потеряно: и то и другое удареніе повышаетъ вообще ударяемый слогъ надъ уровень неударяемыхъ, но ˊ меньше, ˆ больше[2]).

Насколько музыкальное движеніе еще сохраняется, оно обнимаетъ не только слоговой звукъ слога; въ примѣрѣ какъ ǽŋga (ǽdn̥, Плет. éden, одинъ) тонъ повышается еще и въ ŋ, въ словахъ какъ напр. наст. mekêtâm понижается еще въ m. Что же касается сосѣднихъ слоговъ, то я для послѣдую-

---

[1]) Типъ ˆ, особенно въ открытомъ концѣ слова, напр. solî, гдѣ гласный, какъ извѣстно, легко сокращается, можетъ иногда приблизительно совпадать съ ˋ, насколько этотъ типъ получаетъ нисходящую интонацію.

[2]) Что по одному изъ моихъ источниковъ отмѣчена нерѣдко склонность придавать ˆ тонъ надъ уровнемъ, а ˊ тонъ подъ уровнемъ неударяемыхъ слоговъ (ˆ : ··¯···· ; ˊ : ··_··), приписываю пока индивидуальному свойству и, можетъ быть, даже желанію облегчить наблюдателю различеніе типовъ.

щаго за ударяемымъ не нашелъ опредѣленнаго интонаціоннаго отношенія къ слогу ударяемому, вродѣ существующаго въ сербско-хорватскомъ языкѣ: послѣ ′ отмѣченъ, правда, нерѣдко высшій уровень тона для слѣдующаго слога, напр. íloụca (Плет. íloviса): ⁻⁻.....⁻_ .: но въ другихъ случаяхъ за то пониженный уровень, напр. íγra, íkra: ⁻⁻—, oženen (se žaent, жениться): ..._⁻⁻..._..., lepóta и под. (Плет. lepóta): ..._⁻⁻..._.., mátere, dvánaest: ⁻⁻._._.; послѣ ^ отношеніе дается само собой, напр. nalôγa (Плет. nalộga): _⁻⁻⁻_... [1]). Музыкальное уподобленіе, въ видѣ повышеннаго уровня тона въ слогѣ непосредственно передъ ^, представляетъ собой повидимому довольно обычное явленіе: при указанной выше интонаціонной формѣ nalôγa, я чаще отмѣчалъ ⁻⁻....⁻⁻._.. ; въ словахъ какъ drvô, drvêsa (при —⁻⁻) ——, ⁻ ⁻⁻ —, и т. д. Мнѣ кажется, что эта проблема заслуживаетъ дальнѣйшихъ наблюденій.

Интонація предложеній.

253. О скромномъ объемѣ той задачи, которую я поставилъ себѣ, собирая матеріалъ по славянской интонаціи предложеній, достаточно указать на замѣтки выше въ **246**.

254. Фактъ существованія въ извѣстныхъ славянскихъ языкахъ традиціонныхъ интонацій слоговъ (словъ), въ качествѣ составной части акцентныхъ ихъ свойствъ, выставляетъ въ первый рядъ принципіальный вопросъ объ отношеніи этихъ интонацій къ мѣняющимся видамъ интонацій предложеній. Освѣщенія этой проблемы нужно для славянской рѣчи искать прежде всего въ сербско-хорватскомъ языкѣ.

Наблюденія по мостарскому произношенію показываютъ, что подчиненныя, слоговыя интонаціи и тамъ, гдѣ остаются относительно довольно неизмѣненными отъ положенія въ отдѣльномъ словѣ, не мѣшаютъ интонаціоннымъ движеніямъ высшей единицы, предложенія. Можно разобрать это изъ обыкновенныхъ кадансовъ рѣчи (и чтенія) въ разсказѣ, совпадающихъ принципіально съ тѣмъ, что увидимъ относительно прочихъ славянскихъ языковъ (и что знаемъ, конечно, изъ большинства европейскихъ языковъ): неоконченная интонація (напр., передъ «запятою») отражается вообще въ повышеніи, оконченная (напр., передъ «точкой») въ пониженіи уровня тона къ концу предло-

[1]) Отмѣченные интервалы, вообще совсѣмъ маленькіе, не считаю нужнымъ приводить.

женія. Въ предложеніяхъ «vidio sam put.» и «vidio sam put, ale nisam pošao (pošo).» получаемъ приблизительно такія интонаціонныя картины:

..—.—.—. —........ .—.—.—. — ..—.—.—. —.— — .—...

vi-di-o sam put. vi-di-o sam put, a-le ni-sam po-šo.

Въ первомъ случаѣ «pût» понижается подъ средній тонный уровень прочихъ частей предложенія[1]), во второмъ повышается надъ него; но и въ томъ и въ другомъ свойственная слогу нисходящая интонація сохраняется. Приведемъ, для типа ̏, предложенія «on ima ćoravo oko.» и «on ima ćoravo oko, a ipak dobro vidi.», отмѣченныя приблизительно въ такомъ интонаціонномъ видѣ:

— — —
.—..— .....—...—......

on i - ma ćo - ra - vo o - ko̥.

— ...
..—.—. — ..—.—..—.........—.—. — ..—.. —..—.....[2])

on i-ma ćo-ra-vo o-ko̥, a i-pak do-bro vi-di̥.

Какъ видно, интонація внутри слова ̏oko идетъ въ этихъ примѣрахъ параллельно; съ сильнымъ пониженіемъ экспираторной силы и тона во второмъ слогѣ стоитъ въ связи потеря голоса въ томъ и въ другомъ случаѣ, независимо отъ различнаго положенія по отношенію къ среднему тонному уровню всего выраженія.

Второе предложеніе послѣдняго изреченія показываетъ между тѣмъ въ слогѣ do[bro], что интонація каданса можетъ стереть частичныя интонаціонныя движенія: do- можетъ терять свойственное ему по интонаціи слова общее повышеніе, и въ такихъ случаяхъ слухъ часто не въ состояніи далѣе рѣшить, идетъ ли тонъ краткаго слова вверхъ или внизъ. Сохраненіе или потеря частичной интонаціи связаны — съ одной стороны со степенью логическаго выдвиженія даннаго слова, — съ другой стороны повидимому и со склонностью сосредоточивать интонаціонный характеръ предложенія около его конца. Характеристическая музыкальная отдѣлка этого конца или какой нибудь логически выступающей части (особенно, конечно, психическаго сказуемаго), въ то время какъ прочія, связочныя

---

[1]) Этотъ уровень склоняется въ разсказочномъ (не вопросительномъ) выраженіи къ общему пониженію, такъ что въ сущности было бы правильнѣе пользоваться наклонной линіей; но часто это пониженіе такъ слабо, что на практикѣ лучше передать средній уровень, какъ здѣсь, горизонтальной линіей.

[2]) Въ первомъ случаѣ отъ -vo do ̏o- отмѣчена малая терція, во второмъ квинта.

части предложенія сливаются въ болѣе или менѣе однообразную тонную линію, представляетъ собой вообще явленіе, для котораго и въ другихъ славянскихъ языкахъ найдемъ достаточное освѣщеніе.

255. Оставаясь на почвѣ сербскаго языка (Мостаръ) прибавимъ еще пару примѣровъ для освѣщенія элементарныхъ линій въ его интонаціяхъ предложеній. Сравненіе «došao je» (обыкновенно «došo je») въ разсказывающемъ и въ вопросительномъ видахъ:

do - šo je. или do - šo je.[1] do - šo je?[2]

показываетъ, что не нужно, чтобы вопросительная, восходящая интонація продолжалась до самаго конца предложенія; послѣдняя часть напротивъ идетъ опять внизъ. Ср. въ выраженіи какъ (напр., у сапожника) «je li gotovo?» (уд. gȍ-): въ спокойномъ вопросѣ отмѣчено

je li go - to - vo?[3];

въ досадномъ, грозящемъ вопросѣ[4]: линія направленія, какъ мы видимъ, вообще тождественна, въ томъ какъ и въ другомъ случаѣ она склоняется въ послѣднихъ, неударяемыхъ слогахъ внизъ; грозящій смыслъ сказывается въ бо́льшихъ интервалахъ и свойственной всему выраженію этого рода сильнѣйшей экспираціи («большей силы»).

256. Къ вопросу объ отношеніи традиціонной интонаціи меньшей единицы (слога, слова) къ интонаціи предложенія вернемся по неволѣ, переходя къ словенскому языку. Можно въ немъ указать явленія, параллельныя съ приведенными въ **254** изъ сербскаго языка, но кромѣ того и явленія другого направленія. Такъ, при утвердительномъ

to je mo-drost.[5]

---

[1]) Обыкновенно маленькій интервалъ, отъ полутона до секунды.

[2]) Отмѣчена отъ do- до -šo квинта, отъ -šo до je обыкн. малая терція; въ изумленномъ вопросѣ интервалъ do- до -šo увеличивается.

[3]) Отъ je li до go- секунда или малая терція; въ go- слабое повышеніе; -tovo на полутонѣ до секунды ниже чѣмъ je li; но эти величины не абсолютныя!

[4]) Отъ li до go- обыкновенно кварта; повышеніе внутри go- выступаетъ ясно, на полутонъ или секунду.

[5]) При главномъ вѣсѣ въ слогѣ -ôst; ^ въ tô выступаетъ слабо или вовсе не замѣтно; ср. съ этимъ tô слѣдующаго, вопросительнаго выраженія.

отмѣчено мною вопросительное

a je to mo-drôst?

т. е., съ ясно восходящей интонаціей въ -drôst, такъ что «падающій» характеръ этого слога подъ ^ сохраняется лишь въ убавляющейся силѣ его экспираціи. Необходимая для вопроса интонація въ концѣ выраженія здѣсь, такимъ образомъ, беретъ верхъ надъ традиціонной слоговой интонаціей.

Подобное отношеніе отмѣчено, напр., въ собственномъ имени Tône, Антонъ, въ качествѣ психическаго сказуемаго вопроса «al je Tone?»:

al je To-ne?

Такіе примѣры, хотя бы и не оказались общимъ правиломъ, ведутъ къ вопросу, считать ли въ долгихъ удареніяхъ нынѣшняго словенскаго произношенія (Любляны) музыкальный или экспираторный моментъ преимущественнымъ ихъ свойствомъ[1]).

257. Объ интонаціи долгихъ словенскихъ удареній сказано въ **252**, что въ болѣе быстромъ произношеніи движеніе тона внутри слога легко исчезаетъ: остается лишь извѣстная разница относительной высоты: въ Tône тонъ гласнаго о повышается выше надъ уровень -ne, чѣмъ въ tóne (тонетъ). Опредѣленныхъ интерваловъ для такого контраста я не нашелъ, можно выразить его лишь относительнымъ обозначеніемъ, напр. ‾‾ — (^) : ‾‾ — (′). Въ слабо ударяемомъ положеніи и въ связи съ упоминаемыми въ концѣ **252** интонаціонными уподобленіями, разстоянія между слогами могутъ уменьшаться до минимума; особенно легко, повидимому, слогъ подъ ′ сливается по тону со слѣдующимъ неударяемымъ слогомъ, а подъ вліяніемъ интонаціи предложенія получаетъ даже на мѣстѣ «высокаго» тона — тонъ «низкій», подъ уровнемъ сосѣдняго неударяемаго.

Какое нибудь «Tône tóne» (Антонъ тонетъ) въ равнодушномъ разсказѣ получаетъ, кажется, чаще всего интонаціонный видъ ‾‾ ‾ ___ _; ô въ Tône можетъ сохранить слабо нисходящее движеніе, но обыкновеннѣе и это

---

[1]) Объ удареніи ` нужно сказать, что въ немъ интонація представляетъ моментъ вполнѣ вторичный, а экспираторная (падающая) сторона его принципіальное качество. Въ отдѣльномъ слогѣ или концѣ утвердительнаго предложенія тонъ ` вообще падаетъ. Но поставляя напр. dȁt (ср. Плет. dáti) въ качествѣ психическаго сказуемаго въ конецъ вопроса («al prȁwеš dȁt», ali praviš dati, «или говоришь дать?»), получаемъ въ немъ явственно восходящій тонъ.

исчезаетъ. Если въ «Tône tóne» первое слово нѣсколько выдвигается, въ качествѣ психическаго сказуемаго, и предложеніе становится вообще живѣе, то слышится чаще интонація ‾‾ — —— _ [1]) или —— — ___ _; послѣдній видъ, съ пониженіемъ ударяемаго слога послѣдняго слова подъ уровень самаго окончанія предложенія, обозначаетъ повидимому вообще болѣе рѣшительное подтвержденіе: такъ и, напр., слово «mátere» (род. пад., матери) въ отвѣтѣ интонируетъ то —— _ _ (болѣе равнодушно), то ___ ‾ ‾ (рѣшительно подтверждающе).

Въ видѣ вопроса, два приведенныхъ слова «tone» («tóne?» тонетъ ли, и «Tône?» Антонъ?) въ обыденной быстрой рѣчи могутъ, подъ вліяніемъ интонаціи предложенія, прямо совпадать въ видъ ___ ‾?: лишь при отчетливомъ произношеніи проявляется интонаціонная разница ó — восходящаго и ô — нисходящаго.

Вопросительная интонація характеризуется, по приведеннымъ примѣрамъ, восходящимъ движеніемъ тоннаго уровня въ самомъ концѣ предложенія. Такое восходящее движеніе можетъ помѣщаться также въ одномъ слогѣ; напр., «ti si bosa, kaj?» отмѣчено въ формѣ:

ti-z bó - sa, káį? [2]);

здѣсь «kaj» повторяетъ, въ рамкѣ одного слога, характерное вопросительное движеніе интонаціи: параллели найдемъ дальше, напр. въ чешскомъ языкѣ.

Но восходящее движеніе интонаціи къ концу вопроса можетъ раздѣлиться и на бо̀льшую часть предложенія. Напр., въ выраженіи «za kaj grmiš» (удареніе: zà, káj, grmíš; «отчего ругаешься?») отмѣчена интонація

zе kaį gr̥ - míš! (или даже zе kеį gr̥míš, ср. 106),

— интонація, скользящая съ ровными интервалами [3]) съ начала до конца

---

[1]) Между to- и -ne отмѣчена въ обоихъ словахъ обыкновенно малая терція; нисходящее движеніе интонаціи tô- чаще исчезаетъ.

[2]) Отъ ti до bó- отмѣчена кварта, отъ bó- (съ ровнымъ или слабо восходящимъ тономъ) до -sa квинта; внутри kai прибл. кварта. При досадномъ настроеніи интервалы и энергія могутъ увеличиваться; но главная линія направленія сохраняется въ приведенномъ видѣ.

[3]) На терцію или кварту.

предложенія; kaj̯ тогда редуцируется до полудолготы или краткости. Ср. съ этимъ выраженіе какъ «a velja veliko?» (а сто́итъ дорого?):

a ve - lâ ve - li̍k?

гдѣ логическая конфигурація сохраняетъ полудолготу въ «а», полную долготу въ -lâ и -li̍k, между тѣмъ какъ частичныя музыкальныя отношенія въ связи изреченія затемняются и всѣ слоги кромѣ -li̍k лежатъ на одномъ и томъ же низкомъ уровнѣ.

Если психическое сказуемое, въ видѣ ударяемаго вопросительнаго слова, стоитъ въ первой части предложенія, то интонаціонное отношеніе принимаетъ обратный видъ; ср. «za kaj grmiš» (отчего ругаешь) въ видѣ — — — — : тогда -mi̍š не удлиняется столь сильно и понижается въ низкій, почти неподвижный уровень. И этотъ примѣръ подтверждаетъ, такимъ образомъ, что какъ долгота, такъ и интонація могутъ, внутри одной и той же интонаціонной рамки, сильно колебаться въ зависимости отъ логической конфигураціи предложенія.

258. Переходя къ языкамъ безъ явственной традиціонной интонаціи слога или слова, я насчетъ интонаціи предложенія въ великорусскомъ языкѣ долженъ довольствоваться указаніемъ на Богородицкаго (Очерки стр. 202) и Томсона (Общ. Яз. стр. 224—25; ср. объ «удареніи предложенія» тамъ же стр. 305); матеріалъ и заключенія, кстати, такъ скудны, что даже элементарныя линіи нуждаются въ дальнѣйшемъ освѣщеніи. Извѣстныя заключенія можно вывести изъ матеріала Финка. — Изъ образованной малорусской рѣчи, по которой лично собранный мною матеріалъ также слишкомъ скуденъ для дальнѣйшихъ обобщеній, приведемъ для освѣщенія вопросительной интонаціи, напр., спокойный вопросъ «чи робота готова?». Отмѣчены видоизмѣненія

чи ро - бо - та го - то - ва? [1]) и чи ро - бо - та го - то - ва? [2])

Общимъ остается то, что вопросительное, восходящее движеніе сосредоточивается въ послѣднемъ, неударяемомъ слогѣ, между тѣмъ какъ (экспираторно)

---

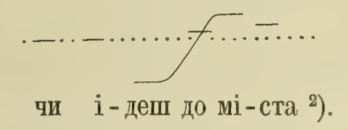
[1]) Отъ ро- до -бо- полноты или секунда; отъ го- черезъ восходящее -то- до -ва прибл. терція.

[2]) Съ разстояніемъ, напр., квинты до сексты отъ -то- до -ва.

ударяемый слогъ психическаго сказуемаго лежитъ ниже, иногда даже подъ среднимъ уровнемъ прочей части предложенія. Съ этимъ согласуется, напр., «чи ідеш до міста?»:

чи і-деш до мі-ста? [1]);

если же въ томъ же сочетаніи психическимъ сказуемымъ представляется ідеш, то интонація отмѣчена въ такомъ видѣ:



чи і-деш до мі-ста [2]).

Вниманіе привлекаетъ здѣсь, какъ и выше, низкій тонъ экспираторно сильнѣйшаго слога психическаго сказуемаго: вопросительное движеніе интонаціи предложенія не привязывается обязательно къ этому слогу, оно можетъ проявляться также послѣ этого слога. Какъ видно далѣе изъ послѣдняго примѣра, не нужно, чтобы это восходящее движеніе интонаціи продолжалось до конца предложенія; особенно ясно это отражается въ вопросѣ досаднаго и грозящаго характера, напр.

Но, чи ро-бо-та го-то-ва?! [3]).

Мой матеріалъ (по Зилиньскому) не позволяетъ дѣлать дальнѣйшія заключенія; подробности того немногаго, что удалось мнѣ собрать, обнаруживаютъ сильныя колебанія.

259. Простое, краткое предложеніе повѣствовательнаго характера въ болгарскомъ языкѣ, какъ кажется, обыкновенно выдвигаетъ ударяемый слогъ психическаго сказуемаго повышеніемъ его тона, оставляя прочіе слоги изреченія, также носителей ударенія слова, на довольно ровномъ, болѣе низкомъ уровнѣ, или на линіи, скользящей къ такому уровню; ср. примѣры вродѣ

---

[1]) Отъ мі- до -ста около сексты; первая часть вопроса можетъ падать отъ слога въ слогъ, или же только при мі-.

[2]) Отъ -деш до мі- около сексты.

[3]) Слово «но» падаетъ на варіирующій интервалъ, до квинты; слогъ -бо- лежитъ то на уровнѣ слога ро-, то прибл. на секунду выше его; все движеніе отъ ро- до -тò- прибл. квинта или секста, -ва прибл. на секунду ниже -то-.

то-ва е мно-го. то-ва е мал-ко. то-ва е твър-дѣ мно-го.

вън-ка е ху-ба-во. то-вá нé е та-ка.

Вопросъ простой формы можетъ имѣть очень подобную интонаціонную фигуру; напр.,

го-тó-во ли е? [1]);

такая линія интонаціи отмѣчена какъ при спокойномъ, такъ и при сердитомъ вопросѣ, только что въ послѣднемъ случаѣ ускоряется темпъ и усиливается экспирація, отдавая такимъ путемъ болѣе грозное выраженіе.

Но только что приведенный примѣръ показываетъ — вѣроятно въ связи съ бо̀льшими интервалами вопроса — что интонація вопросительнаго предложенія легче развиваетъ скользящую, наклонную линію, съ приблизительно ровнымъ разстояніемъ отъ слога до слога, независимо отъ того, гдѣ расположено удареніе отдѣльнаго слова. Такъ являются конфигураціи вродѣ:

не - гóвъ ли е то - зи конь?

а при удареніи «нéговъ»:

нé-говъ ли е то - зи конь?

ср.

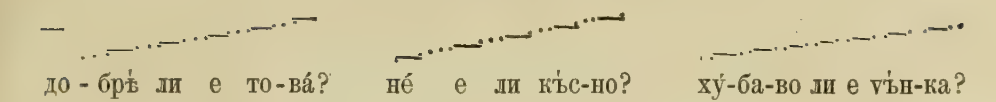
кóл-ко е то - вá?

Предложеніе представляетъ здѣсь ровное, постепенное паденіе отъ ударяемаго слога психическаго сказуемаго.

А такъ какъ ничто не мѣшаетъ выдвиженію этого же слога и помощью музыкальнаго пониженія, то встрѣчаются и наклонныя линіи обратнаго направленія, снизу вверхъ:

---

[1]) Отъ го- до -тó- обыкновенно около квинты или сексты?



до-брѣ́ ли е то-вá? нé е ли кѣс-но? хѹ́-ба-во ли е ѵѣ́н-ка?

Однако, такія скользящія линіи нельзя считать постоянной, неотступной нормой; въ выше упомянутомъ примѣрѣ «готово ли е?», кромѣ приведенной тамъ интонаціи, отмѣчено также

го-тó-во ли е?

гдѣ слогъ послѣ высокотоннаго -тó- остается на его уровнѣ; ср. примѣръ какъ

въз-мóж-но ли é?

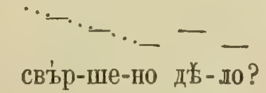
гдѣ высокотонный уровень держится еще дальше [1]). А въ примѣрѣ какъ

то-зи конь нé-говъ ли е? (психическое сказуемое — нéговъ), всѣ последніе слоги предложенія отмѣчены на той же самой высотѣ, на кварту до квинты надъ предшествующей частью вопроса, отмѣченной въ ровной или слабо наклонной линіи.

Ударяемый слогъ психическаго сказуемаго можно, такимъ образомъ, въ вопросительномъ предложеніи выдвигать, какъ помощью высокаго, такъ и помощью низкаго тона. Можно пользоваться и тѣмъ и другимъ способомъ для одного и того же вопроса. Напр., «гóзи пърстéнъ нéинъ ли е?», я отмѣтилъ въ видахъ

подобно, «кáкъ е възмóжно товá?» въ видахъ

Можетъ быть, что такая разница отражаетъ иногда разныя настроенія; ср. спокойное



свър-ше-но дѣ-ло?

---

[1]) Отъ въз- до -мóж- квинта; отъ ли до е секунда.

при досадномъ

_ ‾ ‾ ‾ ‾

свѣр-ше-но дѣ-ло?

но это вовсе не постоянное правило; въ выше приведенныхъ примѣрахъ я не нашелъ такого контраста въ значеніи.

Возможность пользоваться для выдвиженія ударяемаго слога психическаго сказуемаго какъ возвышеніемъ, такъ и пониженіемъ тона можно сравнить съ явленіями, указанными изъ малорусскаго яз. (**258**). Особый для вопроса высшій тонъ можно, такимъ образомъ, въ психическомъ сказуемомъ комбинировать прямо съ обыкновеннымъ для интонаціи слова повышеніемъ ударяемаго слога (ср. **247—48**); или же онъ идетъ въ разрѣзъ съ этой интонаціей: ударяемому слогу дается напротивъ тонъ низкій, а нужное для вопросительнаго смысла высшее положеніе тона выступаетъ лишь въ послѣдующихъ неударяемыхъ слогахъ (словахъ).

Подобныя интонаціонныя движенія могутъ отражаться и въ отдѣльномъ слогѣ. Такъ, спокойно вопросительное «що» отмѣчено ⌒, съ пониженіемъ на полноты до ноты; въ суровомъ выраженіи отмѣчено то же самое движеніе, только что весь уровень слова — выше, а слогъ при этомъ выговаривается особенно кратко и съ сильной экспираціей. Въ вопросѣ удивленномъ отмѣчено, напротивъ, «що» (śto) со слабо восходящей интонаціей.

260. Повышеніе ударяемаго слога, свойственное чаще всего интонаціи отдѣльнаго слова, въ польскомъ языкѣ даетъ себя сильно чувствовать и въ интонаціи каданса школьнаго чтенія, принимающаго здѣсь, по наблюденіямъ въ Краковѣ, въ разсказочномъ стилѣ вообще очень схематическую форму: въ простомъ предложеніи всѣ ударяемые слоги отдѣльныхъ словъ повышаются, лишь послѣдній ударяемый понижается; такое предложеніе часто двигается просто на двухъ опредѣленныхъ тонахъ, со схемой интонаціи: _ ˈ‾ _ ˈ‾ _ ˈ‾ _ ˈ‾ _ ˈ_ _ [1]). Въ неоконченномъ предложеніи (напр., передъ запятой) это отношеніе мѣняется лишь для ударяемаго слога послѣдняго слова (со слѣдующимъ неударяемымъ слогомъ); схема періода изъ двухъ предложеній, раздѣленныхъ запятой, будетъ такая:

ˈ‾ _ ˈ‾ _ ˈ‾ _ ˈ‾ =, ˈ‾ _ ˈ‾ _ ˈ‾ _ ˈ_ _ .

Однако, передъ паузой неокончательной (напр., запятою) не трудно найти,

---

[1]) Конечно, между ударяемыми слогами можно представить себѣ и больше одного неударяемаго, низкотоннаго.

даже въ схематическомъ чтеніи, интонаціонную варіацію, состоящую въ томъ, что послѣдній (экспираторно) ударяемый слогъ понижается, въ различной степени:

| _ | _ | _ | _/ , | _ | _ | _ .

или даже

| _ | _ | _ | _ , | _ | _ ` _ .

Главный моментъ для достиженія неоконченной интонаціи состоитъ, такимъ образомъ, очевидно въ томъ, чтобы послѣдній слогъ всего предложенія, самый конецъ интонаціонной линіи, лежалъ въ — абсолютно или относительно — высшемъ тонномъ положеніи.

Несомнѣнно, развитіе такого рода кадансовъ, въ ихъ сильной и отчасти врядъ ли удачной схематичности [1]), происходитъ подъ вліяніемъ преподаванія; однако, оно согласуется понятно и съ извѣстными законами языка. Послѣднее происходитъ прямо изъ сопоставленія вопроса (интонаціи неоконченной) съ подтвержденіемъ (интонаціей оконченной). Напр., спокойный вопросъ «czy robota gotowa?» отмѣченъ съ интонаціями

czy ro-bo-ta go-to-wa? или czy ro-bo-ta go-to-wa? [2])

— гдѣ интонація характеризуется именно восходящимъ движеніемъ въ психическомъ сказуемомъ при концѣ выраженія; а подтверждающій отвѣтъ «tak jest, gotowa» отмѣченъ въ фигурѣ tak jest. go-to-wa. [3]) — гдѣ каждое предложеніе изреченія представляетъ, какъ видно, самостоятельное подтвержденіе, то и другое съ интонаціей оконченной; ср. при болѣе рѣшительномъ, нѣсколько сердитомъ, отказывающемъ отвѣтѣ «naturalnie jest gotowa»:

na-tu-ral-nie jest go-to-wa. (или -to-wā [4]).

---

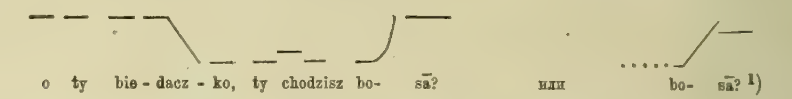
[1]) Что схематическіе кадансы искажаютъ интонацію естественной рѣчи даже для отдѣльнаго слова, вытекаетъ уже изъ упомянутыхъ выше въ **249** явленій.

[2]) Отъ -bo- до -ta малая терція; отъ -to- до -wa прибл. квинта.

[3]) Между высокимъ и низкимъ уровнемъ прибл. кварта до квинты.

[4]) Отъ -ral- до -nie отмѣчена секста; go- лишь незначительно подъ jest, -to- на терцію ниже go-, -wa или на уровнѣ -to- или на секунду выше и удлиненное, по **225**. Однако, эти величины вовсе не абсолютны, а могутъ напротивъ варіировать сильно.

Характерное для вопросительной интонаціи движеніе вверхъ, вмѣсто движенія отъ одного слога до слѣдующаго (ср. выше), можетъ проявляться и внутри ударяемаго слога психическаго сказуемаго; ср. въ концѣ сожалѣющаго вопроса



Такое помѣщеніе вопросительнаго повышенія внутри одного слога слѣдуетъ само собой тамъ, гдѣ число слоговъ не допускаетъ раздѣленія. Напр., въ «co?» тонъ, при спокойномъ вопросѣ, идетъ вверхъ на $1/2$ до 1 ноты. При удивленномъ «co?» ( ) гласный удлиняется, съ восходящимъ тоннымъ движеніемъ приблизительно на квинту; это движеніе идетъ по моимъ отмѣткамъ безпрерывно, между тѣмъ какъ экспираторная сила медленно убавляется. А при вопросѣ сердитомъ можно слышать тонное и экспираторное движеніе прерывистое, двуглавое: «co-o?»[2]) — кромѣ того, впрочемъ, также (напр., отъ лица, которому мѣшаютъ въ работѣ) «co?», съ краткимъ, слабо восходящимъ гласнымъ, какъ мы отмѣтили выше для вопроса спокойнаго, лишь что весь уровень интонаціи лежитъ значительно выше и такимъ образомъ отражаетъ досадное настроеніе. Обратное тонное движеніе, напр., равнодушное, полуотказывающее «ta co» или «ta co» и сердито отказывающее «ta co»[3]), врядъ ли принадлежитъ къ собственно вопросительной интонаціи; ср. когда при «bo to nic?» отмѣчена — какъ, быть можетъ, даже болѣе естественная интонація — фигура «bo to nic?» («es macht nichts», см. напр. у Конопницкой, Wybór, стр. 327).

— Не нужно добавлять, что интонаціонныя отношенія конечно осложняются, когда психическое сказуемое стоитъ на другомъ мѣстѣ, чѣмъ въ

[1]) Въ сильно удлиненномъ -dacz- около терціи внизъ, въ bo-, удлиненномъ, но не столь сильно, до квинты вверхъ; потомъ высота можетъ держаться, или же тонъ опускается немного для -sa, при эмфазѣ сильно удлиненнаго (**225**), но безъ замѣтнаго движенія тона.

[2]) Отмѣчена и здѣсь квинта.

[3]) Отъ ta до начала co около кварты.

выше приведенныхъ примѣрахъ, когда выраженія становятся длиннѣе и сложнѣе, а потому нуждаются въ противоположности высокаго и низкаго тоновъ. Можно привести для освѣщенія хоть отдѣльный примѣръ какъ вопросъ

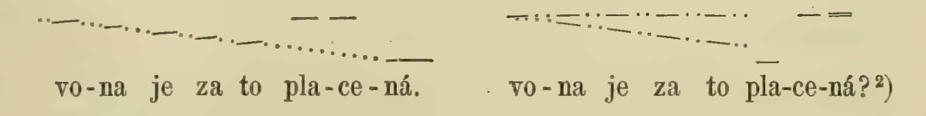
«czy ro-bo-ta go-to-wa czy nie?»[1])

Но исходной точки для изслѣдованій и такихъ болѣе сложныхъ интонаціонныхъ картинъ нужно искать вообще въ простыхъ формахъ съ ихъ варіаціями.

261. Въ чешскомъ языкѣ кадансы чтенія, относительно неоконченной и оконченной интонацій, показываютъ общезнакомыя черты: въ первой (напр., передъ запятой) тонъ идетъ вверхъ, во второй (передъ точкой) рѣшительно внизъ. Съ этимъ согласуется отношеніе вопросительной: утверждающей интонацій:

přij-de? přij-de.

Въ предложеніяхъ болѣе длинныхъ, съ психическимъ сказуемымъ въ концѣ, характерная интонація сосредоточивается около этого конца; остальная часть стремится, сглаживая вполнѣ интонацію отдѣльнаго слова, стекаться въ довольно ровную тонную линію, которая бываетъ, смотря по обстоятельствамъ, слабо нисходящей или слабо восходящей; типично обдѣланнымъ является, значитъ, преимущественно конецъ выраженія. Ср., напр., «ona je za to placená» въ разсказывающемъ и въ вопросительномъ предложеніяхъ:



vo-na je za to pla-ce-ná. vo-na je za to pla-ce-ná?[2])

[1]) Отъ ro- до -bo- отмѣчена секунда; отъ go- до -tó- обыкновенно, должно быть, секста; nie прибл. на секунду ниже начала предложенія.

[2]) Первые слоги или на одномъ уровнѣ или на слабо падающей линіи. Отъ pla- до -ce- отмѣчено до сексты, но величина интервала можетъ варіировать, смотря по настроенію — лишь чтобы -cená держалось на высшемъ уровнѣ, чѣмъ первая часть предложенія; -ná отмѣчено обыкновенно, должно быть, на полутоны или секунду ниже -ce-, а иногда и на ровномъ съ нимъ уровнѣ.

Какъ видно, въ разсказѣ логическое выдвиженіе соединяетъ въ слогѣ pla- какъ бо̀льшую экспираторную силу такъ и высшій тонъ; въ вопросѣ экспираторная сила того же слога соединяется съ низкимъ тономъ, а вопросительный характеръ интонаціи основывается на слѣдующемъ послѣ этого слога повышеніи тона.

Если психическимъ сказуемымъ того же сочетанія является vona, то картины интонаціи отмѣчены мною въ слѣдующихъ видахъ:

vo-na je za to pla-ce-ná.   vo-na je za to pla-ce-ná?

Не трудно видѣть, что музыкальная основа принципіально тождественна съ раньше приведенной: утвердительно имѣемъ высокій ударяемый слогъ со слѣдующимъ пониженіемъ, вопросительно — низкій ударяемый слогъ со слѣдующимъ повышеніемъ.

Конечно, данные примѣры нельзя считать абсолютнымъ правиломъ для всѣхъ случаевъ; ситуація и настроеніе обусловливаютъ значительныя варіаціи; достаточно привести болѣе сложную картину вродѣ

co mys-líš, je li to krás-né?[1]) —

она показываетъ въ «co», что высокій тонъ вопросительной интонаціи можетъ соединиться также прямо съ ударяемымъ слогомъ психическаго сказуемаго; ср. далѣе ниже. Но приведенные выше контрасты освѣщаютъ коренныя отношенія, встрѣчаемыя очень часто. Указанное интонаціонное отношеніе вопроса отражается при различныхъ настроеніяхъ спрашивающаго; вопросъ «je ta práce hotová?» отмѣченъ въ мягкомъ, спокойномъ настроеніи въ фигурѣ

je ta prá-ce ho-to-vá?[2])

[1]) i въ li часто редуцируется такъ сильно, что скорѣе выговаривается «je-l». Конечное -né произносится, какъ извѣстно, -nī.

[2]) Послѣдній слогъ здѣсь обыкновенно бываетъ долгимъ, въ противоположность сердитому, кратко произносимому выраженію. О постоянной склонности къ удлиненію и поющему произношенію у простого народа ср. 117, прим. У образованныхъ то грамматика, то настроеніе вліяетъ на количество послѣдняго слога.

а въ досадномъ настроеніи

je ta prá-ce ho-to-vá? или же . . . ho-to-vá?

Мы коснулись выше примѣра, гдѣ повышеніе тона, свойственное вопросительной и вообще неоконченной интонаціи, соединяется прямо съ ударяемымъ слогомъ психическаго сказуемаго. Въ иныхъ случаяхъ это, конечно, прямо необходимо, а именно при словахъ односложныхъ; ср. уровень «ty» въ

to-s u-dě-lal ty ne-bo von;

ср. далѣе высокій тонъ какъ «ty», такъ и «von» въ вопросительномъ

u-dě-lal-s to ty ne-bo von?

Однако, въ выраженіяхъ послѣдняго рода одно изъ сказуемыхъ, подъ вліяніемъ склонности къ «контрасту», легко получаетъ тонъ низкій:

u-dě-lal-s to ty ne-bo von?;

различіе отъ утвердительнаго выраженія сохраняется тогда въ томъ, что «von» не понижается столь рѣшительно, — его тонъ, низкій по отношенію къ «ty», не спускается еще до степени, требуемой для смысла утвердительнаго (оконченнаго). Приведемъ далѣе въ этой связи вопросительный примѣръ, какъ

u-dě-la-la to vo-na ne-bo vo-na?

Первое «vona» отмѣчено то съ повышеніемъ, то съ пониженіемъ. Добавимъ, что такой вопросъ повидимому заключаетъ въ себѣ предположеніе, что о третьемъ лицѣ-виновникѣ не можетъ быть рѣчи, т. е. извѣстнаго рода моментъ «оконченности»; это уже достаточно какъ указаніе, съ какими многочисленными второстепенными факторами мы должны считаться даже въ основныхъ, съ виду простыхъ интонаціонныхъ отношеніяхъ.

Вернемся, въ концѣ этого краткаго опыта, къ одному отношенію вопросительной интонаціи въ чешскомъ яз., которое представляетъ особый интересъ. При сравненіи приведенныхъ выше примѣровъ «vona je za to placená?»,

спокойнаго «je ta práce hotová?», а также второго вида этого же выраженія въ сердитомъ вопросѣ, насъ поражаетъ одна общая черта, а именно, интонація въ концѣ всѣхъ трехъ получаетъ видъ который можно передать фигурой _.·‾·— . Наблюденія показываютъ, что такой интонаціонный конецъ весьма обычный въ вопросахъ образованной чешской рѣчи. Спокойное «je vaše práce opsáná?» звучитъ, кажется, обычно

Въ строгомъ настроеніи отмѣчено

je va-še prá-ce vo-psá-ná?;

но и въ такомъ настроеніи можно, по крайней мѣрѣ у спокойнаго лица, слышать окончаніе вопроса съ типичной интонаціонной фигурой ......_ ‾‾ — . Стоимъ здѣсь очевидно передъ развитіемъ особой мелодіи предложенія. Съ рѣдкой ясностью эта уже традиціонная мелодія отражается въ вопросѣ какъ слѣдующій, сожалѣющій:

a jé, ty cho-diš bo - sa? [1]);

то движеніе, которое въ выше приведенныхъ примѣрахъ распадается на три слога (hotová), сосредоточивается здѣсь на двухъ (bosá). А если данный вопросъ расширяется: «a jé, ty chodiš bosa? jó?» [2]), — то въ послѣднемъ односложномъ словѣ отмѣчено повтореніе именно того же самаго окончанія интонаціи, какъ въ ...hotová, ...bosa, т. е. jó...., — между тѣмъ какъ jó просто утвердительное выговаривается низкотонно, со слабо падающимъ или приблизительно ровнымъ тономъ [3]).

Какъ видно, установленная мелодія предложенія вліяетъ здѣсь сильно на видъ слова. Въ этой связи укажемъ наконецъ еще разъ на приведенныя въ 217 патетическія восклицанія вродѣ «milá dáma!» «pěkná louka!» «to je krasná louka!» Какъ мы видѣли, въ прилагательныхъ такого восклицанія и

---

[1]) Т. е. -sā, съ патетическимъ удлиненіемъ.

[2]) jó прибл. = nonne.

[3]) Добавимъ, что вопросительное jó при _.·‾·— отмѣчено также въ (не вполнѣ развитомъ?) видѣ _/‾ , безъ пониженія въ концѣ. Варіирующіе интервалы оставимъ безъ вниманія, какъ моментъ вторичный.

первый и второй слогъ выговариваются долгими — въ milá съ удлиненнымъ, твердо примыкающимъ l (**217**); тотъ и другой слогъ выговариваются также съ вполнѣ тождественной, нисходящей интонаціей:

⁀ ⁀ — — ⁀ ⁀ — —

miǐ - lā dā - ma! pěk - nā lou̯ - ka!

Интервалы могутъ колебаться сильно, по темпераменту говорящаго; отмѣчено нисходящее движеніе и на сексту и даже больше; но интересны тутъ какъ «музыкальная редупликація», основанная очевидно на извѣстной мелодіи, извѣстномъ мотивѣ интонацій предложеній, такъ и сильное ея вліяніе на видъ слова въ такихъ примѣрахъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

О наблюденіяхъ, на которыхъ настоящій очеркъ главнымъ образомъ построенъ, считаю не лишнимъ для правильной оцѣнки моего труда сообщить слѣдующее. Великорусскій языкъ въ произношеніи образованныхъ людей, особенно московскихъ, я знаю съ молодыхъ лѣтъ. По разнымъ причинамъ я довольствовался въ прежніе годы, главнымъ образомъ, практическимъ усвоеніемъ этого произношенія, не подвергая всегда тонкостей его подробному анализу или же не систематизируя наблюденій съ цѣлью описанія; при составленіи же настоящаго очерка, я къ сожалѣнію не имѣлъ возможности пополнять обнаруживавшіеся пробѣлы и разрѣшать вновь всплывшія недоумѣнія помощью новыхъ, спеціальныхъ наблюденій. Извѣстной компенсаціей такихъ недостатковъ можетъ служить то обстоятельство, что образованное русское произношеніе усвоивалось мною въ самые впечатлительные годы ранней молодости, и поддерживалось разными путешествіями, познакомившими меня кромѣ того довольно основательно съ разными народными русскими говорами; однако не мало пробѣловъ въ моемъ матеріалѣ, особенно для пятой главы, осталось пока невосполненными; это желаю лично подчеркнуть. — Народное малорусское произношеніе я уже давно сдѣлалъ предметомъ подробныхъ наблюденій, описывая въ свое время одинъ типичный говоръ восточной Венгріи. Произношеніе образованной малорусской рѣчи оставалось мнѣ мало извѣстнымъ раньше предпринятаго въ виду настоящаго очерка путешествія лѣтомъ 1905. Собирая и пополняя свой матеріалъ, я познакомился тогда съ д-ромъ Зилиньскимъ. Это знакомство я долженъ считать весьма счастливымъ случаемъ. Прислушиваясь къ произношенію моего любезнаго пріятеля я имѣлъ превосходный случай собрать главныя, мнѣ нужныя черты и особенности; кромѣ того Зилиньскій, какъ умный, заинтересованный филологъ и уже опытный наблюдатель, умѣлъ обсуждать со мною встрѣчавшіяся явленія и пополнять мой матеріалъ цѣнными указаніями. Такъ какъ мое изложеніе образованнаго малорусскаго произношенія основано именно на выговорѣ Зилиньскаго, то я долженъ обратить вниманіе на то, что онъ родился въ Галиціи на границѣ говора лемковъ и нарѣчія нижнихъ равнинъ, получилъ же свое образованіе въ Пржемыслѣ, среди интеллигенціи съ «нормальнымъ» произношеніемъ. — Съ произношеніемъ образованныхъ поляковъ и чеховъ я знакомъ уже давно; упомянутое выше путешествіе дало мнѣ поводъ, во время краткихъ пребываній въ Краковѣ и Прагѣ, контролировать и пополнять наблюденія, свои и чужія, и такимъ образомъ составить матеріалъ, удовлетворительный для моей цѣли. — Произношеніе сло-

венскаго языка оставалось до 1905 года внѣ круга моихъ наблюденій; за то изслѣдованіе именно этого произношенія, съ его интересными, отчасти довольно сложными явленіями, составило главную задачу предпринятаго въ упомянутомъ году путешествія. Слѣдуетъ напомнить, что мои наблюденія относятся къ произношенію образованныхъ людей въ Люблянѣ. Такъ какъ разстояніе между живымъ произношеніемъ и правописаніемъ въ словенскомъ языкѣ особенно велико, то я счелъ нужнымъ, къ транскрипціоннымъ примѣрамъ добавлять почти всегда и написаніе даннаго слова въ словарѣ Плетершника («Плет.»). — Образованнымъ сербско-хорватскимъ языкомъ, по произношенію разныхъ мѣстностей, я занимался въ разное время. Для настоящаго очерка предстояло мнѣ въ 1905 году сосредоточить вниманіе на произношеніи одного типичнаго, такъ сказать центральнаго говора. Такимъ избрано мною, по совѣту коллегъ, произношеніе одного образованнаго герцеговинца, бывшаго тогда еще студента вѣнскаго университета Владимира Чоровича (Ćorović) изъ Мостара, по выговору котораго составленъ обзоръ нужныхъ для моего очерка спеціальныхъ чертъ. Анализъ Мостарскаго говора представленъ въ статьѣ М. Миласа въ Rad Jugosl. Ak. 153 (1903), 47 сл., дополнительныя же свѣдѣнія съ разными поправками сообщены нашимъ Чоровичемъ въ Арх. XXIX, стр. 497 сл. — Рѣшительно недостаточными считаю наблюденія, сдѣланныя мною надъ произношеніемъ болгарскимъ. Въ Болгаріи я не былъ, и не часто мнѣ приходилось встрѣчаться съ болгарами такъ, чтобы можно было изучить ихъ рѣчь. Мои занятія въ южной Сербіи въ 1899 году познакомили меня основательно съ народными говорами, граничащими и во всѣхъ главныхъ чертахъ тождественными съ говорами западной Болгаріи; своими наблюденіями изъ этой области я поэтому и могъ пользоваться, хоть косвеннымъ образомъ. Въ западной же Болгаріи (село Лешко, Горно-Джумайска околия, 8 — 9 часовъ ѣзды отъ Кюстендила) родился тотъ Софійскій филологъ (теперь уже покойный) Христо Стоиловъ, у котораго я, по любезному совѣту Милетича, изучалъ образованное болгарское произношеніе въ Вѣнѣ осенью 1905 года. Другихъ методическихъ наблюденій я не имѣлъ случая предпринимать. Слѣдовательно, мой матеріалъ страдаетъ, кромѣ скудости, также и односторонностью; насчетъ вліянія восточно-болгарскаго произношенія, слѣды котораго сразу и сильно замѣтны въ языкѣ образованныхъ, я могъ выводить лишь косвенныя заключенія. Оговорки въ этомъ направленіи и вообще насчетъ моего болгарскаго матеріала сдѣланы, впрочемъ, и въ самомъ Очеркѣ; ср. **82** и **95**.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Изъ литературы предмета. Сокращенія при указаніяхъ.

Наука о физіологіи рѣчи («фонетика») и примѣненіе ея результатовъ къ описанію нарѣчій и говоровъ показываютъ отрадные успѣхи также у славянъ. Однако, для пріобрѣтенія основательнаго понятія объ общихъ выводахъ, до которыхъ дошла эта отрасль науки (ср. Введеніе стр. 3), славянамъ все еще трудно обойтись безъ фонетическихъ трудовъ Запада. Богатые списки спеціальной литературы, напр., въ извѣстномъ «Grundzüge» Сиверса, дѣлаютъ указанія на раньшія изслѣдованія и спе-

ціальныя статьи западной литературы въ большинствѣ случаевъ лишними. Можно, съ нѣкоторыми исключеніями, довольствоваться указаніемъ на нѣсколько общеизвѣстныхъ, удобныхъ пособій, которыя и приводятся въ слѣдующемъ спискѣ, а въ остальномъ сосредоточить вниманіе, по возможности, на обработкахъ и изложеніяхъ славянскихъ авторовъ, насколько послѣдніе не являются просто переводчиками или несамостоятельными компиляторами.

Звѣздочкою обозначаются въ слѣдующемъ спискѣ нѣкоторые труды, которые на мой взглядъ представляются болѣе или менѣе удобными пособіями для пріобрѣтенія обзора звукового состава и физіологической стороны нарѣчій образованныхъ людей разныхъ славянскихъ лингвистическихъ областей (Введеніе, стр. 2).

На описанія народныхъ говоровъ указывается въ Очеркѣ лишь настолько, насколько ихъ выводы или изложеніе подробностей служатъ естественнымъ, а иногда и необходимымъ освѣщеніемъ вопросовъ не только мѣстнаго характера. Главнымъ образомъ это труды автора Очерка; ср. въ спискѣ.

Изъ списка исключаются статьи, содержаніе и значеніе которыхъ ограничиваются какимъ-нибудь отдѣльнымъ, частичнымъ вопросомъ. Въ такихъ случаяхъ считаемъ достаточнымъ, что статья приведена въ данномъ мѣстѣ нашего изложенія.

Арх.: Archiv für slavische Philologie. Herausgegeben von V. Jagić.

Benni, Tytus: Z dziedziny akomodacyi międzywyrazowej. Mat. i prace. I. 2, 275 сл.

Его же: O samogłoskach nosowych. Mat. i prace. I. 2, 285 сл.

Богородицкій, В. А.: Говоръ Бледа: Къ словенской діалектологіи — говоръ Бледа сравнительно съ говоромъ Циркно. VI вып. «Діалектологическихъ замѣтокъ». Казань 1899—1906.

Его-же Діал. зам.: Діалектологическія замѣтки. Ср. подъ «Говоръ Бледа».

Его-же: Замѣтки по экспериментальной фонетикѣ. Казань 1896—1907.

Его-же: Опытъ физіологіи общерусскаго произношенія, въ связи съ Эксп.-фонетическими данными. Казань 1909. (Полученъ во время печатанія Очерка физіологіи).

Его-же Очерки: Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку. Изд. 2-е. Казань 1909.

Его-же Рус. Грам.: Общій курсъ русской грамматики. Изд. 2-е. Казань 1907.

Его-же Эксп. Фон.: Экспериментально-фонетическое изученіе природы русскаго ударенія. Уч. Записки Казанскаго Унив. LXXII, 1905, мартъ.

Бодуэнъ де Куртенэ. Boudouin de Courtenay: Jedna z kwestyi spornych pisowni polskiej. Prace Filologiczne. III. 787 сл.

Его-же: Wskazówki dla zapisywaczów gwar. Mat. i prace. I. 115 сл.

Брандтъ, Р.: Начертаніе славянской акцентологіи. СПБ. 1880.

Брокъ, О. (Olaf Broch.): Die Dialekte des südlichsten Serbiens. Schriften der Balkankommission. Ling. Abth. III. Wien 1903.

Его-же: Zum Kleinrussischen in Ungarn. Арх. XVII, 321 сл.

Его-же: Zum Kleinruss. in Ungarn II. Арх. XIX, 1 сл.

Его-же: Studien von der slovakisch-kleinrussischen Sprachgrenze im östlichen Ungarn. Videnskabsselskabets Skrifter. Hist.-fil. Kl. 1897. № 5. Kristiania 1897.

Его-же: Weitere Studien — von der slovakisch-kleinrussischen Sprachgrenze. Vid.-selsk. Skr. Hist.-fil. Kl. 1899. № 1. Kristiania 1899.

Его-же: Описаніе одного говора — изъ юго-западной части Тотемскаго уѣзда. Сборникъ Отд. рус. яз. и слов. Акад. Наукъ. T. LXXXIII. СПБ. 1907.

Его-же: Угрорусское нарѣчіе — села Убли. Изд. Отд. рус. яз. и слов. Акад. Наукъ. СПБ. 1899.

Вондракъ. Vondrak, W.: Vergleichende slavische Grammatik. I. Band. Göttinger Sammlung indogermanischer Grammatiken. Göttingen. 1906.

Готьо. Gauthiot, R.: Études sur les intonations serbes. Mém. Soc. Ling. XI, 336 сл.

» Gauthiot et Vendryes: Note sur l'accentuation du Tchèque. Mém. Soc. Ling. XI, 331 сл.

Гротъ, Я. К. Фил. Раз.: Филологическія Разысканія. Стр. приводятся по II тому изд. «Труды Я. К. Грота» СПБ. 1899.

Грютцнеръ. Grützner, P.: Physiologie der Stimme und Sprache. Hermann's Handbuch der Physiologie, II[a]. Leipzig 1879.

Ершовъ, С. И.: Экспериментальная Фонетика. Казань. 1903.

Есперсенъ. Jespersen, Otto: Lehrbuch — der Phonetik. Leipzig und Berlin 1904.

Его-же Grundfragen: Phonetische Grundfragen. Leipzig und Berlin 1904.

Коршъ, Ѳ. Е.: О русскомъ правописаніи. Извѣстія Отд. рус. яз. и слов. Акад. Наукъ. 1902. Т. VII, кн. 1, 39 сл.

Его-же: Двоегласныя въ древне-греческомъ языкѣ съ физіологической точки зрѣнія. Сборникъ статей, посвященныхъ.... Фортунатову, стр. 281 сл. Варшава 1902.

Мазингъ. Masing, L.: Die Hauptformen des serb.-chorwat. Accents. СПБ. 1876. (Ср. Ковачевичъ въ Арх. III, стр. 685 сл.).

Mat. i prace: Materyały i prace komisyi językowej Akademii Umiejętności w Krakowie.

Миласъ. Milas, M.: Danaśńi mostarski dijalekat. Rad jugosl. Akad. kn. 153.

Милетичъ. Miletič, Lj. Ostbulg.: Das Ostbulgarische. Schriften der Balkankommission. Ling Abth. II. Wien 1903.

Ничъ. Nitsch, Kazimierz: Przyczynki do wymowy dzisiejszej polszczyzny literackiej. Mat. i prace. T. IV (1909), 409 сл. Статья получена во время печатанія Очерка.

* Новаковичъ, Ст.: Физ. гласа: Физиологија гласа и гласови српскога језика. Гласник XXXVII.

Облакъ. Oblak, V.: Einige Capitel aus der bulgarischen Grammatik. Арх. XVII.

* Педерсенъ: Pedersen, Holger: Den böhmiske Udtale. Nordisk Tidsskrift for Filologi. 3-die Række. XI, 3, 108 сл.

Першникъ: Pleteršnik, M.: Słovensko-Nemški Slovar. V Ljubljani 1894—1895. Сокр. Плет.

Решетаръ. Rešetar, M.: Der štokavische Dialekt. Schriften der Balkankommission. Wien 1907.

* Розвадовскій. Rozwadowski, Jan «Szkic»: Szkic wymowy (fonetyki) polskiej. Mat. i prace. I (1901), 95 сл.

Свитъ. Sweet, Henry: «Handbook»: A Handbook of Phonetics, Oxford 1877.

Его-же Russ. Pron.: On Russian Pronunciation. Transactions of the Philological Society 1877—79, стр. 543 сл.

Сиверсъ. Sievers, Eduard: Grundzügę der Phonetik. Fünfte Auflage. Leipzig 1901. (Bibliothek indogerm. Grammatiken I). Цит. просто «Сиверсъ».

Стейнъ. Stein, Ignacy: Próba pomiarów odległości języka od podniebienia przy wymawianiu pełnogłasek. Mat. i prace. Rom. językowej IV. 1909, 1—19.

Стормъ. Storm, Johan Engl. Phil.: Englische Philologie. 2. Ausg. I, 1: Phonetik und Aussprache. Leipzig 1902.

Томсонъ, А. И. «Общ. Яз.»: Общее языковѣдѣніе. Одесса 1906.

Усовъ, Н. С.: Экспериментальная фонетика. I—IV. СПБ. 1897. (Отд. отт. изъ Извѣстій Отд. рус. яз. и слов. Акад. Наукъ. Т. II, кн. 4, стр. 906 сл.).

Финкъ. Finck, F. N.: Zwei russische Märchen in phonetischer Schreibung. Phonetische Studien IX, 1 сл. (Beiblatt zu «Die neueren Sprachen», N. F. III).

* Фринта. Frinta, Ant.: Novočeská Výslovnost. Rozpravy České Akad. Císaře Františka Josepha. Tř. III, č. 29. V Praze 1909. (Цит. просто «Фринта»; полученъ во время печатанія Очерка).

* Чернышевъ, В.: Законы: Законы и правила русскаго про :зношенія. Изд. 2-е. СПБ. 1908. (Съ библіографіей главной русской литературы по данному предмету, см. стр. 1—3).

Чоровичъ. Ćorović, Vl.: Der Dialekt von Mostar. Арх. XXIX, 497 сл.

Шахматовъ, А. А.: Wie im Kleinrussischen die Palatalisation der Consonanten vor e und i verloren ging. Арх. XXV, 222 сл.

Его-же Аканіе: Русское и словенское аканіе. Сборникъ.... Фортунатову, стр. 1 сл. Варшава 1902.

*Шкрабецъ. Škrabec, Stanislav «O glasu»: O glasu in naglasu našega knjižnega jezika v izreki in pisavi. Въ «Programm des kais.-kön. Gymnasiums zu Rudolfswerth (Novomesto)». Laibach 1870.

Его-же «Cvetje»: Обертки ежемѣсячника «Cvetje z vertov sv. Frančiška» (Горица 1880 сл.). Это драгоцѣнное собраніе филологическихъ статей, къ сожалѣнію, такъ трудно доступно, что авторъ Очерка счелъ нужнымъ нѣсколько ограничить указанія на него.

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

По желанію редактора Энциклопедіи прилагается нѣсколько краткихъ пробъ, для лучшаго освѣщенія употребляемой транскрипціонной системы. Великорусскую пробу сообщилъ мнѣ академикъ А. Шахматовъ; чешская переписана по матеріалу Фринты; прочія наброшены мною лично при разныхъ случаяхъ.

1. Великорусская проба (отрывокъ изъ Записокъ Охотника Тургенева, «Лебедянь»). Проба, какъ сказано выше, записана недавно А. Шахматовымъ; она передаетъ его произношеніе, т. е. рѣчь интеллигенціи, московскаго типа. Его знаки ударенія (. и : за гласнымъ) перемѣняю на ˈ для главнаго, ˌ для побочнаго (второстепеннаго); они помѣщаются передъ гласнымъ (слогомъ). Далѣе перемѣняю «α» Шахматова («неполнаго образованія гласный задняго ряда») на ъ; «ε» же («неполнаго образованія гласный средняго[1]) ряда») оставляю нетронутымъ; указываю насчетъ этихъ гласныхъ на изложеніе Очерка **150** сл. Письменное и послѣ ш и ж (š, ž) Шахматовъ передаетъ то y (ср. ы), то «ï», опредѣляемое имъ какъ «звукъ передняго ряда, между y и i»; оставляю оба знака неизмѣненными, указывая на **148**. При ê («напряженное е, передняго ряда») Шахматовъ употребляетъ еще «ê̂», называя его «звукъ средняго ряда средняго образованія, напряженный»; ê̂ у Шахматова ограничено слогомъ передъ главноударяемымъ; оставляю и этотъ знакъ, хотя склоняюсь, по своему слуху, сливать это ê̂ въ одинъ знакъ съ ε (см. выше). Напряженность гласныхъ u и y Шахматовъ не обозначилъ, прибавляя, что «они напряженны подъ удареніемъ». Напряженность i также не обозначена; «оно напряженно послѣ согласныхъ, а подъ удареніемъ также послѣ гласныхъ»[2]). Лабіо-веляризованныхъ оттѣнковъ губныхъ и велярныхъ согласныхъ (передъ ударяемымъ о, ы) въ пробѣ не отмѣчено.

na i̯ˈarmъrъšnъi̯ pl̕ˈosεd́i b́εskańˈêćnyḿi ŕêdˈaḿi t́ênˈuĺis t́êĺˈêǵi, a zъ t́êĺˈêgъḿi ł̕ˈošъd́ī fśˌex[3]) vazmˈožnyx radˈof: ryśˈistyi, zavˈockii, b́ituḱˈi, vъzavˈyi, i̯êmsḱˈii i prastˈyi kŕêsi̯ˈanskii. inˈyi, sˈytyi i gl̕ˈatkii, padˈobrъnnyi pъ-

---

[1]) По моему впрочемъ передняго ряда.

[2]) Стоитъ сравнить эти замѣтки съ изложеніемъ въ гл. IV нашего Очерка.

[3]) Губной согласный передъ мягкимъ зубнымъ у Шахматова лично мягкій, по его же сообщенію; транскрипція оставляетъ его твердымъ, вслѣдъ за обычнымъ московскимъ произношеніемъ.

mast'am, pakr'ytyi rъznacv'etnymi pap'onъmi, kъratk'o přiv'azъnnyi k-vy-s'okim křêkv'am, bъjêžľ'ivъ kaś'iľis naz'at na śľ'iškъm znak'omyi j im knut'y sva'ix vład'êľcъv bar'yšnikъf; pam'ê$i$ii k'oni, v'ysłъnnyi śťêrpn'ymi dvař'anъmi za-st'o, za-dv'êśti v'orst, pъd-nadz'orъm kak'ovъ-ńib uď dř'axłъvъ k'učεrъ i dv'ux-yľi tř'ox křεpkъgał'ovyx kъńux'of, max'aľi sva'imi dľ'innymi š'êεmi, t'opъľi nag'ami, gr'yźľi sa-sk'uki n'adъłby; savr'asyi ř'atki pł'otnъ přižym'aľiz drug-dr'uškε; vεľič'avъi ńεpadv'ižnъśti, sl'ovnъ ľv'y, staj'aľi š yrъkaz'adyi ry-sak'i s-vałń'istymi xvast'ami i łaxm'atymi ł'apъmi, ś'eryi v-j'ablъkъx, vъran'yi, gńêd'yi. znъtak'i paćť'iťεľnъ astan'avľivъľis peřεd-ń'imi. v-'uľicъx, abraz'ovъn-nyx ťêľ'êgъmi, talp'iľis ľ'údi fś'akъvъ zv'anij, v'ozrъstъ i v'idъ: bar'yš-ńiki f-ś'inix kaft'anъx-y vys'okix š'apkъx, łuk'avъ vysm'atřivъľi i vyžyd'aľi pakupšik'of; łupagł'azyi, kudř'avyi cyg'ańε mêt'aľis vz'ad-y-f-pêř'ot, k ak uga-ř'elyi, gľêd'êľi łъšêd'am v-z'uby, pъdńim'aľi j im n'ogi i xvost'y, křič'aľi, bra-ń'iľis, služ'yľi paśř'êdńikъmi, mêt'aľi žř'êbij iľi uviv'aľis 'okъłъ kak'ovъ-ńib uť řemonť'ora fur'aškε i vaj'ennъj šiń'êľi z-babr'om.

2. Чешская проба, по матеріалу Фринты. Побочное удареніе Фринта къ сожалѣнію не обозначаетъ. Главное удареніе, всегда въ началѣ слова (единицы), обозначается въ словахъ болѣе двухъ слоговъ, какъ мы находимъ его у Фринты. О звукахъ укажу на подробности гл. III и IV.

z-'nārodńīx 'novin (Фринта стр. 161).

'naše 'politika.

'nastala nām 'nińī 'šťastnā 'doba 'samovlādi, 'mūžeme 'nińī 'sami ''osudi svē 'zařīďiti, 'sami se 'o sebe 'postarati. 'doideme-li k-'moči-[']a 'slavje, 'bude 'zāsluha 'naše, 'zūstaneme-li 'zopjet f-'polovičatosťi, 'bude 'hanba 'naše.

(Тамъ же стр. 164).

tak si 'pomislete, von ten 'vobeida, ten 'talijān 'xodil 'knām 'každei den 'na-pīvo, — to bi 'nebilo zli, 'hospoda je pro 'každiho 'člověka, — 'ale nē abi jako 'pořādnei 'človjeg za 'stolem 'seďel, 'vismeičil jako 'pometlo 'celei 'dvorek...

(Ассимиляцію глухого согласнаго въ концѣ слова въ звонкій, напр. выше 'človjeg za..., Фринта передаетъ помощью особаго знака подъ -k; не вижу цѣлесообразности этого).

3. Болгарская проба (Зайцы и Лягушки; сказка мнѣ прочитана по печат. тексту); о типѣ выговора см. Приложеніе I, объ отдѣльныхъ звукахъ гл. III и IV.

vedn'ъš 'ńakołkɔ[1]) 'zaici se-sobr'ali i-zaxy'anali (-fan-) da-se-opł'akvat

[1]) ń: о степени палатализаціи см. 182.

ot-sy'oiä živ'ot. i-'xorata i-'kučeta i-or'lîte i 'sičite zvero've ni-'lovät[1]) i-po-'gubvat (-wat). 'podobre-e vedn'aś dъ-'umrem ot-k'ołko-to 'śakoga da-ži'veem na-str'ax 'i dъ-se-'mъčim. [x]'aide da-se-u'davim. i-trgn'ali 'zaici da se u'da-vät[1]). 'žabite 'ču-li 'texni-te 'stъpkî, i 'tos 'čas na'skačali fъ-vъ'datъ. 'stoite! izv'ikał e'din od-'zaicite, ne-'deite-se da'vi! 'žabeškiət živ'ot bił, 'vidi-se, i od-'našia ('našea) 'poloś, 'vidite-li, 'te i-od-n'as-se bo'iъt[2]).

4. Словенское Отче Нашъ, набросанное въ Люблянѣ.

oče-nàš[3]), kìr-s u-nebêsex[4]), posučèm-bót tóime. prít k-nàm tóiæ kra-léstu, zgót-se tóia wôla[5]), kòkᵉr-u nebêsex, tekù na-zæmle. dèi-nam dónes nàš usegdáin krèx, in-utpúst-nam náše dugê, koker-tud-mî utpûšemo (-šæmo?) sóiem dužníkam; i-nàs naupæl (nou-, neu-) uskušnâwo, tèmuč[6]) rêš-nas xúdga, âmen[7]).

5. Проба изъ малорусскаго (угрорусскаго) нарѣчія, по сказкѣ, сообщенной въ «Угрор. нар. села Убли», стр. 75; ср. Арх. XVII, стр. 378.

iza daun'yx čas'ûu koli išš'i i'isus xrist'os išat'ym petr'om xod'iu[8]) po-z'emli, žyu ŭiedn'ûm[9]) sêľ'í ied'en žyd, u kotr'olьo ne b'yla lem iedn'a kôr'ôua, kôtr'û uûn prod'au, že bý mau š'olьo plat'iti[8]) na-šk'ôlû, kotr'a-sa budov'ala. iagž'yt prod'au kôr'ô[u]û, tai s-t'ym (s-tôû) prod'au i uš'ytkoi svoi š'äsťa (-ťä) i stau xûdôbń'îti i p'ustiusa (-iúśa) pô-ž'êbŕîx. na-put'i[8]) stŕ'îtiu duox tak'ix, hib'y li žebrak'i b'yli, a to byu sam i'isus xrist'os išat'ym petr'om.

---

[1]) v́: о степени палатализаціи см. **182**.

[2]) ъ склонное къ ä, ср. **99**.

[3]) Такъ въ «Отче нашъ»; не въ молитвѣ óče-naš или nàš-óče.

[4]) Быстро, по моему слуху также kìrs-énebêsex.

[5]) Удареніе ˆ ослышка или описка, ср. Плет. vǫlja.

[6]) Не согласуется съ Плет. tẹmûč.

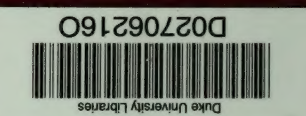
[7]) Быстро также ... xúdgâmen.

[8]) Или скорѣе xod'yu; старое і подъ удареніемъ въ твердомъ слогѣ, не послѣ k, x, h, понижается въ этомъ говорѣ до звука, который по крайней мѣрѣ весьма близокъ къ описанному въ гл. IV галицкому y. Такъ и «plat'yti», «put'y».

[9]) Быстро žyui-.

УКАЗАТЕЛЬ ГЛАВНЫХЪ НАЗВАНІЙ (ТЕРМИНОВЪ).

Числа относятся къ страницамъ. Указатель служитъ руководствомъ, а не исчерпываетъ Очерка.


Duke University Libraries